Яромир Обзина

ЛЕНИНСКОЕ ПОНЯТИЕ ПОЛИТИКИ И КРИТИКА „ГУМАННОЙ ДЕМОКРАТИИ"

*

Яромир Обзина

ЛЕНИНСКОЕ ПОНЯТИЕ ПОЛИТИКИ И КРИТИКА „ГУМАННОЙ ДЕМОКРАТИИ"

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

Jaromír Obzina

■

K LENINSKÉMU POJETÍ POLITIKY

•

KE KRITICE FILOSOFICKÝCH A POLITICKÝCH ASPEKTŮ „HUMANITNÍ DEMOKRACIE"

Horizont Praha
1974

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

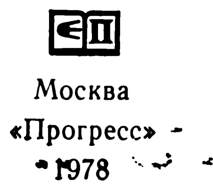
Яромир Обзина

■

ЛЕНИНСКОЕ ПОНЯТИЕ ПОЛИТИКИ И КРИТИКА „ГУМАННОЙ ДЕМОКРАТИИ"

Перевод с чешского и послесловие
доктора философских наук Г. Д. КАРПОВА,
доктора философских наук А. П. СЕРЦОВОЙ

Общая редакция
кандидата исторических наук
С. И. ПРАСОЛОВА

Москва
«Прогресс»
1978

Предлагаемая вниманию читателей серия «Критика буржуазной идеологии и ревизионизма» выпускается совместно издательствами социалистических стран.

Объединяя усилия издательств этих стран, серия включает в себя работы, посвященные критике новейших концепций идейных противников социализма в важнейших областях общественной жизни — экономике, политике, идеологии.

Редакция литературы по философии и педагогике

С $\frac{10506-974}{006(01)-78}$ 30—78

ПРЕДИСЛОВИЕ

Основу данной книги составляют две публикации, вышедшие в Праге в издательстве «Горизонт». Одна из них — «К ленинскому понятию политики» (1973), вторая — «К критике философских и политических аспектов «гуманной демократии»» (1974). Издательство «Прогресс» сочло возможным объединить обе книги. Такое решение я считаю разумным. Представилась возможность не только соединить в органическое целое главы обеих книг, но и дополнить подготовленную книгу новыми материалами, особенно теоретическими выводами и обобщениями XXV съезда КПСС, XV съезда КПЧ, съездов братских коммунистических и рабочих партий.

Проблема политики, рассматриваемая в книге, — проблема не только теоретическая. Политика пронизывает все стороны жизни людей, она оказывает воздействие на их судьбы. Бывают в истории такие периоды, когда на протяжении жизни одного поколения в ожесточенных битвах испытываются различные, порой прямо противоположные политические курсы. Так, например, в

тридцатые и сороковые годы в Чехословакии четко обозначились две политические линии: буржуазная, выражавшая интересы эксплуататорских классов Чехословакии, и пролетарская, выражавшая интересы всех трудящихся масс. Политическая линия чехословацкой буржуазии обанкротилась в период мюнхенского кризиса и потерпела решающее поражение в феврале 1948 года. Попытки гальванизировать политический труп в ходе контрреволюционных событий в Чехословакии в 1968—1969 гг. свидетельствуют об авантюристичности реакционных сил, их ставке главным образом на поддержку со стороны международного империализма. Сейчас мы можем сказать, что буржуазная политика для Чехословакии похоронена окончательно и навсегда. Определяя политику Чехословакии на будущее, товарищ Клемент Готвальд провозгласил: «С Советским Союзом на вечные времена!»

Восторжествовала политика рабочего класса Чехословакии, поддержанная всеми слоями трудящихся. Проводником этой политики является Коммунистическая партия Чехословакии. Победа политического курса, отражающего интересы всего народа, далась нелегко. Социалистическая политика Чехословакии ковалась в огне сражений с гитлеровскими захватчиками, закалялась в классовой борьбе с врагами, утверждалась в братском интернациональном единстве с Советским Союзом и другими социалистическими странами.

Превосходство социалистической политики очевидно. В международном плане политика каждой социалистической страны направлена на сохранение и укрепление мира. Такая политика соответствует интересам всех народов, находит поддержку с их стороны. Успехи внутренней политики коммунистических и рабочих партий социалистических стран способствуют утверждению морально-политического единства народов, обеспечивают достижение цели — построение социализма и коммунизма,

Политика как отношение между классами, как содержание деятельности государства — явление давнее. Однако только условия социализма способствуют формированию подлинно народной политики. Научное обоснование социалистической политики дано в трудах В. И. Ленина на основе материалистической диалектики, зиждется на прочном фундаменте марксизма-ленинизма. Хочется еще раз привести оценку Центрального Комитета КПСС, данную В. И. Ленину как теоретику и творцу социалистической политики: «Непревзойденный стратег и тактик пролетарской классовой борьбы Ленин был теснейшим образом связан с трудящимися, исходил из их коренных интересов, постоянно ощущал пульс народной жизни, внимательно изучал социальную психологию рабочих и крестьян, всех слоев общества, учитывая все это при выработке политических решений»[1].

Революционность политики всегда определяется революционностью и научностью учения Маркса, Энгельса, Ленина: «Марксизм-ленинизм был и остается единственно верной наукой коммунизма, непревзойденным искусством политического руководства революционным творчеством масс»[2].

Отмечая успехи социализма, Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев на XXV съезде КПСС рассматривает их как продолжение дела Октября, как воплощение идей великого Ленина: «Этому делу, этим идеям наша партия верна и будет верна всегда!»[3] Верность идеям Ленина, идеям пролетарского интернационализма была продемонстрирована на XV съезде КПЧ. Говоря о политической линии Чехословацкой компартии, Генеральный секретарь ЦК КПЧ Густав Гусак

---

[1] К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Тезисы ЦК КПСС. М., 1969, с. 4.

[2] «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции. Постановление ЦК КПСС от 31 января 1977». М., Политиздат, 1977, с. 26.

[3] Материалы XXV съезда КПСС. М., Политиздат, 1976, с. 5.

подчеркнул: «Программу на предстоящие годы мы строим на прочном международном фундаменте, на нерушимой дружбе и союзе с СССР, на нашей принадлежности к великой семье социалистических стран. А это — надежная основа»[1].

В настоящее время в условиях острой идеологической борьбы противники социализма извращают содержание и смысл социалистической политики. Снова и снова воскрешаются и подновляются лженаучные толкования политики, выдвигаются лозунги о «гуманизации» политики, о «правах человека», «безбрежной демократии» и т. д. В данной работе подвергаются критическому анализу подобного рода враждебные «истолкования» политики, активно проявлявшиеся на различных этапах классовой борьбы в Чехословакии.

Углубление кризиса идеологии эксплуататорских классов отражает банкротство буржуазной политики. В конечном счете во всех этих явлениях проявляется всеобщий кризис капитализма, который, по меткому определению XXV съезда КПСС, «не имеет будущего». Раскрытие превосходства социалистической политики над буржуазной составляет содержание данной книги.

Автор выражает признательность всем, кто содействовал подготовке данной публикации.

Яромир Обзина

20 июня 1978 г.

---

[1] XV съезд Коммунистической партии Чехословакии. Прага, Орбис, 1976, с. 82.

Глава I

К ЛЕНИНСКОМУ ПОНЯТИЮ ПОЛИТИКИ

Политику как сложное специфическое общественное явление можно понять только в диалектической взаимосвязи с другими явлениями общественной жизни. Такое понимание требует классового подхода. Основу его составляют материалистическое понимание истории и теория классовой борьбы. На современном этапе вся совокупность классовых взаимоотношений в международном масштабе, борьба двух противоположных систем — социализма и капитализма — определяют сущность и содержание политики, находящей свое проявление в конкретно-исторических условиях в деятельности отдельных государств, классов, партий и в движениях масс. Политика, писал В. И. Ленин, есть отношение между классами[1], нациями и государствами.

1. О политике

В условиях буржуазного мира, где политика в глазах одних становится синонимом цинизма, а в практике других — орудием подчинения и порабощения масс, под-

[1] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, с. 72.

нимающихся к политической жизни, классики марксизма-ленинизма сформулировали новое, научное понимание политики. Буржуазия сняла с политики ореол религиозного и божественного таинства и представила ее как земной продукт гражданского общества. Представителем этого общества, однако, постепенно стала численно небольшая часть господствующей буржуазии с ее политическим аппаратом в самом широком смысле слова. Теория марксизма-ленинизма исходит при изучении политики из научного представления о структуре общества, из раскрытия диалектики объекта и субъекта в общественном процессе.

Для марксизма-ленинизма подлинная политика начинается только там, где в ней сознательно участвуют миллионные массы.

Политика — специфическая область человеческих отношений, которая затрагивает коренные интересы миллионов. Рассматривать явления и факты общественного развития с политической точки зрения — значит рассматривать их не с точки зрения отдельных личностей, а с точки зрения общества в целом, его классовой структуры, с точки зрения миллионов, учитывая их объективные интересы.

Этому факту отнюдь не противоречит то, что в политике на первый план выступает индивидуальная активность независимо от того, идет ли речь о рядовом гражданине, простом участнике политического движения, или же о представителе политической партии или государства. Даже политическая пассивность с точки зрения интересов миллионов истолковывается как реальное политическое действие. В статье, написанной в 1918 г., — «Ценные признания Питирима Сорокина» — В. И. Ленин подчеркивал, что «открытое заявление видного, т. е. занимавшего... ответственный политический пост, человека об его отказе от политики — *есть тоже политика*»[1]. Ведь каждый гражданин является неотъемлемой частью общества как единого целого и тем самым всей общественной жизни, в том числе и политической.

Классики марксизма-ленинизма не только обосновали понимание политики как специфической области че-

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, с. 189.

ловеческих отношений, выражающей интересы и отношения миллионов и между миллионами, но показали также специфичность этих отношений, а именно их органическую связь с классовой борьбой. Саму же политику они понимали как наивысший продукт классовой борьбы. Вклад марксизма-ленинизма, однако, заключается не только в том, что он соединяет политику с классовой борьбой, но видит в ней ее сущность. В. И. Ленин в полемических заметках по поводу подмены истинно марксистских революционных взглядов на классовую борьбу взглядами либеральными писал: «...Классовая борьба становится настоящей, последовательной, развитой лишь тогда, когда она охватывает область политики. И в политике можно ограничиться мелкими частностями, можно идти глубже, вплоть до основного. Марксизм признает классовую борьбу вполне развитой, «общенациональной» *лишь* тогда, когда она не только охватывает политику, но и в политике берет самое существенное: устройство государственной власти»[1].

И далее: «Либерализм готов признать классовую борьбу и в области политики, но с одним условием, чтобы в область ее *не* входило устройство государственной власти»[2].

Итак, устройство государственной власти для марксистско-ленинского понимания политики важнее всего. Это проявляется в практической политике как борьба классов за сохранение или завоевание государственной власти. Революционная политика поэтому представляет собой борьбу за свержение реакционной государственной власти, за взятие власти революционным классом и его союзниками и проведение всех политических мероприятий, укрепляющих революционную государственную власть. Политический подход означает прежде всего подход к сущности государственной власти господствующего класса и его политическим задачам.

Со времени возникновения современного буржуазного общества господствующий класс посредством государственной власти выступает как бы представителем всего народа, всего общества и реализует притом свои

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, с. 239.
[2] Там же.

классовые интересы. Стремление связать собственные классовые интересы с интересами большинства общества в период империализма часто реализуется средствами экономическими, идеологическими, но прежде всего средствами власти. Из этого следует, что государственная власть якобы может и даже должна выступать от имени всего народа, от имени всего общества. В общем именно таким образом ее и следует понимать, поскольку ее классовая социальная сущность оказывает воздействие на формирование основных интересов общества. Эти интересы не сводятся лишь к политическим отношениям, ибо сами эти отношения являются выражением того факта, что «...политика — это концентрированная экономика»[1].

Диалектика отношений, вытекающих из сущности политики, содержит в себе противоречие, состоящее в том, что государственная власть — это политическая власть господствующего класса и, следовательно, в своем специфическом виде и концентрированное выражение экономики; будучи продуктом классового господства, она означает власть и над той частью общества, которая представляет другие, часто даже антагонистические, классовые интересы, а не те, которые представлены государственной властью. Именно диалектическое отношение между экономикой и политикой дает классикам марксизма-ленинизма возможность объективно определить подлинно научные принципы последовательно революционной политики. Оно вместе с тем дает возможность для определения линии поведения последовательно революционного класса, с позиций которого анализируются политическая ситуация, тактика и стратегия всех политических сил данного общества. Классики марксизма-ленинизма рассматривают рабочий класс как единственно последовательную революционную силу современного общества.

Марксизм-ленинизм определил взаимосвязь между политическими явлениями и самой сущностью политики. Господствующая буржуазия затушевывает собственно классовый характер политики. В. И. Ленин поэтому вел последовательную борьбу против мелкобуржуазного, так называемого теоретического «литераторства», которое

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 123.

вместо определенных прямых политических ответов «своими разговорами вокруг да около» прикрывало свою политическую растерянность и, более того, снижало ценность самой литературы. Научный характер политики, равно как и творческий подход к политике как искусству позволяют раскрыть однозначно классовую сущность всякой политики, так как политика оценивается не по заявлениям, а по своему реальному классовому содержанию, по ответу на вопрос: *кому и какому классу она служит*?

Этот вопрос надо ставить и сегодня, ибо у многих публицистов понятие «рабочий класс» теряет свое значение в процессе изменения самого пролетариата, вызванного развитием социализма и ходом научно-технической революции. *Марксистский тезис «служить классу» нередко трактуется чуть ли не как догматическое извращение марксизма,* якобы игнорирующее научное познание и ленинское наследие. Необходимо покончить со стыдливым отношением к основам партийной политики, чем бы эта «стыдливость» ни мотивировалась. О том, что такой подход характерен не только для прошлого, свидетельствуют некоторые факты из нашей жизни, которые уже критиковались партийными органами и отдельными коммунистами. Ведь в политике прежде всего имеет значение принцип — классы обмануть нельзя. Напомним слова Ленина, которые он высказал в начале своего политического пути: «Если известное учение требует от каждого общественного деятеля неумолимо объективного анализа действительности и складывающихся на почве той действительности отношений между различными классами, то каким чудом можно отсюда сделать вывод, что общественный деятель не должен симпатизировать тому или другому классу, что ему это «не полагается»? Смешно даже и говорить тут о долге, ибо ни один живой человек *не может не становиться на сторону* того или другого класса (раз он понял их взаимоотношения), не может не радоваться успеху данного класса, не может не огорчиться его неудачами, не может не негодовать на тех, кто враждебен этому классу, на тех, кто мешает его развитию распространением отсталых воззрений и т. д. и т. д.»[1].

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, с. 547—548.

Без прямого ответа на вопрос, какому классу ты служишь, не может быть честности и объективности в политике.

Политика как наука и искусство

Марксизм-ленинизм рассматривает политику, с одной стороны, как науку, устанавливающую объективные закономерности, обладающую собственной внутренней объективной логикой, независимой от субъективных намерений и желаний политиков, политических групп или партий, а с другой стороны, как искусство, основанное на научном познании. По своему характеру она отличается как от простого эмоционального восприятия, так и от теоретического познания, не находящегося под воздействием классового инстинкта. Политика — это творческая деятельность, которая на основе достижений науки и опыта народных масс выбирает из множества теоретически возможных решений конкретно-исторический вариант политической стратегии и тактики, с помощью которого класс, партия и ее руководство способны завоевать массы и повести их на практическую реализацию политики.

Аксиомой научного понимания политики является то, что она требует точной классовой характеристики происходящего. С этой точки зрения наиболее сложная научная задача политики — особенно при внезапных изменениях и переходах — заключается в том, чтобы уловить специфичность каждого этапа общественно-политического развития и каждого перехода от одного этапа к другому. В. И. Ленин писал о революционном переходе от капитализма к социализму и построении социализма следующее: «Этот переход займет много лет в лучшем случае. Внутри этого периода наша политика распадается на ряд еще более мелких переходов. И вся трудность задачи, которая ложится на нас, вся трудность политики и все искусство политики состоит в том, чтобы учесть своеобразные задачи каждого такого перехода»[1]. *Чтобы быть научно-объективной и создавать предпосылки для*

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, с. 104.

возможности реализации субъективной деятельности революционных сил, политика партии должна прежде всего уделять внимание общественному развитию, его отдельным этапам.

Было бы, однако, утопией полагать, что из этого вытекает одностороннее превосходство познания над активной деятельностью революционных сил. Не область познания, не сама политическая деятельность, а объективно существующие классовые и политические интересы масс имеют первостепенное и определяющее значение в политике. Органическое существование этих интересов ведет к тому, что они постепенно познаются. Это познание становится основой самостоятельной и целенаправленной политической деятельности масс.

Объективно данные классовые интересы масс на отдельных ступенях развития определенного общественного строя отличаются своей выразительностью и отчетливостью. Это влияет как на процесс теоретического познания общественно-политической реальности, так и на рост теоретических знаний в сознании масс, что в значительной мере проявляется и в политической деятельности партий, социальных групп, классов и целых народов.

Чтобы быть успешной, практическая политика должна образовать неразделимое единство минимум трех компонентов. Во-первых, объективное как можно более точное познание исторической ситуации и долговременных тенденций развития и выбор на этой основе правильного тактического подхода, который в результате вел бы к установленным стратегическим политическим целям; во-вторых, умение на основе данных верного научного познания понятно и убедительно сформулировать политически актуальные задачи и цель и выдвинуть действенный боевой лозунг; в-третьих, умение соединить результаты объективного познания, политическую тактику и политические цели с практической деятельностью партии и масс, на которые партия в своей политике в первую очередь опирается, потому что они представляют ее политическую армию.

Особо важное значение имеет ленинское положение о том, что политик, *политический субъект должен научиться вызывать в общественных классах, слоях и*

группах такие политические процессы, политические взгляды и убеждения, чтобы он мог осуществить реальные политические цели. Без этого научное познание в политике является только кабинетным упражнением, хотя этим и не снижается его научная ценность. Однако если оно не станет предметом настоящего интереса политической жизни, оно утратит свою силу, так как в политике нельзя работать лишь с голыми научными фактами. Политика предполагает творческий подход к опыту народа, особенностям его мышления и психологии. Чтобы быть действенной, политика должна быть основана как на научных знаниях, так и на реальных политических интересах масс. Она должна учитывать степень сознательности масс и их готовность к реальному политическому действию так же, как и их сложную социальную и политическую дифференциацию.

Искусство политического руководства представляет собой исключительно сложное явление, оно предполагает учет и анализ многих элементов и сторон общественной жизни, решение, если можно так выразиться, уравнений со множеством неизвестных. Искусство революции, подчеркивал Генеральный секретарь Коммунистической партии США Гэс Холл, — «это искусство управления энергией объективных сил и синхронного соединения объективного и субъективного в неодолимую революционную силу»[1].

Политическое искусство и творческая политическая работа, которые учитывают как объективные факты, так и политические настроения, степень сознательности и временные обстоятельства, не имеют ничего общего с беспринципным политиканством и уступками оппортунизму. Такой подход к политике для марксистов всегда был чуждым. «Люди, — отмечал В. И. Ленин, — которые под политикой понимают мелкие приемы, сводящиеся иногда чуть ли не к обману, должны встречать в нашей среде самое решительное осуждение»[2]. Сущность политического искусства состоит в том, что партия, ее руко-

---

[1] Г. Холл. Максимальное использование объективных факторов в создании и ускорении революционного кризиса. — В кн.: «Ленинизм и мировой революционный процесс». М., 1970, с. 139.

[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 43, с. 58.

водящие органы и партийные работники способны на основе объективного правдивого познания открывать революционные перспективы и бескомпромиссно бороться против всего, что служит стратегическим и актуальным политическим целям буржуазии.

Политическая честность и сознательность

Политическая честность, включающая в себя открытое признание собственных политических ошибок, сама по себе является значительным политическим действием. Само понятие политической честности имеет политическое значение и ценность, если известен его критерий. Тот факт, что политика является специфической областью человеческих отношений, предопределяет атрибуты политической честности. Уже было сказано, что политическая точка зрения — это точка зрения целого, в данном случае точка зрения революционного рабочего класса, точка зрения миллионов, учитывающая их объективные интересы. Это, бесспорно, сказывается и на содержании политической честности.

Марксизм-ленинизм считает прямую, открытую и принципиальную политику самой честной и вместе с тем самой практичной, ибо именно она вызывает симпатии и доверие масс. Более того, с этической точки зрения как раз честность в политике — результат силы, а лицемерие — результат слабости. Для В. И. Ленина политическая честность есть общественно-историческая категория, содержание которой нельзя сводить только к психологии отдельного лица. Отношение к политическим ценностям и объективным политическим интересам классов отдельные лица вырабатывают в относительной независимости от своих качеств.

Личная честность — необходимая, но явно недостаточная предпосылка политики революционера. Нечестные люди ни в коем случае не делают чести революционному движению. Их личная нечестность может в в большей или меньшей мере дискредитировать революционное движение (поэтому оно от них избавляется), но она никак не может умалить научную правдивость политических ценностей, выражающих его объективные

классовые интересы. И наоборот, одна лишь честность отдельного лица не изменяет и сама по себе не может изменить морально-политической оценки консервативной или реакционной политики. В политике существуют четко определившиеся критерии. Те, кто осознанно или неосознанно действуют против революционных интересов рабочего класса и всех трудящихся, «...суть злейшие реакционеры, будь то самый ученый человек, самый опытный политик, самый искренний социалист, самый начитанный марксист, самый честный гражданин и семьянин»[1]. Революционная принципиальность, политическая честность и искренность заставляют марксистские партии избавляться от сомнительных лиц, ибо их подлинные интересы несовместимы с исторической миссией и актуальными интересами партии.

В практической деятельности партия должна соблюдать четкую границу между политической армией революции, авангардом социалистического строительства и его противниками. Нередко конфликт между личными позитивными качествами и реакционным характером политической деятельности оказывается проявлением особенностей, многообразия и неповторимости какой-либо личности. Его причины и практические последствия надо всегда изучать конкретно-исторически, оценивать с политической и индивидуальной точки зрения и на этой основе всегда объяснять. С объективно политической точки зрения революционного движения в период борьбы за политическую власть или в период социалистического строительства эти люди — в марксистском понимании — являются политически негативными и в своей политике могут стать только предметом нашей критики.

Индивидуальную искренность и честность следует оценивать с морально-политической точки зрения, принимая во внимание их связь с объективным развитием политического движения. Это особенно относится к членам партии, потому что «... „искренне" объявивший себя коммунистом человек, который на деле вместо беспощадно твердой, неуклонно решительной, беззаветно смелой и геройской политики (— только такая политика

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 65.

соответствует признанию диктатуры пролетариата) — колеблется и малодушничает, — подобный человек своей бесхарактерностью, своими колебаниями, своей нерешительностью совершает такую же измену, как и непосредственный предатель»[1]. В общем речь идет не только об отношении к диктатуре пролетариата как таковой, но и об отношении к объективным интересам революционного движения на любом этапе развития социалистической революции и социалистического строительства. Это отражается и в ленинском определении общественно-исторического характера и объективных основ политического понимания честности. В. И. Ленин подчеркивает: «В личном смысле разница между предателем по слабости и предателем по умыслу и расчету очень велика; в политическом отношении этой разницы *нет,* ибо политика — это фактическая судьба миллионов людей, а эта судьба не меняется от того, преданы ли миллионы рабочих и бедных крестьян предателями по слабости или предателями из корысти»[2].

Честность и искренность чужды буржуазной политике. Многие буржуазные социологи считают, что основу политики составляет макиавеллизм, который отвергает честность и проповедует принцип: цель оправдывает средства. В книге американских социологов П. Сорокина и У. Ландена «Власть и мораль» высказывается мнение, что всякая политика складывается из двух компонентов: насилия и обмана. «В политике нет места совести», — писал в свое время французский социолог Ж. Сорель[3]. Западногерманский теоретик государства Г. Шмидт считает, что на современном этапе из политической деятельности исключены нравственные факторы. Осталась, мол, бессердечная государственная целесообразность.

Если мы говорим о критерии политической честности и искренности, то его содержанием не может быть субъективно понимаемый личный мотив, его настоящим содержанием является объективно доказуемое соответствие между словом и делом, соответствие между субъективной деятельностью в самом широком смысле сло-

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 40, с. 131.
[2] Там же, с. 131—132.
[3] Ж. Сорель. Размышление о насилии. М., 1917, с. 86.

ва и объективными прогрессивными тенденциями общественно-политического развития. Противоречие между субъективным мотивом и реальным политическим содержанием деятельности может у отдельного лица стать причиной трагедии, которая заключается в том, что намеченная политическая цель отличается от реального смысла политической деятельности. Субъективный мотив можно понять; но если он ведет к неправильной и реакционной политике, он не может стать ее оправданием.

Неправильные, консервативные и реакционные политические взгляды нельзя реабилитировать потому, что они объявляются «общегуманными», «научными», или потому, что они «высказываются честно».

Размышляя об общественно-политическом содержании критерия политической честности, мы не должны забывать ту реальную возможность, что отдельные лица, группы и целые движения могут впасть в заблуждение и допустить ошибки, приносящие негативные последствия. Некоторые заблуждения в определенном смысле слова являются потенциальным производным явлением сознательного политического движения революционных масс в ходе социалистической революции и социалистического строительства. Но в понятие «заблуждение» мы ни в коем случае не включаем заведомое нарушение законности, своевольное ограничение демократии и коллективности или же произвол, которые влекут за собой негативные последствия и могут быть для отдельных лиц и для движения в целом трагичными. Речь идет о заблуждениях партийного руководства, политических партий как таковых и миллионных масс, возникающих в процессе политического познания и роста политической сознательности.

Если наука свои заблуждения преодолевает дальнейшим исследованием, проверкой и сопоставлением научных точек зрения, аргументов и методов с объективной реальностью, то процесс преодолевания политического заблуждения — заблуждения, касающегося отношений и интересов миллионных масс, — намного сложнее и шире, потому что не только заключает в себе гносеологическую и педагогическую стороны дела, а касается непосредственно сущности политической сознательности, без которой в политическом движении ничего

практического и реально целенаправленного не существует.

В чем видит марксизм-ленинизм практическую сторону политического сознания революционных масс? Во введении к произведению К. Маркса «Классовая борьба во Франции» Ф. Энгельс в 1895 г., то есть в период начавшегося перехода капитализма в стадию империализма, писал: «Если изменились условия для войны между народами, то не меньше изменились они и для классовой борьбы. Прошло время внезапных нападений, революций, совершаемых немногочисленным сознательным меньшинством, стоящим во главе бессознательных масс. Там, где дело идет о полном преобразовании общественного строя, массы сами должны принимать в этом участие, сами должны понимать, за что идет борьба, за что они проливают кровь и жертвуют жизнью. Этому научила нас история последних пятидесяти лет»[1]. Четверть века спустя, уже после Великой Октябрьской социалистической революции, В. И. Ленин указывал: «Говоря о социализме, нельзя говорить о сознательном строительстве фундамента в самых широких рабочих массах в том смысле, что они взяли книжки, прочли брошюру, а сознательность здесь в том, что они взялись собственной энергией, собственными руками за необыкновенно трудное дело, наделали тысячи ошибок, и от каждой ошибки сами страдали, и каждая ошибка выковывала и закаляла...»[2].

Из обоих приведенных положений следует, что *политическая сознательность революционных масс проявляется в ясном понимании ими целей и таком содержании этих целей, что с борьбой за их реализацию политический авангард связывает энтузиазм, преодолевающий как горечь заблуждений и неудач, так и возможную необходимость самопожертвования.* Историческая практика подтвердила оба взгляда. От глубины политических знаний и морально-политических качеств зависит, чтобы в исторической оценке происшедших политических событий односторонне не переоценивались или даже не абсолютизировались временные неудачи, за-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, с. 544.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, с. 140—141.

блуждения, ошибки и деформации революционных событий и, таким образом, не забывались долговечные достоинства революционного воодушевления, самоотверженности и самосознательности, *без которых, например, в нашей современной истории такие исторические победы, как Февраль 1948 г., ликвидация эксплуататорских классов и построение социализма, до сих пор оставались бы только предметом идеологических и политических дискуссий.* Если подойти к этой проблеме с научной точки зрения (и с точки зрения простого сопоставления настоящего времени с недавним прошлым), надо упомянуть о следующем: тот факт, что *мелкобуржуазная политическая «мудрость» цинически высмеивает действительные, реально существующие сознательность и энтузиазм революционных сил, свидетельствует о ее собственном нынешнем политическом лицемерии и незрелости ее прежней политики, которую она хочет иногда оправдать перед молодым поколением, как и свою непричастность к осуществляемой революции.*

Эти критикуемые рассуждения были бы с политической точки зрения незначительными и, может быть, даже бесполезными, *если бы они* — сознательно или бессознательно — *не культивировали ложного представления о возможности действительного политического движения масс без политической сознательности, революционного энтузиазма, самоотверженности и непоколебимой веры в неминуемую победу коммунистического будущего.*

Умаление значения политической и партийной сознательности (и в том случае, когда она опирается на политическую программу и научную оценку прежнего политического опыта масс) является опасной тенденцией, *паразитирующей на искренности, честности и самокритичности политической партии.* Ее опасность заключается в том, что она пренебрежительно относится к политическим принципам партии, которыми нельзя торговать, ибо они затрагивают интересы миллионных масс и существо политики партии. В. И. Ленин говорит, что как раз в политике «партии проводят систематически известные *принципы*, а из-за принципов торговаться неприлично... Когда люди, причисляющие себя к одной партии, рассматривают некоторые свои требования как ультиматум, т. е. как условие самой принадлежности к

партии, то политическая честность требует, чтобы это обстоятельство не скрывалось, не пряталось *«на время»* в карман, а, напротив, выдвигалось открыто и определенно с самого начала»[1]. Иной подход ведет к расхождению слова и дела, а в обстановке острой классовой борьбы — к поддержке взглядов и действий противника. Нельзя, например, считать, что работники академий наук ЧССР не были знакомы с общими ленинскими положениями.

Именно из этих принципов исходил общегосударственный семинар ответственных работников чехословацкой и словацкой академий наук и руководителей партийных организаций академических научных учреждений, который в сентябре 1966 г. полностью поддержал указание ЦК КПЧ — не допускать, чтобы «...под предлогом поиска новых путей в исследовательской работе и преодоления догматизма в марксизм проникали и за марксистские выдавались чуждые взгляды и идеологические концепции».

Однако некоторые работники академий наук, голосовавшие за это решение, в период политического кризиса 1968—1969 гг. заняли антисоциалистические позиции. Так, беспринципность в конечном итоге ведет к разрыву с партией, с коммунистическими идеалами.

Конечно, любой человек может по вопросу, по которому партия заняла соответственную позицию, придерживаться иного взгляда, более или менее отличающегося от партийной позиции. Но в таком случае политически честный человек не может быть членом партии и одновременно вести борьбу против партийных постановлений. Если личные политические взгляды и требования отвергаются партией, это никому не мешает оставаться лично честным и снова формулировать свои требования как условие своего возвращения в партию. И наоборот, оставаясь членом партии, каждый должен действовать в соответствии с партийными постановлениями в области тактики, стратегии и актуальных политических проблем. С точки зрения личной и политической честности «третьего не дано». Революционное сознание, энтузиазм и самоотверженность навсегда останутся тем, чем они

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 8, с. 24.

были для Ю. Фучика, для простого бойца народной милиции периода февральских событий, и чем они являются и сегодня для сознательных членов партии и беспартийных — проявлением их внутреннего политического убеждения и познания.

Ленинское понимание политики является для партии сегодня таким же, каким оно было и в прошлом, — источником опыта и исходным пунктом творческого развития теоретических основ и практической политики.

2. К актуальным проблемам понимания политики

Политика представляет собой социальное явление, отражающее классовую борьбу за власть, за господство и использование государственной власти для реализации и защиты классовых интересов во всех областях общественных отношений. В ленинской теории политика определена прежде всего как отношение между классами, как совокупность отношений между классами и оказывает влияние на эти отношения. В политике как совокупности отношений между классами отчетливо проявляются решающие элементы общественной структуры. Политика опосредствует взаимодействие экономики и идеологии и, таким образом, помогает воспроизводить объективные условия существования того или другого класса. Тот факт, что в политике речь идет об интересах классов (и вместе с тем слоев, групп и отдельных лиц, которые составляют часть класса) и что эти отношения имеют существенное значение для развития общества, ведет к тому, что политическая точка зрения в марксистско-ленинском понимании является не точкой зрения изолированного индивидуума, а точкой зрения общественно-исторической.

Политика и государственная власть

Марксистско-ленинское понимание политики учитывает объективные интересы широчайших масс. В. И. Ленин подчеркивает, что «...политика начинается там, где миллионы; не там, где тысячи, а там, где миллионы, там

только начинается серьезная политика»[1]. С всемирно-исторической точки зрения, с точки зрения мировой революции, на основе опыта Великой Октябрьской социалистической революции, он приходит к выводу, что «...надо учитывать силы в десятки миллионов; меньше в политике не считается, меньше политика отбрасывает, как величину, не имеющую никакого значения...»[2].

Политика поэтому прежде всего определяется исторически объективными интересами классов, а в настоящее время характеризуется также активным участием масс. Основной ее элемент — отношение к государственной власти. Государственная власть является выражением политического господства определенного класса в обществе; однако одновременно она является представителем более широкой или более узкой классовой группировки и выступает, таким образом, в качестве представителя (реального или мнимого) народа или народов, создающих данную государственность.

Тот факт, что марксизм-ленинизм считает проблему государственной власти в политике самой существенной, еще не значит, что он окружает государственную власть ореолом, фетишизирует ее или считает вечной. В политической теории марксизма-ленинизма государственная власть ни в коем случае не понимается как конечная, программно-целевая категория, а представляет собой необходимое и реальное средство достижения коммунистического общества, создания предпосылок всестороннего развития личности. Теория марксизма-ленинизма постулировала, а практика шестидесяти лет после Великой Октябрьской социалистической революции доказала, *что без уничтожения политической диктатуры буржуазного государства, без беспощадной борьбы против тенденций к ее восстановлению в какой-либо форме и без построения сильного социалистического государства, основанного на сознательности масс, нельзя ни покончить с эксплуататорскими классами, ни построить социалистическое общество. Поэтому в теории марксизма-ленинизма самой политике и, следовательно, ее самой существенной части — государственной власти — отво-*

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, с. 16—17.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, с. 252.

дится функция, связанная с определенным историческим этапом борьбы рабочего класса за власть и с периодом построения коммунистического общества.

В современных исторических условиях, однако, игнорировать или пренебрегать значением государственной власти в общей концепции политики партии теоретически и политически неправильно. Политическая власть рабочего класса в обществе — выражение союза пролетариата с остальными трудящимися. Социалистическое государство отличается от предшествующих государственных организаций не только своей классовой сущностью, но и организационными отношениями отдельных государственных органов, качественно иным содержанием функций государства и новым отношением между трудящимися массами и государственной властью, а также и своим историческим назначением.

В условиях социалистического общества политика расширяет сферу своего влияния, внутренне преобразуется, включает в себя всестороннее планирование, управление и руководство общественными процессами. Эти изменения нельзя упускать из виду, если мы хотим, чтобы политическая теория действенно помогала практике. Научное изучение управления обществом непозволительно отрывать от конкретно-исторических (внутренних и внешних) условий развития социалистического общества.

И сегодня в политической теории никак нельзя отказываться от классового подхода к общественным явлениям, отходить от ленинского критерия, до сих пор не потерявшего свою силу, кратко выраженного словами: «Какому классу служить». Положение о том, что гражданин, активно участвующий в политической жизни, политик или политическая партия служат всегда определенному классу, является не догматической деформацией марксистско-ленинской точки зрения, а отражением объективной общественной реальности. Специфичным в политике марксистско-ленинской партии и каждого коммуниста является то, что они открыто и однозначно связывают себя с объективными интересами рабочего класса и его союзников и подчиняют им свою политическую деятельность. Это делается на основе познания законов развития общества.

Политика как наиболее концентрированное выражение экономики, ее обобщение и завершение

Отношение экономики и политики при социализме приобретает новое выражение прежде всего благодаря хозяйственной деятельности социалистического государства. Взаимоотношения экономики и политики исторически изменяются; в связи с этим изменяется также и специфическое значение экономической и политической деятельности. В. И. Ленин в статье «Очередные задачи советской власти», написанной в 1918 г., констатирует, что в каждом демократическом государстве общая политическая деятельность будет важной задачей управления обществом. Определяющим, однако, для данной обстановки Советской России в конкретный исторический момент был тот факт, что революционная партия рабочего класса привлекла на свою сторону большинство активных и сознательных трудящихся масс, завоевала политическую власть и в общем подавила сопротивление эксплуататорских классов. При таких условиях «на очередь выдвигается теперь... задача — организовать *управление* Россией»[1]. Эта конкретная задача имеет историческую специфику. Управление государством в переходный период от капитализма к социализму определяется тем, что эта предельно политическая институция революционного класса в интересах программных задач построения социализма и коммунизма связывает политические задачи с задачами экономическими. Определяющее значение с этой точки зрения в деятельности социалистического государства приобретает экономика, потому что «...наша главная политика сейчас должна быть — экономическое строительство государства... — вот какова наша политика»[2].

Всестороннее изучение внутренних и внешних условий развития социалистической революции и построения социализма приводит к выводу, что политический подход, когда речь идет об управлении обществом в целом и о стратегической цели — построении коммунистического общества,— сохраняет не только свое значение, но и свой приоритет. Напомним поэтому сказанные несколько позже слова Ленина, что «политика есть концентри-

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 36, с. 172.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 407.

рованное выражение экономики... Политика не может не иметь первенства над экономикой. Рассуждать иначе, значит забывать азбуку марксизма... без правильного политического подхода к делу данный класс не удержит своего господства, *а следовательно*, не сможет решить и *своей производственной задачи*»[1].

С этой точки зрения надо подходить к политике партии и сегодня. Этому учит нас исторический опыт нашей страны и других социалистических стран. Политический подход к экономике требует также совершенствования системы планирования и управления нашим хозяйством. В связи с этим растет значение политической работы с людьми как одной из решающих предпосылок решения экономических задач. Марксисты никогда не были сторонниками стихийности и никогда не считали, что стихийное воздействие общественных законов само по себе обеспечивает прогрессивное развитие общества. *Поэтому отдельные экономические мероприятия также надо оценивать с точки зрения программных политических целей движения.*

Сегодня мы часто являемся свидетелями того, что люди, которые заявляют о своей приверженности марксизму и нередко также теоретическому наследию Ленина, негативно оценивают политический подход и не признают необходимости такого подхода к проблемам развития всего общества, к проблемам экономическим, культурным, научным и идеологическим. *Этот взгляд, однако, в действительности представляет тенденцию отменить или ограничить роль социалистического государства, рабочего класса и его союзников, руководимых марксистско-ленинской партией, в решении проблем всего общества.*

В чем видит первенство политики перед экономикой В. И. Ленин, исходящий последовательно из марксистского принципа, что экономические отношения и экономическая деятельность государства являются определяющими? В. И. Ленин считает политику наиболее концентрированным выражением экономики, ее обобщением и завершением. Причем он имеет в виду политическое понимание деятельности классовых институтов и орудий — партии, государства и массовых организаций.

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 42, с. 278—279.

Приоритет политических задач и целей рабочего класса и его марксистско-ленинской партии над задачами экономическими он считает принципиальным вопросом, потому что самые существенные объективные изменения в развитии классового общества и первостепенные интересы классов могут быть осуществлены только посредством значительных политических актов. Любые мероприятия, и экономические мероприятия в особенности, надо рассматривать с точки зрения взаимоотношения классов и социальных групп, и прежде всего с точки зрения упрочения морально-политического единства народа, а значит, и укрепления государственной власти.

Партийное понимание политики характеризует исключительно важное ленинское положение, что никакие изменения, которые абсолютно не созрели и в экономической действительности и в сознании подавляющего большинства народа, государство не может и не должно осуществлять. Таким образом понимаемая политика является одним из решающих факторов превращения возможности в действительность.

Из ленинского понимания первенства политики нельзя делать вывод, как уже было сказано, ни об игнорировании определяющей роли экономических отношений, ни о возможности оторвать политику от экономики. *Смысл ленинского тезиса состоит в том, что, поскольку политика имеет свое объективное обоснование, определяющими и первичными для нее являются классовые интересы. Ее успех зависит от того, насколько эти классовые интересы с максимально возможной научной объективностью познаны и политически сформулированы; далее ее успех зависит от того, насколько так сформулированные классовые интересы приняты в массовом политическом движении, этим движением поняты и претворены в жизнь.* При социализме политику не может проводить государство, отчужденное от народа; только политически сознательные массы, организованные партией и массовыми организациями, создают социалистическое государство, то есть «народную организацию в полном смысле этого слова»[1]. Правильность этого понимания подтверждается всей шестидесятилетней историей Советского государства и историческим опытом нашей партии,

[1] Ústava ČSSR, Praha, 1960, s. 13.

Политика и ее институты

Политическая деятельность людей при социализме является, в сущности, деятельностью сознательной. Речь идет о коллективной деятельности разным образом специализированных лиц, то есть о деятельности организованной. В этом отношении все политические организации, и в особенности марксистско-ленинская партия, являются структурными образованиями, которые выражают интересы класса и опосредствуют его объективизацию в разных областях общественной жизни. Это общественное представительство обеспечено влиянием класса как целого на отдельные организации (хотя это влияние и реализуется посредством отдельных частей общественного класса).

В конкретно-исторической обстановке на первый план выступают прежде всего те стороны деятельности общественных организаций, в которых раскрывается их классовая сущность. На решающих этапах общественного развития проявляется также инструментальный характер политических институтов, потому что они функционируют в качестве орудия власти данного класса. Хотя изменения общественно-политических институтов и отражают экономико-политические изменения общества, однако сами организационные формы этих институтов следует изменять в соответствии с новыми типами задач таким образом, чтобы была обеспечена реализация программных целей класса. Научная роль марксистско-ленинской партии и научная правильность ее политики являются для реализации программных целей рабочего класса незаменимыми факторами. Внутренне организационное членение политического института должно определяться как анализом объективно данной обстановки, так и характером дальнейших исторически необходимых задач класса. Вместе с тем оно должно исходить из познаний специфики внутренней структуры каждой общественной деятельности.

Мы уже указали на то, что к марксистско-ленинскому пониманию научной политики надо подходить не с точки зрения общественно изолированного индивидуума, а в общественно-историческом плане. С точки зрения изолированного индивидуума каждый институт — и не только политический — выступает в качестве внешнего

ограничения содержания его деятельности. Односторонне индивидуалистический подход считает каждый институт любого класса внешним препятствием самореализации человека, злом, которое уже должно быть из общества устранено. Такая точка зрения ведет к утопическим требованиям, которые не считаются с действительными объективными тенденциями общественного развития. *Такие требования являются только проявлением мелкобуржуазных анархистских позиций, которые программно отвергают организованность в деятельности больших групп людей. В наших общественных условиях такие требования направлены против успешного развития социалистической государственности.* Социалистическое государство при индивидуалистическом подходе понимается как институт, чуждый народу, как орудие господствующей верхушки общества, которая «обращается» с остальными людьми только как с объектами своей собственной деятельности и таким образом манипулирует ими. Носители таких взглядов забывают о том, что социалистическое государство и его политика являются прежде всего орудием освободительной борьбы рабочего класса и остальных трудящихся.

Приведенные немарксистские взгляды часто являются односторонней реакцией на чрезмерный этатизм, который в противоречии с сущностью марксизма-ленинизма характеризует социалистическое государство как единственный и исключительный гарант прогрессивного развития общества. Из того факта, что и социалистическое государство в той или иной мере страдает пороками бюрократизма, нельзя делать вывод, что этот институт «не оправдал себя». Надо, наоборот, под руководством марксистско-ленинской партии постоянно и настойчиво стремиться к соединению отдельных частей государственного организма с трудящимися и тем самым усиливать тенденции к соединению прямой и представительной демократии социалистического государства. В свете радикалистских, анархистских и обывательских фраз, требующих упразднения институтов, такая деятельность кажется каким-то видом общественного «реформизма». Однако в действительности речь идет о необходимой составной части революционной деятельности, которая помогает создавать условия для социалистической инициативы трудящихся.

Характерной чертой критикуемых ниже тезисов является то, что они, в сущности, не различают классовые типы политических институтов. С точки зрения этих концепций безразлично, идет ли речь о капиталистическом или социалистическом типе государства; они не учитывают различия внутренней политической сущности этих государственных организаций, их различные организационные принципы, различия в решении вопросов отношений к трудящимся. Односторонний антиинституционализм не видит также принципиального различия между государственной и негосударственной организацией, а тем самым и бóльшую опасность возникновения деформаций в государственной организации, которая пользуется средствами власти, чем в добровольной массовой организации. Он также не принимает во внимание взаимодействие отдельных составных частей политической системы социалистического общества в процессе его постоянной демократизации.

Институты в этих концепциях понимаются только как овеществленная часть объективных условий деятельности людей, а не как орудия деятельности людей. Отдельные части государственного аппарата могут, конечно, временно вырваться из-под контроля класса, однако в этих случаях речь идет только об исторически преходящем явлении, потому что государство — это организация, которая обязательно нужна революционному классу для осуществления его объективных интересов в обществе. Класс, который создал ту или иную организацию, может изменить ее характер и структуру.

Следует напомнить также, что и развитое коммунистическое общество будет обществом высокоорганизованным и будет пользоваться всеобщим авторитетом. Ни в одном институте коммунистического общества, однако, не будет существовать элемент политического принуждения в отношении его членов. *Альтернатива — общество институционализованное или неинституционализованное — фальшивая альтернатива.* Содержательная постановка вопроса такова: какое общество, с какими институтами? Марксистско-ленинская теория не допускает ни политико-организационного фетишизма, ни романтического антиинституционализма.

Ленинское понимание политики проявляется в комплексном подходе к общественным явлениям: в соедине-

нии объективности познания с партийностью революционных интересов рабочего класса, в соединении трезвости с сознательным убеждением, в координации кратковременных и долговременных целей, стоящих перед рабочим классом и его союзниками во главе с революционной марксистско-ленинской партией.

3. Политика — общество — наука

Диалектика субъекта и объекта в познавательной деятельности раскрывает сущность субъекта познания, совокупность общественных отношений. Существует внутренняя структура общественного субъекта, которая исторически развивается. Характер общественных отношений на отдельных этапах развития общества создает различные условия для развития науки; исторически изменяется также отношение к науке. Это изменение зависит от того, как в данной социально-экономической формации складывается экономическое и политическое положение класса.

Общественная сущность субъекта познания проявляется в познавательной деятельности лиц, которые в совокупности общественных отношений как конкретные лица являются неповторимыми. В познании проявляется специфическая диалектика индивидуального и коллективного; целое познание возникает благодаря совместной деятельности многих индивидов. Организация коллективного познавательного процесса должна создавать возможности развития научных работников и обеспечивать сопоставление отдельных точек зрения уже в ходе этого процесса. Это, конечно, не значит, что должны создаваться так называемые сильные индивидуальности и некритичные эпигоны, которые не могут иметь стимулирующего значения для дальнейшего хода познавательного процесса.

Особенности субъекта познания как совокупности общественных отношений дают возможность определить сферу общественного сознания. Адекватным выражением объективных качеств форм общественного сознания является категория *партийности* (как теоретическое выражение классово-общественной обусловленности). Субъект познания имеет не только классовый характер, ибо

само общественное бытие является единством классовых и бесклассовых моментов. Но антинаучной односторонностью было бы утверждение, что субъект познания не имеет никакого отношения к классовой структуре общества. Несоблюдение партийности познания там, где она обусловлена объективным характером дела, ведет к субъективизму также, как и перенесение этого определения на ту сферу познания явлений, которые объективно не являются классовыми.

Историческая специфичность рабочего класса как субъекта познания и практического действия проявляется в том, что его сознательная партийность объективно неотделима от строгой научности. Единство партийности и научности, конечно, не осуществляется автоматически. Нельзя забывать о самостоятельном гносеологическом значении партийности; в противном случае мы поддаемся иллюзии о существовании сверхобщественного субъекта познания, одаренного неисторической объективностью. Историческая специфичность рабочего класса как субъекта познания сама по себе не гарантирует истинности познания, потому что его партийность нельзя реализовать без научного познания общества как целого.

Ведь и сама партийность является научно установленным определением качеств отдельных форм общественного сознания. Но открытие общественного источника определенной теории не решает вопроса о ее истинности.

Всесторонность марксистско-ленинского подхода к вопросу о партийности проявляется в том, что историко-генетические и гносеологические аспекты развития общей теории общества изучаются в единстве и взаимной обусловленности. И наоборот, современный немарксистский подход можно охарактеризовать как абсолютизацию одного момента. Определенные буржуазные теории утверждают, что связь с бытием (и, таким образом, также с характером субъекта) сама является решающей для содержания общественной теории. Их односторонняя критика состоит в том, что истинность понимается как определение, которое зависит только от внутренних отношений процесса познания. Вопрос истинности теории превращается таким образом исключительно в проблему гносеологической критики.

Каждая общественная теория имеет сложную внутреннюю структуру; отношения отдельных элементов этой структуры к практической деятельности рабочего класса имеют различную степень непосредственности и опосредствованности. Относительная независимость развития теории указывает на сложную диалектику взаимодействия теории и практики; эту диалектику нельзя сводить только к общему соответствию элементов практической деятельности элементам теоретической системы. Сложность теоретической системы проявляется и в динамике развития теории, поэтому всякое влияние на развитие науки со стороны общества, включая его управление, должно учитывать внутреннюю структуру теории и видеть ее изменения.

Политические институты и наука

Развитие науки — относительно сложный процесс. Борьбе старого с новым в области науки присуща своя специфическая диалектика. Упрощением было бы полагать, что конкретно-историческое развитие научного познания осуществляется посредством автоматической победы элементов нового, высшего познания над старым. Разные методические подходы на разных уровнях познания объективной деятельности имеют различное значение для дальнейшего развития научных знаний, и поэтому нельзя априори определять познавательную ценность отдельных приемов и процедур.

Перед политическими институтами каждого общества стоит проблема, какую позицию занять по отношению к возникающим прогрессивным или реакционным тенденциям, которые являются более или менее сопутствующим явлением прогресса науки, и какое принимать участие в их создании и интерпретации. Общественно-политические институты в общих вопросах не могут остаться индифферентными, так как здесь речь идет о познании и практическом воздействии на развитие производительных сил, производственных отношений, об определении содержания образования и его общественной организации. Научное познание оказывает влияние не только на мировоззрение данного общества, а часто также на политико-правовые взгляды, их моди-

фикацию или интерпретацию. По этой причине политические институты в своей практике и своем идеологическо-политическом воздействии занимают всегда определенное отношение к развитию науки.

Историческая специфичность рабочего класса как субъекта развития общества проявляется также в том, что его последовательно классовый политический представитель, марксистско-ленинская партия, является организацией, которая в решающих отношениях существенно отличается от других политических партий, хотя и имеет с ними некоторые сходные элементы. Марксистско-ленинская партия в нормальных исторических условиях своего развития стремится к максимальной реализации принципов демократического централизма, к созданию новых отношений внутри партийного организма, новых отношений между партией и массами. Руководящая роль партии требует развития ее познавательной деятельности. Опыт показывает, что партийные органы считают научное познание, главным образом познание общества как целого, внутренней частью познавательной деятельности партии.

Познание объективных тенденций развития науки и нахождение способов использования научных знаний — теоретически и практически сложный вопрос. Было бы крайним упрощением прямолинейно заключать, что политические институты реакционных общественных сил в гносеологии поддерживают исключительно тенденции к замедлению. Отношение этих институтов к развитию науки дифференцировано, поскольку речь идет о познании природы и техники, с одной стороны, и о познании общества — с другой. Специфическое и дифференцированное отношение проявляется и в познании общества. Это различие выражает прямо или опосредованно отношение отдельных знаний к политике класса, к конкретно-исторической форме этой политики и ее временным целям.

Политические институты социальных революционных сил, в том числе и социалистического государства, объективно заинтересованы в прогрессивном развитии науки. Но нельзя думать, что из этого автоматически вытекает истинное познание прогрессивных и тормозящих моментов развития науки в каждом отдельном акте отношения социалистического государства к науке, а тем самым и автоматическая общественная поддержка оп-

тимального направления развития науки. Нельзя ведь забывать о том, что сложность борьбы старого с новым в науке заключается также в том, что в качестве «новых» подходов появляются как объективно прогрессивные приемы, так и такие приемы, основным определением которых является воспроизведение преодоленных методологических исходных позиций. Мы не можем определить прогрессивность или реакционность отдельных гипотез и теорий до тех пор, пока они научно не проанализированы и не оценены, не подтверждены или не опровергнуты убедительными фактами, не проверены при помощи эксперимента, производства или вообще общественной практики. В борьбе против субъективистского вмешательства в развитие научного познания большое значение имеет создание условий для проверки отдельных результатов при помощи общественной практики. Это важная составная часть политического управления наукой в условиях социализма.

Основной вопрос философского изучения отношения гносеологических закономерностей развития науки и роли общественно-политических институтов в процессе познания — это отношение классового политического интереса к объективной истине и способность (потенциальная или действительная) использования общественной деятельности в науке.

Каждый реальный шаг развития науки предполагает использование и развитие определенных методологических подходов; метод научного познания своей общностью тесно связан с философией. Сотрудничество марксистских философов и специалистов науки имеет принципиальное значение для обеих сторон; оно является одной из предпосылок развития значительной части философской проблематики и способствует оптимальной стратегии метода исследования в специальных науках. Это особенно важно при ускоряющемся развитии научного познания, при возникновении новых отраслей науки и растущем значении проблемы границ между отдельными науками.

Науку как общественное явление нельзя понимать только как познавательный процесс. Наука как особый вид человеческой деятельности требует в современном обществе организации и управления, и, таким образом, в ходе естественного развития она также институциона-

лизируется. Надо поэтому изучать динамику науки, взаимные отношения системы науки, изменения структуры познания в отдельных науках так, чтобы организационное членение отдельных рабочих участков, способ их координации (особенно когда речь идет о регулярном обмене научной информацией) и управления создавали оптимальные условия для решения отдельных научных проблем. В этом заключается одно из практических значений возникающей «науки о науке».

Нельзя, наконец, абстрагироваться и от материального обеспечения науки. Требования научно-технической революции вызывают — и в будущем это будет еще в большей мере — повышение капитальных вложений в развитие науки. В интересах прогрессивного развития социалистического общества, которое, безусловно, заинтересовано в дальнейшем развитии производительных сил как одной из предпосылок развития общественных отношений, соблюдать это требование. Всякая общественно-экономическая система — в том числе и наша — может, однако, затратить на развитие науки только определенную часть национального дохода. Социалистический общественный строй объективно стремится ко все более всестороннему обеспечению развития науки; это вытекает из основных принципов построения социализма и коммунизма, где речь идет о создании единства науки и непосредственных производителей. Поскольку это единство еще не возникло, это дело конкретного отношения между ближайшими и перспективными задачами социалистического государства. Но никогда не следует допускать субъективистской недооценки общественного значения науки.

К вопросу о научном характере деятельности партии

Реализация руководящей роли партии в нашем обществе предполагает максимальное развитие ее познавательной деятельности. Теоретическое познание является высшей формой этой познавательной деятельности; необходимо, однако, чтобы и остальные формы познания развивались на научных принципах. Партия должна обеспечивать условия для познавательной деятельности отдельных звеньев своего организма.

Правильные — общественной практикой проверенные — партийные постановления являются результатом научного анализа. Научные знания, таким образом, становятся относительно самостоятельной частью постановлений партии. *Партийные постановления имеют для движения значение политической директивы к действию, и вместе с тем их ценность заключается в исторически обусловленном научном познании. Познавательный момент и момент практический в партийном постановлении образуют диалектическое единство.* При реализации постановления изменяется общественная действительность, возникают новые исторические обстоятельства, новые побуждения для познания. Познание же новых общественных фактов является исходным пунктом для последующего постановления.

Поэтому так важно, чтобы *партийные решения опирались на научное познание объективной действительности, ее движения и изменения.* Однако *форма коллективного партийного постановления* имеет особый смысл и с точки зрения политической борьбы, стратегической и тактической линии или программного заявления: *она призвана обеспечивать единство взглядов и единство действия этого движения.*

Тем самым научное познание становится составной частью многосторонней целостной политики и посредством нее также и практическим орудием действия, революционной деятельности партии. Актуальным вопросом политической теории марксизма и марксистской гносеологии является изучение преобразования научных знаний в составную часть прямых директив к действию (например, партийных постановлений). Система знаний как часть партийного постановления не является, однако, механической совокупностью результатов отдельных специальных наук, а их специфическим единством, учитывающим особенность конкретно-исторической обстановки, объективные и субъективные возможности данного этапа общественного развития и важность соединения целей и средств в отдельных областях общественной жизни. Одновременно в характере партийного решения должна отразиться политическая деятельность как живой опыт работы с людьми.

Эта политика, опирающаяся на научное познание и учитывающая все стороны общественного процесса, по-

степенно, при помощи отдельных решений формулирует цели деятельности и направляет революционные силы на преобразование действительности. Таким образом понимаемое и формулируемое постановление стимулирует дальнейшее познание. Надо поэтому целенаправленно стремиться к созданию такого соотношения науки и политики, в котором бы наука и политика взаимно стимулировали друг друга, максимально развивали свою своеобразность и одновременно сближались.

4. Некоторые вопросы политической идеологии марксизма

В свое время Пражский университет издал публикацию, которая заслуживает более широкого внимания, хотя речь идет об учебном пособии для высшей школы. Это «История политических и правовых идеологий» под редакцией д-ра Вл. Веверки.

Ее авторы, как вытекает из введения, поставили перед собой большую цель и отважно приступили к ее решению. Сложность успешного выполнения поставленной ими задачи умножается исключительной краткостью публикации, так как на ста пятидесяти семи страницах первого тома дается обзор политических и правовых идеологий от Древней Греции до рабочего движения XIX и начала XX века.

Здесь не имеется в виду давать общую оценку уровня этой публикации. Ограничусь лишь некоторыми замечаниями по двум частям второго раздела главы VIII, которая трактует о «Возникновении и развитии марксистской и правовой идеологии» и автором которой является Ф. Шамалик. Речь, в частности, идет о частях, названных «К. Маркс и Ф. Энгельс» и «Ленин. Возникновение и развитие нового этапа марксизма (ленинизма)». Именно эти части мы и рассмотрим.

* * *

Автор части раздела, посвященного Марксу и Энгельсу, занимается, в частности, интерпретацией Марксова понимания «отчуждения». Ввиду того, что речь идет

об изложении вопросов в работе, посвященной истории политических и правовых идеологий, нельзя оставить без внимания такое утверждение Шамалика: «Основное различие заключается в том, что в то время как в ранних работах («Экономическо-философские рукописи») положение рабочего класса характеризуется прежде всего одним понятием, то есть отчуждением труда, та же самая проблема освещается в «Капитале» при помощи богатой совокупности экономических и философских категорий, в том числе и категории «отчуждения», которая обозначает качество буржуазных отношений применительно к отдельному лицу и его индивидуальному поведению»[1]. Интерпретация Марксова понимания «отчуждения», которая объясняет отчуждение только как «качество буржуазных отношений применительно к отдельному лицу и индивидуальному поведению», не выделяет в марксистском понимании отчуждения то, что является определяющим. Это не значит, что приведенная характеристика не важна. Однако речь идет о двух, в сущности, различных уровнях значения этого понятия.

Хотя обозначение качества буржуазных отношений применительно к отдельному лицу и индивидуальному поведению имеет в Марксовом понимании отчуждения исключительное политическое значение, его научный вклад в развитие политического мышления заключается главным образом не в этом факте. Речь идет о реальной возможности преодолеть отчуждение на основе *освобождения рабочего класса* и тем самым освободить все общество. Так возникает *существенно новое* качество индивидуальных отношений и поведения отдельных лиц. Интерпретация Шамалика игнорирует этот существенный и ценный для развития политического мышления марксистский тезис. Это нельзя объяснить и тем, что в прошлом, дескать, игнорировали, обходили молчанием отмеченную Шамаликом черту марксистского толкования отчуждения. При объяснении истории политических идеологий необходимо, чтобы оба упомянутых аспекта брались и понимались в единстве.

При изложении содержания «Экономическо-философ-

---

[1] См.: «Dějiny politických a právních ideologií», Praha, 1967, s. 133—134.

ских рукописей» Маркса Шамалик вынужден признать, что ликвидация частной собственности ведет к упразднению всего отчуждения и возвращению человека к его человеческому, общественному бытию. «Эта гуманистическая концепция, — пишет Шамалик, — не является, конечно, априорной концепцией, потому что коммунистическая перспектива уже в этот период вытекает из анализа движущих сил буржуазного общества (которому посвящена и основная работа марксизма — «Капитал»). Она поэтому является не утопической, а научной в том смысле, что будущее выводится из закономерностей развития предшествующей человеческой истории, и особенно буржуазного общества»[1].

Однако, признав гуманизм Маркса, Шамалик игнорирует тот важный факт, что в политической идеологии марксизма гуманистическая концепция понимается не только как *научный принцип*, а одновременно как *принцип революционный*, обосновывающий *неизбежность* классовой борьбы внутри капиталистического общества и не только внутри этого общества. Эта концепция указывает на неизбежность классовой борьбы, охватывающей *политику* и выражающей в ней главное — *вопрос политической власти.* С исторической точки зрения она обосновывает переход классовой борьбы в социалистическую революцию и установление диктатуры пролетариата. Здесь речь идет не о начетничестве, а о том, что марксизм в целом представляет собой не только теорию, но и руководство к революционному действию, а сам Маркс является революционером не в меньшей степени, чем ученым. Поэтому, если мы говорим об отношении Маркса к политической идеологии, мы не можем подчеркивать только ее теоретическую сторону и игнорировать значение новаторского метода марксизма для практической политики.

Этот факт благодаря своей реальной и исторической истинности и важности для полноты марксистского понимания гуманизма имеет исключительное значение также для нас в Чехословакии. На это в свое время обратил внимание академик Зденек Неедлы, когда он написал о Т. Масарике, что он *воспринял гуманизм не как принцип революционный, а как принцип контррево-*

---

[1] См.: «Dějiny politických a právních ideologií», s. 134.

люционный[1]. Это контрреволюционное толкование гуманизма д-р Бенеш потом возвел в теорию «гуманной» демократии, в высший принцип политического программного заявления национально-социалистической партии, начиная с ее XII съезда[2]. Самые влиятельные направления буржуазной и реформистской политической идеологии в Чехословакии всегда как раз этим фактом злоупотребляли при воздействии на массы и в борьбе против политической программы КПЧ.

История политических идеологий, однако, дает не одно доказательство того, что научная концепция — и гуманизм здесь не исключение — получает революционную и контрреволюционную политическую интерпретацию; в этом заключается, помимо прочего, специфичность возможности политической интерпретации. Если говорить политически убедительно и ясно, в марксистской гуманистической концепции, возникшей в процессе упразднения частной собственности, нужно одинаково подчеркивать как ее научный характер, так и ее политический революционный, то есть антибуржуазный, антиимпериалистический, принцип. Причем само собой разумеется, что «теоретическая последовательность, с которой Маркс и Энгельс развивали понимание классов, классовой борьбы, диктатуры пролетариата и отмирания государства... является вместе с тем революционной последовательностью»[3]. Однако добавим, что, следовательно, и при интерпретации их взглядов необходимо с этим фактом считаться, применять его и политически подчеркивать.

Внимания заслуживает также и изложение Шамаликом Марксовой оценки Парижской Коммуны, завершенное цитатой В. И. Ленина. Шамалик говорит: «Маркс обобщил опыт Коммуны («Гражданская война во Франции»), о которой он написал, что «она, в сущности, была властью рабочего класса» и «в конце концов открытой политической формой», в которой могло быть осуществлено экономическое освобождение труда»[4]. Коммуна отказалась от старой государственной

---

[1] Zd. Nejedlý. T. G. Masaryk ve vývoji české společnosti a státu, s. 13.

[2] См.: Edvard Beneš. Nesnáze demokracie, Praha, 1924, см. также: «Program a zásady Čs. strany národně socialistické», Praha, 1933.

[3] См.: «Dějiny politických a právních ideologií», s. 134.

[4] См. там же, с. 133.

машины, так как рабочий класс не мог сохранить этот аппарат, используемый против него. Но вместе с тем она обезопасила себя также и от своих собственных представителей и должностных лиц тем, что провозгласила сменяемость в любое время всех без исключения должностных лиц. Коммуна также поняла тенденцию к автономности государства и использовала против нее два основных средства: принцип выборности и сменяемости должностных лиц и доведения платы всем должностным лицам до уровня заработной платы рабочего (мера предосторожности против карьеризма). Кроме того, по тем же причинам Коммуна осуществила и ряд других мероприятий: уничтожение постоянной армии и ее замену вооруженным народом; ликвидацию политических функций полиции и ее превращение в орган Коммуны, сменяемый в любое время; введение императивного мандата и т. д. Вместе с тем Коммуна должна была быть не парламентарной, а работающей, законодательной и исполняющей законы организацией.

Совокупность этих и других (социальных, политических и культурных) концепций — реализованных и нереализованных — дает возможность характеризовать Коммуну как «нечто такое, что̀ уже не есть собственно государство»[1].

Ф. Шамалик в совокупности определений Коммуны просто ставит рядом факт, что Коммуна, «в сущности, была властью рабочего класса», с принципом «доведения платы всем должностным лицам до уровня заработной платы рабочего»[2], и ряд других фактов и на основе этого цитирования выводит заключение, что Коммуна, собственно, уже не была государством. Научное открытие марксизма, революционизирующее с того времени все политическое мышление, здесь не только не объясняется, но в длинном перечне других факторов теряется его определяющий характер. Рассматриваемая в политическом плане, то есть в этом случае с точки зрения миллионов и отношений между миллионами, Парижская Коммуна не была государством в подлинном смысле этого слова как раз потому, что речь шла о попытке, хотя бы только кратковременной и неудачной, устано-

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, с. 42.
[2] См.: «Dějiny politických a právních ideologií», s. 133.

вить диктатуру пролетариата и создать государство с властью трудящихся, какого не знала человеческая история до Парижской Коммуны, а после ее гибели — до времени Великой Октябрьской социалистической революции. Государство не является для марксизма только светским делом и продуктом гражданского общества. Марксистско-ленинская политическая идеология, в отличие от всех остальных политических идеологий и теорий, определила исторический момент преодоления политической диктатуры эксплуататоров над эксплуатируемыми как переломный момент для понимания государства вообще. Чтобы убедительно показать, чем марксизм обогатил политическую идеологию, недостаточно, особенно сегодня — в период преодоления элементов догматизма и борьбы против ревизионизма и либерализма, — дать только перечень характерных черт Парижской коммуны. Надо подчеркнуть сущность ее теоретического и политического вклада в историю марксизма-ленинизма и политического мышления вообще.

И наконец, еще одно замечание к части «К. Маркс и Ф. Энгельс» в целом.

По нашему мнению, нельзя закончить рассмотрение вклада Маркса и Энгельса в политическую теорию «Критикой Готской программы» и не упомянуть о последних работах Энгельса. Речь идет не о педантизме с целью «ни о чем не забывать». Это требование имеет по крайней мере две причины. Прежде всего нельзя обойти молчанием значение наследия Энгельса, которое имеет исключительную важность с точки зрения дальнейшего развития марксизма и процесса формирования марксизма-ленинизма в эпоху империализма. Достаточно напомнить тот факт, что Ф. Энгельс обеспечил издание «Капитала» и, что по отношению к нашей теме особенно важно, принципиально боролся против упрощения и вульгаризации материалистического понимания истории, о чем, помимо прочего, свидетельствуют его письма Мерингу, Блоху и т. д. Разъяснение трудов Энгельса у нас важно особенно потому, что из-под пера чешского автора вышло такое широкоизвестное антимарксистское сочинение, как «Социальный вопрос»[1], где политические

---

[1] Речь идет о книге Т. Г. Масарика «Социальный вопрос». (См.: T. G. Masaryk. Otázka sociální, Praha, II, s. 272—279.)

положения Энгельса, особенно сформулированные во «Введении к классовой борьбе во Франции», искажаются в целях фальсификации генезиса марксизма и его дальнейшего развития. Эти злоупотребления и искажения сами по себе, а главным образом борьба с ними сыграли важную роль при формировании политической концепции чехословацкой социал-демократии и молодой КПЧ в первые годы существования самостоятельного чехословацкого государства.

Относительно большее внимание уделяет Шамалик пониманию «гегемонии пролетариата», «гегемонии рабочего класса» и приходит к выводу, что гегемония в аутентичном смысле означает для марксизма-ленинизма «...такую политику, тактику и программу пролетариата, которые включают основные интересы всех сил, участвующих в последовательном демократическом перевороте, и таким образом обеспечивают пролетариату поддержку всех этих сил»[1]. Анализируя процесс буржуазно-демократической революции, и в особенности развитие после социалистической революции, он определяет гегемонию рабочего класса не как «господство власти», а как «согласие крестьянства с политической, экономической и культурной программой рабочего класса»[2].

Такое истолкование, когда речь идет о периоде социалистической революции и после социалистической революции, *обходит одну из основных политических проблем гегемонии пролетариата* — отношение к государственной власти, взаимоотношение гегемонии и диктатуры пролетариата, которые и в настоящее время представляют один из ключевых вопросов политической теории марксистско-ленинских партий.

Основа гегемонии пролетариата заключается в исторической миссии рабочего класса. Поэтому нельзя сосредоточивать внимание только на проблеме руководства и союзников пролетариата и обходить вопросы «политического господства», если мы не хотим оставить в стороне политические цели. Такой подход не означает осуществление «политического господства» преимущественно методами диктаторскими или насильственными, а,

---

[1] «Dějiny politických a právních ideologií», s. 135.
[2] Там же, с. 142.

наоборот, предполагает разнообразнейшие формы государственного руководства и управления. В. И. Ленин включал в понятие гегемонии пролетариата также тот факт, что классовые союзники рабочего класса на отдельных этапах развития революции (и перерастания революции буржуазно-демократической или демократической — народной — в социалистическую) не только соглашаются с политической, экономической и культурной программой партии, но в разной степени принимают участие в политическом господстве пролетариата над эксплуататорскими классами. Политически смысл гегемонии рабочего класса у Ленина многосторонний. Поэтому нельзя сводить его понимание диктатуры пролетариата только к особому союзу пролетариата и крестьянства. Особенно это недопустимо при объяснении истории политических идеологий, так как это может извратить и обеднить подлинное и всестороннее ленинское теоретическое наследие в этом вопросе. Такое понимание логически вызвало бы вопрос: для чего и против кого необходим союз рабочего класса и крестьянства в форме политической классовой диктатуры, если эта диктатура не направлена на политическое подавление эксплуататорских классов. Поскольку диктатура пролетариата является политической диктатурой в классовом смысле слова, нельзя ту или иную сторону политического союза произвольно исключать или обходить. Только развитие диктатуры пролетариата — классового союза рабочего класса и крестьянства — ведет к общенародному государству, где происходит новый качественный процесс изменения отношений гегемонии и диктатуры рабочего класса в рамках социалистического государства. Но и «общенародное государство» в этом смысле является продолжателем государства диктатуры пролетариата.

Остановимся коротко на отношении демократии и диктатуры, отношении вождей, партии класса и масс. «Демократия в понимании Ленина, — пишет Ф. Шамалик, — значит, не сводится к одному центру разума, инициативы, решений, а является такой организацией, которая дает возможность проявления всех социалистических, творческих и инициативных сил, которая эту инициативу постоянно умножает и заключает в себе возможность контроля над чем-либо со стороны кого-

либо. Поэтому он делает такой упор на развитие прямой демократии, которая, несмотря на свою «примитивность», имеет историческое значение потому, что втягивает широчайшие массы в общественную жизнь»[1]. Это утверждение правильно. Однако Ленин такую *демократию называл социалистической* и противопоставлял ее *демократии буржуазной.* Социалистическую демократию он, конечно, не сводил к «одному центру разума, инициативы и решений». В его понимании конкретной демократии советского социалистического государства как власти народа, однако, *понятия «государство» и «народ»* имели всегда *четкое классовое и историческое определение;* роль господствующего класса, его партии, государства, массовых организаций трудящихся и Советов всегда у него была четко определена.

Но одновременно с определением места революционной партии рабочего класса, социалистического государства и других организаций ленинское толкование не допускало возможности игнорирования существенных различий между ними или понимания их на одном интегральном уровне. Эти проблемы и ряд других с ними связанных проблем В. И. Ленин наглядно объясняет в своих выдающихся работах, какими являются «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» и «Пролетарская революция и ренегат Каутский». *Мы полагаем, что без этих двух работ нельзя аутентично изложить и понять ленинские взгляды на демократию.* Шамалик предостерегает от опасности неправильной интерпретации ленинского понимания социалистической демократии и в то же время сам допускает односторонность.

* * *

В заключение я хочу подвести итог: обсужденные важные проблемы требуют еще более точного подхода и еще большей ответственности с точки зрения исторической конкретности и идейно-политической и теоретической однозначности.

Именно краткость публикации, изданной под редакцией Шамалика, не должна препятствовать более аргументированному изложению политической теории марк-

---

[1] «Dějiny politických a právních ideologií», s. 144.

сизма-ленинизма в понимании ее главных представителей — К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина. Именно краткость этой публикации требует соблюдения определенных пропорций. Трудно объяснить краткостью изложения, например, то, что Макиавелли уделяется больше пяти страниц текста, К. Марксу и Ф. Энгельсу, вместе взятым, — неполных три с половиной страницы, а В. И. Ленину — только три страницы. И при краткости изложения недопустимы такие формулировки, как: «Классическая политическая экономия, классическая немецкая философия, французский социализм схематически определяются как интеллектуальные источники и составные части марксизма»[1]. Никто из марксистов не считал и не считает классическую политическую экономию, классическую немецкую философию и утопический социализм *составными частями марксизма*!

5. Исторические и теоретические аспекты ленинского понимания политики

Марксистско-ленинское понимание политики как специфического социального явления в современном обществе имеет важное теоретическое значение и большую ценность для общественной практики.

Оно вносит теоретический вклад в борьбу с враждебной буржуазной, империалистической и ревизионистской идеологией, являясь свидетельством творческого развития марксизма вообще и политической теории в особенности. Значение политики и ее теоретического исследования для общественной практики в общенациональном государственном и международном масштабах повышается в той же мере, в какой оно дает возможность решения революционных и прогрессивных задач современного общества. Политика ставит перед каждым гражданином ряд вопросов, касающихся проблем мира во всем мире, дальнейшего развития всемирной социалистической революции, актуальных повседневных политических проблем, на которые следует дать ответ.

---

[1] «Dějiny politických a právních ideologií», s. 144.

Исторический комментарий

Марксистско-ленинское понимание политики имеет свою более чем столетнюю историю.

Марксистская политика и ее понимание исторически формировались в борьбе против буржуазии, ее политики и буржуазной политической идеологии в неразрывном единстве с революционной политической деятельностью международного рабочего класса в рамках развития марксизма-ленинизма вообще.

Исторически значимыми и переломными моментами этой политики в области общественной практики и теоретического исследования являются те события в мире, которые представляют собой этапы развития и осуществления ее сути, то есть различные этапы организации государственной власти рабочего класса.

С этой точки зрения первый этап марксистско-ленинского понимания политики включает исторический отрезок времени от издания «Манифеста Коммунистической партии» вплоть до победы Великой Октябрьской социалистической революции. Важнейшими событиями этого периода были Парижская Коммуна и победа Великой Октябрьской социалистической революции. В общих чертах первый этап включает время с 1848 по 1917 г.

С политической точки зрения первый этап можно разделить на несколько периодов. Первый период — от «Манифеста Коммунистической партии» до возникновения партии большевиков в России. Верная идейно-политическая характеристика этого периода дана «политическим завещанием» Энгельса от 1895 г. и сформированием партии большевиков в России как политической партии нового типа с основными программными политическими требованиями — диктатурой пролетариата и принципом пролетарского интернационализма.

Второй период первого этапа определен политикой партии большевиков с момента русской революции 1905 г., интернационалистической политикой большевиков во время первой мировой войны, политикой партии в Великой Октябрьской социалистической революции.

Второй этап включает исторический отрезок времени с момента Октябрьской революции и образования Союза Советских Социалистических Республик до победы социализма в СССР.

Третий этап марксистско-ленинского понимания политики включает исторический отрезок времени от победы СССР во второй мировой войне, включая возникновение отдельных социалистических стран, распад мировой колониальной системы, до сформирования мировой социалистической системы и возникновения антиимпериалистического национально-освободительного движения в мировом масштабе.

В этом этапе доминируют два периода: период возникновения отдельных социалистических стран и сформирования мировой социалистической системы (с возникающей социалистической интеграцией). Третий этап включает в общих чертах период времени с 1945 г. по семидесятые годы нашего столетия.

Характеристика первого периода третьего этапа определяется победой социалистической революции в других странах мира и образованием новых социалистических стран. Этот период политически связан с интернациональной проблематикой, классовой сущностью диктатуры пролетариата и ее разнообразными государственными или национальными проявлениями.

Второй период этого этапа связан с процессом создания мировой социалистической системы и ее *всесторонней конфронтацией с капиталистической системой.* Из этой реальности возникло основное противоречие современного мира и тенденции, определяющие его развитие, — противоречие между миром социализма и миром капитализма с постоянно возрастающим влиянием социализма на всемирное развитие. В этой обстановке важную роль играет именно ленинская политика.

Недооценивать, принижать знание политики или же игнорировать теоретические проблемы политики — это значит в данной ситуации открыть дорогу империалистической реакции. *Ленинская политика имеет всемирно-историческую миссию* в практике социалистической системы, международного рабочего и национально-освободительного движения.

По указанным причинам нельзя игнорировать различные концепции «Истории политических идеологий» Ф. Шамалика[1], где вопросы политической теории марк-

---

[1] См.: «Dějiny politických a právních ideologií», I+II, Universita Karlova, Praha, 1967.

сизма-ленинизма систематически интерпретируются в совершенно искаженном виде.

Историко-философские проблемы ленинского понимания политики требуют более фундаментальных, всесторонних теоретических исследований, чем это имело место до сих пор у нас. В этой связи необходимо хорошо осознать тот знаменательный факт, что в свое время КПЧ лаконично сформулировала главный политический тезис новейшей чехословацкой истории в форме категорического императива: «Не Масарик, а Ленин!» Главным противником коммунистической политики в Чехословакии является в этом смысле масарикизм не только своим происхождением, но и своим идейно-теоретическим генезисом и политической практикой.

Ф. Энгельс в своем «политическом завещании» на основании твердого опыта ради будущего развития мира отстаивает право международного рабочего класса на социалистическую революцию и диктатуру пролетариата. Тем самым он обобщает пятидесятилетний опыт борьбы международного пролетариата, ставя перед революционной партией категорическое требование подготовить эту революцию самым ответственным образом, самоотверженно, безотлагательно, не считаясь с трудностями; перед революционной массой он ставит задачу понять объективную необходимость и историческое значение этой революции и тем самым стать сознательным творцом истории.

Т. Г. Масарик отстаивает противоположную концепцию всемирной эволюции. Этой концепции он уделяет специально восемь страниц своего «Социального вопроса» (изданного в первый раз в 1898 г.) с многозначительным и внушительным заголовком: «Политическое завещание Энгельса: революция провозглашается невозможной и ненужной». Речь, однако, идет не только о вульгарной фальсификации содержания статьи Энгельса, как это видно из приведенного заголовка. Речь идет о фальшивой, ложной и политически враждебной интерпретации марксистских взглядов. Если сжато обобщить мысли, изложенные на упомянутых восьми страницах, то можно с полным правом сказать, *что фальсификацией статьи Энгельса Т. Г. Масарик* приходит к ложному выводу, что в «марксизме и социализме вооб-

ще наступает поворот во взглядах и *политической тактике* в пользу нереволюционной тактики»[1].

На основе этой своей фальсификации Масарик утверждает: «В 1895 г. Энгельс незадолго до своей смерти высказывается против революции»[2].

Такая фальсификация и извращение замечательной статьи Энгельса просто поразительны. По этому поводу стоит напомнить основные идеи предисловия Энгельса к работе Маркса «Классовая борьба во Франции», которую Т. Г. Масарик имеет в виду, говоря о «политическом завещании» Энгельса как о заветах для международного рабочего движения.

С точки зрения политики и политической теории важность статьи Энгельса заключается прежде всего в следующем:

1) Ф. Энгельс здесь формулирует *критерий научности политического анализа.* Если предпосылкой научности политического анализа является знание экономической обстановки в данной стране и в мировом масштабе, то подробное знание политической истории этой страны *является основной чертой научности политического анализа, объяснения политической эволюции, политических столкновений как выражения борьбы общественных классов и классовых фракций за их интересы.* Позиция политических партий по своей сути является адекватным выражением интересов классов и классовых фракций. Эти интересы обусловлены объективным развитием всего общества и экономическими причинами.

Вместе с тем из трактовки Энгельса логически следует, что если абстрактная редукция научной оценки анализа политического развития выражает только объективные, закономерные тенденции и процесс политического развития, то она не может поэтому оставить без внимания также исторически личные и иные мотивации политической деятельности и поведения личности, которые в рамках данной объективной реальности действуют.

2) Ф. Энгельс обосновывает причинную зависимость *успешной социальной революции и экономического развития.* Он приходит к выводу, что вследствие объектив-

---

[1] T. G. Masaryk. Otázka sociální. II, s. 286.
[2] Там же, с. 272.

ного развития производственных отношений *социалистическая революция исторически неизбежна. Победоносная и успешная революция рабочего класса,* обеспечивающая возникновение и развитие коммунистической общественно-экономической формации, была бы, однако, в данных условиях в практическом, политическом и военном отношениях возможной и реальной только как следствие *мирового экономического кризиса.* Энгельс формулирует этот вывод на основе опыта революционных битв 1830, 1848 и 1871 гг. и изучения развития общества в целом, которые показали способность буржуазии сохранять в период наступления и осуществления «промышленной революции» и вытекающей из нее «революции в военном деле» свою политическую власть и обеспечивать развитие общества в целом. Они показали также, что пролетариат не имеет реальных шансов на победу, пользуясь *старыми методами революционной борьбы.*

3) Далее Ф. Энгельс на конкретном примере социалистической революции объясняет функцию политической борьбы в процессе социальной революции. Революционный класс и его сознательный авангард, хотя они в своей борьбе исходили из стихийного, инстинктивного, в своих социальных истоках действительно неподавляемого политического движения, не могут победить в социалистической революции до тех пор, пока в условиях революционной ситуации не завоевали на сторону социализма большинство народа как сознательную и убежденную политическую силу. Поэтому победы социалистической революции в национальном, международном и всемирном масштабах можно достичь только *длительной революционной борьбой в течение целой исторической эпохи всемирной истории, на ее конкретных исторических этапах.*

Эта длительная революционная борьба будет продолжаться и после *победы социалистической революции;* она будет вестись не только против свергнутых эксплуататорских классов, но в модифицированной форме и между слоями «народа» с противоположными и противоречивыми интересами. Представление о революционном развитии после победы социалистической революции, которое игнорировало бы таким образом понимаемую борьбу, соответствует не программе революционного авангарда, а «вульгарной демократии».

4) Наконец, Ф. Энгельс формулирует адресованное рабочему классу и его революционной партии требование: овладеть всеми средствами политической борьбы с целью их использования при подготовке и проведении социалистической революции. Для достижения этой цели он призывает использовать все легальные средства, которые буржуазный политический строй представляет рабочему классу. При этом рабочий класс должен иметь в виду, что его тактика — всеми легальными формами и средствами добиваться для себя какой-либо господствующей позиции — доводит правящую буржуазию до отчаяния и нарушения установленной ею законности, ибо дает рабочему классу возможность подготовить лучшие условия и бóльшие силы для окончательной революционной борьбы. В такой обстановке буржуазные партии «погибают от созданного ими же самими легального положения»[1] и не находят другого средства воздействия на рабочий класс, нежели «нарушение конституции, диктатура, возвращение к абсолютизму»[2]. Рабочему классу и его партии надо с этим считаться.

Из вышеприведенного анализа Ф. Энгельс выводит для международного революционного движения неопровержимое, кристально ясное, политически однозначное и убедительное заключение:

Международный рабочий класс не отказывается от «своего права на революцию»[3].

Право на революцию — это действительно единственное историческое право, на котором основаны все без исключения современные государства, и, следовательно, на нем будет основано и государство рабочего класса — государство диктатуры пролетариата.

Социалистическую революцию необходимо подготавливать политически и идеологически в зависимости от объективных условий.

Вопреки такой оценке революционного развития в статье Ф. Энгельса Т. Г. Масарик написал о ней, что она означает поворот в пользу нереволюционной тактики, и приписал Ф. Энгельсу взгляд, согласно которо-

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, с. 546.
[2] Там же, с. 547.
[3] Там же, с. 545.

му он якобы отказывается от революции и даже высказывается против революции.

Сопоставление статьи Ф. Энгельса и книги Масарика убеждает, что их позиции диаметрально противоположны. Свой антимарксизм в вопросах революции и диктатуры пролетариата Т. Г. Масарик обосновывает или сознательной или несознательной, но, несомненно, фактической фальсификацией, препятствуя тем самым возможности научной полемики. Политическая служебная роль этой фальсификации Масарика представляется, однако, для буржуазии и реформистов весьма и весьма «ценной».

На ней заложен теоретико-исторический фундамент «чешского социализма» — одного из направлений специфической идеологии антикоммунизма в Чехословакии, для которого Т. Г. Масарик сформулировал вполне понятную программу уже в своем «Социальном вопросе». «При таком положении вещей марксистам не остается ничего иного, как пересмотреть не только отдельные науки, но и философские основы марксизма. *А эта критическая ревизия должна происходить совершенно сознательно и вполне открыто, невзирая на партию»*[1].

На этой теоретической основе Т. Г. Масарик после первой мировой войны, будучи уже президентом Чехословакии, построил целую концепцию антикоммунистического понимания политики чехословацкой буржуазией, отвергающую ленинизм как продолжение марксизма и научного социализма в новых исторических условиях. Его антикоммунистическая конструкция опирается главным образом на два идеологических постулата.

Основоположники марксизма — К. Маркс и Ф. Энгельс — пережили за свою жизнь идейно-политическую эволюцию. Сначала они исходили из принципа необходимости социалистической революции и диктатуры пролетариата; в зрелом возрасте, однако, на основе опыта они, мол, отреклись от революции, даже высказались против революции и завещали международному пролетариату путь реформ, реформизм.

В. И. Ленин и ленинизм, утверждает Масарик, в силу того, что они видят неизбежность социалистической революции для освобождения рабочего класса и всего

---

[1] T. G. Masaryk. Otázka sociální, II, s. 355.

общества, и в силу того, что в этой революции и из нее возникла власть рабочего класса — диктатура пролетариата, — в которой они усматривают сущность научного социализма и практической политической программы социалистического строительства, вступают в принципиальное противоречие с тем, к чему постепенно пришли К. Маркс и Ф. Энгельс. Поэтому ленинизм, по словам Масарика, это не подлинный марксизм, не применение и даже не творческая разработка марксизма в новых исторических условиях, а, скорее, доказательство опровержения и отрицания марксизма как такового.

В такой ситуации, согласно Т. Г. Масарику, буржуазный реформизм представляет собой реальный путь к осуществлению вековых стремлений человечества к социальной справедливости. Теория буржуазного реформизма становится для Т. Г. Масарика одновременно главным оружием и средством воинствующего антикоммунизма в Чехословакии и реализации буржуазных реформ, направленных на укрепление господствующего положения правящего режима. В этом смысле у Т. Г. Масарика речь шла не о надпартийном, конституционном политическом примирении, не об объективизме и политическом индифферентизме в борьбе пролетариата с буржуазией, но действительно о воинствующем антикоммунизме, который он прямолинейно выражает словами: «У нас в Чехословакии мы, основоположники республики, в зародыше подавили большевизм тем, что решительно встали на путь социальных реформ»[1]. Схематично, но выраженный политически точно подход Масарика таков: К. Маркс и Ф. Энгельс в конце концов сами отказались от революции и диктатуры пролетариата; ленинизм видит в них сущность марксизма, а поэтому не является новым творческим этапом развития марксизма. Поэтому выходом из положения для чехословацкого рабочего класса и независимого чехословацкого государства является буржуазный реформизм, вообще идейно-политически формулируемый как «гуманизм», конкретно-политически — как концепция «гуманной демократии».

Масариковская концепция гуманизма и «гуманной демократии» составляла ядро антикоммунистической по-

---

[1] T. G. Masaryk. Cesta demokracie. I, Praha, 1934, s. 463.

литики чехословацкого буржуазного государства, а также основу антикоммунистической политики большинства буржуазных, мелкобуржуазных и реформистских партий в Чехословакии. К этому «чешскому социализму» как антикоммунистической политической программе вернулись правые силы и реакция в 1945—1948 гг.; к нему опять возвращались контрреволюционные силы в недавно миновавшие годы, то есть в 1968—1969 гг., теперь уже совсем откровенно и прямо. Их программные декларации это убедительно доказывают.

Следовательно, социально-политическая концепция Масарика и его философия с самого начала являются антимарксистскими и антикоммунистическими по своей сути. С этой точки зрения теоретическая работа Масарика и его практическая политическая деятельность во все периоды его жизни составляют единое целое. Политическая острота и воинственность Масарикова антикоммунизма, связанная после 1917 года с активным антисоветизмом, гораздо более четко выражена в период после Великой Октябрьской социалистической революции и в период его президентства, чем перед этим. Все это определено политической позицией Масарика.

Ряд марксистов в своих интерпретациях теоретической работы Масарика и его практической политики упустили из виду эти факты, поэтому мы часто видим наивные попытки соединения масарикизма с марксизмом-ленинизмом; в 1968—1969 гг. мы были даже свидетелями попытки «возрождения» марксизма-ленинизма с помощью масарикизма.

Даже в этом случае речь идет только о воинствующем антикоммунизме, составной части идеологической подготовки и обоснования контрреволюции.

В заключение этой главы резюмируем некоторые теоретические проблемы.

Вопросы теории

Из того факта, что политика является специфическим социальным явлением классового общества, несомненно, следует ее объективно классовая и идеологическая детерминация. Нам важно не понимание политики

вообще или же так называемое общее понимание политики, а научная абстракция марксистско-ленинского понимания политики, неделимой частью которой является научно обоснованное обобщение отражения объективного познания в конкретной исторической обстановке. Поэтому мы стремимся к наиболее точному, наиболее объективному, ленинскому научному пониманию политики. Эта политика — отражение интересов рабочего класса в его борьбе с буржуазией за построение социализма, за коммунистические перспективы.

С марксистско-ленинской классовой точки зрения, с точки зрения объективных интересов рабочего класса, самое основное в политике, как уже было доказано, — *организация государственной власти.* Другими словами: объективно классовая и идеологическая детерминация политики проявляется и находит свое выражение в организации государственной власти; все остальное в политике является производным от этой организации.

Тем самым в марксистско-ленинском понимании политики предопределены положение и роль господствующего класса в качестве основы государственной власти, а также положение и роль других политических субъектов. Из классовой и идеологической детерминации политики, выраженной прежде всего организацией государственной власти, вытекает объективная иерархизация политических субъектов, а тем самым предметное, качественное отличие политической власти от гражданских политических прав, гарантированных конституцией, правопорядком и законами. Они вообще действительны, но в конце концов являются лишь выражением воли господствующего класса и его союзников.

Марксизм-ленинизм считает общественные классы основными субъектами политики. Верховными субъектами политики являются, однако, господствующие классы, потому что как раз они и создают конкретные (прежде всего государственные) средства всестороннего и вообще действенного проведения своей политики, определяя таким образом политику вообще.

Субъектами политики выступают также разные общественные слои, равноправные граждане как самостоятельные личности и различные объединения граждан. Однако в иерархии политических субъектов ни в коем

случае нельзя отождествлять или ставить на один уровень гражданина и господствующий класс или же гражданина и класс вообще. Согласно воле господствующего класса, возведенной в закон, человеческая личность — индивидуум — является или полноправным гражданином или нет и, аналогично, согласно той же воле устанавливается объем ее гражданских и политических прав; она определяет возможности субъективной политической деятельности и участия гражданина в политике.

Подробная и исчерпывающая марксистско-ленинская дефиниция и иерархизация политических субъектов являются предметом теоретического изучения, имеющего чрезвычайно важное значение. Чтобы это изучение было в научном и политическом отношении плодотворным, нельзя игнорировать вышеуказанный классовый подход, который является принципиальным.

Важной частью ленинского понимания политики, которая принципиально и всесторонне отличается от немарксистских взглядов на политику, является предпосылка, что политика в современном обществе начинается именно там, где миллионные массы принимают сознательное участие в политике. Фактор сознательности миллионных масс — условие, лимитирующее правильное понимание и реализацию марксистско-ленинской политики, — является теоретическим обобщением многолетнего опыта революционной борьбы прошлого столетия и начала XX века. Классики марксизма-ленинизма, особенно Ф. Энгельс и В. И. Ленин, сопоставляя анализ прошлого развития революционного рабочего движения с его перспективами на рубеже XIX и XX веков, пришли к выводу, что задачи социалистической революции (в национальном и международном масштабах в период борьбы за политическую власть и построение социализма) можно успешно решить только при сознательной политической активности миллионных масс, реализующих свои собственные объективно данные экономические и политические интересы. Опыт революции 1848 г., Парижской Коммуны, политических успехов немецкой социал-демократии в целом показал, *что рабочий класс открывает новый исторический этап понимания политики и политической борьбы.* Опыт партии большевиков во всех русских революциях подтвердил эту

глубоко познанную и дорогой ценой добытую истину, правильность которой еще раз была доказана возникновением и формированием мировой социалистической системы. *Речь, однако, идет о сознательности миллионных масс, а не о простой поддержке сознательного меньшинства миллионными массами.* Глубокое убеждение должно превратиться в цель жизни; речь, следовательно, идет не о кратковременной вспышке радикального энтузиазма.

Фактор участия миллионных масс в политике — фактор сознательности миллионных масс как основы развития субъективного момента в политике является элементарным исходным пунктом политического самосознания класса. Его историческая миссия заключается в придании политике научного характера, возможности верификации ценности политических идеалов движения, проверке точек зрения. Политика «очеловечилась» со всеми из этого вытекающими положительными и отрицательными явлениями, которые влияют на развитие политических событий и борьбы, усложняют проблематику отношений и порождают моральные дилеммы для отдельных личностей и целых народов. *Благодаря сознательности миллионных масс реальным фактором политической силы становятся не только средства власти классического порядка, но и настоящая идеологическая борьба;* идеологическая борьба — постоянная и неделимая часть политики. Поэтому отдельные личности могут порой занимать по отношению к объективным политическим интересам отдельных классов особую позицию, относительно независимую от своего социального положения, своих знаний и личных качеств, относительно независимую от исторически познанной действительности — от объективной истины.

Имеющийся в политике потенциальный элемент «иррациональности» нередко искупается трагическими последствиями практического опыта; притом всегда недостаточно опыта авангарда и тем более отдельной личности, но часто требуется именно собственный опыт миллионных масс в кризисных ситуациях, находящих принципиальное, часто революционное политическое решение. Поэтому нельзя считать действенной и успешной революционную политику, если она не является реальной, перспективной, прогностически не направляется марк-

систско-ленинской партией и не основана на политической сознательности, самоотверженности и энтузиазме масс, неотъемлемой частью которых является партия. Только эти факторы в политике и политической борьбе могут устранить кризисные и стрессовые ситуации, решение которых одними педагогическими и гносеологическими средствами не всегда действенно в интересах миллионов, десятков миллионов или сотен миллионов людей.

Поэтому понимание политики с точки зрения объективных интересов сознательных миллионных масс является не только новой ступенью в развитии политической теории эпохи марксизма-ленинизма, но прежде всего новым фактором мировой политики.

Здесь возникает еще один важный теоретический вопрос марксистско-ленинского понимания политики: вопрос взаимоотношения науки и политики или, точнее, вопрос научности в политической деятельности партии и в организации государственной власти.

Признание объективного существования законов развития общества, усилия, прилагаемые с целью их наиболее точного познания и прежде всего их сознательного целеустремленного применения при концептуальном управлении развитием общественной практики (только в этом смысле слова можно с полным правом говорить о скачке из царства необходимости в царство свободы), давали и дают возможность концептуального (и не только спорадического и частичного) применения научных знаний в политике.

Может даже сложиться впечатление, что области политики и науки совершенно удалены друг от друга. Ведь это области человеческой деятельности, имеющие разную общественную цель и назначение. В то же время, однако, это — области человеческой деятельности, которые в современном обществе имеют особое и исключительное положение. Политика и наука оказывает на всю общественную жизнь наиболее глубокое, наиболее всестороннее и целеустремленное воздействие прежде всего с точки зрения интересов господствующих классов. Помимо прочего, и по этой причине политика и наука становятся предметом общей заинтересованности, и их общественные последствия теоретически изучаются с такой интенсивностью, как никогда ранее (для иллю-

страции достаточно припомнить всю широту проблематики создания самостоятельных научных областей, какими являются, например, «наука о науке» и «политические науки»).

Вот почему, если мы хотим объективно правильно понять действительные взаимоотношения политики и науки без грубых ошибок и искажений, то мы должны осознать их относительно независимое положение в современном обществе и их общественные функции и назначение. Притом надо полностью учитывать и тот факт, что «современное мировое общество» представляет собой сосуществование мировой системы социализма и мировой системы капитализма — сосуществование капиталистической и коммунистической общественно-экономической формаций. Этот факт должен оказывать значительное и порой решающее влияние на *сущность* субъекта политического познания, которая является прежде всего совокупностью общественных отношений, потому что сам *субъект* политического познания (прежде всего рабочий класс) имеет свою собственную внутреннюю структуру, которая исторически развивается.

Если мы оцениваем с точки зрения марксистско-ленинского понимания политики рабочий класс как субъект познания, учитывая его историческую миссию прежде всего в социально-политической области, то совершенно очевидной становится *партийность* его научного познания. Рабочий класс как объективный гегемон коммунистической общественно-экономической формации, заново родившийся из социалистической революции, своей политической и идеологической деятельностью занимает всегда определенную позицию по отношению к развитию научного познания вообще; он никогда не может быть индифферентным в этих вопросах, потому что не только прогрессивные, но и реакционные тенденции являются обычным попутным явлением самого прогресса науки. Эти же причины и из них вытекающие задачи и предназначение рабочего класса приводят к возникновению единой марксистско-ленинской партии — политической партии нового типа — и ее руководящей роли. Только эта последовательно революционная, теоретически зрелая партия рабочего класса способна решить сложные вопросы развития науки и весь комплекс проблем трансформации научных знаний в обществен-

ную практику. В этом направлении обнаруживается сложная научная задача изучения процесса и тенденции к интеграции политического и научного управления социалистическим обществом коммунистической, марксистско-ленинской партией и соответствующими органами социалистического государства[1]. В этом направлении доминантным вопросом теоретического исследования является объективное единство реализации классово-политических интересов и объективных данных науки в общественной практике, в рамках социалистического строительства.

Важные партийные постановления и государственные директивы выражают не только объективные научные знания, но и коллективные решения, принятые демократическим путем, которые обеспечивают достижение исторически правильного и делового решения проблем и единство действий и взглядов революционного движения. Тем самым практическая политика поглощает научные знания как свою неделимую часть, а научные знания с ее помощью становятся орудием практического действия.

Не менее важную роль в ленинском понимании политики играет ее отношение к экономике. В сущности, речь идет об основном тезисе ленинизма, доказывающем первенство политики (перед экономикой). Для общественной практики этот тезис является аксиомой, непосредственно соответствующей действительности, в истинности которой нас столь беспощадно снова убедили события 1968 г., а именно, что без правильной политики и ее первенства господствующий класс не удержит своего политического господства, политической власти и что без политической власти он перестает быть господствующим классом, способным решить свои экономические задачи или создать собственную экономику и управлять целым обществом. В теоретическом плане лучшим доказательством правильности этого тезиса является ленинское обоснование понимания политики как концентрированного выражения экономики, отражения объективных экономических отношений, которые в конце концов являются определяющими причинами общест-

---

[1] См.: J. Obzina. Postavení a rozvoj vědy v naší zemí. — «Život strany». Praha, 1967, № 23.

венного развития. Ленинское понимание политики предполагает ее первенство по трем приведенным причинам: с точки зрения сущности политики как организации государственной власти; с точки зрения фактора сознательности миллионных масс; с точки зрения рабочего класса как специфического субъекта научного познания, управления и революционного преобразования общества.

В этом ленинском понимании политики отрицание ее первенства есть «contradictio in adjecto»: либо это понимание политики достаточно обосновано объективным научным познанием, а тем самым обосновано и ее первенство в указанном социально-политическом и историческом контексте, либо они оба теряют смысл — это, однако, означает ликвидацию организаторской и направляющей роли социалистического государства, отрицание гегемонии рабочего класса и его исторической миссии и прежде всего ликвидацию руководящей роли партии. Забывать эти факты — значит забывать азбуку марксизма... Поскольку ленинская политика является революционной политикой современной эпохи, она становится в руках рабочего класса главным орудием социалистического и коммунистического преобразования мира. В этом заключается, помимо ее революционного значения, и ее общечеловеческое, гуманное значение.

В общем, ленинское понимание политики представляет собой комплексное теоретическое орудие рабочего класса и марксистско-ленинской партии для революционного социалистического и коммунистического преобразования мира.

Глава II

ДЕМОКРАТИЯ КАК ФОРМА ГОСУДАРСТВА, ОСНОВАННОГО НА ВЛАСТИ НАРОДА

Марксизм-ленинизм понимает демократию *как власть народа* и *как форму государства*; следовательно, в классовом и политическом смысле это понимание направлено против спекулятивно понятой демократии как антропократии.

Демократия — это власть народа; так ее определяет В. И. Ленин, и большинство теоретиков и политических деятелей, включая и буржуазных, с таким толкованием соглашаются. Однако сразу же возникают существенные различия в том, каким содержанием наполнено это определение. Поэтому необходимо конкретизировать понятие «народ» и его отношение к политической власти. По этому вопросу существуют абсолютно противоположные точки зрения; поэтому-то и так различно трактуется понятие «народ», производным от которого является понятие демократии, хотя общепризнанным является факт, что без активного, легального участия народа в политике общества и государства не может быть и речи о демократии. Поэтому серьезное научное понимание демократии предполагает изучение проблем, связанных с толкованием понятия «народ», уделяя при

этом основное внимание политическим аспектам рассматриваемой проблематики.

Рассмотрение этих вопросов может быть научным только при условии классового подхода к явлениям общественной жизни.

1. Классовый и политический характер демократии

Вопрос о демократии может быть научно объяснен лишь в органическом единстве с вопросом о классовой борьбе. В Чехословакии этот вопрос приобрел особую остроту на практике после образования буржуазной республики в 1918 г. Буржуазные идеологи и политические деятели типа Т. Г. Масарика и Э. Бенеша использовали вопрос о демократии в качестве прикрытия реакционных целей чешской буржуазии.

Принципиальный подход к проблемам демократии и ее главные общие принципы с точки зрения политической теории и практики Э. Бенеш формулирует в двадцатые годы в нашумевшей тогда лекции «Затруднения демократии». В ней он пропагандирует борьбу против «правого и левого экстремизма» в политике и под видом предостережения против опасности реакции и фашизма сосредоточивает главное внимание на росте революционного коммунистического движения и требовании изменить существующую политическую власть буржуазии. Бенеш в ту пору не считает основной проблему борьбы с теократией, как это делал в свое время Масарик, а нацеливает на то, чтобы воспрепятствовать росту фашизма, подавить коммунистическое движение и преодолеть закостенелые, традиционные капиталистические взгляды, усматривающие спасение капитализма в возврате к политическому либерализму. При решении этих проблем Бенеш приходит к «гуманной демократии» — к антропократии как исходному пункту для политической борьбы с либерализмом, фашизмом и коммунизмом.

Проблемы и принципы демократии, сформулированные Бенешем главным образом в «Затруднениях демократии», были включены позднее дословно либо в исправленном виде в программы национально-социалистической партии как в 1931, так и в 1947 гг. Поэтому

бесспорным является тот факт, что вовсе не Бенеш принимает программу национально-социалистической партии, а, наоборот, национально-социалистическая партия воспринимает его теоретико-политические и философские взгляды.

В историческом экскурсе о демократиях древнего мира, средневековья, «либеральных» и «современных» Бенеш формулирует исходные политические и теоретические принципы, с которых начинает разбор актуальных проблем демократии. С теоретической точки зрения речь идет о решении проблем *общих* принципов и *специфических* особенностей и черт демократии как формы государства отдельных общественно-экономических формаций. *Бенеш, однако, отрицает марксистско-ленинское понимание классовости и политичности как общих принципов демократии* и, наоборот, считает классовый и политический характер прошлых демократий недостатком, ограниченностью и специфической чертой конкретных исторических типов прежних демократий. Он считает, что классовость и политичность, рассматриваемые с точки зрения демократии, — явления единичные, может быть и повторяющиеся, но ни в коем случае не основные принципы, характеризующие демократию как конкретное историко-политическое явление. Классовость и политичность для Бенеша являются особыми чертами демократии, которые нужно преодолеть и отвергнуть как в области идеологии, так и в области политической практики всех существующих классов, в особенности буржуазии и рабочего класса, но при этом невозможно и не нужно устранять классы как таковые.

Классы останутся, но нужно устранить классовость и политичность демократии, так как классовое якобы означает аморальное и антидемократическое.

Такое утверждение должно быть доказано. Однако Бенеш этого не делает; он только отвергает со своей моральной точки зрения эти принципы демократии, считая их нечеловечными, или «толкует» их таким образом, что они теряют смысл. Античную демократию (точнее, греческую и римскую) как и все остальные демократии, за исключением демократии «современной», он обвиняет в том, что она «разделяла, при этом весьма резко, народ на классы и касты. Поэтому она характеризуется чем-то таким, что ныне для нас является недемократи-

ческим par excellence». Это первый важный упрек, из которого вытекает и другой упрек, а именно что «демократия древних веков была узкополитической...»[1].

Бесспорным является тот факт, что между отдельными историческими формами демократии имеются и различия моральные, вытекающие из конкретно-исторического развития их классовой сущности, проявляющегося в виде качественных различий между классами и общественно-экономическими формациями вообще. Существует явное различие между классом эксплуататоров и классом эксплуатируемых — между рабовладельцами и рабами, феодалами и крепостными, капиталистами и рабочим классом. Равным образом коренные различия существуют между рабовладельцами, феодалами и капиталистами и между рабами, крепостными и рабочими. Но, несмотря на все эти различия, классы как таковые продолжают существовать. Поэтому, хотя и имеется существенное различие между демократией античной, демократией средневековой (со всеми ее ограничениями и особенно специфическими проблемами), демократией либеральной и так называемой демократией «современной», это не означает, что одна демократия является классовой, а другая, возможно, неклассовой.

Бенеш в пользу своего предвзятого утверждения приводит единственный «аргумент» — требование нравственности и человечности современной демократии, которые, мол, нельзя сравнивать с классовостью, а особенно с классовым разделением общества и из этого вытекающей классовой борьбой и классовой ненавистью. Масарик, например, за отрицание классовой ненависти к буржуазии хвалил социал-демократов и национальных социалистов. Бенеш в этом направлении идет точно по стопам своего учителя. Классовую ненависть он использует как основной аргумент против классового характера прошлых демократий и понимает ее как недемократический элемент современного капиталистического общества.

Но классовая ненависть является производной от реальных законов классовой борьбы. Замечательно сказал молодой тогда поэт Иржи Волькер, в сознании которого зрела коммунистическая убежденность. Так, раз-

---

[1] E. Beneš. Nesnáze demokracie. Praha, 1924, s. 4.

мышляя над нравственностью классовой борьбы и классовой ненависти, он писал: «До тех пор, пока будут существовать классы, будет существовать классовая ненависть между ними. До тех пор, пока будут существовать классы, будет существовать затхлость сердец. Классы ты должен сначала преодолеть, и потом исчезнет остальное. Допустим, что можно было бы устранить классовую ненависть при существовании классов! Ничто бы так не повредило пролетариату, как это. Он бы превратился в скот с вечным ярмом, так как именно ненависть помогает ему поддерживать его человеческое достоинство. Классовая ненависть — сила, которая сама свергнет классы... Слеп тот, кто этого не видит. Говорю: бесчувственным, а не «внутренне свободным», является тот, кто не понимает, на какую сторону становится его собственное сердце в этот решающий час»[1]. Нет сомнений относительно духовного и нравственного превосходства Волькера над Масариком и Бенешем. Но это убеждение не может служить доказательством того, является ли демократия по своему характеру и сущности классовой или нет. Проблема заключается именно в том, что является сущностью демократии: нравственность или классовость. Давайте рассмотрим данный вопрос именно с этой точки зрения.

Само деление общества на классы не является демократическим или недемократическим; оно является объективной реальностью современного общества, а поэтому и источником демократии и, более того, первопричиной ее возникновения. Речь, в сущности, идет о разделении общества на народ, то есть в своей сути революционную и прогрессивную часть общества, реального носителя демократии, и на реакцию — противника демократии. История подтвердила, что демократия, носителем которой является как раз народ, играет значительную роль и после исчезновения реакции даже в том случае, когда исчезли антагонистические противоречия (вместе с реакцией не исчезают классы и классовое деление). Тут мы как бы внешне «приближаемся» к теории Бенеша, от которой нас отделяет еще более глубокая пропасть, чем раньше. В развитом социалистическом обществе, в котором нет антагонистических классов

[1] J. Wolker. Dílo. Praha, 1958, s. 494—495, 491.

и их остатков, демократия все еще является выражением политической власти неантагонистических, братских классов социалистического общества, опирающейся на отношения товарищеской помощи и взаимопонимания. Естественно, что классовый характер социалистической демократии закономерно требует перехода к бесклассовому коммунистическому обществу, к той стадии развития общества, которую Бенеш и национально-социалистическая партия отвергают, считая ее нереальной. Учитывая их взгляд на общество, можно сделать вывод, что они не отрицают, но по-своему модифицируют классы и классовую борьбу.

Наличие классов и классовой борьбы Бенеш и национально-социалистическая партия признают. «Мы не отрицаем и классовую борьбу, если под ней понимается борьба разных группировок с различными интересами, а не гражданская война. Общественные классы существуют, хотя их не только два, хотя развитие не ведет к постепенному упрощению, к расслоению общества на капиталистов и пролетариат, как учил Маркс. Классовая борьба в нашем понимании не означает, что существуют два точно разграниченных фронта; она означает, что резко сталкиваются интересы и принципы, вероятно, и две морали»[1]. Далее идет демагогическое заявление, что, мол, «наша партия видит все свои задачи с точки зрения *национального единства.* Хотя она видит факт и необходимость борьбы между различными интересами, все же *в первую очередь она проводит разделение между людьми и лагерями в соответствии с принципами и духовными качествами,* а не только в соответствии с принадлежностью к определенным классам, которые, помимо всего, в наше время трудно разграничить»[2].

Однако самым важным для национально-социалистической партии является утверждение о том, что «научная теория о создании бесклассового состояния в обществе оказалась совершенно ошибочной и с научной точки зрения потерпела полное фиаско»[3].

Итак, недемократичность и аморальность классового деления общества заключаются, мол, не в отрицании

[1] «Program a zásady Československé strany národně socialistické». Praha, 1933, s. 159—160.

[2] Там же, с. 162.

[3] Там же, с. 57.

существования классов и классовой борьбы, а в существовании *определенных теорий классовой борьбы,* в особенности же тех теорий, которые в делении общества на классы видят основу общественно-политической структуры и которые классовую борьбу доводят до конца, то есть до борьбы между двумя точно разграниченными фронтами и, наконец, до борьбы за создание бесклассового общества.

Эти теории существования классов и классовой борьбы являются для Бенеша и национально-социалистической партии аморальными и недемократическими, так как демократическими теориями классов и классовой борьбы, мол, являются те, которые разделяют людей и политические группировки в соответствии с «принципами и духовными качествами», а не только в связи с принадлежностью к определенным классам, да вдобавок еще с такими «принципами и духовными качествами», которые признают «сотрудничество классов и медленную, соответствующую развитию замену современной общественной организации организацией новой, отвечающей требованиям социализма, то есть социалистической»[1].

Классовую борьбу они понимают как сотрудничество и гармонию классов, и, более того, классовая борьба без социальной революции становится «моральной» основой демократии, потому что, «если возникнут между нами, между классами и партиями, разногласия, мы должны использовать при их разрешении такие методы, которые выражают уважение к человеческому индивидууму и гуманной философии, методы мирного взаимопонимания, третейского разбирательства и лояльного корректного содействия»[2].

В том, что здесь в действительности скрывается политическое отрицание революции как раз в тот момент, когда революция назрела, можно убедиться по нижеследующим словам, произнесенным тоном приказа: «Итак, если в определенных политически и экономически развитых государствах дело дойдет до такой степени развития, что без сотрудничества рабочих, социалистических масс нельзя будет в этих государствах управлять,

---

[1] «Program a zásady Ceskoslovenské strany národně socialistické». Praha, 1933, s. 59.

[2] Там же, с. 21.

то теряет свое право революционный метод и в интересы и в обязанность социалистических партий входит применение метода эволюционного социализма, конструктивного в полном смысле этого слова»[1]. Вот это в «гуманной демократии» рассматривается как сущность неклассовой, моральной основы демократии. *Здесь необходимо осознать, что речь идет не о судебном или полицейском приказе буржуазии, а о программе «социалистической» партии*! Моральной сущностью «демократии» в концепции «гуманной демократии» является реформизм, отрицание революции.

Аморальными, антидемократическими поэтому, согласно Бенешу и национально-социалистической партии, в конце концов являются такое разделение общества на классы и такая классовая борьба, которые стремятся вылиться в социалистическую революцию, ведущую к диктатуре пролетариата и бесклассовому обществу. Демократия, к которой приводит и которую делает возможной такое развитие, является, мол, аморальной, и поэтому она, собственно, не может быть демократией. «Демократическое» par excellence, или, точнее говоря, «pour excellence» — это такое понимание классов и классовой борьбы, которое ведет к вечному сохранению классов с вытекающими из этого фиктивными понятиями «вечной гармонии и сотрудничества». При этом делается вид, что такое понимание якобы не в интересах господствующей буржуазии как класса, а в интересах всего народа, в интересах развития человеческого индивидуума и его морали, в интересах гуманизма и человека! Наивный человек мог бы задать вопрос, почему это «недемократическое» разделение общества на классы столь усердным образом «демократически» увековечивается, абсолютизируется? Мы, однако, советуем обратить внимание на то, из каких источников приверженцы этих взглядов черпают аргументы для отрицания классового характера демократии.

В первую очередь это буржуазный национализм, который спекулятивно использует интересы классов и интересы народа при объяснении неразрешимых противоречий. Далее реформизм, отрицающий доведение классовой борьбы до социалистической революции, до созда-

---

[1] Там же, с. 61.

ния социалистического государства рабочего класса и до построения бесклассового общества. И наконец, это философский идеализм, под влиянием которого национально-социалистическая партия завершает свой буржуазный реформизм, придя к заключению, что «социализм тем самым оставляет научно-материалистическую концепцию и, в сущности, принимает идеалистическую философию, философию «человечности». Борьба между коммунистической теорией и послевоенной социалистической идеологией (так Э. Бенеш и его сторонники именуют идеологию национально-социалистической партии Чехословакии. — *Я. О.*) основана на глубоких переменах в жизни нашей страны в этот период»[1]. Вышеприведенные слова можно с марксистско-ленинских позиций рассматривать как умеренную критику измены социалистической идеологии, выраженную в общей форме. Но в программе национально-социалистической партии эти слова приведены не как критические, а, наоборот, как позитивные, входящие в программу партии, как выражение идеи, которой авторы гордятся и которую считают результатом упорного творческого труда и развития их теоретического мышления.

Таким образом, «гуманная демократия» встает на антикоммунистическую платформу и ее антикоммунизм оказывается связующим звеном между национализмом, реформизмом и идеализмом во всей концепции «гуманной демократии». Антикоммунизм является определяющим политическим мотивом «гуманной демократии», несмотря на то, что она критически относится как к фашизму, так и к грубым репрессиям буржуазного государства, опирающегося на буржуазную демократию. И не удивительно, что в «Затруднениях демократии» Бенеша можно прочесть, что «философия большевизма содержит как антидемократические, так и ультрадемократические элементы»[2]. В программе Чехословацкой национально-социалистической партии говорится, «что принцип диктатуры пролетариата — это принцип, в первую очередь противоречащий идеям демократии, так как демократия требует прежде всего свободы выбора и

---

[1] «Program a zásady Československé strany národně socialistické». Praha, 1933, s. 59.

[2] E. Beneš. Nesnáze demokracie, Praha, 1924, s. 43.

свободы подчинения государственному аппарату без какого-либо принуждения... Это принцип, свойственный всей доктрине: из нее он исходит и составляет один из существенных ее элементов. Даже в этом коммунизм антидемократичен»[1].

Далее программа национальных социалистов полностью отрицает политику КПЧ и Коминтерна и ясно формулирует свою антикоммунистическую точку зрения, объясняя ее так: «Для практической политической борьбы так называемый научный социализм создал принцип классовой борьбы, который по своей сущности, будучи последовательно продуманным и доведенным до конечных выводов, является недемократическим. Эта идея противоположна идеям гуманизма, она приводит к материалистической философии — идея гуманизма предполагает нематериалистическую философию»[2]. Становясь в позу объективизма, идеологи национально-социалистической партии истолковывают антидемократизм как продукт классовой борьбы в абсолютном смысле этого слова, невзирая на того, кто ведет классовую борьбу, эксплуататоры или эксплуатируемые. По их утверждениям, антидемократизм якобы проявляется двумя способами, а именно: «...у современной буржуазии он вызван беспокойством о том, чтобы широкие массы, не имеющие собственности, но находящиеся в большинстве, не решали сами вопросы разделения материальных благ», а в революционном рабочем движении, в «ортодоксальном» социалистическом движении «принципу равенства людей противопоставляется принцип неравенства людей. Фактическое состояние неравенства людей составляет основу всей организации общества»[3]. Другими словами, на основе теории классовой борьбы вырастает, по мнению Бенеша и Чехословацкой национально-социалистической партии, материалистическая теория, враждебная демократии, которая угрожает демократии справа в том случае, если является сопротивлением «имущих и богатых», и слева, если революционный рабочий класс принимает принцип существования классов в качестве основы всей своей политики, направ-

---

[1] «Program a zásady Ceskoslovenské strany národně socialistické. Praha, 1933, s. 24.

[2] E. Beneš. Nesnáze demokracie. Praha, 1924, s. 18.

[3] Там же, с. 35.

ленной на социалистическую революцию и на создание коммунистического общества.

Эти антикоммунистические взгляды как раз и провозглашаются глубокими изменениями социалистической идеологии после первой мировой войны. Теории революционной классовой борьбы, социалистической революции и диктатуры пролетариата как средства достижения бесклассового коммунистического общества являются аморальными и антидемократическими элементами социалистической идеологии, и поэтому в концепции «гуманной демократии» заменяются так называемым идейным расширением старой демократии, так как Бенеш и вместе с ним национально-социалистическая партия считают основным отличительным признаком современной демократии, то есть «демократии гуманной», ее расширение во всех направлениях, а это означает, что «демократия расширяется, с одной стороны, в объеме и численности политических институтов, с которыми соприкасается, и, с другой стороны, вглубь, так как начинает проникать и в остальные сферы общественной жизни: в институты социальные, экономические и культурные. Она расширяется, в конце концов, и в идейном отношении в том смысле, что становится целым философским понятием жизни, философской и социальной системой, жизненной концепцией, которая проникает во все сферы жизни тех людей, которые начинают исповедовать новую демократическую веру»[1].

Эта точка зрения в полном объеме включена в программу национально-социалистической партии 1931 г. с последующим демагогическим дополнением, что якобы расширение демократии вглубь иногда почти соприкасается с социализмом, иногда сливается с ним и что идейное расширение демократии как жизненная концепция имеет такое свойство, что «проникает во все сферы жизни государства и общества»[2]. Тезис об идейном расширении демократии занимает в концепции «гуманной демократии» значительное место, так как, с одной стороны, выдается за своеобразную попытку трансформировать политическую теорию демократии в философское

---

[1] E. Beneš. Nesnáze demokracie. Praha, 1924, s. 5.

[2] «Program a zásady. Československé strany národně socialistické». Praha, 1933, s. 18.

понятие жизни, в философскую и социальную систему, в неизменную концепцию, с другой стороны, должен содержать новую концепцию демократического и социалистического развития. Основной мыслью этой концепции, приносящей идейное расширение демократии, является интерпретация лозунгов французской революции, сосредоточенная на понятии «человечности», так как, мол, «...понятие человечности... полностью выражает содержание всей философии демократии»[1].

Содержание понятия «человечность», однако, представляет собой специфическую интерпретацию лозунгов французской революции: свободы, равенства и братства; или основа понятия «человечности» (а вместе с тем и демократии) предопределена как раз этими лозунгами буржуазной революции. Специфичность их интерпретации в понятии «гуманной демократии» оказывается, однако, контрреволюционной как по отношению к их первичному историческому значению, роли, которую эти лозунги сыграли во времена возникновения буржуазного общества в борьбе против феодальных догм, так и в духе революционной традиции, присущей французской революции, смыслом которой является революционный захват политической власти новым классом и установление новой, исторически более прогрессивной общественно-экономической формации.

Контрреволюционный смысл интерпретации этих лозунгов, составляющий в «гуманной демократии» основу идейного расширения демократии, нацелен как раз против самого революционного класса буржуазного общества — против рабочего класса и его общественных, особенно политических, целей. При всем этом, из чисто агитационных соображений, функциональное значение демократии, основанное на философии «человечности», опирающейся на особую интерпретацию свободы, равенства и братства, толкуется в лекциях Бенеша «Затруднения демократии» и в программе Чехословацкой национально-социалистической партии антикапиталистически. «Демократический строй не должен быть, — подчеркивается в этих документах, — как это было до сих пор, опорой капиталистического экономического строя, кото-

[1] E. Beneš. Nesnáze demokracie. Praha, 1924, s. 7.

рый не обеспечивает нормальных материальных условий жизни трудящегося человека и который бесплановым и бездумным накоплением богатств в руках экономически сильных личностей угрожает и духовным ценностям вековой национальной и европейской культуры»[1].

Может создаться впечатление, что позиция «идейного расширения» демократии — антикапиталистическая. Однако если разбирать вышеприведенные лозунги с тех позиций, на которых стоят Бенеш и национально-социалистическая партия, то мы придем как раз к противоположному результату. Эти лозунги трактуются не антикапиталистически, а антисоциалистически. Принцип равенства, подчеркивает Бенеш, направлен против создания каст в обществе, против разделения общества на классы. В действительности, эти слова осуждают не существование каст, деление общества на классы и существование классов, а, как было выше доказано, отражение этого факта в политической теории и революционной практике марксизма-ленинизма. Это — критика принципа, который является исходным пунктом политической практики классовой борьбы, ведущей к социалистической революции, диктатуре пролетариата и к созданию бесклассового коммунистического общества. Все это само по себе представляет идеологический маневр, направленный на разоружение рабочего класса, усиление его фактического классового угнетения.

Может быть, приведенное выше отрицание каст следовало бы считать равносильным требованию социального равенства людей, только неправильно выраженным? Бенеш конкретизирует свое понятие равенства людей, но не для того, чтобы подтвердить это мнение, которое может возникнуть при поверхностном изучении и неясной двусмысленной формулировке, а для того, чтобы исключить всякое его революционное толкование. Поясняя понятие равенства людей, он пишет: «Равными их делает как раз тот общий признак, присущий всем без исключения и в какой-то степени абстрактный, — признак человечности»[2]. Бенеш выступает против марк-

---

[1] «Program a zásady Československé strany národně socialistické». Praha, 1933, s. 166.

[2] E. Beneš. Nesnáze demokracie. Praha, 1924, s. 6.

систско-ленинской теории разделения общества на классы еще и по такой причине: по его мнению, людей в обществе делает равными признак «человечности», а не устранение классов.

Встает вопрос, что делает людей в обществе неравными, если и Бенеш, и национально-социалистическая партия признают, что капитализм не обеспечивает трудящимся нормальных условий жизни. Различия между классами, с точки зрения «гуманной демократии», собственно говоря, не существует, так как вместо разделения общества на реально существующие классы социальная структура общества и равенство людей оцениваются по признаку «человечности». При таком понимании равенства исчезают все классы, даже классы антагонистические, так как все являются людьми. Эта вульгарная софистика, использующая как измеритель социально-общественного равенства спекулятивный признак «человечности», вероятно, могла сыграть определенную социальную роль на той стадии развития человеческого общества, когда определенная часть людей (эксплуататорские классы) рассматривала как человечество только себя, а остальную часть общества не считала людьми. Но в середине XX века в Европе нельзя называть такие открытия «идейным расширением» демократии, так как они оказывают не научное и не прогрессивное, а реакционное и софистическое действие.

Провозглашение спекулятивной «человечности» критерием социального равенства в классовом обществе никогда не приведет к достижению социального равенства людей, принадлежащих к разным реально существующим классам. Спекулятивный признак «человечности» может только подтвердить то, что все принадлежат к человеческому обществу, человеческому сообществу, которое на данном историческом этапе представляет собой буржуазное общество, характеризующееся классовыми антагонизмами. Этот объективный факт не может изменить даже «конкретное» дополнение спекулятивного принципа «человечности» моральным значением, как это пытается делать Бенеш. «Понятие человечности становится более конкретным, более сильным и глубоким от того, — пишет Бенеш, — что Юм, энциклопедисты Лессинг и Гердер придают этому понятию значение моральное: человечность вместе с идеей бога является высшей

ценностью, которую мир имеет и может иметь»[1]. «Моральное значение» является конкретным содержанием, признаком «человечности», идея которой стоит сразу после идеи бога. Нелогичность такого понимания даже с формальной точки зрения указывает на то, что Бенеш и национально-социалистическая партия считают, что даже в рамках признаваемой ими классовой борьбы резко сталкиваются интересы и принципы, равно как и «две морали» разных классов. Ничего не изменится, если к спекулятивному признаку «человечности» прибавится более конкретное «моральное значение», так как это определение не менее спекулятивное. Ситуация не меняется и от демагогического провозглашения понятия «человечности» целью жизни, целью всех социальных действий. Эта точка зрения спекулятивной нравственности, основанной на спекулятивной «человечности»,— приложение к факту эксплуатации рабочего класса буржуазией, доведенное до абсурда. О капиталистической эксплуатации в программном документе национально-социалистической партии от 1931 г. говорится: «Эта проблема нравственная. Нас не интересует, насколько богаты отдельные личности, нас, скорее, интересует дух, который правит капиталом; этот жестокий, крайне жадный, лишенный человеческих чувств, *знающий только наживу дух* — есть капитализм»[2]. Поэтому и вопросы «экономической и социальной политики для нас в первую очередь являются вопросами *этическими* и моральными»[3]. П. Зенкл эту проблему объясняет следующим образом: «Эксплуатация человеческого труда — это *старый моральный недуг*, который может проявляться при самых различных социальных системах, так как причины этого недуга коренятся в личном отношении человека к человеку»[4].

---

[1] «Program a zásady Československé strany národně socialistické». Praha, 1933, s. 19.

[2] Там же, с. 160.

[3] Там же, с. 191.

[4] P. Zenkl. Stojíme na přední stráži demokratického socialismu. Prográmova řeč na XIV sjedzu strany národně socialistické. 3. 1947. П. Зенкл — один из лидеров Чехословацкой национально-социалистической партии, бывший зам. премьер-министра Чехословацкого правительства. В феврале 1948 г. за свои реакционные позиции отстранен от политической и государственной деятельности — *Прим. перев.*

Если «нравственная» конкретизация «человечности» в концепции «гуманной демократии» и имеет конкретный смысл, то он заключен в стремлении затушевать подлинную сущность эксплуатации пролетариата буржуазией формальным утверждением, что эксплуатация является не реальным отношением к пролетариату в процессе капиталистического производства, а «демоническим» принципом и духом плохих людей и нехорошей нравственности.

Бенеш поэтому наряду с понятиями «человечности» и «нравственности» далее специфицирует понимание равенства своеобразной интерпретацией лозунга о «братстве», который должен разрешить упомянутую проблему. «В понятие братства входит равенство в двояком смысле, — пишет Бенеш. — Социальное и нравственное равенство человека как человека; именно понятие fraternité — братства подчеркивает эмоциональную и этическую сторону: идею любви к ближнему, любви разумной, последовательной, достойной»[1].

Смысл этого аргумента заключается в том, что братство понимается как концентрированное социальное и моральное равенство, а равенство в целом определяется как человечность, нравственность и братство. Сомнительность этого понятия ясна даже из того, что в понятие братства можно включать и социальное неравенство, а человеческое братство можно понимать как определенные отношения между социально, классово неравными людьми, так как индивидуумов, относящихся к разным реально существующим общественным классам, можно понимать с точки зрения утверждения «человек как человек».

Таким образом, определенные социальные и нравственные отношения между людьми, рассматриваемые с позиций человечества как биологического вида с общественной организацией, можно называть «братскими» даже при существовании общественных классов, и при этом не надо что-либо менять в сущности классовых взаимоотношений. Надо лишь конкретно определить, какие социальные и нравственные отношения и явления понимать как братские; это в свое время сделала американская революция в «Декларации о неза-

---

[1] E. Beneš. Nesnáze demokracie. Praha, 1924, s. 6.

висимости», французская революция в «Декларации прав человека», точно так же как Великая Октябрьская социалистическая революция в «Декларации прав народов России» и «Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа». В рамки социального и нравственного равенства «человека как человека», содержащегося в общем термине братства, проникает реальная историческая действительность и вместе с ней пробивает себе путь историческая закономерность в сознательной деятельности людей, масс, общественных слоев и классов.

Э. Бенеш и программный документ национально-социалистической партии от 1931 г. усматривают, в конце концов, сущность идеологического расширения демократии в таким образом интерпретированных лозунгах равенства и братства, в их сочетании. «Сочетание этих двух понятий, — констатирует Бенеш, — теоретически определяет понятие человечности — гуманности: понятие человечности в этом смысле полностью выражает содержание всей философии демократии»[1].

Гуманность же Э. Бенеш определяет следующим образом: «Конфуций, Иисус, современный индивидуализм являются создателями этой философии, французская революция переносит ее в практическую политику, а новая организация общества, согласно принципам современной демократии, со всей своей идейной основой, хочет быть ее выражением и воплощением. Понятие гуманности, человечности, само является своеобразным синтезом вопиющего современного индивидуализма, требующего свободы личности, и всемирного универсализма, который является выражением единства всего человеческого поколения... Исследуя существующую концепцию историков и философов о целях развития человеческого общества, сегодняшняя философия истории отрицает религиозную и католическую теорию святого Августина (не отрицая при этом религию как таковую), критикует остроумную, но неполную концепцию развития Джамбаттисты Вико и находит исходный пункт для своей современной концепции развития об-

---

[1] E. Beneš. Nesnáze demokracie. Praha, 1924, s. 7.

щества у Гердера, собственно говоря, создателя современной гуманной теории. Она ставит ее только на более научный, более положительный фундамент. Человечное, согласно Гердеру, в человеке то, что является выражением внутренней душевной доброты и доброй воли, любви к ближнему, к человеку, радости и красоты, нравственной силы и свободы. Вот это и есть стремления и выражения так называемой гуманности. Смыслом и целью развития человеческого общества, а вместе с тем и целью истории человеческого развития вообще является медленная разработка и осуществление таким образом понимаемой человечности; другими словами, смысл всей истории заключается в постоянном развитии по пути гуманности»[1].

В соответствии с так понятой гуманностью и человечностью Бенеш и национально-социалистическая партия трактуют и понятие свободы. Исходным пунктом для них становится гуманность как синтез вопиющего современного индивидуализма и всеобщего универсализма. Отсюда, на основе их понимания равенства, проистекает и свобода, одинаковая для всех и ограниченная такой же степенью свободы и прав другого гражданина и, само собой разумеется, «суверенными правами государства. Понятие свободы вместе с вышеобъясненным понятием равенства и братства образует теоретическое понятие гуманности, которая является *целой* философией демократии («...выражает полностью содержание всей философии демократии») и представляет собой сущность идейного расширения демократии. Убогость этого идейного расширения демократии поразительна, ибо оно не выходит за рамки гердеровского понимания гуманности. Поразительна, однако, лишь для того, кто идеализирует буржуазное понимание гуманности, так как понимание гуманности Бенешем и национал-демократией является лишь отражением действительной убогости гуманных черт буржуазного общества и буржуазной идеологии вообще, а особенно в период империализма, во время всеобщего кризиса капитализма, в период, когда уже существует реальная социалистическая гуманность.

---

[1] E. Beneš. Je možný trvalý mír? Praha, 1931, s. 11—12.

Содержанием гуманности «как всей философии демократии», а значит, сущностью идейного расширения демократии являются «человечность» и «нравственность» людей как проявление равенства и социальное равенство как проявление братства. Нравственное равенство, выражающее вообще требование равенства в обществе, есть проявление человечности, а социальное равенство — проявление братства между людьми, которое основано на нравственности людей, а, в сущности, создает равенство нравственное и социальное. *Если поэтому для Масарика человечность, в сущности, является отделением от церкви верующей души спекулятивного человека, для Бенеша и национально-социалистической партии человечность является в действительности отделением от политики классовых интересов существующих общественных классов.*

Их внимание переносится с действительных интересов этих классов на спекулятивные понятия «человечности», «человека как человека», сущностью которого является мнимая «нравственность» индивидуума, в действительности не существующего, и на требования братства, которые должны создать социальное равенство между этими реально не существующими индивидуумами. *Можно сказать больше: это отделение от политики классовых интересов существующих общественных классов есть идеологически сформулированное отрицание общественного характера человеческого общества и человека вообще.* Таким образом, узко антропократически понимаемые человек и совокупность людей (так как здесь нельзя говорить об обществе, основанном на реальных экономических, социальных и других интересах, достойных действительно исторической личности) — не что иное, как химера человека и человеческого общества. *Антропократия, которая должна, согласно этой теории, быть выше демократии, — в действительности лишь политическая химера.*

В столь же карикатурном виде проявляется в концепции «гуманной демократии» требование преодоления узко политического характера прошлых демократий (и даже пролетарской) путем их всестороннего расширения.

Почему прошлые демократии являются «узко политическими» в сравнении с современной «гуманной де-

мократией», и в чем заключается смысл расширения узко политических рамок демократии в антропократии? Ответ на этот вопрос гораздо сложнее, так как рассмотрение так называемого узко политического характера прошлой демократии приводит нас к сопоставлению понятий государства в концепции «гуманной демократии» и в теории марксизма-ленинизма.

Государство в системе «гуманной демократии», согласно Бенешу и национально-социалистической партии, должно быть не классовым, политическим органом, а в первую очередь «организацией культурной и социально-экономической», или, собственно, так сказать, неполитической. «Государство» в «гуманной демократии» должно представлять собой «правление всех для всех». Оно должно стать сочетанием демократии политической с демократией экономической и культурной на основе теоретического и практического синтеза современного индивидуализма и социализма. Если мы понимаем расширение старой «узко политической» демократии таким образом, то политическое значение исчезает совсем, так как игнорируется то, что делает государство государством, то есть политическая власть. Поэтому такое расширение политической демократии, основой которого является понимание государства как организации, в сущности, культурной и социально-экономической при сохранении существования антагонистических классов, зиждется на том, что игнорируется государственная политическая власть, или, в терминологии Бенеша, «суверенные права государства», которые, как мы уже показали, он сам ставит выше политических гражданских прав.

Для нас демократия является реальной политической властью, государством, то есть политической классовой диктатурой господствующего класса. Демократия для нас представляет собой и форму государства, то есть организацию, реализующую политическую власть господствующего класса (и его союзников). Но такое понимание демократии Бенеш и национально-социалистическая партия не признают, совершенно его отрицают. Таким образом, в теории «гуманной демократии» демократия становится незавершенной, так как, несмотря на громко прокламированное «расширение», она в действительности оказывается государством без

государственной власти, или сущность государственной власти по реакционным причинам скрывается, так как, согласно Бенешу и национально-социалистической партии, «государственная концепция демократии — это *государство,* которое сохраняет все гражданские свободы, завоеванные со времен французской революции, расширяет государственные функции задачами экономическими в смысле современного развития культурного человечества». За самыми широкими народными слоями эта концепция государственной демократии оставляет только право «постепенно перенимать государственную ответственность и, согласно своим потребностям, систематически преобразовывать государство и его государственные функции»[1].

При этом «суверенные права государства» далее не определяются. Если мы задумаемся над содержанием приведенного тезиса, мы придем к заключению, что если в данной исторической ситуации «государственная концепция демократии — это государство», то она должна иметь определенный характер — или буржуазный, или социалистический в зависимости от того, кто держит в своих руках власть. Однако Бенеш и национально-социалистическая партия прямое сопоставление буржуазного и социалистического государства не допускают, так как скрывают то, что они имеют в виду именно буржуазное государство, когда говорят о далее неопределяемых «суверенных правах государства» в современном обществе.

С другой стороны, государственной концепцией демократии является государство, сохраняющее «все гражданские свободы, завоеванные со времен французской революции». «Все свободы», наверное, само собой разумеется, включают в себя и свободу частнокапиталистического предпринимательства и вытекающую из нее систему эксплуатации человека человеком, то есть государство, сохраняющее буржуазный общественный строй, основанный на частной собственности на средства производства. Это государство, обладающее «суверенными правами» в обществе и над обществом, признающее свободу частнокапиталистического предприни-

---

[1] «Program a zásady Ceskoslovenské strany národně socialistické». Praha, 1933, s. 32—33.

мательства, выраженную и после 1945 г. в требовании плюралистического хозяйства (то есть государственного, кооперативного, частнокапиталистического и мелкобуржуазного), расширяет свои функции путем включения и «задач хозяйственных», то есть становится само — при сохранении суверенных прав буржуазии, организованной в государство, при сохранении частной собственности на средства производства и эксплуатации человека человеком — капиталистическим предпринимателем. Концепция «гуманной демократии» как государства буржуазии тем самым не только политически укрепляет и всеми средствами государственной власти охраняет буржуазное капиталистическое предпринимательство, но и предоставляет буржуазному государству возможность самому становиться этим предпринимателем. В сущности, речь идет о программном требовании *государственного и государственно-монополистического капитализма,* выдаваемого под предлогом расширения государственных функций посредством включения функций экономических при сохранении классовой сущности вообще, конкретно же буржуазного государства, за современную «гуманную демократию».

В противовес этому марксизм-ленинизм однозначно выступает против этого демагогического, буржуазного понятия демократии, потому что открыто и прямо определяет реальную политическую власть. Политическая власть без определения классовой сущности, характеризуемая только как «правление всех для всех», является всего-навсего бессодержательной фразой. Марксизм-ленинизм в этом случае исходит из первенства политики перед экономикой. Политическая власть господствующего класса определяет содержание «суверенных прав государства» и его «законов» и всех проявлений «демократизации и социализации» в экономической области. Поэтому только социалистическое государство считает политическую власть господствующего рабочего класса конкретной политической властью, при которой происходит освобождение труда от эксплуатации, ликвидация частной собственности на средства производства и вместе с тем освобождение человечества от экономического и социального гнета.

Однако это не означает, что демократизация экономической и культурной жизни еще в рамках капитали-

стической общественно-экономической формации противоречит теории марксизма-ленинизма. Наоборот, марксистско-ленинские партии такие меры инициативно предлагают и поощряют. *Однако они не хотели этим стремлением к демократизации, не выходящей за рамки буржуазной государственной власти и капиталистического способа производства, отвлекать рабочий класс и народ от задач, ведущих к завоеванию политической власти.* Поэтому иногда такие мероприятия отдельными коммунистическими партиями называются борьбой «за экономическую и социальную демократию» и высоко оцениваются. Однако они не имеют ничего общего с «гуманной демократией», так как их сущностью является не буржуазный реформизм, а борьба против власти монополий, борьба за их ликвидацию, за национализацию некоторых отраслей национальной экономики, понимаемая как «демократическое прогрессивное мероприятие, которое нужно довести до конца». Как заявил от имени Французской коммунистической партии во французском парламенте 2 декабря 1959 г. Ж. Дюкло: «Мы не преуменьшаем и не преувеличиваем значение национализации, за которую сейчас голосуем. Мы живем при капитализме, этого нельзя забывать, так как путем только национализации невозможно сломить власть денег»[1].

При объяснении указанной программы демократизации в области экономики, которую Французская коммунистическая партия предлагает как часть программы обновления демократии во Франции, Ж. Дюкло подчеркивал роль политической власти. «Программа повторного введения и обновления демократии, предложенная Французской коммунистической партией народу для разбора и утверждения, предполагает национализацию фактически существующих монополий, а именно атомной, нефтяной и газовой, крупных металлообрабатывающих и химических заводов, крупных судоходных компаний, а также торговых банков и страховых компаний. Мы не разделяем реформистские иллюзии о так называемом социалистическом характере национализации. Такая национализация не изменит производственных отношений, которые зависят от чего-то

---

[1] Ж. Дюкло. Будущее демократии. М., 1963, с. 134.

другого, а именно от того, в чьих руках находится власть»[1].

Классовый характер демократизации в области экономической, социальной и культурной марксистско-ленинские партии связывают с вопросом о политической власти господствующего класса, так как именно в этом они видят первенство политики перед экономикой. Классовый характер «экономической и социальной демократии» для нас определяется отношением к существующей политической государственной власти. Мероприятия «экономической и социальной демократии» могут иметь двоякий характер: государственно-монополистического капитализма, если политическая власть сосредоточена в руках горстки монополий, или могут быть составной частью демократических преобразований, ведущих к ослаблению экономической власти монополий или к созданию экономической основы для революционно-демократической диктатуры народа, которая в ходе политического развития делает возможным перерастание в социалистическую революцию и создание основ экономики социалистического государства. От характера политической власти, ее изменения и развития зависит реальное, классовое содержание тех мероприятий, которые иногда и марксистско-ленинские партии обозначают термином «экономическая демократия».

Однако марксистско-ленинские партии поддерживают все эти мероприятия, хотя сами по себе они не меняют сущности производственных отношений, то есть не ликвидируют эксплуатацию и капиталистическую собственность на средства производства, так как они могут представлять собой социальный и политический порог социализма, тот этап развития капитализма, между которым и социализмом не существуют другие промежуточные ступени, как об этом говорил В. И. Ленин. Особое значение приобретает этот факт именно в наше время, когда эти мероприятия могут вести как составная часть антиимпериалистической борьбы к ликвидации монополий вообще, как это отмечают программы коммунистических партий Западной Европы и документы международного коммунистического движения.

---

[1] Там же.

С точки зрения политического характера демократии речь идет о специальной проблеме характера и функций государства при государственно-монополистическом капитализме, которая определяет и особенности перехода политической власти, социалистической революции, в этих условиях.

Сущность расширения демократии вглубь в концепции «гуманной демократии» заключалась в том, что обещания национализации (так как ни одно практическое мероприятие при власти буржуазии в Чехословакии не было проведено) выдавались за «демократизацию» и даже «социализацию» экономической жизни, за «демократизацию социальную и экономическую», классово неопределенным содержанием которой является «демократизация и социализация» капиталистического общества в таком смысле, который четко охарактеризовал Ленин: «Что такое «демократизация средств производства и обмена»?.. Что такое «социализация»? Под этим можно понимать превращение в собственность всего общества, но можно также понимать и какие угодно частичные меры, какие угодно реформы в рамках капитализма, начиная от крестьянских товариществ и кончая муниципальными банями и писсуарами»[1].

В буржуазной Чехословакии 1918—1938 гг. «демократизация и социализация» как составная часть «гуманной демократии», несмотря на все обещания, данные рабочим, действительно осталась только в этих общественных уборных, и не только при содействии национально-социалистической партии, но и всех чехословацких реформистских партий. Действительный смысл обещаний «демократизации и социализации» экономики заключался в том, чтобы отвлечь рабочий класс и народ от борьбы за революционную политическую государственную власть, которая придает этим мерам классовый смысл.

Такой политической властью в понимании «гуманной демократии» были для буржуазии «суверенные права» ее буржуазного государства, а для народа в лучшем случае «постепенное укоренение государственной ответственности». Но расширение демократии на экономическую область нельзя понимать и дефинировать безотно-

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 19, с. 350—351.

сительно к классовому характеру государственной власти, *так как народ должен сначала завоевать государственную власть, чтобы он мог распространить ее на экономическую область.* Распространение демократии на экономическую область при существовании буржуазной государственной власти не является распространением политической власти на эту область. Его значение, однако, заключается в том, что государственное или государственно-монополистическое предпринимательство может создать с точки зрения рабочего класса более благоприятные предпосылки для более успешного создания основ социалистической экономики после победы социалистической революции. Лучше всего этот вывод подтвердили после 1945 г. национально-социалистическая партия и Бенеш. В буржуазной Чехословацкой республике никакая национализация не проводилась, хотя Бенеш и национально-социалистическая партия вместе с остальными реформистскими партиями ее пропагандировали. После 1945 г., когда была создана против их воли революционная политическая власть — демократическая диктатура народа, действительно создающая возможности для распространения его власти на все области общественной жизни — политическую, экономическую, культурную и т. д., — тот же самый Бенеш и та же самая национально-социалистическая партия становятся приверженцами *ограниченной* национализации, т. е. *ограниченного* распространения демократии на экономическую область. Требуют плюралистической экономической системы для того, чтобы исключить влияние народа, организованного в государство, на бо́льшую часть национальной экономики. Ни к чему иному, кроме как к государственному капитализму, который она называет «демократическим социализмом», «гуманная демократия» со своим преодолением «узко политического характера прошлой демократии» не приходит.

2. Народ — единственный носитель и творец демократии

Критический анализ теоретиков «гуманной демократии» раскрывает общее и типичное в приемах и методах фальсификаторов марксизма-ленинизма. Это на-

глядно проявляется при анализе проблемы соотношения демократии и народа. Лицемерие буржуазных партий по данному вопросу особенно показательно, так как большинство из них претендует на то, чтобы быть «выразителем» интересов народа. И в то же время все они без исключения выступают как противники народа, испытывая перед ним панический страх. На примере партии национальных социалистов и их вождей Масарика и Бенеша раскрывается подлинное отношение буржуазных партий в Чехословакии к народу и демократии.

Народ в концепции «гуманной демократии»

Различные варианты проблемы народа мы находим во всех программах национально-социалистической партии, хотя к продуманному, сознательному определению народа в его отношении к демократии эта партия приходит лишь на своем XIV съезде в 1947 г. Тогдашнее определение соответствует положению этой партии как опоры и надежды реакции и контрреволюции. Этот факт уже сам по себе объясняет интерес данной партии к народу. Вплоть до этого времени для этой партии ни сам народ, ни точное определение этой категории не имели решающего значения. Только в период, когда народ действительно стал проявлять себя как революционная сила, национально-социалистическая партия стала срочно вырабатывать и определять свое отношение с целью прикрытия той враждебности, которую эта партия питала к народу.

На III съезде национально-социалистической партии о народе упоминается лишь вскользь. «В социальной области мы хотим добиться самых благоприятных условий для материального и духовного блага рабочих и неимущих слоев народа вообще»[1]. Более развернутой является характеристика народа, принятая VIII съездом национально-социалистической партии в 1918 г. В программе говорится: «Государственная власть основана на национальном суверенитете. Суверенитет наро-

---

[1] «Program Československé strany národně socialistické, upravený a doplněný na pražskem sjezdě strany dne 28. září 1902», s. 3.

да является правовым источником государственного господства и выражает волю большинства всех граждан и гражданок независимо от их сословного и классового положения»[1]. (Однако и здесь дело доходит до сознательного снижения ценности категории народа как плеоназма для арифметической суммы граждан.) Далее в программе говорится: «Политическая борьба чешских социалистов внутри собственного народа основана на классовом противоречии между классом эксплуататоров и эксплуатируемых. Независимо от различных сословий, возникших в результате экономического разделения труда (крестьяне, рабочие, ремесленники, чиновники, служащие и т. д.), чешское общество делится на два класса: класс тех, кто господствует в экономике, а следовательно, неминуемо и в политике и культуре, заручившись поддержкой существующего правопорядка, и класс тех, кто оказывается подчиненным классу первому. Основой существования обоих классов является частная собственность на средства производства, с одной стороны, и отчуждение от средств производства — с другой. Никак не сказывается на этом факте существование людей, которые, не владея капиталом, принадлежат благодаря своим высоким доходам и положению в обществе к классу первому, или существование тех, кто, получая доходы с собственного труда, экономически принадлежат ко второму классу, тяготея, однако, из-за своих социальных предрассудков к классу первому»[2]. Правые социалисты, как видим, и тогда умели прибегать к социальной демагогии. Но что из этих программных фраз, косвенно затрагивающих народ, нашло отражение в политической практике этой партии в период существования буржуазной республики? Ничего, кроме стремления как можно скорее отойти от этих программных заявлений, сделанных сгоряча под влиянием революционного подъема чешского и словацкого народов в конце первой мировой войны, достигшего своей кульминации после победы Великой Октябрьской социалистической революции.

Несмотря на это, однако, бесспорно, что в то время, когда коммунистическая партия еще не существовала,

---

[1] «Program České strany socialistické», Praha, 1918, s. 4.
[2] Там же, с. 6—7.

подобные заявления VIII съезда национально-социалистической партии имели определенное влияние в массах, особенно в сравнении с заявлениями явно реакционных партий. Сопоставим несколько выдержек. Если, например, в официальном заявлении национально-социалистической партии после первой мировой войны говорится: «Чехословацкая социалистическая партия (тогдашнее название партии. — *Я. О.*) является заклятым врагом капитализма, ибо капитализм наживается на прибавочной стоимости труда рабочих»[1], то Чехословацкая народная партия в это же время провозглашала: «Поэтому мы осуждаем подстрекательство одного класса против другого, одного сословия против другого. Народ является для нас совокупностью всех сословий, интересы народа для нас выше интересов отдельной личности, класса или сословия»[2].

Точно так же пишет в своем заявлении Республиканская партия чехословацкой деревни: «Поэтому наша партия настаивает на сохранении частной собственности и частного предпринимательства»[3]. Политические проблемы взаимоотношения демократии и народа аграрии характеризуют следующим образом: «Эта партия настаивает на демократии, которая означает господство народа, по воле народа, на благо народа и при ответственности народа. *Народ, однако, — это не просто определенный слой граждан, а, скорее всего, все граждане*»[4]. Наряду с отличием данных заявлений от заявлений Чехословацкой социалистической партии в то время, *интересно и значительно совпадение взглядов на понятие «народ» аграрной партии в 1920 г. и национально-социалистической партии в 1947 г.* Эволюция соглашательских партий в сторону контрреволюции и реакции здесь особенно наглядно проявилась.

Решающие изменения политическая программа претерпевает, как уже отмечалось, в результате принятия XII съездом национально-социалистической партии программного заявления, духовным отцом которого был

---

[1] «Program politických stran 1920» (Воззвание к солдатам). Praha, 5, 3, 1920, s. 17.

[2] Там же, с. 13.

[3] Там же, с. 22.

[4] Там же.

Э. Бенеш. Понятие «народ» в ней полностью утрачивает свой непосредственно революционный смысл, получая оппортунистическое содержание, подменяется пустыми фразами, спекулятивными абстракциями. Так, например, в заявлении говорится, что «человечность, как и идея бога, представляют собой высшую ценность, которая только есть и может быть на свете»[1]. А об отношении народа к демократии говорится: «Согласно теории демократии, современное государство постепенно в процессе эволюции превращается в социалистическое, так как широчайшие слои народа постепенно берут на себя ответственность управления государством, используя государственный аппарат для своих нужд и приспосабливая к ним его составные части»[2].

Если присовокупить к этому явно реакционную трактовку вопроса о классовой борьбе, то становится ясным, что программа XII съезда национально-социалистической партии является антинародной, отражающей страх перед народом. Эта программа направлена против подлинных интересов народа, хотя в ней и можно найти слова сочувствия к народу, живущему при капитализме в тяжелых условиях, как, например: «Современный так называемый общественный строй топчет народ физически и духовно... Любовь к ближнему мы хотим выразить социальной справедливостью. Партия для нас является не просто политической организацией, а движением народа и моральным единством»[3]. Это прямое выражение мистицизма и религиозного толкования понятия «народ» непосредственно связано с основными идеями Бенеша о единстве и совпадении демократии и религии, христианства в особенности. Четкого определения понятия «народ» в программе нет, как нет и малейшей попытки дать такое определение.

Во время второй мировой войны и в послевоенный период позиция, которую занимали Бенеш и национально-социалистическая партия в отношении этих вопросов, если не считать некоторых поправок с учетом изменившихся условий, аналогична. Любопытно в этом

---

[1] «Program a zásady Československé strany národně socialistické». Praha, 1933, s. 19.
[2] Там же, с. 33.
[3] Там же, с. 161.

смысле письмо Э. Бенеша из эмиграции писателю К. Чапеку, в котором, помимо прочих демагогических фраз, мы обнаруживаем слова, которыми он превозносит народ, Великую Октябрьскую социалистическую революцию и Советский Союз, желая, видимо, отмежеваться от ультрареакционных чехословацких эмигрантских деятелей: «Я не сделал из Чехословакии Испанию, хотя убежден, что чехословацкий народ не уступил бы испанцам в героизме. Не думайте, что я сдаюсь. Никогда! До своего последнего вздоха, где бы я ни был, я останусь политическим деятелем и вождем определенной части чехословацкого народа, оказавшей мне доверие. Наступят тяжкие времена, когда на карту будет поставлено все. Но я убежден *в победе того всемирного класса, который, имея самые большие обязанности, все равно добьется для себя самых больших прав. Было бы неверно, если бы я утверждал, что буду трудиться для всего чехословацкого народа. Я хочу и я буду трудиться для той части народа, в будущее которой я верю* и которая вместе с подобными слоями целой Европы будет в состоянии управлять погруженной в мечты Европой»[1].

Это заявление Бенеша является кульминационным пунктом его «прогрессивной» фразеологии, в большей степени отражающей идеи, порожденные Мюнхеном среди народных масс и среди наиболее прогрессивных и революционных слоев народа. И Бенеш отмежевывается от самой реакционной части народа, смутно сознавая и несколько тенденциозно формулируя в данный момент свой взгляд на дальнейшее развитие политической и общественной жизни в Европе и Чехословакии. Поэтому было бы ошибкой отождествлять в данный исторический период Бенеша с чехословацкой реакцией или с чешской буржуазией как таковой. Эмоциональность, краткость, а главное, тактика этого заявления и характер частного письма, ни в коем случае не общественного политического заявления или политического кредо, ограничивают ценность этих слов. По прошествии некоторого времени тот же Бенеш, все еще находясь в эмиграции, шире формулирует свою точку зре-

---

[1] E. Beneš. Karlu Čapkovi. Soukromý a neprodejný vytisk. Hronov, 1945.

ния на народ и его отношение к демократии, по сути своей враждебную. В книге «Демократия сегодня и завтра» Бенеш рассматривает «проблему демократии уже как проблему последовательного народовластия, власти не сословия, не партии, а власти и правления в интересах всех, власти народа, всего народа». В действительности же речь идет лишь о формальном участии в управлении, которое держит в своих руках буржуазия, а никоим образом не о власти народа, что Бенеш еще подчеркивает тем, что *«народ, как целое и масса, прямо управлять и организовывать общество не может»*[1].

Такой взгляд Бенеша на народ, по сути, рассматривается в качестве программного заявления национально-социалистической партии после второй мировой войны на XIV съезде в 1947 г. На этом съезде проблеме демократии и народа уделялось особое внимание. Съезд вновь подтвердил определение демократии, данное в 1931 г. В связи с этим съезд подчеркнул в отношении демократии и народа, что для демократии необходимы «демократически мыслящие личности, то есть люди, преисполненные гуманных идеалов социального братства, люди, которые хотят и умеют жить в условиях свободы и равноправия, которые хотят и умеют сами собой управлять, люди, сознающие не только свои личные права, но и ответственность перед обществом как единым целым, люди, жаждущие строя, где будут господствовать свобода, равенство и справедливость»[2].

В программе, принятой в 1947 г., мы находим следующее определение понятия «народ»: «В прошлом источником государственной власти были слои населения, привилегированные в имущественном отношении. Позже политическое понятие «народ», из которого исходит власть в государстве, распространилось на весь народ, невзирая на имущество»[3]. Данная политическая точка зрения углубляется: «Само собой разумеется, что для проявления политической воли должен быть призван весь народ. Этот принцип имеет двоякое значение. Со-

---

[1] E. B e n e š. Demokracie dnes a zítra. Praha, 1946, s. 319.

[2] «Návrh programu Československé strany národně socialistické pro XIV valný sjezd». Praha, 1947, s. 2.

[3] Там же, с. 52.

гласно этому принципу, понятие «народ» может означать либо всех индивидуумов, наделенных законными правами — так как если только часть граждан проявляет свою волю, а другие этого права лишены, нет настоящей воли народа, — или всех индивидуумов, которых касается данный вопрос. В принципиальных вопросах — это всегда все законные избиратели государства (на практике их представители в парламенте), в вопросах явно местного значения законные избиратели деревни, района или страны»[1].

И другие взгляды на эту проблему, включенные в саму программу, свидетельствуют о том, что в значительной мере политическое определение понятия «народ» связано с пониманием, сущностью и ценностью демократии. «Народ как источник политической власти в демократии — это весьма важное и точно установленное понятие, функция которого строго определена и должна в этом определении быть выдержана»[2], потому что, по их мнению: «Народ не должен проявлять политически решающую волю когда-либо и каким-либо образом. Способ этого проявления определен конституцией раз и навсегда. Это имеет свои важные и именно демократически хорошо обоснованные причины.

Установленная конституцией форма проявления воли народа должна соблюдаться. Другое проявление воли народа противоречит демократии и является злоупотреблением волей народа в партийных целях»[3].

Тогдашний член центрального комитета национально-социалистической партии профессор Махотка в своей статье «Политическая партия и программа», касающейся проблемы политического понимания народа, опубликованной вскоре после съезда, писал: «Мы находились под сильным влиянием программы 1931 г., автором идеологической части которой был тогдашний заместитель председателя партии Э. Бенеш. Программа выяснила понятие «народ». Это понятие охватывает не собрание народа на улице или в зале, как кое-кто полагает, не любую другую часть народа, добивающуюся осуществления своих требований, а только и единствен-

---

[1] Там же, с. 54.
[2] Там же, с. 53.
[3] Там же, с. 55.

но весь народ, проявляющий свою волю конституцией предписанным и точно определенным образом. К народу принадлежат все полноправные и безупречные граждане; народ не ограничивается только людьми физического труда или только трудящимися, а тем более людьми определенной политической ориентации»[1]. Многие выступления представителей национально-социалистической партии указывали на то, что утверждения о том, что народом являются все люди, в том числе представители реакции, нужно понимать буквально. Это точно характеризуют слова из статьи «Дискуссия с Готвальдом» в газете «Свободное слово», которая обсуждает проблему единства Национального фронта и его отношение к реакции и приходит к выводу, что в партиях Национального фронта, выступающих от имени народа, имеется место для реакции. Здесь говорится буквально следующее: «Мы не будем спорить с Готвальдом о том, что после освобождения у нас определенная реакция действительно возникла. Она возникла из людей, которые были собственниками и теперь уже ими не являются, которые господствовали и больше не господствуют, которые считают себя в нашей возрожденной и идущей по пути социализма республике политически бесправными. Эти люди имели двоякую возможность: или уйти в подполье, как это имело место во многих других странах, или стать членами политических партий. Полагаем, что ничего страшного не случилось от того, что они чаще использовали вторую возможность»[2].

С таким пониманием народа связано и понимание социализма. В программе можно прочитать, например, следующее: «Чехословацкая национально-социалистическая партия никого из социализма не исключает, наоборот, она хочет привлечь на сторону социализма людей из всех классов»[3]. Эта точка зрения уточнена дальше: «Наш социализм, значит, работает для всех классов, для всего народа. *Народом для него являются не только рабочие, но все граждане государства.* Если исключить, как это некоторые делают, неработающие слои

---

[1] «Svobodný zítřek». Praha, 6.3.1947, s. 3.

[2] «Svobodné slovo». Praha, 26.1.1947, s. 1.

[3] «Návrh programu Československé strany národně socialistické pro XIV. valný sjezd». Praha, 1947, s. 22.

населения и людей, не занятых физическим трудом, таких, как тяжелобольные и старые, затем интеллигенцию, студентов, художников и ученых, предпринимателей, торговцев и так называемую реакцию, то есть тех, кто не согласен с определенной политической линией или партией, «народом» как таковым останется только сравнительно небольшая часть населения, от имени которой заявляются претензии, не подлежащие дискутированию»[1].

Из этого определения народа в программе вытекает также отрицание социалистического государства — диктатуры пролетариата. «Диктатуру любой части народа, а значит, и народа в вышеприведенном узком понимании или диктатуру пролетариата мы решительно отвергаем как из-за ее недемократичности, так и потому, что она вступает в противоречие с идеей гуманизма и с нашей общенародной целенаправленностью»[2], ибо «современная демократия касается всего народа, предоставляет политические права всем безупречным гражданам в равной мере»[3]. Понимание народа национальными социалистами доходит до такой крайности, что они сравнивают народ с толпой. За «толпой» они не признают права решения потому, что «толпа» по своей сущности является антидемократической. В программе указывается буквально следующее: «Это все отнимает у толпы законное право по-деловому, ответственно и по содержанию правильно решать дела и быть представителем воли народа, которую она в действительности уже не представляет как незначительная его часть. С точки зрения демократии воля собравшихся толп имеет еще один большой недостаток, который часто превращает толпу непосредственно во врага демократии по той причине, что толпа состоит из определенным образом ориентированных и заранее созванных для одностороннего проявления воли народа людей. Если она проводит свою волю как решающую и обходит остальные части народа, то становится антидемократической и террористической. Эта концепция народа является нацистской и фашистской. Тем самым мы не умаляем выступления

---

[1] Там же, с. 22—23.
[2] Там же, с. 23.
[3] Там же, с. 49.

собравшегося народа, которые могут быть показателем недовольства определенной части народа существующими до сих пор условиями. Но только показателем, не больше»[1].

Для дорисовки политической сущности понятия «народ» в упомянутом духе можно использовать некоторые отрывки из произведений апологетов и истолкователей национально-социалистической идеологии, из политической теории Бенеша и буржуазных идеологов. О понятии «народ» Р. Конечный пишет следующее: «Поэтому мы включаем в понятие «народ» всех людей доброй воли, это значит всех людей, обладающих волей к человечности, справедливости, любви. Здесь понятие «пролетарий» заменено понятием «человек», а понятие «народ» заменено понятием «люди»[2]. Не столько философски, а скорее, политически звучат слова М. Скацела: «Лозунг «вся власть исходит от народа» нельзя понимать так, что народ имеет право законно решать вопрос о том, что правильно и что нет, не учитывая моральный кодекс. Смысл его только тот, что *народ должен или словами или молча выразить свое согласие с авторитетом*, который руководит или должен руководить обществом... Из лозунга, что народ является источником государственной власти, никак не вытекает, что народ имеет право в любое время свергнуть законный авторитет, отменить свой мандат иным образом, чем в соответствии со свободно принятыми в результате голосования законами. *Авторитет существует для народа, а не народ для авторитета*... В свете приведенных метафизических истин демократическая свобода не является ни произволом, ни анархией. Она ограничена моральным кодексом и тем самым, можно сказать, доступна и предназначена всем»[3].

Так же однозначно определено понятие «народ» в небольшом труде профессора А. Благи, расхваленном в журналах «Свободное завтра» и «Социология и социальные проблемы». В оценке Арноушта Благи, народ, по существу, — «это масса человеческих индивидуумов,

---

[1] Там же, с. 53.

[2] R. Konečný. Demokracie. Praha, 1947, s. 14.

[3] M. Skácel. Demokracie a politické stranictví. Praha, 1946, s. 11.

которые по всем параметрам своего уровня цивилизации (экономическому, трудовому, политическому—при всеобщем избирательном праве – и культурному) или хотя бы в трех главных сферах (трудовой, образования, экономической), *несомненно, представляют собой элемент не организующий, а организованный, элемент не активный, а пассивный, и которые поэтому называются и названы народом»*[1]. Представители католицизма своей теорией противоречий между индивидуумом и личностью и построенной на ней теорией господства толпы как господства индивидуумов (современных язычников) в противовес господству личностей (христиан) доходят до мистицизма и христианского персонализма. Это особенно рельефно выражено в опубликованной в 1945 г. книге Цтибора Маржана «Толпа, народ, личность».

Если мы кратко резюмируем взгляды на политическое понятие народа в связи с проблемами демократии, которые находим в программах и теориях национально-социалистической партии, можно констатировать: определение народа в программных заявлениях, в сущности, было сформулировано только после 1945 г. и нашло конкретное выражение в документах XIV съезда национально-социалистической партии. До этого говорится о народных слоях, массах народа, рабочем классе, народе как источнике власти, но определения народа как общественно-политической категории не было, если опустить банальную тавтологию, что народ — это люди.

В этой связи возникает вопрос, почему дефиниция народа была нужна только после 1945 г., почему как раз в это время надо было недвусмысленно определить точку зрения на эту общественно-политическую категорию?

Пока речь идет о классах и слоях общества, причисленных к народу, никогда за ними не признавалось право управлять, руководить, вести и организовывать политическую и экономическую жизнь общества (за исключением программы 1918 г.), всегда речь идет только об участии народа в осуществлении власти, в управлении, о сотрудничестве с теми, кто имеет политическую власть, кто правит, руководит, ведет, решает.

---

[1] I. A. Bláha. Problém lidu. Praha, 1947, s. 27—28.

Буржуазная власть неприкосновенна. За народом совершенно не признается возможность проявить способность управлять и вести за собой.

Определение «народа», данное в программе 1947 г. и его объяснение идеологами национально-социалистической партии, не имеет научного значения как самостоятельная общественно-политическая категория, потому что его содержанием, в сущности, является то, что народ — это люди, все граждане, имеющие политические права. Если лучше присмотреться, видно, что эта формулировка полностью выполняет свою политическую реакционную миссию. *Ненаучное тенденциозное определение «народа» скрывает в себе ряд политических проблем, так как стремится отождествить понятия «граждане» и «народ»*. Таким образом отождествляется арифметическая сумма индивидуумов, имеющих политические права, с особой общественно-политической категорией, каковой «народ» в действительности является. Под флагом национализма и отрицания классовой борьбы *таким образом отождествляется «политическое» общество с революционными и прогрессивными силами в обществе*. Смыслом такого определения народа является прямое стремление ликвидировать общественно-политическую категорию народа как таковую и по реакционным причинам интегрировать политическое общество. В этом состоит суть этого «определения» народа.

Здесь необходимо снова напомнить о том, что содержание понятия «народ» в понимании национально-социалистической партии в 1947 г. тождественно с его пониманием в программном заявлении чехословацких аграриев в 1920 г., то есть в то время, когда эта партия представляла собой наиболее мощную политическую опору господствующей крупной чехословацкой буржуазии. Надо сказать, что в то время на национальных социалистов возлагала большие политические надежды вся буржуазия. Они, как и аграрии тридцать лет назад, пришли к «глубокому» выводу, что «народ» — это «люди». Сопоставим оба программных заявления. В 1920 г. аграрии писали: «Народ — это, конечно, все граждане, а не только определенный слой граждан». Национально-социалистическая партия в 1947 г. в своей программе заявила: «Народ — это не только люди физического труда, а все граждане госу-

дарства». «Прогресс» можно усмотреть лишь в явно усилившейся реакционности содержания формулировки национально-социалистической партии. Усилившаяся реакционность определяется тем, что национально-социалистическая партия здесь говорит как представитель побежденной буржуазии, формирующейся для последней борьбы с рабочим классом. Это вело ее к политически более изощренной, но научно еще более несостоятельной апологии буржуазии.

Если кратко подытожить генезис взгляда национально-социалистической партии на рассматриваемую проблему, то можно сделать следующие выводы. В самом начале программные заявления этой партии говорят о рабочих, о «незажиточных слоях народа», от имени которых национально-социалистическая партия хочет говорить и представителем которых в народе хочет стать. Тогда еще национально-социалистическая партия, хотя бы на словах, отличала «общенародные интересы» от интересов классов, причем классовые интересы еще не были полностью поглощены общенародной «программой». Такими были взгляды этой партии в конце XIX и в начале XX века. После Великой Октябрьской социалистической революции, еще во время первой мировой войны, национально-социалистическая партия сделала самое радикальное заявление. Здесь мы находим понимание народа как «широких слоев эксплуатируемых» и позитивную политическую дифференциацию между миссией и целью этого «класса» и общими гражданскими политическими правами. Здесь подчеркивается даже то, что политические права граждан и социалистические цели эксплуатируемых не одно и то же. Из этого явно вытекало, что крупную буржуазию нельзя причислять к народу, что реакция имела место в политических партиях только потому, что она не была лишена гражданских политических прав. Строго различались гражданские права всех и отношение народа к эксплуататорам и реакции. Однако эту точку зрения партия оставляет в тот момент, когда в ее идеологических взглядах начинает преобладать концепция буржуазно-реформистской ориентации, которая привносит реакционные требования и принципы, открыто сформулированные в программе партии, принятой в 1931 г. Ее ориентация направлена против политических целей рабочего класса и против

подлинного народа, и эта тенденция маскируется ссылкой на гражданские права, правовой порядок спекулятивными гуманными лозунгами. В программе 1947 г. эта позиция стала составной частью контрреволюционной концепции реставрации капитализма в Чехословакии.

Взгляды национально-социалистической партии и ее идеологов, главным образом Бенеша, политически характеризует прежде всего то, что народ понимается не как союз различных классов, а как совокупность индивидуумов, отдельных лиц, то есть как совокупность людей. Для развития их понимания народа в период от 1918 до 1948 г. примечательно то, что непоследовательно применяемое классовое понимание народа в обществе и классовая дифференциация внутри народа приводят к ошибочному теоретическому выводу о глобальной интеграции общества, к утверждению, что «народ — это люди». Далее народ не имеет своих специфических прав и политических целей в рамках общества. Для этой концепции характерно также ненаучное понимание народа как «всех людей», в котором понятие «пролетарий» заменено понятием «человек».

Классовое деление общества как реальный факт игнорируется, оно подменяется индивидуалистическим, спекулятивным пониманием человека как составной части общества, реакционным антропократизмом, пропагандирующим ненаучный и политически реакционный взгляд, что общество с точки зрения социально-политической делится не на классы, а просто на людей, которые как независимые индивидуумы общества обладают гражданскими правами, в классовом и политическом отношениях не определенными. Наконец, за народом как особой категорией классового общества, поскольку он таковой считается, не признается право политического суверенитета, в политическом отношении народ подчинен данному государству, политическая власть которого для народа является высшей. Отрицается его право управлять: метаморфоза, дегенерация понимания народа как политического суверена в теории национальных социалистов идет от права демократического большинства на политическую власть в государстве вплоть до точки зрения, согласно которой народ как целое и масса управлять не может. Народ, мол, не является высшим

авторитетом, но существует особый авторитет для народа, авторитет, который определяет, как, когда и для чего народ должен использовать гражданские права, являющиеся правами общечеловеческими. Революция и право народа на революцию отброшены. В теории Бенеша и национально-социалистической партии единственным положительным элементом в отношениях народа и демократии является признание формальных гражданских политических прав.

Такое понимание находится в полном соответствии с отрицанием принципа классового подхода и политического характера демократии, о которых мы говорили выше. Классовый подход и политический характер заменяется спекулятивным признаком «человечности». Этот теоретический подход действителен и для понимания народа, который с помощью этой спекулятивной фикции ликвидируется как самостоятельная часть общества и как самостоятельная общественно-политическая категория, потому что «народ — это люди, граждане, все имеющие конституцией обеспеченные формальные политические права». Точно так же, как и в понимании нравственности и гуманизма, здесь реальная классово-политическая действительность подчиняется нормообразующему принципу. При таком понимании народа «гуманная демократия» становится антропократией — правлением людей, которым конституцией были даны политические права (и, таким образом, в политическом смысле, к примеру, людьми не являются женщины, поскольку они не обладают этими правами). Единственный реальный носитель демократии — народ — интегрирован в «людях», как и демократия интегрирована в антропократии.

Политические аспекты марксистско-ленинского понимания народа в отношении к демократии

Поставив своей целью определить в принципе главные политические аспекты категории народа по отношению к демократии, мы должны подчеркнуть решающие методологические принципы ее понимания в теории марксизма-ленинизма. Когда в свое время

В. И. Ленин характеризовал содержание категории народа, он неоднократно подчеркивал два принципиальных момента. Во-первых, что пролетариат и деревенская беднота образуют *большинство* народа и нации, во-вторых, что пролетариат и крестьянство являются *главными* составными частями народа. Кроме того, В. И. Ленин подчеркивал, что народ составляет нижние слои общества (в смысле политическом, но вовсе не в нравственном), то есть именно пролетариат и многомиллионные мелкобуржуазные городские и деревенские слои, способные в данное время встать на позицию революционной демократии. При обосновании многоклассового массового характера категории народа В. И. Ленин обращал внимание на то, что речь идет не только о пролетариате в отличие от «буржуазии», но и о «нижних классах», которые являются активными движущими силами каждого демократического переворота.

В категорию народа в политическом смысле марксизм-ленинизм, следовательно, включает прежде всего действительно массы промышленного пролетариата, деревенской бедноты, деревенского пролетариата, мелкобуржуазные городские и деревенские слои в буржуазном обществе. Народ в нашем понимании представляет собой нечто гораздо более широкое, чем рабочий класс, пролетариат и беднота в социальном, классовом смысле. Однако как ни широко это многоклассовое понятие «народа», в данный период развития капиталистического общества нельзя в него включать буржуазию в целом, кулаков и другие реакционные слои, то есть те классы и слои, которые противодействуют объективным закономерностям общественного развития и широким *народным массам.* Марксистско-ленинское понимание народа достаточно широко для того, чтобы в политическом смысле охватить все прогрессивные силы, в том числе политически колеблющиеся и неустойчивые, которые, однако, непосредственно не связаны с политической диктатурой монополий. С другой стороны, марксистско-ленинское понимание однозначно исключает из своего содержания антинародные классы и слои, так как в противном случае оно вылилось бы в такую же политическую банальность, о какой мы говорили при разборе понимания народа в «гуманной демократии».

По этим причинам исходным пунктом правильного понимания демократии как власти народа является научное, марксистско-ленинское понимание народа. Несмотря на то что речь идет о серьезном теоретическом и для политической практики чрезвычайно важном вопросе, наша литература, занимающаяся его исследованием, не особенно обширна. В пятидесятые и шестидесятые годы в Чехословакии некоторые философы и социологи сделали попытку научно обосновать этот вопрос. Многие из них в годы кризисного развития в партии и обществе после XIII съезда КПЧ, особенно в 1968 и 1969 гг., покинули позиции революционного марксизма-ленинизма и посредством ревизионистской теории «демократического социализма» перешли на открыто антисоциалистическую платформу, отвергающую классовую сущность демократии и провозглашающую возвращение к преодоленным реакционным и ненаучным принципам «демократического социализма».

Следует подчеркнуть, что определяющими аспектами научного понимания народа являются аспекты экономические и политические, то есть конкретно-исторические, классовые.

Исходя из характера данной работы, нами *акцентируется именно аспект политический*, характеризующий народ как «самый непосредственный субъект революции и прогрессивных политических движений», хотя нельзя ни на минуту забывать о том, что общественное бытие — определяющий фактор правильного политического понимания народа. Однако политический аспект научного понимания народа раскрывает не только реакционность буржуазных теорий народа, с которыми мы имели дело после 1945 г. и вновь в шестидесятые годы, но и метафизичность и неисторичность определения понятия народ только с общесоциальной точки зрения.

С этой точки зрения самым глубоким из существующих определений объективного исторического положения, миссии и задач народа является то, согласно которому народ — это «исторически изменчивое содружество людей, содержанием которого являются те классы, классовые группы и социальные слои общества, которые на основе своего объективного (социально-экономического и политического) положения и из него вытекающей деятельности могут решить задачи прогрес-

сивного развития (определенные с точки зрения места и времени)».

Основное преимущество такого определения состоит в том, что оно всесторонне, однозначно характеризует ту часть граждан данного общества и государства, которая принадлежит к народу, и раскрывает сущность ее практически-политической деятельности в развитии общества.

Исходя из темы этой работы, нам следует дать характеристику политических черт народа, и при этом не «народа вообще», а народа в развитом капиталистическом обществе, которое находится в состоянии кризиса, в процессе революционных изменений. В этой связи следует осознать, что приведенное определение считает одной из характерных черт народа его заинтересованность в прогрессивном и революционном развитии общества.

Из этого вытекает право и способность народа вести революционную борьбу, осуществить социальную либо национальную революцию. Без этого любое определение народа было бы бессодержательным, потому что оно исключало бы то существенное с политической точки зрения, в чем убедительнее всего и конкретно-исторически проявлялся и до сих пор проявляется политический суверенитет народа.

С этим, однако, связан всеми революциями подтвержденный факт, *что народ, осуществляющий революцию, всегда политически формируется своим гегемоном.* Гегемония класса и изменение отношения этого класса к народу является наиболее документально подтвержденным проявлением изменения исторического развития внутри народа. Гегемония класса внутри народа формирует его партийный и национальный характер. Народ всегда был в классовом смысле партийным и в общечеловеческом смысле национальным. Это характерно как для народа в период капитализма, так и для народа в настоящее время. С этой точки зрения прежние определения народа часто обходят классовый характер народа и тем самым намного снижают политическое значение народа в истории. Поэтому любое общее определение народа должно учитывать его классовый характер. Однако недостаточно сводить классовость лишь к установлению заинтересованности в прог-

рессивном и революционном развитии и преобразовании данного общества; всегда нужно учитывать проявление гегемонии класса, общественно и политически, партийно формирующего народ. К такому выводу нас приводит правильное использование ленинского понимания народа и опыт общественно-политической практики. *Заинтересованность различных классов в прогрессивном и революционном развитии существенно различна*, что доказывают национально-демократическая и социалистическая революции у нас и все последующее развитие. Одна заинтересованность в революционном и прогрессивном развитии еще никак не определяет задачи народа в революции с точки зрения конкретно-исторического подхода.

Бесспорно, что в период развитого капитализма, особенно в его империалистической стадии, понятие народа охватывает миллионные массы. Его составляют пролетариат и крестьянство, которые определяют и классовый характер народа. Эти два существенных факта должны отразиться в научном понятии демократии. Марксизм-ленинизм не понимает, однако, категорию народа только абстрактно, вообще. Этот факт мы можем конкретно документировать, учитывая развитие национально-демократической революции у нас.

В процессе перерастания национально-демократической революции в революцию социалистическую и после ее победы в Чехословакии устанавливается новая государственная власть, власть рабочего класса — диктатура пролетариата, которая после переходного периода революционно-демократической диктатурой народа заменяет диктатуру буржуазии. Учитывая значение народа в проблемах демократии, необходимо обратить внимание на характер участия народа при взятии политической власти рабочим классом, прежде всего на значение демократической диктатуры народа в период перерастания национально-демократической революции в революцию социалистическую. Опыт Чехословакии здесь в полной мере подтвердил основное положение марксизма-ленинизма о том, что характерной чертой этого исторического акта является то, что речь идет *о завоевании власти как раз массой народа, как раз пролетариатом и крестьянством, а ни в коем случае не тем или другим сознательным меньшинством.* Развитие со-

бытий с 1945 г. вплоть до победоносного февраля 1948 г. убедительно доказало активизацию миллионных масс, прежде всего пролетариата и крестьянства. Речь шла, значит, не об узко партийной или тем более о заговорщицкой акции нескольких тысяч энтузиастов. Именно массовый характер всех боев подтверждает глубокую заинтересованность народа в решении этого коренного вопроса. Народ вместе с тем начинает принимать участие в конкретном управлении государственными делами. Массы проходят школу классовой борьбы и приобретают первый опыт управления государством. Массовый характер борьбы за победу социалистической революции предопределяется не только прямым участием *революционной части* народа, но и активной поддержкой *всего* народа. Власть — политическое господство — переходит, однако, сначала в руки самой революционной части народа, рабочего класса, который осуществляет свою диктатуру в союзе с крестьянством при поддержке и согласии всего народа.

Здесь на первый план выступает проблема классового анализа народа и из него исходящего разделения народа на:

а) революционный народ, ядро которого составляют пролетариат и деревенская беднота;

б) весь народ, то есть революционный народ и вся масса мелкой буржуазии, иногда также часть буржуазии, заинтересованная в прогрессивном развитии общества. Это разделение необходимо, ибо завоевание власти, как было уже сказано выше, и осуществление диктатуры пролетариата в первую очередь являются делом революционного народа, то есть пролетариата и трудящегося крестьянства, руководимого марксистско-ленинской партией. Диктатуру над реакцией, свергнутой буржуазией, осуществляет сразу и непосредственно не весь народ, а в первую очередь народ революционный. Сам характер государственной власти, политического господства, в сущности, определен господством одного класса. Политическое господство одного класса является ядром, сутью всей политической власти в классическом смысле слова.

В. И. Ленин с помощью глубокого анализа исторических причин объясняет, почему диктатуру, политическую власть не осуществляет *сразу* весь народ, а только

революционный народ, почему мы говорим о диктатуре революционного народа. «Почему только революционного, а не всего народа? Потому, что во всем народе, страдающем постоянно и самым жестоким образом... есть люди, забитые физически, запуганные, люди забитые нравственно, например, теорией о непротивлении злу насилием, или просто забитые не теорией, а предрассудком, обычаем, рутиной, люди равнодушные, то, что называется обыватели, мещане, которые более способны отстраниться от острой борьбы, пройти мимо или даже спрятаться (как бы тут, в драке-то, не влетело!). Вот почему диктатуру осуществляет не весь народ, а только революционный народ...»[1]. Это, конечно, относится к любой революционной диктатуре народа, но прежде всего к диктатуре пролетариата, которая представляет собой до сих пор невиданный в истории переворот — взятие суверенной политической власти в государстве эксплуатируемым, обнищавшим, преследуемым и угнетаемым классом. Революционный народ не представляет собой только горстку профессиональных революционеров или узкую часть наиболее сознательных членов революционной партии, а, как уже было подчеркнуто, под народом мы понимаем массы, с классовой точки зрения пролетариат и трудящееся крестьянство, точнее говоря, союз пролетариата и крестьянства при гегемонии рабочего класса. Но его нельзя заменять точной арифметической суммой членов рабочего класса и трудящегося крестьянства. Речь идет не о «сознательном меньшинстве», а о массах пролетариата и трудящегося крестьянства, которые представляют большинство народа в буржуазном обществе.

Это определение, конечно, непосредственно связано с характером политической власти рабочего класса и определяет ее отличие от всех предшествующих типов классовой диктатуры, будь она рабовладельческой, феодальной или буржуазной. Тот факт, что главным реализатором политической власти и исполнителем классовой диктатуры сразу после победы социалистической революции является не весь народ, а, в сущности, народ революционный, *раскрывает проблематику отношений между революционным народом и народом вооб-*

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, с. 321.

ще, прежде всего при осуществлении революционной диктатуры, и особенно диктатуры пролетариата. Объективное определение этих отношений дано самим характером диктатуры, классовой сущностью революционной диктатуры вообще и диктатуры пролетариата как политической власти класса, раньше эксплуатируемого и политически угнетаемого. *Классовую диктатуру, политическое господство и революционное насилие проводит победивший рабочий класс над буржуазией, контрреволюцией, а не над народом.* Народ, наоборот, избавлен от политического гнета, террора и насилия и экономически освобожден национализацией средств производства, изъятием их у эксплуататоров.

Надо понять отличие революционной политической власти переходного типа, какой была демократическая диктатура народа, политической власти рабочего класса, социалистического государства от буржуазной диктатуры. Диктатура буржуазии означает политическое господство и насилие эксплуататорского класса, который составляет ничтожное меньшинство общества, над эксплуатируемыми массами рабочего класса и трудящихся, включая интеллигенцию и мелкую буржуазию. Она представляет собой власть эксплуататорского меньшинства над эксплуатируемым большинством общества, над народом. В противовес этому как революционная демократическая диктатура пролетариата, так и социалистическое государство, политическая власть рабочего класса является властью «рабочих и крестьян... над меньшинством»[1] и опирается на целую массу всего народа, на интеллигенцию и мелкую буржуазию, на все раньше эксплуатируемые слои и массы. В этом «*основное* отличие этой новой власти от всех прежних органов старой власти»[2].

В этом и заключается сущность всякой революционной и, конечно, также социалистической демократии как власти народа. Из этого определения недвусмысленно вытекает характер отношений между революционным народом, осуществляющим революционную диктатуру, и всем народом при демократии как власти народа. Революционный народ, который осуществляет политиче-

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, с. 318.
[2] Там же.

скую власть, поднимает весь народ до своего уровня. Возникают братские классовые союзы между рабочим классом, крестьянством и всеми трудящимися, в которых гегемония рабочего класса является выражением исторической миссии пролетариата. Поэтому характер этих отношений при подготовке, в ходе и после победы социалистической революции диаметрально противоположен отношениям между господствующей буржуазией и народом при буржуазной диктатуре. Эти отношения революционного народа, осуществляющего классовую диктатуру, ко всему народу характеризуются тем, что это — революционный народ, «нисколько не боящийся, однако, всего народа, открывающий всему народу причины своих действий и все подробности их, привлекающий охотно *весь* народ к участию не только в «управлении» государством, но и во власти, и к участию в самом устройстве государства»[1]. Сущностью этих отношений является самое свободное, самое широкое и самое полное привлечение всей массы народа к участию в политическом управлении государством, в управлении государственными и общественными делами, в подавлении свергнутой реакции, буржуазии.

Классово-политические интересы революционного народа и всего народа являются в классовом смысле общими (несмотря на социально-политические различия и другие противоречия), и поэтому для революционной партии и революционного класса речь идет о том, чтобы привести массы народа от классово-политической угнетенности и из нее вытекающей послушности и пассивности к активности, к участию в политической власти как революционным путем, так и посредством законодательных и исполнительных органов социалистического государства. В революционный период «народ, масса населения... сама и непосредственно выступает на сцену, сама чинит суд и расправу, применяет власть, творит новое революционное право»[2]; после победы революции все это осуществляется при помощи государственных и общественных массовых организаций народа. Целью *привлечения* народа к участию в политической власти является постепенное осуществление суверени-

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, с. 321.
[2] Там же, с. 320—321.

тета народа, приспособление политических и общественных отношений к познанным закономерностям, сознательно проявляемая воля народа во всех направлениях — политическом, экономическом и культурном.

Государство превращается из орудия для подавления народа в орудие народа, становится властью народа — демократией; народ является политическим авторитетом государства. С этим связана также новая внутренняя зависимость между государством и его формой.

Классовое единство, то есть отсутствие классового антагонизма между классом, осуществляющим свою классовую диктатуру, и между народом, неделимой, активной и самой революционной частью (гегемоном) которого господствующий класс является, составляет основу нового отношения между содержанием и формой революционной власти и социалистического государства. Возникает новая форма, которая не могла существовать ни в какой докоммунистической общественно-экономической формации. Классовое единство ликвидирует все препятствия на пути развития демократии, ее совершенствования и создает возможность перерастания социалистической демократии в общественное коммунистическое самоуправление, в котором суверенитет народа приобретает свою абсолютную и непосредственную ценность. Таких условий развития не имела никакая классовая диктатура эксплуататорского господствующего класса, ибо здесь всегда интерес значительной части народа, эксплуатируемых масс, испытывающих жизненную потребность в дальнейшем прогрессивном развитии, ограничивался и наталкивался на эксплуататорскую систему, связанную с частной собственностью на средства производства. Даже тогда, когда господствующий класс был еще классом революционным и составной частью народа, после определенного времени из-за противоречия между эксплуататорами и эксплуатируемыми классовые интересы господствующего класса и остальных частей народа начали расходиться.

Общественная собственность на средства производства, которая в социалистическом государстве заменила собственность частную, является при всех других различиях прочной основой углубляющейся и расцветающей социалистической демократии как формы государства, базирующейся на власти народа. Рост, усиление, укреп-

ление общественной собственности при социализме и связанные с этим общественно-классовые изменения вместе с остальными факторами создают условия для ликвидации государства как классовой диктатуры и для установления всенародного социалистического государства.

Источник этого революционного переворота в теории и практике политической организации общества кроется в классовых причинах и корнях отношений между революционным народом и всем народом при победе социалистической революции. Социалистическое государство, основанное на этих взаимных классовых отношениях в недемократической форме немыслимо и неосуществимо. Демократия не является для социалистического государства лишь *одной из форм государства,* но единственной формой, основанной на объективных причинах. Поэтому монархическая, автократическая вообще, равно как и аристократическая, формы государства являются неадекватными сущности социалистического государства. Сама сущность тех классов, которые осуществляют и проводят политическую власть, требует в случае социалистического государства его демократической формы. В этом отражается политическое служение социалистического государства всему обществу, ибо социалистическое государство по своей сущности является орудием социалистического строительства. Именно оно является его существенным назначением, а вовсе не само политическое насилие над свергнутыми эксплуататорскими классами. Но тем самым не игнорируется его функция подавления свергнутой буржуазии и оборонная функция в отношении империалистических агрессоров.

3. Демократия и идеологическая борьба

Реальный смысл демократии как *власти народа* заключается, как уже говорилось, в том, что революционный класс является классом господствующим (классом, осуществляющим государственную власть, политическую диктатуру) в братском союзе с другими классами и общественными слоями народа. Хотя Бенеш и национально-социалистическая партия заявили, что демократия является властью народа, тем не менее их понима-

ние демократии диаметрально отличается от понимания марксистско-ленинского, основанного на анализе классовых сил народа, которым в соответствии с демократией принадлежит политическая власть.

Это снова подтверждает, что научного понятия «демократия» нельзя достичь без научного анализа понятия «народ».

Однако этот анализ Бенеш как буржуазный политик из-за своей классово обусловленной и ограниченной точки зрения отрицает. Он отмежевывается от всех «демократий прошлого», в том числе от буржуазной либеральной демократии, но отрицает также и демократию социалистическую. Он противопоставляет им свою «современную», «гуманную» демократию, которая должна быть новой, третьей силой, опирающейся на «гуманность», на общие гуманные идеалы, воплощенные в гуманной программе. Эту демократию он характеризует как «демократию социализирующую» или как «демократический социализм». Этот ненаучный, неклассовый подход ставит «гуманную демократию» в один ряд с реформистскими теориями, которые появились после первой мировой войны как реакция буржуазии и правых социалистов на всеобщий кризис капитализма и как выражение боязни социалистического строя, социалистического государства. «Гуманная демократия» поэтому — кроме чехословацкой специфичности — не отличается ничем особым от общеевропейского направления «третьей» политической силы и «демократического социализма», который в действительности является отрицанием классового пролетарского характера социалистической демократии и который в период кризисного развития в партии и обществе в 1968—1969 гг. в модифицированном виде стал программой ревизионистских, правооппортунистических и антисоциалистических сил, стремящихся к постепенному возвращению к демократии буржуазного типа. Критика взглядов Бенеша и идеологических принципов национально-социалистической партии дает основное направление для критики современного реформизма и правого социал-демократизма.

Бенеш и национально-социалистическая партия стараются дать свое определение понятию «гуманной демократии», так как они не приемлют общепринятого

понятия демократии как политической теории и политической практики.

«Понятие демократии, — говорится в Программе чехословацкой национально-социалистической партии,— определяется по-разному». Демократия, как в «Затруднениях демократии», так и в программе национальных социалистов, характеризуется как определенный «политический режим». Это определение слишком узкое, ибо оно обходит принципиальные политические вопросы, которые определяют классовое содержание всякого политического режима. Демократии в этом случае дается такое определение: «Демократия есть режим, который не знает сословных привилегий и предоставляет каждому гражданину одинаковую возможность добиться при решении общественных дел такого места, которое ему принадлежит по его способностям. Этот режим применяет в политических институтах без исключений следующие четыре принципа:

а) все граждане, согласно государственной конституции, равны перед законом, в политической жизни и в государственных учреждениях;

б) большинства общественно важных и решающих постов и должностей можно добиться прямо или косвенно на основе избирательной системы;

в) руководящие деятели прямо или косвенно несут ответственность перед общественным мнением народа и его органами и институтами;

г) все граждане (сегодня также и женщины) имеют в принципе при одинаковых условиях одинаковый доступ ко всем общественным должностям»[1].

Исходя из тезиса Масарика и Бенеша о том, что демократию образуют не только политические институты, но прежде всего люди, их моральный облик, совершенство и способности, программа дополняет определение демократии в том смысле, что демократия должна быть «по своей сущности режимом действительно духовной и нравственной аристократии»[2]. В программе 1947 г., которая дословно повторяет вышеприведенное определение 1931 г., подчеркивается, что для полного понима-

---

[1] «Program a zásady Československé strany národně socialistické». Praha, 1933, s. 19—20.

[2] Там же, с. 21.

ния «гуманной демократии» следует дополнить вышеприведенные принципы «демократией экономической и культурной», чтобы содержание демократии было вполне исчерпывающим. Подчеркивая значение таким образом понимаемой демократии, программа 1947 г. говорит: «"Согласно теориям демократии, современное государство постепенно социализируется эволюционным методом, так как широчайшие слои народа принимают на себя постепенно правительственную ответственность и систематически преобразовывают государство и его функции согласно своим потребностям". Этими словами метко предвосхищалась в нашей программе (от 1931 г. — *Я. О.*) форма демократии, которая сегодня называется народной»[1].

Таким образом, «гуманная демократия» в качестве политического режима и государственной системы, понимаемая так же, как «экономическая демократия»[2], выдается и за «народную демократию». Смысл этого маневра после 1945 г. заключается в том, чтобы снизить революционное политическое содержание *народной демократии* как демократии диктатуры народа до уровня буржуазной государственной власти и государственно-монополистического капитализма. В рамках «гуманной демократии» сохраняется ведь не только капиталистическая частная собственность на средства производства, но, естественно, и акционерные общества, так как, согласно требованиям «гуманной демократии», в настоящее время «собственник — то есть в большинстве случаев акционер — не должен иметь к предприятию других требований, чем начисление процентов на вложенный капитал»[3] или гарантированную государством прибыль от эксплуатации труда наемных рабочих. Так находил свое применение «новый взгляд на хозяйственного человека». Так понимаемая экономическая и социальная политика демагогически превращала отношения между акционерами и рабочими в вопросы «этические и нравственные» и при помощи таким образом

---

[1] «Návrh programu Československé strany národně socialistické pro XIV. valný sjezd». Praha, 1947, s. 52.

[2] «Program a zásady Československé strany národně socialistické». Praha, 1933, s. 65.

[3] Там же, с. 84—85.

формулируемых взглядов демократия должна была бороться за «новый хозяйственный порядок», который должен был стать «также новым нравственным порядком»[1]. Таков облик демократии, понимаемой как «идеал, за которым мы идем, который все время совершенствуем, к которому постоянно приближаемся. Демократия еще не готова»[2]. Программа национально-социалистической партии 1947 г. только подробнее разрабатывает принцип «плюралистической экономики».

Поэтому «гуманная демократия» в общем не выходит за рамки буржуазной демократии и не содержит никаких ценных импульсов для разработки проблем демократии. Для теории, однако, важно, что при пропагандировании «гуманной демократии» как демократии современной, отличной от всех предшествующих демократий, ни Бенеш, ни национально-социалистическая партия не разрабатывают общее понятие демократии как политико-философской теории и политической практики, хотя стараются заменить одно другим. Буржуазные теоретики и политики не дошли так же, как Бенеш и программа национально-социалистической партии, до общего понимания демократии. Однако мы должны признать, что эта проблема недостаточно широко политически разработана и в современной марксистско-ленинской теории, хотя классики марксизма-ленинизма заложили здесь прочный фундамент. Притом, надо осознать, что точное определение предмета демократии является предпосылкой серьезного научного и политического подхода к понятию демократии, к оценке демократий прошлого и к обозначению исходных пунктов для оценки демократии в настоящее время и в будущем.

Джеймс Брайс, который национально-социалистической партией рассматривался как всемирно известный авторитет по общей теории демократии, в своей работе указывает на то, что «выражение «демократия» в последние годы свободно применялось для обозначения то состояния общества, то состояния мысли или способа поведения. Это выражение было окружено всякими представлениями: и привлекательными, и отталкиваю-

---

[1] Там же, с. 191.
[2] Там же, с. 37.

щими, этическими, поэтическими и даже религиозными»[1]. Он сам признает, что в своем понятии демократии опирается на его первоначальное историческое значение. Он пишет, что «выражение «демократия» используется со времен Геродота для обозначения формы правления, в которой государственная власть по закону принадлежит не определенному классу или классам, а всем членам государства как целого». Однако при таком определении недооценивается классовая сущность: «Лучше применять слово «демократия» в смысле правления большинства и включать в единое целое высшие классы и массы»[2]. Свои наблюдения он подытоживает так: «В этой книге я использую выражение «демократия» в его старом точном значении, обозначающем форму правления, в которой государственную власть образует воля большинства полноправных граждан, предполагая, что число полноправных граждан включает в себя значительную часть всего населения, скажем, приблизительно хотя бы три четверти, так, что физическая мощь граждан соответствует (в общих чертах) их мощи избирательной»[3]. Демократия же является «только формой правления, а вовсе не рассуждением о целях, которым она должна служить, и не имеет ничего общего с экономическим равенством... политическое и имущественное равенство могут существовать вместе или отдельно»[4]. Поэтому «демократия в действительности не обозначает ничего больше и ничего меньше, чем правление всего народа, который голосованием выражает свою суверенную волю»[5]. Но и у Брайса речь не шла о выяснении сущности этого вопроса, как он сам подтверждает, когда говорит, что «вместо попытки систематически изложить демократию в ее главных принципах и чертах я описал политический строй разных стран с демократическим правлением»[6]. В этой связи надо обратить внимание на существенную оговорку Брайса, что его принципы действительны *только для цивилизо-*

---

[1] J. Bryce. Moderní demokracie. Praha, 1926, s. 12.
[2] Там же, с. 36.
[3] Там же, с. 38.
[4] Там же, с. 55.
[5] Там же, с. 12.
[6] Там же, с. 22.

ванных народов, но не для колониальных народов и стран, в числе которых Брайс прямо называет индусов и Индию.

Отсутствие единства взглядов на предмет и понятие демократии можно подтвердить на ряде других противоположных определений. Так, например, Ганс Кельзен считает демократию «формой и методом создания социального строя», основанных на критико-релятивистском понимании власти и принуждения, подчинения меньшинства большинству, ибо «этот строй принуждения должен быть организован таким образом, чтобы меньшинство когда-либо само могло стать большинством, потому что оно не является абсолютно неправым, не является абсолютно бесправным. Это является собственно смыслом той политической системы, которую мы именуем демократией и которая может быть противопоставлена политическому абсолютизму только потому, что является выражением политического релятивизма»[1].

Это утверждение можно сравнить с мыслью Бенеша из «Демократии сегодня и завтра», где он говорит, что «только в режиме относительной политической свободы, то есть в какой-нибудь форме демократии»[2], можно лучше всего решить проблему политической власти в обществе независимо от того, идет ли речь об отношениях классов или об отношении человеческого индивидуума и коллектива к государству.

Согласно Барнсу, «большинство людей представляет себе демократию как власть большого числа обыкновенных людей в любой стране, которая может сменить своих правителей, как определенное влияние этих людей на способ правления и общественный обмен мнениями о всех замыслах и действиях правительства, сопровождаемый постоянной свободной критикой всех авторитетов. Этот способ правления — управлять и быть управляемыми — явно сложнее старых способов, подобно тому как машина, производящая электрическую энергию, сложнее свечи»[3]. Основой демократии

---

[1] H. Kelsen. O podstatě a hodnotě demokracie. Praha, 1933, s. 85, 89.

[2] E. Beneš. Demokracie dnes a zítra. Praha, 1946, s. 154.

[3] C. D. Burns. Demokracie. Praha, 1936, s. 16—17.

Барнс считает согласие управляемых с правителями (к этому выводу приходят также Бенеш и программа национально-социалистической партии) и участие в «политическом влиянии, но лишь настолько, насколько это удалось обеспечить голосованием»[1]. Барнс является вместе с тем сторонником либеральных традиций демократии, остерегающимся «применять свои принципы вне сферы политики»[2]. В политической практике он понимает демократию как такой способ правления, «в котором организована общественная власть для сохранения тихого согласия между разными группами, стремящимися применить эту власть в своих интересах, — это соглашение не воевать друг против друга, так как может наступить очередь каждой»[3]. Далее он нравоучительно напоминает, что «политическая партия не может быть стадом свиней у общего корыта»[4], то есть, чтобы не допустить ошибку, «демократический строй должен предоставить возможность наиболее способным вести за собой остальных, а не над ними господствовать»[5].

С. К. Ален приводит ряд определений демократии Линкольна, Брайса, Кларенса, К. Стрейта, У. Липпмана и других, сопровождая их изложение критическими комментариями, и приходит к заключению, что «большинство авторов действительно признает, что демократию нельзя точно определить»[6]. Он сам считает, что основы демократии находятся в зависимости от «хорошего человеческого индивидуума»[7].

Как видно из приведенных цитат и определений, понятие демократии у этих и им подобных авторов, у Бенеша и национально-социалистической партии, ограничивается, в сущности, формой, способом правления, политическим режимом, гражданскими правами и т. п. При такой трактовке определения форма правления, политический или государственный политический режим, в лучшем случае форма государства отождествлены с демократией. Демократия как власть народа

---

[1] C. D. Burns. Demokracie. Praha, 1936, s. 25.
[2] Там же, с. 26.
[3] Там же, с. 33.
[4] Там же, с. 88.
[5] Там же, с. 52.
[6] C. K. Allen. Demokracie a jedinec. Praha, 1948, s. 5.
[7] Там же, с. 89.

превращена в форму правления или же форму государства. В теории и практике можно легко отождествить демократию как власть народа и демократию как форму государства. Такое отождествление, однако, теоретически несостоятельно и политически совершенно ложно, неверно.

Отождествление понятий демократии и власти народа, которое мы находим у вышеприведенных авторов, *рассматриваемая вне времени форма государства* выдаются за саму политическую диктатуру господствующего класса, а следовательно, за подлинную суть политического подавления одного класса другим. В содержание демократии включаются характерные черты, проявляющиеся только и исключительно в одной форме государства, форме, методе, способе и режиме государственной власти, осуществления политической диктатуры господствующего класса. Отсюда и трактовка демократии как формы государства необоснованно распространяется и на само государство, *что представляет собой отождествление самой классовой политической диктатуры с формой, в которой она осуществляется.* Такое отождествление государства и его формы облегчается тем, что возникает возможность различной интерпретации массово применяемого термина «демократия» в том случае, если теоретически однозначно не определен изучаемый предмет из-за теоретической непоследовательности, идеологической апологии или из-за объективно данной классовой ограниченности. Так же как нельзя отождествлять содержание и форму, сущность и явление, нельзя отождествлять демократию, понимаемую как государство, политическая власть, и демократию как форму государства, форму политической власти, нельзя отождествлять сущность государства и то, каким образом государство проявляет себя.

Бенеш и национально-социалистическая партия определяют демократию именно только как «правление», «режим», характеризующийся гражданскими правами в политической области, как «дискуссию», «отношение людей», «взаимный контроль людей». Это определение показывает, что под демократией они понимают лишь *форму государства,* как это также вытекает из всей интерпретации демократии, которую мы находим в сочинениях Бенеша и в программных документах национально-

нально-социалистической партии 1931[1] и 1947[2] гг. Хотя они кое-где и определяют демократию как «власть, исходящую от народа», ссылаясь при этом, например, на Линкольна, их понимание народа, которое мы разбирали в параграфе «Народ в концепции «гуманной демократии», исключает какую-либо возможность признания за народом политического суверенитета, ибо, в конце концов, «не народ является авторитетом, а авторитет является для народа». Пока они выдают демократию за само государство, за саму политическую власть (классовую политическую диктатуру), — это только словесный оборот, фраза, политический лозунг, не имеющий в концепции «гуманной демократии» ни малейшего обоснования, нужный только для прикрытия сущности политической власти вообще, а в буржуазном государстве — конкретной политической диктатуры правящей буржуазии.

Хотя Бенеш и национально-социалистическая партия прокламируют специфическое преодоление «узко классовой и узко политической» демократии прошлого и особое «общее расширение» демократии, в их понимании демократия в теории и на практике является только формой государства. При помощи столь узко понимаемой демократии, в противоречии с научными данными и философскими принципами, они отождествляют форму государства с самим государством.

Такое специфическое «общее расширение» предшествующей «узко» классовой и «узко» политической демократии как формы государства находится в прямом противоречии с марксистско-ленинским пониманием демократии как государства, как власти народа, демократии, сущностью которой является государственная власть революционного класса в союзе с остальными классами, образующими народ. Кроме того, это сопоставление подтверждает, что классовый и политический характер демократии не является причиной ее узкого понимания. Эти факторы, наоборот, определяют широкое значение демократии в политической организации

---

[1] «Program a zásady Československé strany národně socialistické». Praha, 1933, s. 157.

[2] «Návrh programu Československé strany národně socialistické pro XIV. valný sjezd». Praha, 1947, s. 7

общества и позволяют поэтому понять демократию как само государство, как власть народа.

Вместе с тем из сопоставления этих понятий демократии вытекает теоретическое и практическое политическое значение определения демократии.

Значение теоретического подхода к пониманию политической теории и практики демократии не было полностью выяснено на конференции о современных проблемах демократии, организованной редакцией журнала «Проблемы мира и социализма» в январе 1963 г. Как следует из протокола этой конференции, определение демократии дает в своем выступлении только Юстас Палецкис. «Попросту говоря, — сказал он, — демократия — это такой строй, когда государство и правительство наиболее полно выражают волю и пожелания народа, когда гарантируют гражданам самые основные права...»[1]. Это определение правильно обращает внимание на все основные компоненты, образующие содержание понятия демократии, хотя здесь нет строго научной формулировки. Определение содержит характеристику демократии как государства, а также характеристику демократии как формы государства (или, наконец, правительства, что, однако, уже не является точным). На отсутствие глубокого теоретического объяснения сущности демократии обратил внимание на конференции в своем выступлении Стенли Райерсон. «Иногда вообще кажется, — отмечает он, — что, говоря о демократии как таковой, мы переживаем какое-то умственное «торможение». Подчеркивание нами классового характера демократии, буржуазной или пролетарской, наверное, хорошо аргументировано и обосновано. Но это не значит, что мы должны создавать впечатление, что мы за демократию только с оговорками, наполовину искренне, только, так сказать, «тактически»[2]. Тем, что Ст. Райерсон называет «умственным торможением» при анализе проблем «демократии как таковой», как конкретного предмета теории и практики, страдают, собственно, те политические и теоретические взгляды, которые только механически противопоставляют друг другу демократию буржуазную и демократию социали-

---

[1] «Проблемы мира и социализма», 1963, № 7, с. 60.
[2] Там же, № 6, с. 62.

стическую (хотя они правильно исходят из давно доказанной истины, что на практике никогда не существует демократия вообще, а только или демократия античная, феодальная, буржуазная или социалистическая) и не принимают во внимание понимание демократии как политического явления, которое существует во всех общественно-экономических формациях, основанных на классовом делении общества.

Конечно, в теории и тем более на практике бесполезно заниматься спекулятивной конструкцией «демократии вообще», которая реально не существует. С другой стороны, однако, нельзя в теоретическом исследовании конкретной демократии — буржуазной или социалистической — игнорировать значение таких результатов теоретического изучения, которые делают возможным комплексный глубокий научный анализ отдельных исторических типов демократии. На основе такого изучения можно создать научную теорию демократии и найти те закономерности, которые характерны для развития демократии. Демократия всегда конкретна, поэтому ее научное отображение должно быть точно так же конкретным; однако научная абстракция и в этом случае, как учил Ленин, ведет не к поверхностному, а к более глубокому, более качественному и совершенному пониманию сущности изучаемых вещей и явлений. Такой подход важен не только по научным, но и по партийным и политическим соображениям, ибо он помогает избавиться части рабочего класса, трудящихся и мелкой буржуазии от ложных иллюзий о сущности фиктивной демократии, восстановить и усовершенствовать демократию и найти ее новые формы, которые соответствовали бы современным экономическим условиям в каждой отдельной стране и в мировом масштабе.

В противовес приведенному пониманию демократии Бенешем, национально-социалистической партией и рядом других буржуазных и реформистских авторов, которые трактовкой демократии как формы государства хотели замаскировать политическую сущность самого государства как диктатуры буржуазии, классики марксизма-ленинизма подчеркивают, *что демократия — это прежде всего власть народа, государство, выражающее политическую власть*, политическую диктатуру господствующего класса и его союзников в данной обществен-

но-экономической формации. Такое понимание демократии Бенеш, национально-социалистическая партия и большинство буржуазных, реформистских и ревизионистских теоретиков игнорируют. В. И. Ленин указывает, что *«демократия является одной из форм государства»*[1] *или способом осуществления и организации определенной классовой политической диктатуры господствующего класса*, способом, определяющим главным образом по линии государственной власти отношения между господствующим классом, его союзниками и остальными составными частями общества, что выражено прежде всего характером организации верховных органов государственной власти и их отношений к гражданам, системой отношений между центральной политической властью и органами политической власти и управления на местах, совокупностью политических, гражданских прав и свобод, методов и способов правления и управления и политическим режимом. В общем, можно сказать, что форма государства выражает политический строй в узком смысле слова, если понимать под этим способ осуществления господствующим классом своей политической власти.

Итак, если *спецификой демократии как государства, как политической власти народа,* является политическая власть революционного прогрессивного класса в союзе с остальными составными частями народа, то *сущностью демократии как формы государства* является такой способ осуществления политической власти господствующим классом, который характеризуется формальным признанием равного права всех граждан на определение государственного строя, на управление государством и на участие во всех органах государственной власти и управления или прямо, или через избираемых представителей. В этом отношении элементарными требованиями демократии являются выборность и представительные учреждения, ибо *«без представительных учреждений мы не можем себе представить демократии* (курсив мой. — *Я. О.*)...»[2].

При этом нельзя забывать, что форма государства всегда неразрывно связана с политической властью

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, с. 480.
[2] Там же, т. 33, с. 48.

господствующего класса, который представляет собой или составную часть народа или реакции (или же находится в состоянии перехода на сторону реакции). С другой стороны, каждая форма государства, следовательно и демократическая, — это лишь способ осуществления политической власти господствующим классом. Поэтому демократическая форма государства возможна и в том случае, если господствующий класс не является составной частью народа, если при осуществлении своей политической власти (классовой диктатуры) он соблюдает формальные политические права и свободы всех граждан и позволяет им в той или иной мере принимать участие в осуществлении своей собственной политической власти. Ценность демократической формы государства в этом случае иная, чем тогда, когда господствующий класс является революционным классом и его политическая гегемония укрепляется его государственной властью. Но этот вопрос касается уже не только собственного понимания демократии, а, скорее, *ценности демократии.*

Из этого вытекает, что демократия — это не только качественно определенный классовый тип государства, но и специфическая форма государства, которая, с одной стороны, присуща государствам с господствующим революционным классом, а с другой стороны, является потенциальной формой каждого государства, каждой классовой политической диктатуры. Однако форма этой классовой политической диктатуры должна быть охарактеризована теми специфическими чертами, которые составляют содержание демократии как формы государства (формальное признание равенства граждан, равное право всех на определение государственного строя, участие в управлении государством при соблюдении принципа выборности и основанной на ней политической представительности).

В теоретической и практической политической деятельности международного коммунистического движения всегда последовательно применялась научная точка зрения, что государство — это политическое насилие одного господствующего класса. Именно В. И. Ленин разрабатывал понимание государства как классовой политической диктатуры и насилия экономически господствующего класса и непоколебимо его отстаивал.

Столь же определенным является марксистско-ленинское понимание демократии как власти народа. Здесь мы становимся свидетелями важного социально-политического явления, которое может приобрести характер действительного противоречия, обусловленного характером государства как, в сущности, политической власти одного класса (классово-политической диктатуры и насилия) и многоклассовым характером народа, который является носителем демократии.

Причина этого потенциального противоречия заключается в том, что «государство» и «демократию» можно понимать как самостоятельные общественные явления, но надо видеть их в единстве, причинной зависимости, в многосторонних взаимосвязях, выражающих отношение между содержанием и формой политической власти классового общества. *Поэтому для классиков марксизма-ленинизма, а для В. И. Ленина в особенности, демократия является одновременно формой государства и властью народа, то есть государством, как он подчеркивает в своем труде «Государство и революция».*

Демократия не существует вне государства, то есть вне классового насилия (поскольку мы говорим об обществе с антагонистическими классами), а в абсолютном смысле и вне общественных классов, *ибо только в обществе, разделенном на классы, можно говорить о народе как о самостоятельной общественно-политической категории.* С другой стороны, сама сущность демократии как «власти народа» и государства как «политической диктатуры» одного класса представляет фактическое противоречие, диалектика которого есть сложный процесс общественно-политических отношений.

Определяющим фактором развития, движущей силой разрешения этого противоречия является классовое господство, политическая власть одного класса, отношение этого класса к народу. Содержание этого противоречия определяет факт, является ли политически господствующий класс составной частью народа или нет. Это и определяет меру ограничения или даже ликвидации демократии для всех классовых составных частей народа. Поскольку господствующий класс является составной частью народа, то на определенном историческом этапе в той или иной мере, несмотря на эксплуа-

таторский характер господствующего класса, общие политические интересы господствующего класса как одной составной части народа и остальных частей народа совпадают, особенно в борьбе против реакции и контрреволюции. Это создает весьма благоприятные общественные условия для развития демократии данного типа государства. Однако, как только господствующий класс (или его главная часть) перестанет быть заинтересованным в прогрессивном развитии общества и очутится на стороне реакции, объективные условия развития демократии для народа ухудшаются. Господствующий же класс стремится ограничить или полностью упразднить демократию для народа. Поэтому противоречия между сущностью государства и его формой, особенно в отношении к народу, как и противоречия, зависящие от того, является ли господствующий класс составной частью народа или нет, часто препятствуют пониманию того, что демократия является властью народа (категорией многоклассовой) и вместе с тем государством (категорией, обозначающей в своей сущности политическое господство одного класса).

Поэтому как только классовые политические интересы господствующего класса вступают в противоречие с интересами главных составных частей классов и общественных слоев народа, демократия как государство власти народа становится фиктивной и иллюзорной, а демократическая форма такого государства все больше противоречит сущности и содержанию государства. С возрастанием этого противоречия демократия как форма государства становится совершенно формальной. Господствующий класс перестает быть политическим гегемоном народа, его положение как гегемона народа оказывается подорванным. Чем больше эта тенденция крепнет и растет, а господствующий класс становится классом реакционным, в конце концов даже главной социальной и политической силой реакции, тем больше демократия, если она еще сохраняется, становится лишь формой государства и как таковая скорее прикрытием политической диктатуры господствующего класса, чем реальной формой осуществления демократических свобод.

Этой тенденции развития господствующего (реакционного) класса противостоит растущая политическая,

идеологическая и организаторская сила народа, во главе которого становится новый, революционный класс, заинтересованный в развитии демократической формы государства, являющегося по своей сущности враждебной ему политической властью, то есть диктатурой реакционного господствующего класса. Заинтересованность революционного класса в демократической форме, в сущности, реакционного государства вытекает из того, что демократия как форма государства предоставляет ему возможность открытого классового столкновения с господствующим классом. Таким образом, она открывает путь к борьбе за суверенитет народа, кульминационным моментом которой является программное право, а на практике — политическое осуществление социальной революции, то есть борьба за переход политической власти из рук реакционного класса в руки революционного класса как представителя, гегемона народа, что означает восстановление демократии как власти народа.

Марксистско-ленинский анализ демократии как власти народа и как формы государства должен поэтому в первую очередь искать объяснения и главным образом правильного научного решения этого противоречия в каждой конкретной исторической обстановке. Это решение должно исходить из реального политического соотношения классовых сил. Принципиальный подход к нему указывает В. И. Ленин своим объяснением отношения политической диктатуры господствующего класса и демократии. В острой полемике с Каутским он указывает, что диктатура господствующего класса, в общем:

а) не обязательно означает уничтожение демократии для того класса, который осуществляет эту диктатуру над другими классами;

б) но обязательно означает уничтожение (или существеннейшее ограничение, что́ также является одним из видов уничтожения) демократии для того класса, над которым или против которого осуществляется диктатура[1].

На основе этого факта мы должны прежде всего констатировать, что господствующий класс сам по себе имеет возможность применять демократию как фор-

---

[1] См.: В. И Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, с. 244.

му своей политической диктатуры независимо от того, является ли он революционным классом или нет. Здесь возникают еще два вопроса: во-первых, в чем проявляется это «существеннейшее ограничение демократии» для политически угнетенного класса; во-вторых, что при такой обстановке представляет собой демократия для классовых союзников господствующего класса и остальных общественных классов и слоев?

Существенное ограничение (уничтожение) демократии для угнетенного класса является признаком монолитной классово-политической диктатуры, политического насилия господствующего класса, применяемого главным образом в объективных интересах этого класса, который будет в решающей мере определять характер данной демократии. Тем самым демократическая сущность каждого эксплуататорского государства абсолютно ограничена, следовательно, ограничена и его самая демократическая форма. Ограничение (уничтожение) демократии для угнетенного класса, который является составной частью народа, является качественно широким понятием, включающим в себя разные мероприятия, применяемые в разной мере и ведущие к абсолютной ликвидации всех легальных средств, делающих возможной активную независимую политическую жизнь угнетенного класса, то есть к абсолютной ликвидации всех возможностей для легального ведения борьбы (лишение гражданских прав, права политической организации, политической борьбы и т. д.). В. И. Ленин поэтому говорит о двух формах буржуазной демократии: одна допускает по крайней мере легальное развитие классовой борьбы, другая означает для пролетариата фактическое уничтожение всей демократии без остатка.

Классовые союзники господствующего класса и остальные общественные слои, связанные экономически, а следовательно, и политически с господствующим классом, как правило, расширяют социальную основу классовой диктатуры господствующего класса (хотя фактическую политическую власть осуществляет господствующий класс), в определенном объеме используют демократические права и свободы. Прямо и непосредственно они участвуют в определении демократической формы государства, государственного строя и в управлении государством.

Из этого следует, что *решающим фактором* для самого существования демократии как власти народа *является, в сущности, принадлежность господствующего класса к народу.* Критическим поворотным пунктом для существования демократии как власти народа является процесс перехода господствующего класса к реакции. *О демократии как о власти народа (политической диктатуре народа) можно со строго научной точки зрения говорить только тогда,* когда господствующий класс является составной частью народа и опирается при осуществлении своей политической диктатуры на остальные классы и общественные слои, принадлежащие к народу, или когда общественно-классовая гегемония господствующего класса внутри народа подкрепляется и политическими средствами и институтами власти, а тем самым расширяется социальная основа его диктатуры. Гегемония господствующего класса тогда «сливается» с его политической диктатурой. *Только такое государство можно назвать демократией — властью народа.* Господствующий класс в нем с точки зрения исторического развития применяет политическую диктатуру не только к своей выгоде, но и в интересах всего народа, что делает возможным и активное участие народа в осуществлении государственной власти. Государство, в котором политическая власть принадлежит народу, объективно и субъективно заинтересовано в демократической форме осуществления политической диктатуры господствующего класса, которая, не затушевывая классовых и социальных противоречий внутри народа, основана на уважении предусмотренных законами политических прав всех граждан, признает и осуществляет их права на определение государственного строя и управление государством.

Уже сам факт, что демократия как государство, как политическая диктатура народа, как власть народа в обществе с антагонистическими классами практически осуществима лишь как политическая власть революционного класса, опирающаяся на народ в целом, устраняет любые иллюзии о возможности научного понятия «чистой демократии». Этот факт отрицает утверждение, что демократия определяет характер, классовый тип государства, ибо в действительности классовый тип государства определяет и характер, сущность и ценность

демократии. Не сущность и не ценность демократии определяют государство, *а, наоборот, государство, то есть господствующий класс и его классовые союзники, определяет сущность и ценность демократии.* В этом, например, заключается в общих чертах и упадок демократии как формы государства при феодализме. Государство как диктатура феодалов было не только по своей сущности, но и по своей форме настолько выражением власти феодалов, что феодалы не имели практически своих классовых союзников. Поэтому демократия при феодализме влачит жалкое существование в свободных городах, где горожане и возникающая буржуазия начинают опираться в своей борьбе против феодалов на ремесленников и людей свободных профессий.

Значит, «демократия есть форма государства, одна из его разновидностей. И, следовательно, она представляет из себя, как и всякое государство, организованное, систематическое применение насилия к людям. Это с одной стороны. Но, с другой стороны, она означает формальное признание равенства между гражданами, равного права всех на определение устройства государства и управление им»[1].

Из вышеприведенного можно заключить, что «гуманная демократия» в Чехословакии была конкретным проявлением буржуазно-реформистского понимания современной демократии. Главной ее задачей было под предлогом преодоления ошибок, недостатков и проблем старой либеральной буржуазной демократии узаконить систему «чехословацкой» демократии в самостоятельном государстве и оторвать народ от социализма, от марксизма-ленинизма и Коммунистической партии Чехословакии. Миссия «гуманной демократии», которую ей приписывали реформисты и чехословацкая буржуазия в борьбе против марксизма-ленинизма, оказалась нереальной, и поэтому ее воздействие было, несмотря на значительные частичные успехи, лишь временным. Социалистическая революция в Чехословакии победила, и в настоящее время ЧССР, вопреки попыткам ревизионистских и антисоциалистических сил в 1968—1969 гг. вернуться к демократии буржуазного типа, является неотъемлемой частью мировой социалистической системы,

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 33, с. 100.

в которой успешно развивается социалистическая демократия.

Рабочий класс и Коммунистическая партия Чехословакии в борьбе против «гуманной демократии» приобрели огромный опыт как в теоретической, так и в политической областях классовой борьбы против буржуазной идеологии и реформизма, важной составной частью которых была «гуманная демократия». Основателями и представителями теории «гуманной демократии» стали такие крупные деятели буржуазной эры чехословацкой истории, как, например, Т. Г. Масарик и Э. Бенеш, политические представители и идеологи чехословацкой буржуазии, так называемой «группировки Града». Эта группировка буржуазии имела своих приверженцев почти во всех влиятельных буржуазных и реформистских партиях в Чехословакии и именно с их помощью подчиняла всю политическую жизнь своим интересам.

Т. Г. Масарик и Э. Бенеш стремились обосновать концепцию «гуманной демократии» с теоретической, философской и политической точек зрения. Эта концепция считалась официальной государственной идеологией в Чехословакии и представляла собой основную среди политических антимарксистских концепций в нашей стране после 1945 г. Официальными партийно-политическими представителями этой теории стали чехословацкая национально-социалистическая партия и президент Э. Бенеш, которые под ее знаменем организовали систематическую борьбу против Коммунистической партии Чехословакии, вылившуюся в антигосударственный контрреволюционный путч в феврале 1948 г. Однако, как отметил К. Готвальд, это уже был не 1920 год, сам Готвальд не был Тузаром*, Коммунистическая партия Чехословакии была не социал-демократической, а революционной партией. Контрреволюционный путч был разгромлен, и вместе с ним потерпела поражение и концепция «гуманной демократии»; путь к социализму в Чехословакии был открыт.

Как это будет показано более подробно в последующих главах, Масарика привели к «гуманной демократии» его антиисторизм, антропологизм и психологизм,

---

* Тузар — лидер чехословацкой социал-демократической партии. — *Прим. перев.*

а с точки зрения гносеологии — его критический реализм, в котором можно обнаружить следы специфического фидеизма и агностицизма. Масарик однозначно отрицает наиболее общие закономерности и принципы диалектического и исторического материализма якобы из-за их «односторонности», однако в первую очередь из-за их философской последовательности и монолитности, монизма. Плюрализм Масарика и из него вытекающие отрицание объективной реальности и субъективизм органически связаны с его эклектицизмом. Поэтому не удивительно, что его буржуазные коллеги — философы и интерпретаторы часто не знают, как поступить с его безбрежным плюрализмом. Об этом свидетельствует, в частности, высказывание одного из видных буржуазных философов — позитивиста Ф. Крейчи, который с отчаянием пожаловался, что у Масарика «каждый может взять, что хочет»[1]. Поэтому мы солидарны с мнением академика Зденека Неедлы, который усматривает объяснение сложности, противоречивости, неясности и метаморфоз философии Масарика не в синтетическом развитии чешской философии, а в процессе всеобщего кризиса империализма и его идеологии. З. Неедлы поэтому считает исходным пунктом и смыслом философской деятельности Масарика именно *апологетическую буржуазную политичность.* С политической точки зрения он характеризует его — в согласии с большинством марксистских теоретиков — как политика кризиса буржуазного общества. Его философия переходит после периода буржуазного консерватизма 80-х и 90-х годов прошлого века, находящего выражение в «чешском реализме» и критике марксизма, на позиции буржуазного реформизма, служащего чехословацкой монополистической буржуазии во время буржуазной республики.

Уже в первые годы буржуазной республики З. Неедлы называет президента Масарика «авторитетом контрреволюции», а К. Готвальд метко характеризует его как «капитана чехословацкого империализма».

Главным смыслом «гуманной демократии» было теоретическое обоснование и объяснение государства и его

---

[1] «Filosofie v dějinách českého národa». Praha, 1958, s. 187.

формы в Чехословакии, опираясь на антикоммунизм, выраженный в антисоветской позиции, отрицании и фальсификации марксизма-ленинизма и сопровождаемый полицейским и судебным преследованием революционного рабочего движения, и прежде всего КПЧ. Антикоммунизм был политическим костяком «гуманной демократии», рассчитанной на прямое выступление против коммунизма и выдвинувшей перспективу буржуазно-реформистского упорядочения общественных отношений в Чехословакии. Антикоммунизм «гуманной демократии» был злободневной реакцией буржуазии на Великую Октябрьскую социалистическую революцию, советское государство и возникновение коммунистического движения в Чехословакии; он сплачивал антикоммунистические силы, объединяя буржуазию и социал-реформистов.

Благодаря деятельности Бенеша концепцию «гуманной демократии» полностью принимает национально-социалистическая партия и в 1931 г. включает ее в свою программу. Позже эта концепция, прежде всего с философской точки зрения, систематически разрабатывается в произведении Бенеша «Демократия сегодня и завтра» и в послевоенной лекции «Мировой кризис, непрерывность права и новое революционное право», которые вновь придают особое значение трем важнейшим чертам этой концепции: идеализму как основе мировоззрения; индивидуализму как краеугольному камню любого современного человеческого общества и нравственности как выражению практического отношения индивидуализма к обществу в целом, к государству. Демократия характеризуется как режим относительной политической свободы, которая установлена законом, — в этом пункте Бенеш и национально-социалистическая партия в трактовке демократии значительно приближаются к трактовке Келсена.

С активной политической и теоретической деятельностью Бенеша и национально-социалистической партии связан процесс преобразования этой партии из социал-реформистской в буржуазно-реформистскую партию (при мнимом сохранении ее якобы социалистического характера), а вместе с тем и ее подчинение политике буржуазии, «группировке Града». Бенеш и национально-социалистическая партия однозначно отме-

жевываются от социалистической политики и деятельности марксистско-ленинских партий. Можно даже сказать, что антикоммунизм в теории и на практике, собственно, был единственным неизменным принципом и устоем политической и теоретической деятельности Бенеша и национальных социалистов, единственным фактором, который придавал единую концепцию их политической и теоретической работе во время существования буржуазной Чехословакии. Только с этой точки зрения можно понять роль и развитие этой партии и самого Бенеша в истории нашей страны.

Интересно при этом обратить внимание на тот факт, что Бенеш стал не экспонентом и представителем чехословацкой национально-социалистической партии, а партия стала его орудием для проведения политики «Града». Эта партия, по существу, подчинялась «Граду» и приспосабливалась к нему прежде всего при посредничестве Бенеша, а не наоборот; партия принимала платформу Бенеша, а не наоборот. Этот факт наряду с практической политикой этой партии в буржуазной республике более чем убедительно доказывает сравнение программы национально-социалистической партии от 1918 года и «бенешевской» программы этой партии 1931 и 1947 гг. Бенеш и национально-социалистическая партия разрабатывали концепцию «гуманной демократии» и отрицали «ограниченное» классовое понимание демократии в прошлом. Классовому и политическому пониманию демократии противопоставляется бесклассовая, на буржуазном гуманизме основанная общечеловеческая демократия — антропократия. Они также отрицали «узкое» политическое понимание демократии в прошлом, противопоставляя ему «всесторонне расширенную демократию». «Ограниченно» классовый и «узко» политический характер прошлых демократий, то есть античной, феодальной, буржуазно-либеральной, они считали пороком этих типов демократии, их специфической особенностью. Современную демократию, которая избавилась от этих пороков, они усматривают в «гуманной демократии», то есть в демократии бесклассовой, не только «политической», но и экономической, социальной и культурной, то есть в человеческом и общественном смысле всеобъемлющей. Философские теоретические принципы «гуманной демо-

кратии» выдавались за принципы философии демократизма, которая является законченным взглядом на жизнь человеческого общества и поэтому самостоятельной частью всякой философии, потому что она содержит, кроме взглядов на жизнь общества, также и взгляд на мир как целое.

Отрицание классового характера демократии в концепции «гуманной демократии» мотивировано спекулятивно понятым «человечеством» и его «нравственностью», обоснованными антропократически понятыми «равенством» и «братством». Спекулятивность «человечества» в концепции «гуманной демократии» основана на неисторическом подходе к человеческому обществу и индетерминированной атомизации индивидуумов человеческого общества, потому что она сознательно не уделяет внимания реально существующему классовому расслоению общества, по крайней мере пока формируются программные политические цели отдельных партий. Если политические партии при выдвижении своих политических требований учитывают реальное классовое расслоение, то этот факт характеризуется как источник антидемократизма всякой политической теории и практики, как отклонение от демократической линии, основанной на буржуазном гуманизме. В действительности вся эта теория мотивирована стремлением сделать невозможным доведение классовой борьбы до победоносной социалистической революции. Они борются против социальной революции как закономерности развития человеческого общества, стремясь подменить ее реформизмом.

Отрицание «узко» политического характера демократии в бенешевской концепции связано с ненаучным пониманием государства. Согласно этой концепции государство, по существу, является не организацией политического господства и власти господствующего класса, но, дескать, под влиянием «философии гуманности» более или менее превращается в культурную и хозяйственную организацию. Отрицание узко политического характера государства является прежде всего прокламативным отрицанием научного понимания государства как политической диктатуры господствующего класса с целью выдать государственный и государственно-монополистический капитализм, с одной стороны, за ликви-

дацию капитализма вообще, с другой стороны, за расширение политических рамок демократии. За расширение демократии в действительности выдается расширение деятельности буржуазного государства введением государственного и государственно-монополистического предпринимательства. Такая демократия называется надклассовой на том основании, что государство понимается не как классовый орган, а как хозяйственная и культурная организация людей. При помощи этих средств ведется борьба против логического завершения классовой политической борьбы в буржуазном обществе социалистической революцией, образующей государство рабочего класса как орудие революционного преобразования капитализма в социализм. Значит, «гуманная демократия» в действительности нападает на диктатуру пролетариата — социалистическое государство, которое заменяет буржуазную политическую диктатуру.

Посредством дедуктивной спекуляции прокламируется бесклассовое «человечество», и под лозунгом борьбы за расширение бесклассовой демократии фактически отрицаются социалистическая революция и социалистическое государство.

С помощью категории «человечества», опирающейся на буржуазный гуманизм, должна быть ликвидирована классовая и политическая сущность государства и его конкретных форм. На той же основе должен быть одновременно объединен в одно целое народ как самостоятельная часть буржуазного общества, превращен в простую совокупность индивидов; тем самым ликвидируется научное понимание народа как единственного реального носителя и создателя каждой подлинной демократии. В противовес этому для нас народ представляет собой классовый союз революционных и прогрессивных сил общества, созданный из классов, общественных слоев и их частей. Народ является революционной и прогрессивной частью общества, которая под руководством своего гегемона способна довести революцию до победного конца.

Значит, народ представляет собой большинство нации, классовую массу, а в эпоху империализма — главным образом рабочий класс и мелкую буржуазию, которые могут быть во временном политическом союзе

и с частью буржуазии. Народ, следовательно, образует многоклассовый социально-политический союз.

Из многоклассового характера народа вытекает необходимость гегемона этого союза, который политически формировал бы народ и вел его на борьбу против реакции. Из многоклассовой структуры народа вытекает, таким образом, неизбежность классовой борьбы внутри народа.

В эпоху империализма весь народ во главе с рабочим классом объективно заинтересован в прогрессивном развитии общества, ведущем к победе социализма. Гегемон народа — рабочий класс — связан с самым прогрессивным и самым революционным способом общественного производства; этот факт позволяет ему дать всему народу, состоящему в своем большинстве из массы производителей, революционную теорию, определить революционные политические цели и правильно выразить свои интересы и интересы народа в целом на отдельных этапах развития революции.

Из этого следует, что народом, в сущности, являются прогрессивные и революционные массы, которые формируются своим гегемоном в политическую армию революции и которые после победы революции берут в свои руки политическую, государственную власть.

Если революционная часть народа, в первую очередь наиболее революционный класс, является прямым носителем и исполнителем государственной власти и если она опирается сознательно на своих классовых союзников, то такая революционная политическая власть является демократией. В этом смысле марксизм-ленинизм понимает демократию как государство, как власть народа.

Народ поэтому является важнейшим политическим и общественным фактором, который однозначно определяет свои отношения к данной политической власти и тем самым свое отношение к государству как политической диктатуре экономически господствующего класса. С другой стороны, каждое государство, его господствующий класс упорядочивают с общественной и политической точки зрения свое отношение к народу и его отдельным классовым составным частям в соответствии со своим классовым характером.

Таким образом, в общем, определено и отношение народа к демократии как власти народа (государства) и к форме государства.

Если поэтому демократия как государство характеризуется в наиболее общих чертах как политическая власть народа, то это означает, что гегемон народа, революционный класс, является господствующим классом, осуществляющим свою классово-политическую диктатуру, а остальные части народа являются классовыми союзниками господствующего класса, выступающего в роли гегемона народа. Если политически господствующий класс является классом революционным, прогрессивным, то он выражает как гегемон народа интересы народа как единого целого и опирается на все части народа в союзе с революционными, прогрессивными силами общества. Такая политическая власть, государство, является революционной и, давая народу и всем гражданам равные политические права и свободы, выступает и как форма демократии. Поэтому каждая демократия как власть народа является революционной, прогрессивной властью. В этом отношении не меняет ничего и существование эксплуатации, если революционный господствующий класс является классом эксплуататорским. Однако эта государственная власть революционного господствующего класса как власть народа — демократия — не может скрыть факт эксплуатации. Сама по себе она не может при формальном политическом равноправии достичь для той части народа, которая образована эксплуатируемыми, фактического равноправия (социального, классового и прочих, из этого вытекающих). Поэтому во всех эксплуататорских типах государства причиной классового неравноправия внутри народа является эксплуататорский характер господствующего класса и факт эксплуатации большинства других классов и общественных слоев народа.

Объективное диалектическое развитие, нарастание новой революционной ситуации и изменений внутри народа, переход господствующего класса от народа на сторону реакции и формирование нового гегемона народа ведут к регрессивному развитию демократии данного государства и одновременно к формированию новых революционных сил, которые борются за высший

тип политической власти народа, за демократию нового типа, политическую диктатуру нового революционного класса и его классовых союзников. Однако это не ликвидирует старую государственную власть, политическую диктатуру господствующего класса. Но политическая диктатура господствующего класса, становясь государственной властью, не выражает уже политические интересы тех классов, их частей и общественных слоев, которые и дальше заинтересованы в общественном прогрессе; господствующий класс перестал быть их гегемоном, а его целью становится удержание своей классовой политической власти и даже противодействие интересам прогрессивных и революционных общественных сил, противодействие закономерностям общественного развития. То, что господствующий класс «оставляет» народ, означает изменение сущности его политической власти — из орудия революции и прогресса она становится орудием реакции. Это порождает процесс окончательной утраты им союзников из рядов народа, прежде всего революционного народа. Такая политическая власть не является властью народа, не является как государство и политическая диктатура реальной демократией, потому что власть народа при такой ситуации оказывается иллюзорной и фиктивной. Иллюзорной и фиктивной является также сущность такой «демократии», потому что единственной реальной политической властью, политической диктатурой господствующего класса является власть реакционного господствующего класса, по своему характеру антинародная, ибо она опирается не на народ, а на реакцию. Демократия как власть народа, как государство является в такой ситуации лишь мнимой.

Мало что меняет тот факт, что народу, революционной и прогрессивной части общества, у которой нет объективных причин быть классовым союзником реакционного господствующего класса, могут быть и дальше сохранены политические гражданские права и свободы, дающие ему возможность участвовать в определении государственного строя и управлении государством, то есть главным образом в области формы государства. Итак, хотя государственная власть не является властью народа и в этом смысле классовая политическая диктатура как государство не является реальной

демократией, а является властью реакционного класса, если она сохраняет политические гражданские права и свободы, то может быть демократией как форма государства, как реально существующая формальная демократия. Следовательно, в данном случае можно говорить о демократии как форме государства или же о демократии формальной. Фиктивность и иллюзорность *демократии как государства,* как власти народа не исключает в этом случае a priori существования формальной демократии, демократии как формы государства. *Формальность демократии как формы государства состоит не в том, что ее предметом является только форма государства, а в том, что речь идет о форме государства именно реакционных классов, которые держат политическую власть в своих руках.* В таком случае государство предоставляет отдельным лицам гражданские права и свободы и делает возможным существование ряда политических и государственных учреждений, но они не затрагивают сущности политической власти. Однако и демократия как форма государства не может быть только формальной в том случае, когда она является формой государства, представляющего собой власть народа, политическую власть революционного господствующего класса и его классовых союзников. *Поэтому для демократии как власти народа реально существует и демократия как форма государства.* Речь идет о реальной демократии, потому что народ не только представляет, но и демократически применяет политическую власть. Такой демократией является именно социалистическое государство, но ею может быть и буржуазное государство в период, когда буржуазия как революционный класс осуществляет свою политическую диктатуру в союзе с другими классами против феодальной реакции.

Итак, демократия как форма государства означает, что господствующий класс, осуществляющий свою политическую диктатуру, независимо от того, является ли он частью народа или нет (то есть революционным, прогрессивным классом или нет), применяет свою политическую власть таким способом, что признает за всеми гражданами гражданские политические свободы и права на управление государством, которые ограничены «только его собственной монолитной клас-

совой политической властью, политической диктатурой».

В действительности демократия является классовой, а ее подлинный смысл — политическим. Демократия как политическая власть, как государство и как форма государства — классовая категория. Без разделения общества на классы нет места и для демократии. Это уже давно доказали классики марксизма-ленинизма. Поэтому подлинным смыслом демократии является ее политический смысл — как государства и как формы государства, как специфической классовой политической власти и как одной из форм существующих государств. Этим определено, что проявления политической и государственной власти во всех областях общественной деятельности могут быть связаны с применением — прямым или косвенным — демократии и ее элементов. Политическая теория и практическая деятельность также могут в определенном смысле относиться к демократии, если ее содержанием являются вопросы чисто политические, экономические или какие-либо другие. Без политического содержания нет демократии.

Поэтому вовсе не «человечество» и «нравственность», а классовость и политичность являются основными общими атрибутами демократии, как государства власти народа и как формы государства. А народ является единственным создателем и носителем демократии, так как он осуществляет свою политическую власть, признавая за всеми гражданами гражданские политические права и свободы. Формально равные права всех граждан на определение государственного строя и на управление государством ограничены «только» собственной монолитной классовой политической властью демократии, политической диктатурой.

Подводя итоги критики «гуманной демократии», можно сделать дальнейшие выводы. Прежде всего, ни Бенеш, ни программа национально-социалистической партии точно не определяют понятие демократии, оставаясь на уровне тех теоретиков, которые к понятию демократии подходят частично эмпирически, частично волюнтаристически или же утверждают, что понятие демократии вообще нельзя научно определить. В любом случае, однако, их концепция с научной точки зрения непоследовательна и неверна. На их теоретическую по-

зицию, бесспорно, повлияли их классово-политические интересы и положение, которые заставляют их подменить научную правду в политической теории и практике апологетикой. Определения демократии, которые можно найти в их программе и теоретических трудах, вообще игнорируют тот факт, что демократия пока существует как государство, то есть как политическая диктатура господствующего класса, может быть только диктатурой революционного класса, революционной государственной властью. Демократию они понимают лишь как форму государства, как способ осуществления политической диктатуры господствующего класса, признающего формальные гражданские права для всех и равное право всех на определение государственного строя и на управление государством.

Причиной этого узкого толкования демократии с теоретической точки зрения является непонимание и отрицание роли народа как объективно определенной части классового общества, способной организовать свое классовое государство. Из содержания предмета и дефиниции демократии Бенеш и национально-социалистическая партия выхолащивают сущность. Они игнорируют то, что демократия представляет собой государство, политическую власть народа, политическую диктатуру революционного прогрессивного класса в союзе с другими его союзниками из рядов народа. Несмотря на все словесные заявления о задачах народа, демократия в бенешевской концепции трактуется только как *одна из форм* буржуазного государства. Ее окружают ореолом, ее исторически как государство абсолютизируют, что, однако, вполне исключает понимание демократии как власти народа, как государства, государственной власти, как специфического вида политической диктатуры революционного класса.

В политическом отношении причиной искаженного понимания демократии является реакционная точка зрения, согласно которой отрицается право угнетенных классов развитого буржуазного общества взять в свои руки политическую власть и создать политическую классовую диктатуру. Наоборот, эксплуататорские типы государства — политические диктатуры эксплуататорских классов — считаются естественной основой всякой

политической власти. К «участию» в этой власти эксплуататорского государства привлекаются отдельные лица и группы из рядов народа, эксплуатируемых классов и масс. Таким образом, уже в самом подходе к пониманию демократии как политической теории и политической практики содержится реакционная, народу и эксплуатируемым массам враждебная точка зрения, которая сама по себе делает невозможным более глубокий, научно более ценный анализ демократии, демократической программы и демократических мероприятий в политической организации общества. Она не дает возможности тем массам народа, на которые идеологически влияет, осознать и сам переход к научному пониманию демократии.

Далее необходимо уяснить, что дефиниция демократии, которую дают Бенеш и национально-социалистическая партия, содержит антифеодальные буржуазные требования ликвидации родовых привилегий и признания политических прав за всеми гражданами — равенства перед законом, пассивного и активного права граждан быть избранными для осуществления определенных общественных функций — и определенную ответственность избранных перед избирателями. Определенное содержание демократии в этом смысле является чисто буржуазным. Оно буквально ничего не содержит из специфических требований эксплуатируемых, рабочего класса. Республиканский принцип исключительно выборных органов политической власти не был в программе национальных социалистов последовательно применен и, естественно, в политической практике буржуазной республики не был ни в малейшей мере последовательно осуществлен. Кроме того, ответственность «ведущих деятелей» является не только непоследовательной с точки зрения демократии, но и прямо буржуазно-реакционной, ибо ограничивает провозглашенные конституцией положения о народе как источнике всей власти в государстве. Согласно программе, «ведущие деятели» могут быть ответственны, «прямо или косвенно», но вовсе не перед народом, который даже буржуазной конституцией провозглашается единственным источником государственной власти, а перед не определенным ни законом, ни политически безличным «общественным мнением» народа, перед его органами и организациями.

Бесчисленное множество толкований, так же как критики этого гибкого программного тезиса, однозначно игнорирует демократическое требование прямой ответственности «ведущих деятелей» — перед народом, гражданами.

Его антинародный, антидемократический характер заключается не только в отрицании прямого контроля народа над «ведущими деятелями» и в отрицании права народа, граждан отзывать этих ведущих деятелей в случае, если они не уважают волю народа, но прежде всего в том, что программа и теория демократии Бенеша не признают *суверенитета народ*а и, исходя из реакционного принципа, требуют от народа и граждан согласия с государственным авторитетом в любой форме, с авторитетом буржуазного государства. «Современный, демократический гражданин преклоняется и хочет преклоняться в общественной жизни перед авторитетом, полагаясь на действительно или молча принятое соглашение всех с несколькими руководящими личностями, которые открыто или молча признаются представителями определенных групп или политических партий и которые свое исключительное положение, а тем самым и свое право решать вопросы основывают на этих факторах...»[1], — пишет Бенеш и перечисляет качества руководящих лиц, каковыми являются знание, политический талант, искренность, заботливость, моральное достоинство и личная заинтересованность. Эти качества должны гарантировать буржуазии, что ее правящая клика вполне овладеет мастерством, чтобы этот авторитет «свободно и с радостью был признан широкими массами народа»[2]. Таким образом, речь идет опять-таки не об авторитете народа, а, наоборот, об авторитете, стоящем над народом.

Рассматриваемое понимание демократии также полностью игнорирует ключевое и важнейшее требование демократии — право на революцию, в котором высшее выражение получает политический суверенитет народа. Право, которое уже Руссо клал в основу любой демократии и которое Маркс и Энгельс называли единственным историческим правом, на котором основаны все

---

[1] E. Beneš. Nesnáze demokracie. Praha, 1924, s. 30—31.
[2] Там же, с. 33.

современные государства. Теоретически игнорирование права людей на революцию вытекает из узкопонимаемой демократии как формы государства без отношения к государственной власти, к классовой политической диктатуре.

Понимание демократии как у Бенеша, так и у национально-социалистической партии не содержит поэтому ни одного специфического требования рабочего класса. Требования рабочего класса как самостоятельной политической силы буржуазного общества эта демократия не признает, наоборот, выступает против них и стремится втиснуть рабочий класс с его собственными политическими интересами в панцирь буржуазной демократии, буржуазной государственной власти. В концепции «гуманной демократии» (под камуфляжем самых различных политических фраз) речь идет о прямом подчинении политической борьбы рабочего класса содержанию и объему политических реформ, не затрагивающих основ буржуазного общественного строя. Стихийная борьба рабочего класса вынуждает буржуазию проводить такие реформы, но она также их использует в борьбе против сознательной, самостоятельной политической линии рабочего класса, руководимого марксистско-ленинской партией. Бенеш и национально-социалистическая партия хотели «вознаградить» рабочий класс за отказ от главных политических целей (в первую очередь за отказ от социалистической революции) мнимым расширением демократии на экономическую, социальную и культурную области, которое на самом деле является пропагандой государственного и государственно-монополистического капитализма. Если «гуманная демократия» ликвидирует a priori без остатка главные политические цели рабочего класса и тем самым его основные демократические требования, то такое «расширение» на деле означает ликвидацию социалистической программы. Это вероломство, характерное в настоящее время для политической теории и практики господствующей буржуазии, становится ее обычной, в международном масштабе признанной формой политической тактики. Поэтому подходить к политике господствующей буржуазии без осторожности может только человек наивный, который с помощью образования, культуры, искусства и нередко науки приукрашивает

суть капиталистической государственной власти, буржуазной политической диктатуры, буржуазной демократии.

Буржуазный лозунг «экономической демократии» в концепции «гуманной демократии» принадлежит к тем лозунгам, которые больше, чем любые другие, связаны с прислужничеством перед буржуазией, хотя выдаются за высокие цели, которых должен достичь рабочий класс. Хотя Бенеш и национально-социалистическая партия выдвинули эти требования уже во время буржуазной Чехословацкой республики, они, в сущности, не отличались от теорий, на которые опиралась и до сих пор опирается программа типичных буржуазных государств и типичной буржуазной демократии.

Глава III

ДЕМОКРАТИЯ ИЛИ АНТРОПОКРАТИЯ

1. Т. Г. Масарик — «философ гуманности и демократии»

«Гуманная демократия» образует важную политическую составную часть идеологии масарикизма, главными представителями которой были Т. Г. Масарик и Э. Бенеш. Оба как идеологи и позднее как президенты Чехословацкой республики существенным образом повлияли на идеологические и политические взгляды всего буржуазного общества в Чехословакии и с помощью государственных, политических и культурных институтов и ряда реформистских партий — на взгляды определенной части рабочего класса. Их идеология — *масарикизм* — стала серьезной помехой развитию марксизма-ленинизма в Чехословакии, и по сей день для определенных слоев населения она является источником буржуазных предрассудков и пережитков. Поэтому КПЧ, творчески применяя и разрабатывая теорию марксизма-ленинизма, всегда вела беспощадную борьбу с идеологией масарикизма.

При рассмотрении «гуманной демократии» главное для нас — не общий анализ философии Масарика и Бенеша и даже не теоретическая оценка идеологии масарикизма в целом, а те философские исходные позиций,

которые непосредственно затрагивают проблемы демократии и особенно те, которые составляют теоретико-философскую основу концепции «гуманной демократии».

Политический смысл «гуманной демократии» как идейно-политического кредо Масарика состоит, по его мнению, в отрицании «философии теократизма» и идеологии теократии — власти бога, точнее говоря, власти божьей милостью, которая, с его точки зрения, является персонифицированной церковной иерархией и разрешешением политических дел в интересах церкви и под ее влиянием.

«Философия демократизма» является, согласно Масарику, светским выражением политических целей и интересов людей, человека, воспринимаемого «sub specie aeternitatis», то есть под углом зрения вечности, следовательно, спекулятивного, внеисторического. Его интересы определяются человеческой психологией, то есть мотивами личной практической деятельности человека, которая определена нравственными постулатами.

Так как, говорит Масарик, «нравственной сущностью демократии является, напротив, атеократия, практически антитеократия, мы могли бы демократию как антипод теократии назвать антропократией, пользуясь для краткости греческой терминологией»[1]. Итак, Масарик понимает демократию с точки зрения теоретико-политической, в сущности, как он говорит сам, как антропократию «sub specie aeternitatis» и называет ее «гуманной демократией».

Масарик не посвятил демократии отдельной работы, однако во всех своих объемистых трудах он более или менее занимается проблемами демократии. Наиболее полное теоретическое рассуждение о демократии содержит работа «Мировая революция», где в заключительной, X главе, названной «Демократия и гуманизм», более чем на ста страницах в обобщенном виде собраны теоретические взгляды Масарика на понятие «гуманной демократии» после первой мировой войны. Необходимым дополнением этого теоретико-политического анализа являются I и II тома его работы «Пути демократии», которая дает представление о практическом политическом проявлении «гуманной демократии»

---

[1] T. G. Masaryk. Cesta demokracie, I. Praha, 1913, s. 8—9.

в официальной политике буржуазной Чехословакии. В чем мы усматриваем основы масариковского понимания «гуманной демократии», которую Бенеш — если мы несколько опередим изложение — столь ловким способом сумел перенести в «социалистическую» программу чехословацкой национально-социалистической партии?

Масарик понимает государство не как божественный, а как человеческий институт, который, по его мнению, является вечным, ибо, как он говорит, «я черпаю из истории сведения, что общество всегда было организовано государственным образом»[1]. По Масарику, государственным образом организованное общество развивалось от монархизма, абсолютизма и аристократизма как учреждений теократических, ведомых или направляемых церковной властью, через конституционные формы к демократии как правлению народа, как власти, осуществляемой народом и для народа. Однако Масарик не считает народ самостоятельной, специфической общественно-политической категорией, но понимает его в смысле «людей-мирян», зависящих не от церковного авторитета, хотя этот авторитет не исключается, а от критического познания, из которого проистекает критическая вера и критическое восприятие всех вопросов общественной жизни, включая религию.

Масарик в этой связи затрагивает и проблемы демократии и народа, индивидов, масс и общества в целом. Хотя он признает, «что народ, масса имеют для демократии большое значение»[2], демократия в его понимании зависит от отдельных лиц, индивидов, но ни в коем случае не от анонимной массы, ибо, как он говорит, «...нелегко научно точно определить массу, обозначенную как нация, народ, пролетариат и так далее, однако именно сегодня может и должно быть ясно, что честный мыслитель не примет уже устаревшие мифические и мистические теории, обожествляющие общественный коллектив и кончающиеся индивидуальным апофеозом»[3].

Здесь можно привести и другое масариковское высказывание, отдающее аристократизмом. Когда в 1919 г. к нему пробилась на прием женская делегация,

---

[1] T. G. Masaryk. Světová revoluce. Praha, 1925, s. 566.
[2] T. G. Masaryk. Cesta demokracie. I, Praha, 1933, s. 20.
[3] Там же, II, с. 13.

чтобы выразить протест против роста дороговизны, он надменно заявил: «Я не для того стал президентом, чтобы мною командовала улица»[1]. Не только массы как таковые и людей, участвовавших в уличных демонстрациях, но и их выборных представителей и органы он рассматривал как фактор второстепенный и как неприятное дело, которое необходимо упорядочить с помощью избранных индивидуумов. Об этом свидетельствует его оценка пресловутой антиконституционной «Пятерки»[2]. В последнее время именно «Пятерка» и явилась таким органом, — сказал Масарик об этом реакционном кабинете, состоящем из представителей буржуазных партий Чехословакии. — Этот эксперимент меня интересует с самого начала как с точки зрения демократии, так, разумеется, и с точки зрения государственно-правовой. Парламентский пленум — не место для работы и размышлений; он выполняет совершенно иную функцию. Настоящая работа будет всегда выполняться в комитетах, а в них в свою очередь небольшими органами и нередко отдельными людьми; демократия не обойдется без способных, образованных и опытных работников, специалистов и руководителей»[3].

Поэтому проблема демократии для Масарика — это прежде всего проблема вождей, которые в конце концов имеют верховную власть над народом. Признавая мажоритарный принцип демократии полезным, Масарик тем не менее считает, что важнейшие политические вопросы должны решать вожди, ни в коем случае не народ, так как народ (согласно Масарику) в силу своей необразованности может оказаться неспособным оценить, принесет ли ему то или иное политическое мероприятие пользу или вред. Вот и выходит, что «демократический» Масарик, не колеблясь, не только пропагандирует, но и применяет эту ультрааристократическую точку зрения, причем в таких вопросах, как, например, самобытность и право на самоопределение словацкого народа. Масарик заявил, что в действительности словацкого народа не существует, а то, что выдается за словацкий народ, есть лишь «вымысел венгерской про-

---

[1] T. G. Masaryk. Cesta demokracie. I, Praha, 1933, s. 179.
[2] Там же, II, 1934, с. 210.
[3] Там же.

паганды». На вопрос, почему в Словакии невозможно провести плебисцит, чтобы выяснить точку зрения словацкого народа на его принадлежность к Чехословацкой республике, Масарик ответил: «...что касается собственно Словакии, то там вообще нельзя допустить голосования, ибо словаков так угнетали, что они никогда не имели возможности политически мыслить и не знали бы, как решить вопрос о своей судьбе. При таких обстоятельствах необходимо принять точку зрения вождей народа»[1].

Эта масариковская точка зрения мало чем отличается от реакционнейших взглядов представителей американского, английского, французского и голландского империализма в отношении колоний. Она, бесспорно, диаметрально противоположна тем наказам и советам, которые дал всем политическим деятелям Авраам Линкольн: «Можно какое-то время обманывать всех людей, а некоторых людей и все время, однако нельзя обманывать всех людей (народ) все время». Эти слова Линкольна, на которого Масарик столь часто ссылается, подтвердила и наша история.

Сущность масариковского понимания демократических проблем состоит в том, что в противоположность теократии демократия не является государством божьей милости. Государство, которое и он считает вечной политической организацией общества, не должно опираться на церковь, церковь должна быть отделена от государства. Человек в таком государстве рассматривается не как верующая душа, отданная церкви, но как гражданин государства, т. е. как гражданин политически свободный, критически мыслящий, гражданин науки и свободно избранной, индивидуальной, а вовсе не установленной церковью веры в бога. «Демократия, — обобщает Масарик, — исторически и вечно противостоит теократии: отсюда и этот многовековой постоянный, постепенный процесс отделения от церкви во всех областях общественной жизни, в конце концов, и в религии»[2].

В том же духе следует понимать искренний, но умеренный индивидуализм Масарика, признающего тот факт, что существуют и другие индивидуумы, обладаю-

---

[1] T. G. Masaryk. Cesta demokracie. I, Praha, 1933, s. 71.
[2] T. G. Masaryk. Světová revoluce. Praha, 1925, s. 550.

щие правом на свободу и критику, но отрицающего «мифическое и мистическое» коллективное сознание и подчинение индивидуумов коллективу. Масарик допускает единственное *исключение, когда индивидуум обязан подчиниться коллективу. Таким исключением является власть государства, выраженная властью закона, который является формой воплощения,* как заявил Масарик, «жизни индивидуума, семьи, общины, народа»[1].

При этом Масарик ни единым словом не упоминает о классовой сущности государства, о классовом характере политической власти, он ничего не говорит о классе, который осуществляет политическую власть, но втискивает при этом демократию в рамки законов и подчиняет их авторитету суверенитет народа и свободу гражданина, индивидуума. Отсюда Масарик выводит и свой взгляд на социальную революцию, утверждая, что «...революция оправдана как необходимое средство обороны; ее необходимость возрастает, когда все другие средства уже исчерпаны... Революция дозволена при угрозе административного и политического хаоса; революция оправдана, если она представляет собой реформу, усовершенствование»[2]. Согласно Масарику, *социальная революция* представляет собой не переход политической власти из рук реакционного класса в руки класса прогрессивного, связанного с самым революционным способом производства, а *охрану и обновление законности.* И здесь Масарик игнорирует классовый принцип, что, по сути, означает отрицание права народа на революцию.

Бенеш формулирует отношение демократии, личности и государства точней и ясней, заявляя, что это проблема «...свободы человеческой личности в демократическом обществе в отношении к суверенным правам государства»[3]. Масариковское воплощение индивидуума, семьи, общины, народа в форме закона является для Бенеша проблемой отношения этих общественных категорий к «*суверенным правам государства*». Отсюда следует, что государство — а вовсе не индивидуум, семья, община и даже не народ и не нация — является

---

[1] T. G. Masaryk. Cesta demokracie. Praha, 1934, s. 106.
[2] T. G. Masaryk. Světová revoluce. Praha, 1925, s. 569.
[3] E. Beneš. Demokracie dnes a zítra. Praha, 1946, s. 25.

в действительности суверенной властью. Ни Масарик, ни Бенеш, однако, не определяют, кто является этим Левиафаном*, какие общественные силы скрываются за этой суверенной властью «закона», за этими «суверенными правами государства», какова их классовая сущность. Защищая «суверенную власть закона» и «суверенную власть государства», они вместе с тем обвиняют марксизм-ленинизм в чрезмерном наделении государства политическими полномочиями, которые, однако, для марксистов означают не анонимную, скрытую власть, а действительную власть рабочего класса в союзе с крестьянством и остальными трудящимися. Больше того, оба политика считают политическую власть рабочего класса как власть одного класса абсолютным отрицанием демократии, выдавая свое воплощение воли господствующего класса в «законе» или в «суверенных правах государства» за защиту принципов демократии для всех. Позднее мы еще будем иметь повод вернуться к этому вопросу. Сейчас же необходимо лишь констатировать, что *масариковская антропократия*, таким образом, *обходит классовую сущность политической власти государства в интересах буржуазии.*

Масарик, однако, касается проблемы государственной власти как диктатуры вообще. Он сам говорит о том, что легионеры его объявили диктатором. Поэтому, пользуясь его терминологией, он обходит проблему политической диктатуры именно в «реалистическом» смысле, то есть в отношении к политической диктатуре буржуазии в капиталистической общественно-экономической формации. Однако он считает необходимым решить ее прежде всего в отношении к обществу социалистическому, конкретно к социалистическому государству — Советскому Союзу — и в отношении к теории и практике Коминтерна, а тем самым и КПЧ. Социалистические реформистские партии в Чехословакии он из ортодоксального социалистического направления исключает и дает им аттестацию партий умеренных, действующих без потрясений, не имеющих классовой «ненависти к буржуазии»[1].

---

* Томас Гоббс написал в 1651 году книгу о всемогущем государстве, которую образно назвал «Левиафан». — *Прим. перев.*

[1] T. G. Masaryk. Cesta demokracie. I, Praha, 1933, s. 174.

Масарик идет даже дальше: ставит проблему диктатуры объективистски, утверждая, что «диктатура сама по себе не может быть ни плохой, ни хорошей; дело только в том, кто, как и что диктует»[1]. В общем, он считает диктатуру хорошей и полезной, если это диктатура знатоков, имея в виду знатоков вообще — в экономике, в администрации, в армии и т. д., однако «...диктатура невежд — плоха и недейственна»[2].

Естественно, что диплом зрелости выдает аттестационная комиссия из идеологов и лидеров буржуазии, и она может «невеждами» назвать целую нацию (в этом мы убедились на примере словацкого народа), народ и, особенно, пролетариат России, диктатура которого, разумеется, «плоха и недейственна». Чешскому народу, который Масарик охарактеризовал как народ рассудительный, образованный, политически вполне зрелый, было суждено отдать власть в руки немногих избранных из числа наиболее достойных. Итак, с технократических позиций отрицается политическая классовая диктатура в случае социалистической революции, отрицается диктатура целого класса и всего народа. Объективистское толкование проблемы диктатуры у Масарика направлено своим острием против рабочего класса, и в этом проявляется классовый характер технократизма. Далее Масарик говорит о проблеме прямой классовой политической диктатуры пролетариата как о проблеме эпизодического характера в связи с ходом социалистической революции. Он, с одной стороны, приписывает диктатуре функцию временного средства для достижения цели и первоначального импульса для запуска «машины новой политической власти», а с другой стороны, осуждает политическое подавление сверженных эксплуататоров. «Настоящая диктатура пролетариата, как ее представляли себе Маркс и Энгельс, должна, — говорит он, — возможно скорее перейти в руководство, пусть даже без всякой надежды на успех, — в руководство всей администрацией и экономикой»[3], так как «...диктатура является лишь временным средством, заведенной машиной, которая потом должна работать бесперебойно,

---

[1] Там же, с. 390.
[2] Там же.
[3] Там же, с. 391.

управляемая специалистами...»[1]. И далее: «...идеал диктатуры — негативный, революционный по отношению к угнетателям — это лишь временное средство для достижения цели»[2]. В этой формулировке необходимо признать определенную, хотя бы только словесно выраженную, «терпимость» и признание исторической миссии политической диктатуры рабочего класса. Позднее к этому снова в двояком смысле возвращается Бенеш, когда, с одной стороны, выражает свои сомнения в том, осуществляет ли КПСС диктатуру пролетариата в качестве лишь временной меры, в переходный период от капитализма к социализму, для подавления контрреволюции, а с другой стороны, когда в развитии социалистической демократии в СССР, и главное в ожидании дальнейшего развития демократизации жизни в СССР, усматривает тенденции либерализации, точнее, буржуазной демократизации социалистического строя. Необходимо, однако, обратить внимание на тот существенный факт, что здесь Масарик сужает понятие диктатуры пролетариата и лишает ее именно демократического наполнения. Ему чуждо понимание того, что «диктатура пролетариата есть классовая борьба победившего и взявшего в свои руки политическую власть пролетариата против побежденной, но не уничтоженной, не исчезнувшей, не переставшей оказывать сопротивление, против усилившей свое сопротивление буржуазии. «Диктатура пролетариата есть особая форма классового союза между пролетариатом, авангардом трудящихся, и многочисленными непролетарскими слоями трудящихся (мелкая буржуазия, мелкие хозяйчики, крестьянство, интеллигенция и т. д.), или большинством их, союза против капитала, союза в целях полного свержения капитала, полного подавления сопротивления буржуазии и попыток реставрации с ее стороны, союза в целях окончательного создания и упрочения социализма. Это — особого вида союз, складывающийся в особой обстановке, именно в обстановке бешеной гражданской войны, это союз твердых сторонников социализма с колеблющимися его союзниками, иногда с «нейтральными» (тогда из соглашения о борьбе союз становится

---

[1] Там же.
[2] Там же.

соглашением о нейтралитете), союз между неодинаковыми экономически, политически, социально, духовно классами. Отделываться от изучения конкретных форм, условий, задач этого союза посредством общих фраз о «свободе», «равенстве», «единстве трудовой демократии», т. е. посредством обрывков из идейного багажа эпохи товарного хозяйства, могут только гнилые герои «бернского» или желтого Интернационала, вроде Каутского, Мартова и К°»[1].

Истинный смысл масариковских слов о диктатуре пролетариата объясняет тот факт, что Масарик решительно боролся против социалистического государства в Советской России. Целью его слов поэтому является, помимо искажения сущности диктатуры пролетариата, воздать должное «теории» и ввести в заблуждение общественность. Под прикрытием утверждений о том, что режим в России «не имеет с наукой и научной философией ничего общего», что это «режим абстрактный, дедуктированный из тезиса и насильственно проводимый»[2], Масарик становится соучастником крестового похода против молодой Советской республики во имя «гуманной демократии», при этом в цинизме и реакционности он превосходит французских и английских империалистов. Масарик пишет: «В любом случае уже тогда борьба против большевиков была борьбой против официальной России: если война против России — России большевистской, так как иной России не существовало, — была необходима, то необходимо было ее формально объявить, указав причины. Этого не произошло. Я без церемоний признаюсь, что я никогда не одобрял недостаточное соблюдение политических формальностей по отношению к большевикам, тем более *что в отношении принципов я являлся гораздо более радикальным противником большевизма, чем многие господа в Париже и в Лондоне*. Я размышлял о войне с большевиками и Россией; я бы вместе с нашим корпусом присоединился к армии, у которой хватило бы сил на войну с большевиками и немцами *и которая бы защищала демократию от большевиков*»[3].

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, с. 377.
[2] T. G. Masaryk. Světová revoluce. Praha, 1925, s. 210.
[3] Там же, с. 226—227.

Не будь Масарик буржуазным политическим интриганом и демагогом, можно было бы еще поверить тому, что именно убеждение в *преждевременности* социалистической революции в России побуждало его вести подрывную антисоветскую войну «во имя демократии» более решительно, чем английские и французские империалисты. Масарик поистине побивает все рекорды цинизма и демагогии, утверждая, что для него спор о коммунизме — это «спор не о принципе, а по вопросу, достаточно ли общество *созрело* для коммунизма *уже сейчас и именно сейчас*». Согласно Масарику, «большевиками в первоначальном смысле этого слова являются все люди — каждый из нас хочет как можно больше хорошего. Если коммунизм принесет людям благополучия больше, чем капитализм, люди его безоговорочно примут. Настоящие образованные социалисты примут его и тогда, когда благосостояние народа в общем-то и не изменится, а, может быть, даже и ухудшится, но при этом будет обеспечена бóльшая справедливость и смягчатся социальные противоречия современного общества. Такую точку зрения, однако, как уже было сказано, примут социалисты, истинные и образованные»[1]. Понятия «образованность» и «истинность», очевидно, здесь не нуждаются в комментариях.

Однако главный принцип противопоставления диктатуры и демократии Масарик основывает на вульгарном понимании демократии и еще более вульгарном понимании государства, классово-политической диктатуры, которую он, утрачивая какую-либо логику, смешивает с различными видами абсолютизма. «Я защищаю демократию, — говорит он, — и против диктаторского абсолютизма, кто бы ни присваивал себе права на диктатуру — церковь, государство, пролетариат — кто угодно»[2]. Шила в мешке не утаишь. Смысл борьбы Масарика против диктатуры — именно в отрицании определенного рода классовой диктатуры, диктатуры пролетариата, а не диктатуры как государства вообще.

Это вытекает из того, что существование политической диктатуры класса в виде государства (в демокра-

---

[1] T. G. Masaryk. Cesta demokracie. I, Praha, 1933, s. 399.
[2] T. G. Masaryk. Světová revoluce. Praha, 1925, s. 572.

тической или иной форме) ставится в вину коммунизму единственно по той причине, что власть рабочего класса заменяет власть буржуазии. До тех пор пока марксизм-ленинизм не сделал это научное открытие, во всех политических теориях классовая сущность государства самыми разными способами затемнялась. Масарик делает это с помощью теории теократии. Иные аргументы против социалистического государства трудно найти на тысячах страниц масариковских сочинений. У Масарика, в сущности, два довода. Первый основывается на утверждении, что диктатура пролетариата есть диктатура меньшинства над большинством. Более того, в России, согласно Масарику, дело вовсе не только в диктатуре пролетариата над остальными классами, а в диктатуре самозванцев, которые господствуют над пролетариатом. Поэтому он ставит знак равенства между диктатурой пролетариата в России и царизмом. «Так называемая диктатура пролетариата является абсолютистским режимом незначительного меньшинства; вольно или невольно русские большевики стали продолжателями царского абсолютизма»[1].

Второй довод — теоретического характера. Либо диктатура, либо демократия, а так как Масарик выступает за демократию, против теократии, то он и против социалистического государства, являющегося диктатурой пролетариата, поэтому его ничуть не интересует и его форма. Такую точку зрения, однако, нельзя обосновать. Поэтому Масарик ищет обоснование своего отрицания как диктатуры пролетариата, так и диктатуры вообще и находит его в гуманности, основанной на любви к ближнему и на нравственности. Гуманизм его, однако, не приводит к демократии, он необходим ему при поисках способов познания и изложения; гуманизм Масарик использует прежде всего для защиты буржуазной демократии и борьбы против научного понимания государства, для сокрытия классовой сущности буржуазного государства и буржуазной демократии. Масарик собирает отдельные проявления и признаки демократии, упорядочивает их и как единое целое противопоставляет государству — политической диктатуре класса, прежде всего диктатуре пролетариата. Чтобы

---

[1] Там же, с. 217.

достичь максимального «научного» эффекта, Масарик выступает против диктатуры вообще, — значит и диктатуры государства (!), так как он против диктатуры, кто бы ее ни осуществлял — «церковь, государство, пролетариат — кто угодно». В то же время, однако, как мы уже упоминали, он подчиняет демократию «закону» и так же, как Бенеш, — «суверенной власти государства», то есть все-таки чему-то такому, что имеет власть.

Вся эта софистика, которая в научном отношении является самой слабой стороной масарикизма, имела наибольшее влияние в антимарксистской пропаганде не только в нашей стране, но и в самых разнообразных вариантах и в других государствах. Т. Г. Масарик таким образом лишает демократию ее классового характера, объясняет ее гуманностью и нравственностью и вместе с тем приписывает ей — именно в период национально-освободительной борьбы и в период опьянения от получения национальной и государственной независимости — принцип национальный, который якобы должен заменить марксистско-ленинский принцип классовости. Он утверждает: «Демократий столько, сколько на свете народов и сколько государств»[1].

В сущности, это та же идеологическая позиция, которую защищал в своей работе «Современная демократия» Джеймс Брайс[2]. Он нас интересует постольку, поскольку является, помимо Масарика и Бенеша, единственным теоретиком, на которого ссылается при обосновании теории «чехословацкой демократии» в своей программе чехословацкая национально-социалистическая партия. По сравнению с Масариком — это все-таки «прогресс», ибо Масарик еще совершенно прямо и открыто заявляет, что принимает принципы американской демократии, которые «...были, есть и всегда будут основополагающими принципами моей политики и моей жизни»[3].

Однако чехословацкая национально-социалистическая партия под влиянием изменения соотношения сил уже разработала принципы «чехословацкой демократии», приняв за таковые положения, выдвинутые Маса-

---

[1] T. G. M a s a r y k. Cesta demokracie. I, Praha, 1933, s. 153.
[2] J. B r y c e. Moderni demokracie. Praha, 1926.
[3] T. G. M a s a r y k. Světová revoluce. Praha, 1925, s. 268.

риком. Так Масарик оказывается европейским и мировым авторитетом по вопросам демократии. Это превращение не является сложным, однако определенное «развитие» здесь есть. Если верить Масарику и чехословацкой национально-социалистической партии, то можно прийти к парадоксальному выводу, что принципы американской демократии являются принципами демократии Масарика. Правда, это пытаются отрицать, настаивая на существовании специфической чехословацкой демократии. В сущности, между принципами американской демократии, провозглашенными Масариком в тридцатых годах, а после 1945 г. — национальными социалистами, не было никакого различия: в обоих случаях речь шла о демократии буржуазной. Этот факт, открыто признаваемый до 1938 г., Бенеш и чехословацкие национальные социалисты после 1945 г., ссылаясь на традиции Масарика, пытались всячески скрыть. Рассуждали они примерно следующим образом: после мюнхенского предательства для «маленького чешского человека» (следуя их терминологии) неприемлемо положение о том, что масариковская демократия является демократией западной — американской; политически выгоднее поэтому объявить американские принципы масариковской демократии принципами «демократии чехословацкой», порождая впечатление, что демократия не имела и не имеет ничего общего с классами.

Если мы принимаем принцип, согласно которому сущностью демократии является существование стольких демократий, сколько существует народов и государств, то от чехословацкой, американской, французской демократий нам надо сделать лишь маленький «теоретический» шажок к так называемой демократии общечеловеческой — то есть к «демократии гуманной». Масарик идет именно по этому пути, требуя, чтобы «...демократия и республика основывались на нравственности — наше обновленное государство, наша демократическая республика должны основываться на идее, новому государству необходимо иметь свое разумное основание, *признанное всем миром*»[1].

То, что «разумным основанием», признанным всем «миром», была идея капиталистического общества, для

[1] Там же, с. 268—269.

Масарика не подлежит обсуждению, так как единственное в то время существовавшее социалистическое государство им, конечно, не принималось в расчет. Из капиталистического характера общества, «признанного всем миром», рождается «нравственность» и «гуманность» как атрибуты «гуманной демократии». Все это еще более усиливается той неопределенностью, которая типична для масариковской трактовки понятия капитализма[1]. По его мнению, все общество постепенно переходит «...от теократии к демократии на гуманной основе»[2]. Содержание происходящего перехода Масарик понимает как применение «гуманной демократии», которая должна устранять несовершенную экономическую и социальную односторонность капиталистического строя.

Такая демократия, правильно и последовательно проводимая, будет, по мнению Масарика, «демократией не только политической, но экономической и социальной». «Гуманную демократию», демократию политическую, экономическую и социальную, он считает состоянием, «обществу нашего времени и достаточно долгому будущему соответствующим и желаемым», приписывая ей такие свойства, что «практически демократия означает неравенство минимальное и постоянно уменьшающееся». С этой же точки зрения можно и отрицать устранение социального, классового неравенства посредством ликвидации прежде всего антагонистических классов, а затем и классов вообще, что является требованием марксизма-ленинизма. Новое состояние общества «гуманная демократия» представляет и политически, так как она не только отрицает абсолютизм и монархизм, но и является позитивной, более высокой стадией политического развития[3], где уже речь идет не о господстве, «но о праве и самоуправлении и о гармонизации всех конструктивных сил в государстве»[4].

Итак, теория «гуманной демократии» содержит отрицание социалистической программы построения бес-

---

[1] T. G. Masaryk. Světová revoluce. Praha, 1925, s. 404.
[2] Там же, с. 409.
[3] Там же, с. 535.
[4] Там же, с. 533.

классового общества и марксистско-ленинское понимание классовой борьбы, доведенной до победы социалистической революции и установления социалистического государства, подменяет «гармонизацией всех конструктивных сил в государстве» буржуазии. Поэтому такая демократия должна быть именно «демократией гуманной»; она не опирается ни на старые монархии, ни на церковь, ни на классовую борьбу в капиталистическом обществе; опорой ей служит братство, основанное на нравственности и индивидуализме, ибо «гуманная программа будет осуществлена объединенными государствами Европы, и в дело объединения европейских государств славяне внесут свой вклад в виде своей солидарности»[1]. Согласно Масарику, гуманная программа — это «чистая человечность, нравственная и общественная человечность как организованное единое целое»[2].

Поэтому масариковская «гуманная» модернизация старых и испытанных лозунгов буржуазной демократии — свободы, равенства и братства — состоит в их редукции к буржуазной гуманности, основой которой должны быть буржуазная мораль и индивидуализм, якобы порождающий демократию. Спекулятивная человеческая, гуманная нравственность — это тот столп демократии, на котором она зиждется, на который опирается, так как «истинная демократия покоится на нравственности, а не на церковном учении, не на теологии, не на религии»[3]. Отсюда, однако, отнюдь не следует делать вывод об антирелигиозном характере демократии, так как, согласно Масарику, нет нравственности без религии. Демократия по своей сущности — это «организация нравственного общества»[4]. Более совершенную демократию, следовательно, может создать лишь более совершенный, более нравственный человек. И так называемый умеренный индивидуализм, этот атрибут демократии, вытекает именно из гуманности, из симпатии и уважения человека к человеку, то есть из признания человеческой индивидуальности в человеческом океане. Личность, индивид, человек, никак не определен-

---

[1] T. G. Masaryk. Cesta demokracie. II, Praha, 1934, s. 291.
[2] T. G. Masaryk. Demokratism v politice. Praha, 1912, s. 15.
[3] T. G. Masaryk. Cesta demokracie. II, Praha, 1934, s. 390.
[4] Там же, с. 404.

ный, представляет собой атомизированный элемент человеческого общества, политически управляющегося антропократией, и краеугольный камень «гуманной демократии». Поэтому этот «умеренный» индивидуализм, вырастающий из гуманности как общего принципа антропократии или «гуманной демократии», характеризуется как синергизм: как взаимодействие индивидуума и коллектива при решающей роли индивидуума.

Всю свою концепцию «гуманной демократии» Масарик не выводит из действительности, понимая ее как программу. «Демократия еще нигде последовательно не осуществлена; все демократические государства представляют собой пока лишь попытку демократии. Демократические государства, одно в большей, другое в меньшей мере, удержали многое из духа и организации старого режима, из которого развились; на принципах свободы, равенства, братства будут основываться только государства действительно новые, государства будущего»[1].

Подлинный смысл масариковской концепции «гуманной демократии» особенно проступает в сопоставлении с зарождающейся диктатурой пролетариата, реально существующим социалистическим государством. Здесь явственно выявляется различие в понимании сущности государства в теории марксизма-ленинизма и в «философии демократизма» Масарика. Масарик также связывает диктатуру пролетариата с особыми условиями России, которые он, к тому же, тенденциозно и ложно изображает, то есть понимает ее не как явление исторически закономерное, а как случайное, исключительное. Масарик не способен избавиться от оскорбительного, тенденциозного и беззастенчивого очернения марксизма-ленинизма, а тем более не может понять международного характера ленинизма. Этим можно объяснить то, что Масарик при случае демагогически и расчетливо кокетничает с Марксом и Энгельсом и однозначно осуждает Ленина и ленинизм. Обе эти неверные методологически исходные позиции в области политики дополняются публичной апологетикой буржуазного политического строя, особенно в Чехословакии, в период, когда капиталистическое западнофильство буржуазии и ре-

---

[1] T. G. Masaryk. Světová revoluce. Praha, 1925, s. 532.

формистов опиралось на западных «освободителей» и союзников, еще не скомпрометированных Мюнхеном,— Францию, Англию и Америку. «У нас должен быть друг, который за нас всегда заступится,— говорит Масарик,— и таким другом будут французы. Это обусловлено нашим давним франкофильством. Франция же свое политическое великодушие и проницательность доказала во время войны тем, что взяла на себя ведущую роль в решении вопроса о нашей самостоятельности»[1]. Вполне естественной он считает задачу расположить к себе и Англию. Америка, как уже было сказано, была для него обязательным кредо при понимании демократии.

При конфронтации с социалистическим государством Масарик был вынужден как теоретически, так и практически в политике реагировать и на процесс кризиса капиталистического общества. Этот кризис он рассматривает как кризис современного человека, а следовательно, и всего человечества. «Кризис современного человека — общий, это кризис человека как такового, всей духовной жизни; вся современная жизнь, все институты, взгляды на мир и на жизнь требуют ревизии; внутренняя разобщенность, раздвоенность современного человека и его жизни, раздвоенность, разобщенность всего общества и общая духовная анархия, спор современности с прошлым, детей и отцов, борьба религии с наукой, философией, искусством и государством пронизывают всю современную культуру»[2].

Так, кризис капитализма не позволял Масарику пропагандировать капитализм в его прежнем, непреобразованном виде. Его следовало пропагандировать в «реформированном виде», создавая впечатление, что будто бы решены проблемы капитализма, в наибольшей мере воздействующие на массы людей своей явной бесчеловечностью, или что по крайней мере уже приступили к решению этих проблем. Масарик как буржуазный политик был неспособен — теоретически и тем более практически — принять единственное реально существующее решение проблемы кризиса капитализма, то есть «русский социализм» и ленинизм, нашедший широкий отклик в народных массах. Поэтому Масарик,

---

[1] T. G. Masaryk. Cesta demokracie. I, Praha, 1933, s. 47.
[2] T. B. Masaryk. Světová revoluce. Praha, 1925, s. 431—432.

опираясь на свой довоенный опыт борьбы против марксизма, разрабатывает концепцию «нового» общественного устройства, которое должно стать программой на многолетнее будущее Чехословацкой республики, — принципы «гуманной демократии», философско-теоретически сформулированные как «философия демократизма». Демократизм, основанный на гуманности, служит для него отправной точкой для практической общественной и политической организации общества, а также принципом идейно-философским. Таким образом, центральной проблемой политической философии Масарика становится спекулятивный человек, человек как индивидуум, которому предъявляется требование иллюзорно-совершенной нравственности как предпосылки всей его общественно-политической деятельности.

Так «реально» понятая буржуазная апологетическая политическая миссия «гуманной демократии» идеологически опирается на главный исторический и политический тезис Масарика, который он сам характеризует как превращение теократии в демократию[1]. Это развитие спекулятивно понимаемого человечества с помощью буржуазного гуманизма означает для Масарика в политической области прежде всего отход от церкви человека и его понимание как свободного в правовом отношении гражданина данного общества; далее, отделение от церкви государства и его понимание не как опосредованной власти церкви, а как организации политической власти, основанной на законах, определяющих отношение между гражданами; и наконец, отделение от церкви государственного авторитета. Основой должна быть не «власть божьей милостью», а власть, основанная на индивидуальной свободе, моральных принципах и авторитете законов государства и человека — однако ни в коем случае не человека как члена общественного коллектива, конкретного общества, а человека атомизированного, абстрактного, внеисторизированного.

Таким образом понятая «гуманная демократия» стала испытанным орудием буржуазной идеологии в Чехословакии. Все чехословацкие реформистские партии обильно черпали из нее антикоммунистические аргументы; для них она была школой социальной демагогии.

---

[1] Там же, с. 549.

«Гуманной демократией» они «морально» оправдывали свое участие в буржуазных правительствах, укрепляющих политическую диктатуру буржуазии в Чехословакии. Концепция «гуманной демократии» начала в конкретной исторической обстановке постепенно выполнять свою антикоммунистическую функцию как государственная идеология чехословацкой господствующей буржуазии. Упомянутый выше «принцип» гармонии классов использовался реформистами для обоснования «конструктивной» позиции в отношении политики буржуазного государства. Таким образом начиналось превращение социал-реформистских течений в буржуазно-реформистские. Эту миссию в чехословацкой национально-социалистической партии, как официально признавалось, выполнял Бенеш, ученик Масарика и его преемник на посту президента республики. Лидер этой партии Клофач присоединился к концепции Масарика в 1920 г., через два года после принятия относительно прогрессивной программы чехословацкой национально-социалистической партии. Клофач послал Масарику от имени партии телеграмму с выражением благодарности за его выступление в Бржезовых Горах. Клофач заверил, что чехословацкая национально-социалистическая партия принимает его слова в качестве своей программы.

Однако прошло целое десятилетие, прежде чем буржуазно-реформистская теория «гуманной демократии» была под руководством Бенеша прямо зафиксирована в программе национально-социалистической партии.

2. Э. Бенеш и чехословацкая национально-социалистическая партия

Рассмотрим теперь коротко, как была воспринята масариковская и бенешевская теория «гуманной демократии» чехословацкой национально-социалистической партией.

Бенеш был ближайшим политическим соратником Масарика и его учеником в области философии и политической теории. По сути, он принял и его «гуманную демократию». Свои политические способности Бенеш продемонстрировал уже во время первой мировой вой-

ны, сразу став верным сторонником западноевропейских буржуазных кругов, прежде всего французских.

На родину он вернулся лишь в 1919 г. в должности министра иностранных дел; в период начавшихся острых классовых столкновений между пролетариатом и буржуазией в борьбе за дальнейшее развитие Чехословацкой республики Бенеш не присоединился к какой-либо партии. Свою классово-буржуазную партийность, проявившуюся уже во время войны, он доказал прежде всего в период первых правительственных и политических кризисов Чехословацкой республики. Поэтому вопрос о том, в какой именно партии он наилучшим образом выполнит свою миссию одного из ведущих деятелей «группировки Града» чехословацкой буржуазии, был лишь делом политической целесообразности. Бенеш примкнул к чехословацкой национально-социалистической партии, избрав своим идейно-политическим оружием «гуманную демократию».

К. Маккензи следующим образом живописует этот факт: «В 1923 г. лидерам крупнейших политических партий удалось убедить президента Масарика, что упорное нежелание министра иностранных дел вступить в одну из партий нельзя всегда рассматривать лишь как стремление из принципа сохранить свою независимость. Президента посетила делегация лидеров политических партий, требуя, чтобы д-р Бенеш остановил свой окончательный выбор на какой-либо из партий... Масарик полагал, что было бы разумно, если бы Бенеш вступил в аграрную партию, представлявшую собой в значительной мере партию центра; против этого выступил Швегла. Швегла не пожелал иметь Бенеша в тылу аграрной партии, да и сам Бенеш никогда ни о чем подобном не помышлял. В конце концов торжественно собрались вместе все четыре лидера крупнейших политических партий, чтобы решить вопрос о том, в какую партию вступить Бенешу. Это все очень напоминает сказки из детской книжки «Алиса в Стране Чудес». После оживленных дебатов о политических взглядах Бенеша Большая четверка чехословацкой политики вынесла решение о присоединении этой части «спорной территории» к партии чешских национальных социалистов, рабочей партии, которая, хотя и не идет с марксизмом, но решительно стоит на «левых» позициях. Это решение было дове-

дено до сведения президента республики с соблюдением всех протокольных формальностей. Название «национально-социалистическая партия» должно отличать эту партию от международного, марксистского социализма»[1].

Необходимо отметить, что политические взгляды и практика как Бенеша, так и чехословацкой национально-социалистической партии были и навсегда остались однозначно антикоммунистическими. Не существует ни одного документа, кроме письма Бенеша из эмиграции к Чапеку, в котором хотя бы намеком указывалось на возможность другой точки зрения. Каково же было философско-политическое лицо Бенеша?

Как говорит сам Бенеш, он был европейцем, политически и философски воспитанным в Париже и Лондоне в начале XX века, то есть в период перерастания капитализма в империализм. В этом смысле Бенеш был верным сыном своего времени, так никогда и не поднявшимся над ограниченностью буржуазного европейства. Этот сложный политический период в развитии буржуазии оказал определенное влияние на формирование его политических взглядов и его политической позиции, несмотря на то, что он стремился стоять как бы над партиями, или даже именно поэтому. Проф. Р. Н. Фоустка — во время, когда он еще видел в Бенеше учителя и вождя народа и политически ему симпатизировал, — выдает его блуждания от масариковской прогрессивной партии к сотрудничеству с государственно-правовой прогрессивной и социал-демократической партиями при сохранении связей, как сам Бенеш добавляет, с национально-социалистической партией за стремление к сплочению всех прогрессивных сил. Это весьма некритичное утверждение, так как эти годы были для Бенеша временем зондирования и поисков; в эти годы Бенеш был занят больше своим самоопределением, чем формированием и созданием политических сил и групп, тем более что, как совершенно справедливо признает и сам Р. Н. Фоустка, Бенеш в это время еще не принимал непосредственного участия в собственно политической жизни.

---

[1] C. Mackenzie. Dr. Beneš. Praha, 1948, s. 193—194.

В 1919 г. уже как один из ведущих представителей буржуазной ЧСР, он принимает предложение выставить свою кандидатуру на выборах в депутаты парламента от национально-социалистической партии, не являясь еще ее членом. Вступает Бенеш в партию лишь в 1923 г., а после избрания на пост президента республики в 1935 г. из партии выходит, являясь в то время заместителем ее председателя и фактически ее главным идеологом по программным и политическим вопросам. Как президент республики, глава буржуазного чехословацкого государства, Бенеш активно участвовал в капитуляции перед гитлеризмом в период Мюнхена. С его именем связано антиконституционное, без согласия парламента, отторжение пограничных территорий в пользу Германии, так же как и морально-политическая и государственная поддержка контрреволюционных путчистов в феврале 1948 г.

Отношение Бенеша к КПЧ и к марксизму-ленинизму, если иметь в виду суть дела, а не политическую тактику, было всегда явно негативным. В зависимости от политической обстановки и соотношения политических сил его настроение менялось от презрения и игнорирования через примирение с существованием партии и с необходимостью с ней считаться до полного смирения перед политическим авторитетом КПЧ в чешском и словацком народе в феврале 1948 г. Образно можно охарактеризовать такую позицию Бенеша в отношении КПЧ двумя его высказываниями. В 1924 г. он произносит по адресу подвергающейся гонениям и преследованиям КПЧ в связи с обсуждаемыми вопросами о развитии мировой социалистической революции и о возможности социалистической революции в ЧСР следующие иронические слова: «Наши и русские коммунисты нам ее (социалистическую революцию. — *Я. О.*) неоднократно предвещали в ближайшие месяцы. Ныне нам дают еще несколько десятилетий. *Ну что же, увидим*»[1].

В 1948 г., то есть *спустя почти два с половиной десятилетия,* принимая после победоносного Февраля присягу членов правительства возрожденного Национального фронта, в котором уже не было ни одного буржу-

---

[1] E. Beneš. Nesnáze demokracie. Praha, 1924, s. 45.

азного представителя, Бенеш заявил К. Готвальду: «Вы были совершенно правы, господин председатель, когда заявили, что мое решение не было легким, а, наоборот, как вы сами сказали, лично для меня было весьма тяжелым... Вы хотите руководить государственными делами, используя новые пути и новую форму демократии. Я желаю вам, народу и государству, чтобы этот путь оказался счастливым для всех»[1]. Надо быть политически наивным, чтобы верить в искренность этих слов Э. Бенеша, который мастерски владел искусством социальной демагогии.

Принципиальные политические ошибки, связанные с антикоммунистической позицией Бенеша, вытекали из непонимания всемирно-исторического значения Великой Октябрьской социалистической революции, из враждебного отношения к ней. Это было причиной ряда его политических поражений и неудач и, наконец, окончательного проигрыша в связи с победой чехословацкого народа в феврале 1948 г. Это красноречивый урок для всех политиков и теоретиков, не понимающих и отвергающих Великую Октябрьскую социалистическую революцию и противодействующих тем силам, которые, с одной стороны, ее породили и, с другой — были ею умножены и воссозданы.

В области теории, как уже было сказано, отношение Бенеша к марксизму-ленинизму является столь же враждебным, как и в политике. Он сам подчеркивает, что всегда стремился держаться подальше от строго марксистских теорий, что никогда не принимал марксизм-ленинизм и всегда решительно заявлял о своем праве и обязанности его критиковать. Признавая порой его научную и логическую силу, Бенеш, однако, подчеркивал его мнимую аморальность, антидемократизм и, главное, тот факт, что он, мол, не соответствует действительности. Бескомпромиссное отрицание марксизма-ленинизма и возможности какого-либо идеологического примирения с ним Бенеш выразил именно посредством сопоставления своих взглядов на вопросы демократии с марксистской трактовкой этой проблемы. Несмотря на то, что он признает, что коммунизм и его собственное мировоззрение имеют «для целого ряда концепций и философских

---

[1] «Rudé právo», 5. vydáni, Praha, 28.2.1948, s. 1.

и нравственных принципов одинаковую основу», они являются диаметрально противоположными и их «теоретическое примирение, следовательно, невозможно»[1]. Свое мировоззрение и философскую концепцию Бенеш формулирует в 1927 г. вкратце таким образом: «Мой синтез, к которому я стремился, возвращаясь постоянно к Декарту, Канту, Локку, Юму под углом зрения интуитивизма Бергсона, теорий Дюркгейма в социологии и сочинений Масарика, должен был быть ноэтическим критическим реализмом, который бы дал мне возможность построить из данных ноэтических предположений целую систему критического реализма и в метафизике, этике, психологии, социологии и политике. Он стал моим компасом во всей моей практической жизни; в этике он вел меня к гуманной морали, в социологии и в политике — к обоснованию концепции современного демократизма; такой демократизм — продуманный до конца — является не только системой политических форм и институтов, но прежде всего большой составной частью философского мировоззрения, которое ежедневно, так сказать, на каждом шагу практически переживается во всей своей глубине и этическая сторона которого может быть выражена именно только гуманной моралью...

...Внутренняя борьба и философское мировоззрение, изучение ноэтики, Канта, Юма, Декарта и Масарика привели меня в конце концов к положительному отношению и к проблеме религии. Так я достиг твердых взглядов в религии и на религию, принимая веру в имманентную теологию и в Судьбу-Провидение»[2].

В этой связи можно определить фисолофскую концепцию Бенеша как, в сущности, специфический вид непоследовательного объективного идеализма, характеризующегося главным образом своим эклектизмом, называемым критическим реализмом или спиритуализмом.

Теперь, коротко охарактеризовав политические и философские взгляды Бенеша, поставим вопрос, какие предпосылки были у чехословацкой национально-социа-

---

[1] E. Beneš. Demokracie dnes a zitra. Praha, 1946, s. 253.

[2] E. Beneš. Světová válka a naše revoluce, I, Praha, 1927, s. 12.

листической партии для принятия «гуманной демократии»?

Благодаря своей известной программной и политической бесхребетности, своему традиционному отрицанию марксизма и, естественно, ленинизма, благодаря своему вульгарному национализму чехословацкая национально-социалистическая партия имела, безусловно, больше, чем какая-либо другая партия буржуазной республики, предпосылок к тому, чтобы из нее была создана сравнительно массовая основа буржуазно-реформистского движения в Чехословакии.

Антикоммунистические позиции национально-социалистической партии были предопределены всей ее историей. Она возникла в конце прошлого века как отрицательная реакция на марксистское учение и классово сознательное рабочее движение. В течение следующей половины века она исчезла в своей традиционной форме с политической сцены после сокрушительного поражения, нанесенного ей единым революционным рабочим движением в Чехословакии под руководством КПЧ. Во всех своих программах и во всей своей политической практике она выступала противником марксизма-ленинизма и классово сознательного пролетариата, позднее же преимущественно коммунистического движения у нас. Ее антикоммунизм однозначно зафиксирован в программе 1931 г., принятой на XII съезде чехословацкой национально-социалистической партии. Отрицая, явно в духе Бенеша, теорию научного социализма, марксизма-ленинизма вообще и практику КПСС, международного коммунистического движения, и КПЧ в особенности, чехословацкая национально-социалистическая партия резюмирует свою отрицательную позицию по отношению к КПЧ и коммунизму следующими жесткими словами: «...из-за этих причин и из-за политической практики, которую мы ежедневно наблюдаем в политике коммунистической партии, мы принципиально и последовательно выступаем против наших коммунистов»[1]. Свою антикоммунистическую точку зрения чехословацкая национально-социалистическая партия не изменила и после 1945 г., что доказала вся ее практика в период 1945—1948 гг.,

---

[1] «Program a zásady Ceskoslovenské strany národně socialistické». Praha, 1933, s. 62—63.

факт, который хорошо известен чешскому читателю. Точно так же и последняя программа этой партии от 1947 г., повторяющая все основные положения программы 1931 г., отвергает марксизм-ленинизм и практику международного коммунистического движения. Только форма ее антикоммунизма приспособлена к реальному соотношению политических сил в стране, где коммунистическая партия стала самой сильной и авторитетной силой.

В самом конце первой мировой войны, на своем VIII съезде в 1918 г., еще до возникновения Чехословацкой республики, национально-социалистическая партия выступает хотя и с непоследовательной и стихийной, но все же относительно прогрессивной политической программой. Ее прогрессивность заключается, в особенности, в формулировке национально-политических и государственно-конституционных целей партии. «Мы исходим из убеждения,— говорится в программе,— что чешское общество, единое общим сознанием своей национальной индивидуальности, проявляя высокую экономическую и культурную зрелость, стоит перед завершением своего самоопределения и созданием самостоятельного чехословацкого государства» и что «чешское государство должно быть построено на самой широкой демократической основе»[1]. Прогрессивность этого требования уже в самом провозглашении права народов на самоопределение и создание самостоятельного государства, для которого требуется широкая демократическая основа, хотя и здесь не ясно сформулировано требование о создании республики. Прогрессивность данной программы подчеркивается заявлением, что «благодаря собственной государственной власти и экономическо-политической борьбе чешское общество должно быть преобразовано из капиталистического в социалистическое». Это означает, что в самом чехословацком государстве должна быть «устранена эксплуатация человека человеком, отменена существующая система оплаты труда, экономическая жизнь должна быть реорганизована в интересах всего общества, а ни в коем случае не в интересах отдельных лиц, политическое равенство должно быть

---

[1] «Program České strany socialistické, přijatý na VIII. Valném sjezdu». Praha, 1918, s. 3.

дополнено равенством социальным, а материальным обеспечением каждого работника должно быть гарантировано индивидуальное развитие, соответствующее его способностям и наклонностям»[1].

Дальше программа в связи с отрицанием «государственного социализма» пропагандирует теорию разделения политической и экономической сфер государственной власти. «Политическую сферу государственной власти необходимо отделить от сферы экономической. Поэтому мы против так называемого государственного социализма, который бы не в меру усилил государственную власть огромными новыми ответвлениями, отнял бы у общества право управлять экономикой и культурой, ввел бы в них бездушный бюрократизм и не смог бы до конца решить вопрос отношений при найме». Далее в программе говорится: «Чтобы не нарушать принципа об отделении политической государственной власти от экономической, парламент будет иметь, помимо палаты политической, и палату экономическую, осуществляющую функцию высшего экономического органа, которому будут подотчетны и государственные хозяйственные органы»[2].

Демократическую форму государственной власти программа трактует двояко: с одной стороны, как средство борьбы за политическое господство *одного класса*, представленного одной политической партией, с другой стороны, как уважение метода мажоритарного принципа при подчеркивании классового характера как политической свободы, так и социального равенства. «Весь этот широкий класс эксплуатируемых, угнетенных, бесправных и слабых, организованных в одну политическую партию,— говорится в программе,— составляет большинство народа, а следовательно, может, не нарушая демократического принципа большинства, бороться за захват государственной власти в чешском государстве»[3]. Что касается классового характера демократии, то программа подчеркивает, что «при капитализме не существует никаких реальных свобод и равноправия, т. к. для этого нет экономических гарантий ни для народа, ни

[1] Там же, с. 3—4.
[2] Там же, с. 5.
[3] Там же, с. 7.

для каждого отдельного человека»[1]. В связи с пропагандой поэтапного преобразования капитализма в социализм при сохранении «революционного» содержания этого процесса, отвергая какой-либо политический оппортунизм, национально-социалистическая партия считала, однако, необходимым подчеркнуть в своей программе мажоритарный принцип демократии. Тем самым чехословацкая национально-социалистическая партия публично отмежевалась от линии социал-демократии, поскольку требовала, «чтобы преобразование капитализма в социализм было осуществлено демократическим путем социалистическим большинством народа и ни в коем случае не господством социалистического меньшинства»[2].

Из программы чехословацкой национально-социалистической партии 1918 г. можно вывести трактовку ею демократии, а также понять ход ее дальнейшего развития в буржуазной Чехословакии. Очевидно, что понятие демократии, обоснованное в программе национально-социалистической партии, принятой ее VIII съездом, обязано своим существованием революционной волне в стране и связано с общим настроением общества. Съезд выдвинул требование создания самостоятельного чехословацкого государства, набрасывая в общих чертах его облик, — хотя и ненаучный, но в известной мере прогрессивный. Исходя из факта, что общественный строй, в рамках которого возникает самостоятельное чехословацкое государство, — это строй капиталистический, съезд выдвигает требование, чтобы национально-социалистическая партия с помощью государственной власти и экономико-политической борьбы стремилась преобразовать его в строй социалистический. С точки зрения демократии национально-социалистическая партия выступает с требованием социалистического строя главным образом потому, что при капитализме не существует никакой свободы и равноправия ни для граждан, ни для всего народа, о чем она сама заявила. Таким образом, программа дает в целом верную классовую оценку сущности буржуазной демократии и тем самым — может быть, невольно и бессознательно — *классовое* толкование и оценку демократии вообще.

[1] Там же, с. 9.
[2] Там же, с. 7—8..

Поэтому в программе выражена мысль, что один класс имеет право бороться за государственную политическую власть и что такая государственная власть будет властью *демократической,* властью большинства народа, то есть класса эксплуатируемых, угнетенных, бесправных, слабых. Само собой разумеется, что со строго научной точки зрения речь скорее идет о выражении того классового союза, который мы определяем как союз народа с революционной партией, чем о точном определении класса в марксистско-ленинском понимании. И все же эта мысль отражала революционный демократизм, который прежде всего своим подчеркиванием политически понимаемой классовой реальности, а значит, и классового характера государства и его демократической формы был в резком, однозначном противоречии с буржуазным пониманием «гуманной демократии».

Вполне очевидны его ненаучность и неоднозначность, проявляющиеся в особенности в недооценке значения завоевания политической власти и ее использования как орудия преобразования капитализма в социализм, точно так же, как и явные черты реформизма: мысль о достижении революционных по своему содержанию целей путем реформ, ведущая к отрицанию неизбежности и закономерности социалистической революции, сближает уже в то время рассматриваемую программу национально-социалистической партии с теорией «гуманной демократии». Более того, если принять во внимание, что в Чехословацкой республике в то время зрелая марксистско-ленинская партия еще не существовала, что сама национально-социалистическая партия представляла собой политический конгломерат с антимарксистской политической традицией, а во главе ее стоял целый ряд бесхребетных вождей, которых прельщали карьера, депутатские мандаты и министерские кресла, то становится вполне понятным, почему этой программе была суждена недолгая жизнь.

Все, что национально-социалистическая партия осуществила на практике с момента принятия этой программы, противоречило ей или же ее обходило. Усиливавшиеся антисоветские и антикоммунистические настроения чехословацкой буржуазии содействовали тому, что программа национально-социалистической партии никогда

не была практической программой; она осталась лишь историческим документом, показывающим, какое отражение в реформистском лагере получил революционный период, связанный с возникновением и первыми шагами Чехословацкой республики. Для национально-социалистической партии не составило особого труда забыть программу, отказаться от нее, как и разработать новую, которая теоретически обосновала бы уже применявшийся этой партией на практике буржуазный реформизм. Поэтому программа, принятая VIII съездом национально-социалистической партии, была *чрезвычайным* событием в ее жизни, однако она *не имела традиций* в прошлом и *не стала переломным моментом* в развитии действительно революционной и демократической политики этой партии в будущем.

Остается тем не менее историческим фактом, что на своем VIII съезде национально-социалистическая партия провозгласила требование самостоятельного чехословацкого государства, ликвидации частной собственности на средства производства и устранение эксплуатации человека человеком, а следовательно, и ликвидации капиталистического строя, объявив себя тем самым сторонницей классового понимания демократии как власти большинства народа, основанной на антикапиталистическом, антибуржуазном фундаменте. Итак, в это время демократия не была для национально-социалистической партии изолированным явлением, но была тесно связана с общественным строем.

Эту программу, однако, национально-социалистическая партия принимает под непосредственным влиянием Великой Октябрьской социалистической революции и революционного движения чехословацкого народа. «Руководство партии в декабре 1917 г., — характеризует этот процесс Йозеф Шафаржик, — приняло принцип классовой борьбы, высказалось за единство социалистических партий и вступление в Социалистический Интернационал». Весной 1918 г. объединились четыре политические организации: национально-социалистическая партия, Федерация чешских анархокоммунистов, чешская демократия и часть масариковских реалистов[1]. А Ян Матл

---

[1] «O úloze bývalé národně socialistické strany», Praha, 1959, s. 40.

его дополняет: «В новой программе от 1 апреля 1919 г.* подчеркивались революционные цели и отрицался политический оппортунизм в любом проявлении... Идейный вождь партии профессор университета д-р Ф. Крейчи (бывший представитель чешской демократии. — *Я. О.*) отрицал спиритуалистический идеализм в качестве прикрытия реакционных устремлений в науке и политике»[1].

Невзирая на все позитивные прогрессивные программные заявления, национал-социалисты, однако, не пришли к требованию доведения классовой борьбы до логического конца: до социалистической революции и, следовательно, диктатуры пролетариата. Ведь уже тогда эта партия была связана с ревизионизмом и с буржуазной идеологией, ставшими позднее основой для ее будущего перехода на буржуазно-реформистскую платформу «гуманной демократии». Поэтому эту программу национально-социалистической партии никак нельзя назвать программой подлинно революционной и последовательно прогрессивной. Упор на реформизм и здесь заглушает ее прогрессивность и снижает ценность классового принципа.

В дальнейшем развитии национально-социалистическая партия своей практической политикой, а позднее и принятием «гуманной демократии» в качестве официальной идеологии, маскирующей жестокость буржуазного государства, все больше сближается с господствующей буржуазией. Не меняет дело и утверждение историка Карела Славичка, члена национально-социалистической партии, что еще в 1926 г. программа партии 1918 г. осталась неизмененной, так как в новом издании брошюры с программой слова «чехословацкий социализм» были, дескать, лишь заменены словами «чехословацкий национальный социализм», а слова «чехословацкая социалистическая партия» — словами «чехословац-

---

* Воспринятая в тогдашней Чехословакии как первоапрельская шутка, эта программа национально-социалистической партии просуществовала недолго. Приводимые цитаты свидетельствуют об инфляционном характере программных документов чехословацкой национально-социалистической партии. В данной работе автор, однако, исходит прежде всего из документов VIII съезда 1918 г., используя остальные документы лишь в качестве иллюстрации. — *Прим. перев.*

[1] «O úloze bývalé národně socialistické strany». Praha, 1959, s. 45.

кая национально-социалистическая партия»[1]. Остается, однако, фактом, что уже в 1920 г. программа национально-социалистической партии от 1918 г. считалась лишь неприятным историческим документом. Если у национально-социалистической партии хватило столько политической дерзости, что в 1926 г. она издала ее с упомянутыми «поправками» снова, то это один из тех политических обманов, каких мало в чехословацкой истории. Ведь к этому времени национально-социалистическая партия уже давно руководствовалась на практике гораздо худшими принципами, чем те, которые составляют ядро принятой позднее национально-социалистической партией теории «гуманной демократии».

Дело в том, что после 1918 г. национально-социалистическая партия начала быстро менять свое лицо именно под влиянием самых разных антисоциалистических элементов, вступавших в ее ряды, и под влиянием «Града». Даже, как однажды отметил Эмануэл Шлехта, руководство партии попало в зависимость от аграрной партии, вносившей фашистские идеи в политическую жизнь Чехословакии. Замечание Шлехты подтверждает и конфиденциальная запись из архива президента республики от 24 мая 1934 г., в которой отмечено, что аграрии стремились привлечь национально-социалистическую партию для осуществления фашистского переворота. «Министр Бенеш доверительно сообщает в присутствии посланника Масарика, — говорится в документе, — что некоторое время назад некий руководящий деятель аграрной партии пытался договориться с лидерами национально-социалистической партии о том, чтобы обе партии осуществили переворот, какой имел место в соседних государствах»[2].

Процесс превращения национально-социалистической партии в партию откровенно буржуазно-реформистскую во времена первой республики протекал под лозунгами борьбы как против классового, ортодоксального, научного социализма, так и против фашизма под руководством

---

[1] «Program a zásady Československé strany národně socialistické». Praha, 1933, s. 253.

[2] «O úloze bývalé národně socialistické strany». Praha, 1959, s. 103.

«Града». Алоис Нойман, председатель чехословацкой национально-социалистической партии, пишет об этом после февраля 1948 г.: «Партия оставила свою политическую программу от декабря 1917 г. Безыдейность и беспрограммность пытались компенсировать личным авторитетом Масарика и Бенеша, а внутри партии — Клофача, Стршибрны, позднее Бенеша, Франке и, наконец, Зенкла. Руководство национально-социалистической партии и социал-демократической партии находилось под влиянием политики «Града», и при этих условиях не могло быть и речи о создании единой программы действий социалистических партий, несмотря на то что среди рядовых членов этих партий было много сторонников этого. Для ведущих политиков этих социалистических партий наивысшим авторитетом был «Град» и его главные представители: Масарик и Бенеш. Целью политики Масарика и Бенеша было любой ценой сохранить в Чехословакии правительство буржуазной демократии»[1].

Началом этих антисоциалистических и реакционных тенденций в национально-социалистической партии непосредственно после создания самостоятельной Чехословацкой республики послужило прекращение борьбы против реакционной политики Ватикана и одновременно поддержка антисоветской реакционной политики Бенеша и Масарика. Поворот национально-социалистической партии к антикоммунизму выразился в нападках на Советскую Россию, на диктатуру пролетариата (см. Программу политических партий от 1920 г., Обращение к солдатам от 5 марта 1920 г.), в заявлении Клофача, что основой всего зла и хозяйственного хаоса в Европе является русская революция, в одобрении всех антидемократических мер вплоть до закона о защите республики; антикоммунистический курс был закреплен в новой буржуазно-реформистской программе партии 1931 г.

По мере того, как все отчетливей проступал антисоциалистический и антикоммунистический характер программы этой партии, ее честные члены избавлялись от реформистских иллюзий. Это нашло свое отражение в выходе из партии левых элементов. Примечательно в этом смысле и изменение позиций, мышления позити-

---

[1] Там же, с. 20—21.

вистского философа Ф. Крейчи, который был основателем относительно прогрессивной программы национально-социалистической партии в 1918 г.

Ф. Крейчи видит бесхребетность и беспрограммность партии именно в ее отношении к закону об охране республики, который он называет законом об охране буржуазной правительственной коалиции, а вовсе не республики. В 1930 г. он характеризует закон об охране республики как «...пластырь, которым официальные стражи общественного блага и частные защитники всех корыстных интересов заглушают каждый критический и предостерегающий голос». Раскрывая истинную суть «гуманной демократии», Ф. Крейчи говорит тогда же, что «наше новое государство со всеми демократическими атрибутами стало добычей реакции». Франтишек Крейчи позднее пришел к разрыву с национально-социалистической партией, бесстрашно выступал против фашизма и опровергал грубые нападки на Советский Союз[1].

Подготовка и разработка новой программы национально-социалистической партии приходится на период временной стабилизации капитализма и отлива революционной волны (то обстоятельство, что программа была принята уже после начала мирового экономического кризиса, никак не сказалось на ее содержании). В этом существенная разница между историческими условиями возникновения этой программы и условиями возникновения программы 1918 г.

Для выявления подлинного содержания буржуазной демократии этот период имел чрезвычайное значение, так как он совпал с возникновением чехословацкого фашистского движения в 30-х годах и антинародными актами буржуазной государственной власти. Такая тенденция имелась и ранее: ее проявлениями были закон об охране республики от 1923 г., закон о реорганизации общественного управления от 1927 г., закон (того же года), лишающий избирательных прав военнослужащих, практика судебных органов, опирающаяся на законы от 1920 и 1924 гг., и целая шкала законодательных и административных мер, ограничивающих право собра-

---

[1] J. Pešková Filosof a člověk František Krejči. «Filosofický časopis», № 6, 1958, s. 923.

ний, свободу печати, слова и другие демократические права. Укрепление позиций Бенеша в руководстве национально-социалистической партии нисколько не изменило ее антикоммунистическую ориентацию, но привело к усилению влияния буржуазно-реформистской идеологии «гуманной демократии». С этой точки зрения неверным является взгляд, что «в концепции и принципах партии, однако, ничто не изменилось», как пишет в своей статье Йозеф Шафаржик[1], оценивая брненский съезд. Этому противоречит именно тот факт, что брненский съезд, хотя и не принял новую программу, открыл все-таки путь для ее принятия, что, впрочем, было предрешено руководящим органом партии уже в 1920 г. Явно правый проект программы, разработанный инженером Шварцем, руководящий орган партии даже не рискнул представить на обсуждение партийным организациям. Лишь комиссия, утвержденная центральным комитетом национально-социалистической партии в 1930 г., разработала проект программы, который был в основном принят в 1931 г. XII съездом национально-социалистической партии и окончательно отредактирован данной комиссией уже после съезда в ноябре 1931 г.

Отклонение проекта программы инженера Шварца и исключение из партии сторонников Стршибрны подготовило принятие такой программы, которая бы, с одной стороны, покончила с данью «революционной волне» в национально-социалистической партии, влиянием которой была отмечена программа 1918 г., переставшая быть «актуальной» для партии в 1920 г., с другой стороны, привлекала бы политически незрелые демократические и антифашистские массы.

Речь шла о том, чтобы исключить из программы 1918 г. все революционное и все прогрессивное. Знаменательно и то, что в национально-социалистической партии уже отсутствовали силы, способные идейно-теоретически обосновать служение партии интересам буржуазии. Задача же состояла в том, чтобы придать такую форму программе, чтобы она отвечала всем требованиям буржуазии и вместе с тем способствовала со-

---

[1] «O úloze bývalé národně socialistické strany». Praha, 1959, s. 51.

хранению политического влияния партии на широкие слои народа. Тот факт, что в качестве основы новой программы национально-социалистической партии была использована лекция Бенеша от 1924 г., в которой он уже в теоретической форме излагает концепцию борьбы против «правого» и «левого» экстремизма — «фашизма и коммунизма», — говорит весьма убедительно о том, что именно вскоре после брненского съезда наступил период, подходящий для формулирования новой, буржуазно-реформистской антикоммунистической, но отнюдь не фашистской программы. Только такая программа могла выполнить возложенную на нее миссию. Программные заявления Клофача и Черны в 1927 г., сделанные по случаю 30-й годовщины со дня основания партии, так же как в том же году одобренное дополнение к программе, касающейся тогдашней Прикарпатской Руси (Закарпатской Украины), свидетельствуют о том, что процесс формирования новой программы был доведен до завершающей стадии именно брненским съездом.

Иное дело, что в силу своей идейно-политической бесхребетности национально-социалистическая партия вообще никогда всерьез не относилась к любой программе. И вполне закономерно, что буржуазно-реформистская, ограниченно антифашистская программа не помешала национально-социалистической партии в 1938 г. влиться в фашистское Национальное единство Берана[1].

Кратко, но исчерпывающе концепция буржуазной демократии в тогдашней Чехословакии сформулирована Бенешем в 1924 г. в упоминавшейся лекции «Затруднения демократии», изданной затем небольшой брошюрой. Ее автор полностью опирается на Масарика, учитывая и опыт чехословацкой и зарубежной буржуазии. Свои взгляды Бенеш излагает так, чтобы они выглядели близкими социализму, рабочему классу, трудящимся. Актуальная потребность такого приспособленчества была обусловлена массовым характером рабочего движения в буржуазной Чехословакии, во главе которого постепенно выдвигалась КПЧ. Значение этой небольшой работы Бенеша состоит в том, что она является развер-

---

[1] См. подробнее: V. Král. Politické strany a Mnichov. Praha, 1961.

нутым изложением понимания демократии той частью чехословацкой буржуазии, которую представляла «группировка Града», именно эта работа стала идейно-политической основой будущей программы национально-социалистической партии.

Поэтому программная комиссия национально-социалистической партии, возглавляемая Лоубалом, в ходе разработки проекта новой программы, трактуя понятие государства, государственной власти и ее форм, а также социализма, полностью заимствовала мысли Бенеша из его «Затруднений демократий». *Принятие тезисов из «Затруднений демократии» Бенеша в качестве политической программы национально-социалистической партии означало, что эта партия приняла буржуазно-реформистскую концепцию «гуманной демократии», являющуюся не только официальной буржуазной идеологией «группировки Града», но и государственной идеологией буржуазной Чехословацкой республики.*

Тем самым Бенеш стал главным программным идеологом национально-социалистической партии в политических вопросах, в вопросе о государстве, его формах и революции.

3. Критика антропократии

а) Демократия и гуманизм

Отрицание классового и политического характера демократии в концепции «гуманной демократии» заканчивается в действительности идейно-теоретическим требованием антропократии и практическо-политическим требованием государственного капитализма, который для маскировки именуется «демократическим социализмом». При этом, однако, нельзя не отметить, что Бенеш и национально-социалистическая партия монополизировали свое понимание гуманности в концепции демократии и стремились его использовать как идеологическое оружие в борьбе против коммунизма. Таким образом, за концепцией «гуманной демократии» проступает вопрос об отношении гуманности и демократии и его конкретном значении в борьбе пролетарской и буржуазной идеологий. Каковы же отношения гуманности и гуманизма к философским аспектам политической теории демокра-

тии? В какой связи находятся концепции «антропократии» и «гуманной демократии»?

Для Бенеша, и в данном случае для национально-социалистической партии, взаимоотношения демократии и гуманности опосредованы философией спиритуализма, которая противопоставляется философии материализма. В программе национально-социалистической партии, как было уже указано, философия спиритуализма прямо и открыто противопоставлена науке и научному социализму как теории рабочего класса. Ненаучная, иррациональная концепция спиритуализма смеет выдавать себя, как мы видели, за глубокое изменение в политической области, понимаемое как «философия демократизма», а в вопросах государства как «гуманная демократия», якобы освобождающая марксизм-ленинизм от научной односторонности. Тем самым гуманность противопоставляется науке.

Когда речь идет о действительной философской проблеме отношения гуманности к демократии, которая имеет теоретическое и практическое значение, Масарик и Бенеш, равно как и национально-социалистическая партия и ее идеологи, не смогли дать теоретического анализа гуманности и ее значения для философского понимания государства или его конкретной формы — демократии. Их «философия демократизма» и концепция «гуманной демократии» не содержат научного анализа ни идеалов человечности, ни гуманизма, а также их задач в политической борьбе в независимом чехословацком государстве.

Подход Масарика к гуманности, которому следовали в своей концепции «гуманной демократии» Бенеш и национально-социалистическая партия, был с самого начала в научном отношении несерьезным. Он отличался всеобщностью спекулятивной оценки, включенной в актуальные политические конструкции, и тем, что вместо верной интерпретации категории «гуманизма», скорее, затемнил содержание этого понятия.

Лучше всего это доказывает оценка Масариком «философии истории» Палацкого, в религиозной форме которой он открыл гуманную сущность, *но вместо правдивой интерпретации этих категорий в конце концов приравнял всякую гуманность к религии.* Вполне однозначно он выразил это в заключении своей работы «Мировая

революция»: «Философия нашей истории Палацкого оценивает Чешское братство как ее вершину: чистое христианство, т. е. учение Иисуса и его заповедь любви, является заветом отца народа и нашей истории — демократия является политической формой человечности. Веротерпимость в демократии возникает из габсбургской теократии. Иисус, не Цезарь, повторяю,— вот смысл нашей истории и демократии»[1].

В действительности все замечания Масарика о гуманности носят ярко выраженную печать конъюнктурного подхода, аппликации. Они выражают его точку зрения в рамках актуальных политических конструкций и по большей части затемняют их политическую и гуманную сущность. Теоретическое объяснение самой гуманности, отношения гуманности к демократии не дается ни К. Чапеком в книге «Разговоры с Т. Г. М.», ни Й. Кралом в его трудах о Масарике и в книге «Масарик — философ демократии и гуманности», изданной в 1947 г. с явно политической целью.

Когда речь идет о Бенеше и национально-социалистической партии, ситуация оказывается еще хуже: у них вообще мы не найдем целостного рассмотрения отношения гуманности к демократии, кроме именно этих актуальных и, точнее говоря, оппортунистических и конъюнктурных политических конструкций. Более того, некоторые взгляды Бенеша на «демократический характер империалистических войн» и на «отношение войны к культуре» было бы трудно втиснуть даже в эти конструкции и понятия гуманности, которые признает сам Бенеш.

Стремление «гуманной демократии» соединить со своим пониманием демократии идеалы человечности и гуманизма является поэтому в действительности прежде всего попыткой идеологического обоснования буржуазной демократии в Чехословакии. Именно поэтому идеология «гуманной демократии» настойчиво использовалась агитацией и пропагандой как для упрочения буржуазной государственной власти в Чехословакии, так и в качестве средства борьбы против коммунизма в области политической теории и практики. В связи с этим нельзя не отметить того факта, что на совести «гуманной демократии» в Чехословакии ряд кровавых

---

[1] T. G. Masaryk. Světová revoluce. Praha, 1925, s. 608.

убийств рабочих и трудящихся во времена буржуазной республики, связанных с политическим, полицейским и судебным произволом, беспощадное преследование всего коммунистического, всего демократического, противящегося буржуазной власти.

Однако это не означает, что не существует внутренняя «классовая логика», инстинктивная и сознательная, которая вела чехословацкую буржуазию, оказавшуюся лицом к лицу с сильным массовым революционным движением рабочего класса, именно к «гуманной демократии». Карикатурная в научном отношении, явно буржуазная по своему содержанию концепция «гуманной демократии» стала политической программой господствующих классов в межвоенной Чехословакии. На протяжении двадцати лет она неустанно пропагандировалась, но осуществлена не была. Дело не только в том, что «гуманная демократия» как политическая программа вообще неосуществима. Крах «гуманной демократии» был обусловлен прежде всего радикальным изменением в расстановке классовых и политических сил в Чехословакии вследствие победы Советского Союза во второй мировой войне, освобождения страны Советской Армией, победы национально-демократической революции и ее успешного перерастания в революцию социалистическую.

Для марксизма-ленинизма и международного коммунистического движения гуманизм представляет собой ту часть теории и научной идеологии, которая соединяет идеалы человечности, обусловленные гуманизмом эксплуатируемых классов, с исторической миссией рабочего класса, с революционной политической практикой. Классики марксизма-ленинизма выражают это в своей программе тезисом, что коммунизм является реальным гуманизмом, что с коммунизмом кончается предыстория и начинается действительная история человеческого общества. Коммунизм, говорит Энгельс, является делом не только рабочих, но и всего человечества.

Уже из этого весьма краткого определения отношения марксизма-ленинизма, который является идейной основой международного коммунистического движения, к гуманизму вытекает диаметрально противоположный подход к решению вопроса об историческом значении и

месте гуманизма в классовых обществах, в их классовых идеологических, политических и философских концепциях. В отличие от буржуазной трактовки марксизм-ленинизм подходит к определению гуманности конкретно-исторически, диалектически и революционно (практически). В противоположность этому буржуазия и ее идеологи такие категории определенного классового (в данном случае — капиталистического) общества, как нравственность, гуманизм, человечность лишают исторического характера, объявляют общечеловеческими, выдают их за программное требование, которое совершенно невозможно осуществить человеческими силами. Своим утверждением об исключении всякой классовой ограниченности в понимании демократии и гуманности они стараются сохранить существующее буржуазное общество; в крайнем случае ограничивают историческое развитие, которое действительно сначала ведет к общенародному, а потом и бесклассовому и, следовательно, общечеловеческому пониманию равенства, нравственности и гуманности.

Марксизм-ленинизм, программные задачи и политическая практика международного коммунистического движения не переоценивают значение исторически достигнутого уровня гуманности в развитии общества. *Социальное и классовое неравенство* буржуазного общества — и вытекающие из него все основные общественные неравенства «человека как человека», человека как индивидуума — делает невозможной конкретную реальность человеческого вообще, всечеловеческого. Абсолютную гуманность — человеческую вообще, всечеловеческую — нельзя полностью осуществить в классово разделенном обществе, особенно если речь идет об антагонистических классах. Поэтому для достижения целей революционных классов необходимо выявить на обломках старого общества новые классовые интересы и наполнить новым содержанием требование равенства, нравственности и свободы, которое своей прогрессивной настроенностью приблизилось бы к человеческому вообще, всечеловеческому; так будет подготовлен революционный переворот, когда именно классовый интерес рабочего класса впервые в истории человеческого общества становится всенародным и постепенно общечеловеческим. Возможность и неизбежность этого переворота

обусловлены тем, что рабочий класс сознательно и целенаправленно выдвигает требование ликвидации антагонистических классов (а затем и классов вообще, включая и себя как господствующий класс) и построения коммунизма. Только в бесклассовом коммунистическом обществе отношение «человека как человека», индивидуума к обществу как целому не будет детерминировано классовым содержанием, так как целое не будет распадаться на общественно-специфические определенные части, имеющие особые социальные и классовые интересы в рамках данного общественного строя. Этой объективной действительности будут отвечать и понятия равенства, братства и свободы как категории прежде всего всенародного, а затем и общечеловеческого, всеобщего содержания, а это значит, что будет преодолено сегодняшнее понимание этих категорий, обусловленное существованием классов, которые его или ограничивают, если это классы реакционные, или революционизируют, если это классы прогрессивные»[1].

В абсолютном смысле слова существо проблемы гуманности в классовом обществе, в котором государственная власть (за исключением общенародного социалистического государства) представляет собой политическую диктатуру господствующего класса, состоит прежде всего в том, обладает ли это общество объективной способностью ликвидировать классы и создать бесклассовое общество. Это предполагает существование реальной силы, способной реализовать такую программу, то есть преобразовать содержание социально-классовых явлений общественной действительности в содержание общенародное и, наконец, общечеловеческое. Если Бенеш и программа национально-социалистической партии отрицали возможность создания бесклассового общества, то тем самым они отрицали и возможность создания объективных и субъективных предпосылок для гуманности, не ограниченной классовыми интересами, для гуманности, включающей реальные общечеловеческие понятия равенства, нравственности и свободы. Принятие существующего буржуазного разделения на классы за вечное и выдвижение на первый план спекулятивных представлений о характере всече-

---

[1] J. E n g s t. O socialistickém humanismu. Praha, 1962, s. 13—14.

ловеческих, всеобщественных принципов равенства, нравственности и свободы с точки зрения этих классов ничего не решает. Уровень социально-классового устройства общества, уровень человеческого мышления и личные качества отдельных теоретиков позволяют Бенешу и национально-социалистической партии создать лишь гипотезы и теории, *выражающие их взгляды* на сущность всеобщественных принципов равенства, нравственности и свободы. Точно так же дело обстоит и с программой практических, то есть политических мер, которые должны вести к осуществлению этих принципов. Их реальность или нереальность, прогрессивный, реакционный или утопический характер могут быть проверены только в сопоставлении с общественной практикой.

Это относится и к «гуманной демократии». Смысл гуманности, применяемой в политической теории и практике Э. Бенеша и национально-социалистической партии в духе их программных заявлений, которыми идейно-теоретически обосновывается «гуманная демократия», можно обобщить следующим образом: гуманность, гуманизм Бенеш и национально-социалистическая партия понимают этически и философски как определенные спекулятивные идеалы человечности и политические способы их решения. При рассмотрении и обосновании этих понятий они опираются на такие исходные абстрактные постулаты, как «человек» и «человечность». И в этом заключается ограниченность их гуманизма: в своей сущности он является гуманизмом эксплуататорских классов, так как к его основным чертам относятся гуманистический универсализм и индивидуализм, которые толкуются с точки зрения политических интересов буржуазии как эксплуататорского класса (право частной собственности на средства производства, а тем самым и на эксплуатацию человека человеком).

Политическая, функциональная миссия этого эксплуататорского типа гуманизма и идеалов человечности заключается в том, что Бенеш и национально-социалистическая партия используют его в своей концепции «гуманной демократии» как практическую политическую программу, в основу которой положены именно интересы «каждого человека», всех людей, народа и человечества в целом в рамках буржуазного общества, при сохранении частной собственности на средства производ-

ства. В практической политике они стараются понимаемые таким образом интересы человека, всех людей осуществить с помощью реформы скомпрометировавшей себя буржуазной демократии и капиталистической экономики. Поэтому требование такой реформы они выдают за политический интерес человека, людей, народа — всех. Поэтому якобы в политических интересах всех людей, «каждого человека», всего народа они требуют отказа пролетариата от своих политических классовых интересов. Таков, по их утверждению, единственный путь к осуществлению государственно-политической системы демократии, которая не была бы ни классовой, ни «узко» политической, но являлась бы именно только демократией человека, «каждого человека» и в этом смысле «демократией гуманной» — антропократией.

Понимаемая таким образом политическая программа в вопросах государства и демократии теоретически опирается на общественно-реальные черты всех типов гуманизма (эксплуататорских и эксплуатируемых классов). Она исходит из потенциальных возможностей и фактического существования определенных идеалов человечности, основанных на общем родстве людей, общественно организованных в определенной общественно-экономической формации. Для подтверждения своей установки «гуманная демократия» использует критику (хотя и реформистски ограниченную) существующего общественного строя якобы с точки зрения интересов «каждого человека». Ее действенность при некритическом восприятии еще более возрастает, потому что сам гуманизм (даже и понятый только как гуманизм эксплуататорского типа) вынужден будет использовать с целью более полного удовлетворения интересов человека — «каждого человека», капиталиста и пролетария. *Поэтому из того факта, что можно сформулировать определенные идеалы человечности, не меняя при этом сущности общественного строя, «гуманная демократия» и выводит свою политическую программу.* На основе реально существующих определенных идеалов человечности, общих для всех классов, каждого человека, она отвергает те классовые политические интересы, которые находятся в противоречии с таким образом понятым буржуазным гуманизмом.

Отрицать возможность и само существование опреде-

ленных идеалов человечности, которые соответствуют интересам *каждого человека,* пролетария и капиталиста, бессмысленно, так как это противоречит объективной действительности, а следовательно, и научному познанию. Классовое в своем целом предполагает тем самым и определенную частицу общенародного и общечеловеческого, и поэтому отрицание этого факта политически вредит рабочему классу.

С этих позиций необходимо подходить и к критике концепции «гуманной демократии».

Марксистско-ленинская критика «гуманной демократии» основана на том, что социалистическая программа обосновывает, а социалистическая действительность реализует во всех областях общественной жизни — политической, экономической, социальной, культурной и т. д.— весьма большую и наиболее существенную часть идеалов человечности. Это следует из самой сущности социалистического гуманизма, который уважает и удовлетворяет идеалы человечности, отвечающие интересам каждого человека в гораздо большей мере, чем гуманизм эксплуататорских классов. Однако сущность политической проблемы «гуманной демократии» и ее марксистской критики заключается не только в этом. Основным является то, что, кроме определенной части идеалов человечности, соответствующих интересам каждого человека, несмотря на его классовую, расовую, национальную, религиозную и политическую принадлежность, объективно *существует другая, существенная часть идеалов человечности, которая в решающей мере определена именно социально и опирается на существование «социальной проблемы», социально-политического конфликта.*

К этим идеалам каждый человек относится не одинаковым образом, так как они определены прежде всего социально. И даже идеологи эксплуататорских классов не могут все же отрицать существование таких идеалов человечности, как, например, требование ликвидации эксплуатации и колониализма. Однако эксплуататорские классы эту часть идеалов человечности эксплуатируемых классов или колониальных народов не признают и не считают идеалами. Различие точек зрения на эти идеалы и их реализацию конкретно-исторически обусловлено принадлежностью к разным, в большинстве

случаев антагонистическим общественным классам. Итак, существуют идеалы человечности, детерминированные по большей части вовсе не социальными, а классовыми факторами. Они могут в определенном случае выражать и в классовом обществе интересы каждого человека. Однако имеются идеалы человечности, детерминированные преимущественно социальными факторами. Эти идеалы не всегда выражают интересы каждого человека, всех классов и всего общества, особенно когда речь идет об антагонистическом классе. Поэтому и гуманизм имеет классовый, конкретно-исторический характер.

Так мы вплотную подошли к сущности марксистско-ленинской критики гуманной основы «гуманной демократии». Мы ведь не отрицаем ни существования идеалов человечности, общих для эксплуатируемого и эксплуататорского классов, ни возможности основать на этих идеалах политическую программу. Мы отрицаем попытки выдавать эти идеалы и основанную только на них политическую программу за прогрессивные и тем более революционные. Такое понимание гуманизма является весьма узким и неполным в области социально-политической, оно не отражает сущность социальной проблемы и социально-политических конфликтов; тем самым оно сужает значение гуманности как основы для выработки политической программы революционных классов и их партий.

Характерные для Бенеша и национально-социалистической партии сужение идеалов человечности и их обоснование посредством буржуазного гуманизма подчиняют с теоретической точки зрения социальную детерминацию детерминации природной, переоценивающей человека как биологический вид и игнорирующей научное понимание общества, основанное на объективно и субъективно существующих общественных отношениях. Вместо определяющего социально-классового фактора в области политики и политической программы они выдвигают второстепенный фактор.

С политической точки зрения провозглашение этих идеалов в пункте, где они оказывают наиболее сильное эмоциональное воздействие, так как выступают в интересах «каждого человека», означает в обществе, разделенном на антагонистические классы, абсолютизацию

природных факторов и игнорирует социальную и классовую обусловленность определенных общественных явлений. Политическая программа, на этих идеалах основанная, сама берет на себя общественную, социально и политически детерминированную миссию; она становится орудием политической борьбы одного из общественных классов.

Если же исходная позиция гуманизма в концепции «гуманной демократии» опирается только на такие идеалы человечности, которые выражают интересы «каждого человека» (и тем самым в эмоциональном плане претендуют на привлекательность), то уже воплощение этого гуманизма в программных политических заявлениях подчиняется интересам определенного класса. Поэтому в обществе, где господствуют антагонистические классово-политические противоречия, такие идеалы человечности становятся ограниченными, так как они не основываются на факторах, имеющих определяющее значение для общества; с точки зрения политических целей они поэтому становятся иллюзорными, утопическими, а с точки зрения конкретной политики — нереволюционными или даже реакционными.

Перенесение только определенных идеалов человечности на политическую область в качестве решения «социальной и политической проблемы» необходимо с научной и практической точки зрения оценить в классовом и политическом смысле, поскольку такой прием является отражением классовых социальных интересов. Поэтому механическое, насильственное требование уважать интересы «каждого человека» обходит сущность социальных и политических проблем, межклассовых отношений и делает невозможным принципиальное решение вопроса об эксплуатации и политическом господстве эксплуататорских классов, а тем самым и решение основных социальных и политических проблем взаимоотношений между классами. В действительности на реализации таким образом понятых идеалов человечности основан такой гуманизм, который признает идеалами человечности только и единственно интересы каждого человека буржуазного общества (разумеется, лишь интересы, приемлемые с точки зрения господствующей буржуазии). Этот гуманизм выполняет свою политическую классовую функцию тем, что отвечает только та-

ким идеалам человечности, которыми их считают только определенные классовые силы, являющиеся их носителем, и избирают такие способы их реализации, которые они считают правильными.

Итак, политические выводы «гуманной демократии» основываются только на некоторых идеалах человечности, вытекающих из буржуазного понимания гуманизма. Это является причиной их умеренного политического характера, практической неосуществимости в буржуазном обществе, а также причиной того, что они становятся политической апологией господствующей буржуазии. Если политические интересы должны быть ограничены только интересами «каждого человека», невзирая на его классовую принадлежность, и если они не охватывают конкретную сущность классовых интересов и вытекающих из них классовых конфликтов, и если они должны быть втиснуты лишь в узкие рамки тех идеалов человечности, которые обоснованы «гуманизмом» эксплуататорских классов, то из такого понятия гуманности следует, что один из общественных классов — угнетенный и эксплуатируемый — должен отказаться от своих политических интересов, прав и своей политической теории.

Посредством необоснованной генерализации, игнорирующей сложность детерминации гуманности в классовом обществе, *определенные* идеалы человечности выдаются за единственные идеалы гуманности и вместе с тем отвергаются революционные идеалы, исходящие из глубоко гуманной сущности политики эксплуатируемых классов. С помощью такого приема буржуазный гуманизм выдается за единственно существующий гуманизм, за гуманизм вообще, а гуманизм пролетарский полностью игнорируется.

Так, у Бенеша и национально-социалистической партии мы находим такие явные банальности, как, например, утверждение, что нравственный человек не может быть эксплуататором даже в том случае, если он имеет в частной собственности средства производства и использует наемный труд, поскольку он-де уничтожает сам «дух» эксплуатации. Нравственный человек, мол, не будет организатором классовой борьбы, хотя один класс эксплуатирует и политически угнетает другой, так как здесь речь идет о борьбе между людьми, борьбе человека против человека, а это может приве-

сти к столкновению двух нравственных людей, принадлежащих к разным классам, и тем самым в результате наносит вред интересам «каждого человека».

Нравственный человек, наоборот, должен поэтому, мол, быть организатором мирного решения проблемы, осуществления гармонии между людьми, гармонии и между антагонистическими классами. Поэтому основу борьбы за высшую, более совершенную форму демократии надо, согласно таким взглядам, усматривать в нравственном воспитании, поскольку более совершенной демократию делают вовсе не революция и порождаемые ею новые политические институты, а более нравственные люди. *Демократии, следовательно, нельзя достичь в классовой борьбе; ключ к ней — в нравственном воспитании.* Сущностью демократии является в соответствии с вышеприведенными идеалами человечности, обоснованными буржуазным гуманизмом, нравственность «каждого человека».

Следовательно, «гуманная демократия» заинтересована в том, чтобы приписать наивысшую ценность так понятому нравственному отношению индивидуума к индивидууму и тем самым отрегулировать социально-классовые отношения, отношения между классами вообще и антагонистическими классами особенно.

Этот этическо-антропологически, а не социально и классово-политически понятый буржуазный гуманизм логически приводит к «гуманной демократии» — антропократии, которая, несмотря на то что признает существование классов, исключила классовое решение специфических отношений между ними как самостоятельными единицами единого буржуазного общества (так как классовый не всегда соответствует интересу каждого человека), хотя речь идет о законном средстве политической борьбы, неизбежно вытекающем из существования антагонистических классов. Поэтому и демократия, по утверждению сторонников антропократии, выделяет «широкую сферу» для решения отношений *между индивидуумами* вместо «узко» политически понятых отношений, в первую очередь *между разными классами.*

Привлекательность таким образом понимаемой гуманности вытекает из очевидного факта, что и буржуазный гуманизм возникает как продукт, отражение про-

тиворечий в социальной реальности и выявляет необходимость ее нравственной оценки. Однако объективные противоречия в социальной действительности — сам предмет нравственной оценки — «изнасилованы» моралью, основанной на идеалах человечности, в том виде, как они преподносятся буржуазным «гуманизмом».

Подлинные идеалы человечности в буржуазном обществе исходят из реальности социальных противоречий, и поэтому их носителями являются прежде всего революционные классы и слои общества. Эти классы, общественные слои и индивидуумы объективно охватывают и субъективно осознают противоречивость своего общественного положения и возможность реализации идеалов человечности революционным путем. Некоторые идеалы человечности существуют и у эксплуататорских классов, хотя они определены их господствующим положением. И эти идеалы содержат в себе в той или иной форме зародыши и элементы общенародного и общечеловеческого идеала. *На этом факте эксплуататорские классы основывают свое понятие гуманизма, которое должно исключить столкновение интересов антагонистических классов, и интерпретируют свой гуманизм как контрреволюционный принцип.*

Поэтому спекулятивно-утопическая программа, которая на них основана, становится политически тем более реакционной, чем более очевидной становится утопичность идеалов, из которых эта программа исходит. Политическое злоупотребление редуцированными идеалами человечности в политической области у буржуазии, которой противостоит революционный и политически сформированный рабочий класс, порождено закономерностью классовой борьбы. Идеологи буржуазии должны идеалы человечности интерпретировать именно таким образом, чтобы защитить свои классово-политические интересы и реализовать их в политической борьбе. Это интерпретация в интересах класса, который вследствие своего развития стал классом политически реакционным.

Однако одностороннее, классовое искажение идеалов человечности, особенно в области классовой борьбы, принимается определенной частью эксплуатируемых, угнетаемых классов и общественных слоев потому, что последовательное и окончательное политическое решение существующих классовых противоречий связано с за-

вершением классовой борьбы социальной революцией, победа которой объективно возможна только при наличии революционной ситуации и при условии высокой политической и классовой сознательности масс. Под влиянием этих фактов и в силу сложности всех форм классовой борьбы именно идеологическая форма классовой борьбы, опирающаяся в данном случае на «гуманную демократию», может вести и временно в Чехословакии вела часть общества к ревизионизму и реформизму, приукрашенному гуманностью. Идеалы человечности, возникшие, в сущности, как выражение принципиального сопротивления нарушению человечности данной социально-классовой действительности, не представляют, таким образом, для некоторой части эксплуатируемых и угнетаемых классов морального импульса, ведущего к неизбежности социальной революции, но вызывают только желание улучшить существующий строй, что, в сущности, означает примирение с его существованием. Хотя эти идеалы с их оппортунистическим содержанием и означают примирение с действительностью, сами по себе они являются весьма привлекательными, особенно если они постоянно внедряются в сознание масс.

Однако в действительности только та интерпретация гуманизма, которая объективно отражает, насколько данная классово-политическая диктатура и ее демократическая форма содержит в себе идеалы человечности, воспринятые и воплощенные в области теоретического понимания и практической реализации политической власти, может свидетельствовать о человеческой ценности государственного строя.

Для государства в его разных формах идеалы человечности, мотивированные гуманизмом, не представляют источника идейно-теоретического объяснения его классовой сущности и относятся к содержанию программы государственной политики в отдельных областях общественной жизни, поскольку выражают государственные, классовые интересы, например самого государства как классово-политической диктатуры, или интересы, связанные с правами и обязанностями граждан, устанавливаемыми государством. И хотя не существует прямой связи между государством, его формой и гуманистическими идеалами человечности, нельзя их влияние недооценивать, игнорировать и тем более вообще отрицать.

Идеалы человечности и гуманизм влияют на государство и его форму главным образом посредством отдельных частей надстройки. «Гуманная демократия» как демократическая форма политической диктатуры господствующей буржуазии должна при своем применении и реализации уважать ту часть идеалов человечности, социально и объективно детерминированных, которые не находятся в противоречии с интересами буржуазии как господствующего класса, а буржуазный гуманизм своими философско-этическими взглядами должен обосновать заинтересованность буржуазии в этих идеалах и в методах их реализации. Вместе с тем создавалось общее убеждение, что эти идеалы представляют собой выражение и проявление общечеловеческих элементов, общих для всех классов и общественных слоев буржуазного общества, и что они — единственно истинные идеалы человечности.

Этим буржуазная пропаганда придала «гуманной демократии» эмоциональную силу, оказывающую влияние на массы эксплуатируемых и угнетаемых, а господствующий класс и его союзники получили платформу для решения частичных споров внутри буржуазного общества. Их общее орудие — буржуазное государство и вся система других институтов, образующих многообразный и разнообразный «режим» «гуманной демократии»; именно государство смогло направлять идейно-политическую жизнь в Чехословакии в интересах эксплуататоров, выдаваемых за интересы каждого человека, которые, мол, необходимо защищать от классовых «экстремов».

б) Гносеологические корни антропократии

«Гуманная демократия», которая должна заменить либеральную демократию, учитывает в известной мере определенную объективно данную действительность буржуазного общества в период первого этапа всеобщего кризиса капитализма. Политический выход из него она ищет в отвержении как коммунизма, так и фашизма, что закономерно для буржуазного реформизма. Как мы уже указали, «гуманная демократия» на свой манер признает существование классов и классовой борьбы и

видит необходимость преодоления либеральной демократии. Поэтому она ставит перед собой политическую цель — подменить ее «демократией гуманной». Такое определение политической цели и средств ее достижения является характерным для «гуманной демократии». Эту цель призвана реализовать определенная часть буржуазного общества, которая должна была бы сформироваться в политическую силу на основе политической программы, главным критерием которой является нравственность, то есть нравственные принципы любой политической практики. «Гуманная демократия» таким образом ставит проблему отношений между гуманностью и нравственностью, с одной стороны, и политичностью и классовостью — с другой. Однако она ее не исследует и не решает, а априорно идеологически провозглашает нравственность и гуманизм исходными принципами своей программы и вместе с тем отвергает классовость и политичность. Поэтому наряду с фактором концепционным и программным, который определяет содержание «современной демократии» своим требованием преодоления ограниченного политического характера всей старой демократии, существует фактор, с точки зрения политической цели отрицающий классовый принцип старой демократии (и вместе с тем — как анахронизм — и классовый принцип социалистической демократии). Следовательно, целью практической политической борьбы является не замена классового буржуазного общества новым, бесклассовым обществом, обществом коммунистическим, а постоянное улучшение этого старого общества путем устранения или ослабления его аморальных черт.

Это определение политической цели и средств ее достижения тесно связано с гносеологическими корнями «гуманной демократии».

Для понимания этой практической цели методологически важно выявить причины, которые вели Бенеша и национально-социалистическую партию к этой буржуазно-реформистской трактовке. Вместе с тем нужно исследовать их гносеологические и социально-политические аспекты в единстве и взаимном переплетении, потому что, как доказали классики марксизма-ленинизма, социально-политические причины являлись определяющим и решающим фактором для формирования буржуазного

мышления, науки, идеологии, а следовательно, и буржуазной демократии. Однако отдельные факторы надстройки буржуазного общества развиваются относительно самостоятельно. В период, когда Бенеш и другие буржуазные и национально-социалистические идеологи формулировали политические цели «гуманной демократии», ее идейно-политические источники были таким фактическим теоретическим материалом и сами по себе содержали часть идеологически оформленных социальных и классово-политических источников, которые вырастали хотя и в опосредствованной форме, но тем не менее из классово-политической реальности времени их первоначального возникновения.

Поэтому мы считаем, что объяснение всей концепции «гуманной демократии» — на основе классово-политической и социальной реальности двадцатых годов нашего столетия — только как ложного теоретического отражения общественно-политической действительности лишь буржуазной Чехословакии является научно нереальным и противоречит историческим фактам. Такой подход был бы немарксистским, поскольку он игнорирует диалектико-материалистические закономерности развития объективной действительности, человеческого общества и человеческого мышления. Социально-политические факторы, определяющие содержание политической теории и идеологии и имеющие явно и однозначно буржуазную классовую сущность, не сводились только к действительности чехословацкого общества того времени. Бенеш и национально-социалистическая партия использовали весь идейно-теоретический арсенал буржуазии, включая ее систему мышления и философско-политические концепции. Идейно-политические источники «гуманной демократии» имеют вполне определенный классовый характер. Основой их аксиоматических принципов — нравственности и гуманности — поэтому являются *буржуазные* принципы нравственности и гуманности вообще.

Само собой разумеется, что непосредственно «гуманная демократия» обусловлена данной классово-политической действительностью буржуазной Чехословацкой республики. Эти конкретные социальные и классово-политические источники «гуманной демократии» проявляются как специфически чехословацкий «буржуазный реформизм», определяют его содержание и форму вы-

ражения, особенно в трактовке демократии. Как в свое время классическое содержание и форма буржуазной демократии были определены революционным захватом политической власти буржуазией на основе становления капиталистического производства, так и буржуазно-реформистское понимание демократии вообще, и конкретно чехословацкой концепции «гуманной демократии», определено новым соотношением классово-политических сил, когда революционной силой уже является не буржуазия, а рабочий класс. Точно так же как диаметрально отличалась расстановка классово-политических сил буржуазии и пролетариата в 1789, 1848 и 1871 гг. от конкретного соотношения сил пролетариата и буржуазии во всем мире, и особенно в Чехословакии после 1918 г., так и «гуманная демократия» отличается от классической буржуазной демократии. Социально и классово-политическую обусловленность трактовки демократии не решаются отрицать ни Бенеш, ни национально-социалистическая партия, как и большинство буржуазных идеологов и защитников реформистского социализма.

Так в наиболее общем плане понятую причинную зависимость трактовки демократии от реальных социальных и классово-политических сил признают Бенеш и национально-социалистическая партия. Однако классово-политическая обусловленность их точки зрения проявляется именно в буржуазном реформизме, в основе которого лежат гуманность и нравственность той части буржуазного общества, представителями которой были Бенеш и верхушка национально-социалистической партии. Особенно ярко буржуазный реформизм проявляется при формулировании политической цели — сохранения сущности буржуазного общества и сущности буржуазной демократии. Однако, учитывая соотношение классовых сил, он маскируется спекулятивными принципами нравственности и гуманности.

Уже в формулировке политической цели у Бенеша и национально-социалистической партии происходит переплетение гносеологической позиции и классовой социально-политической обусловленности решения проблем. Однако внешне такой подход имеет ярко выраженный гносеологически-теоретический характер; это лишь создает впечатление, что будто бы его содержание не опре-

деляется сущностью классово-политической действительности. Если с классово-политической точки зрения можно было бы охарактеризовать их цели как буржуазный реформизм, то с гносеологической точки зрения решающим является компромисс науки с ненаучным пониманием действительности. Речь, действительно, идет о компромиссе, а вовсе не о явном буржуазном своеволии. Возникают такие идеологические обработки, подмена и дополнение науки, когда научные методы используются для апологетики, которая некоторые достижения науки использует, некоторые критикует, а иные в принципе отрицает и заменяет спекуляциями. У Бенеша и национально-социалистической партии этот компромисс наиболее ярко проявляется в априоризме и волюнтаризме как продуктах недооценки или даже игнорирования объективной действительности и «стремления найти убежище лишь в чистом» идеологически-теоретическом материале, с виду не детерминированном объективной реальностью.

Тем самым данная теория в гносеологической области резко отличается не только от *фашистской ненависти к демократии,* но и от философского теоретического индифферентизма. Она стремится преодолеть фашистскую ненависть к демократии посредством абсолютной апологии демократии и за счет ненаучных аргументов, а политический и философский индифферентизм стремится преодолеть с помощью «позитивной» программы борьбы за нравственность и гуманность демократии. В борьбе против пролетариата империалистическая буржуазия уже не может выдавать буржуазную сущность демократии за нравственную и гуманную, как это когда-то делалось в борьбе против феодалов. Поэтому буржуазия все ставит с ног на голову: нравственность и гуманность провозглашаются сущностью демократии.

Политическая цель «гуманной демократии» характеризуется философско-политическим буржуазным реформизмом вместе с априоризмом. Речь идет о стремлении улучшить существующее общество под лозунгом борьбы за постепенную ликвидацию всего, что противоречит буржуазной утилитаристской нравственности, выраженной в «гуманной демократии» понятием человечности и гуманности.

Если политическую цель концепции «гуманной демократии» сопоставить с целью международного коммунистического движения, то более четко выявятся причины существенных различий, являющихся на первый взгляд абсолютно противоположными. В действительности же, несмотря на различие политических целей, они имеют ряд общих отправных точек, хотя в теоретическом и политическом отношении — доведенные до логического конца — они непримиримы.

Критерий политических целей в марксизме-ленинизме находится в строгом соответствии с научной закономерностью, объективно данной необходимостью бесконечного развития содержания научного познания; ключевой проблемой субъективной человеческой деятельности становится задача наиболее адекватного познания этой необходимости, овладения ею и разработки на этой основе программы для практического революционно-политического движения, которое постоянно проверяет и дополняет теоретическое познание.

В концепции же «гуманной демократии» критерием политической цели является *субъективное отношение определенного общественного класса, соответственно его части или группы, к объективной реальности общественно-политической борьбы, выраженной в определенной идеологической концепции.* Следовательно, целью здесь является не научное познание, а фиксация отношения этой части общества к процессу историко-политического развития. Это проявляется как волюнтаризм (с философской точки зрения) и как оппортунизм (с политической точки зрения). Поэтому классовое определение критерия политической цели связано с тем, что политическая цель не определена научным познанием закономерностей общественной жизни, в то время как определяющим принципом и признаком любой теоретической и практической политической деятельности является осознание своего отношения к объективной реальности. С позиции философского волюнтаризма и политического оппортунизма такая научная марксистско-ленинская позиция может показаться фатализмом, смирившимся с безнравственностью мира и недооценивающим субъективные факторы и определенные духовные принципы. В действительности же субъективное и активное отношение к определенной общественной реальности само по

себе еще не является критерием правильности, научности и творческого подхода. В данном случае оно есть лишь проявление *активного отношения* к объективной реальности, так как содержание этого отношения должно быть определено либо научным познанием активной практической деятельности, либо спекулятивным сознанием и идеей, преследующей прежде всего утилитарные цели.

Это не значит, что марксизм-ленинизм недооценивает или игнорирует субъективное отношение определенных классов, их частей или групп к процессу объективного закономерного общественного развития и к его научному отражению и познанию. Наоборот, вся стратегия и тактика международного коммунистического движения при определении его отношения как к классам, общественным слоям и группам, так и к политическим партиям исходит именно из познания этих реальностей. *Как содержание, так и форма и метод этого активного отношения к объективной реальности обусловливаются научным познанием закономерностей развития объективной реальности.*

На основании такой оценки содержания политической цели марксизм-ленинизм определяет и средства ее достижения. Поэтому и эти средства научно обосновываются, определяются как таковые и оцениваются. Значит, не только нахождение политической цели, но и определение соответствующих средств ее достижения должны быть адекватны степени познания, а поэтому эти средства оказываются изменчивыми и неоднородными.

Поэтому Бенеш и национально-социалистическая партия выступают с нападками на политические цели марксизма-ленинизма и международного коммунистического движения. В концепции «гуманной демократии» субъективное отношение общественного класса или группы к объективной реальности ставится выше научного анализа и оценки, которые считаются не объективным критерием истинности, а субъективным отношением определенного общественного класса к содержанию научного познания. В данном случае критерием научного познания признается нравственный критерий, который сам по себе определяется не конкретно-историческими условиями, а спекулятивной конструкцией нравственного идеала в конкретный период общественно-исторического развития человеческого общества. Однако этим философским

волюнтаризмом невозможно ни преодолеть реакционную сущность буржуазной демократии в ее отношении к рабочему классу и большей части остальных трудящихся, ни извратить объективную истину классовой и политической трактовки демократии в теории и практике марксизма-ленинизма.

Априоризм и волюнтаризм буржуазного реформизма в концепции «гуманной демократии» ведет к выдвижению внеисторического оценочного фактора, которым в данном случае становятся спекулятивные нравственность и гуманность. Это, однако, указывает на противоречивый характер исторического подхода «гуманной демократии» к современной общественно-политической реальности, ибо эта буржуазная концепция сама является *конкретно-исторической реакцией* определенной части буржуазного общества и его идеологов на общественно-политическую ситуацию в период первого этапа всеобщего кризиса капитализма в Чехословакии. Итак, в этом смысле нельзя говорить о внеисторичности. *По сути, однако, содержание этой реакции зависит от классово-политических интересов определенной части буржуазии в период, когда политическая власть находится в руках буржуазии в целом, но исторически ее политическое господство уже* отжило свой век. Поэтому в политическом плане вполне объяснимо, что к решению конкретно-исторической общественно-политической ситуации она *подходит с позиции внеисторизма,* ибо именно он дает возможность подчинить решения интересам буржуазии и исключить результаты объективного научного исследования. И далее. Поскольку концепция «гуманной демократии» считает классовый подход к демократии априори аморальным и, в сущности, антидемократичным, она исключает возможность понимания как моральных, так и демократических идеалов буржуазии или пролетариата как социально обусловленных идеалов конкретных исторических классов.

Поэтому становится необходимым искать такой выход из положения, который дал бы возможность игнорировать научные выводы, был бы приемлем для буржуазии, а также имел «общую значимость», то есть, в сущности, отвечал интересам буржуазии и вместе с тем, хотя бы внешне, был приемлемым на определенном этапе и для рабочего класса и, наконец, для всего об-

щества. Этого «гуманная демократия» стремится достичь тем, что подменяет классовые интересы, объективно отражающие реальные отношения буржуазного общества, общечеловеческими интересами и утверждает, что идеи научного коммунизма и их практическая реализация затрагивают интересы лишь определенных людей и классов. Отсюда следует, что критерием, определяющим выбор политической цели и средств, является, с точки зрения «гуманной демократии», не научное знание как отражение объективной общественной реальности, а интересы человека как такового, «человека как человека». В качестве такого критерия выдвинута нравственность как общий принцип, поскольку ее можно требовать от всех, и в этом смысле она соответствует интересам всех. Ход мыслей авторов концепции «гуманной демократии» можно выразить примерно следующим образом: классическая либеральная демократия является классовой и должна быть заменена классовой пролетарской демократией, как это уже произошло в СССР. Пролетарская демократия политически преодолевает и обрекает на гибель классовый характер буржуазной демократии. Однако «гуманная демократия» ее априори отвергает, а поэтому пытается подменить классовую буржуазную демократию демократией внеклассовой. В качестве аргумента выдвигается утверждение, что недостатки и пороки прошлых демократий были вызваны именно их классовым характером, в котором, в сущности, заключалась аморальность этих демократий. Следовательно, если общество хочет избежать в дальнейшем пороков и аморальности классовой пролетарской демократии, то морально необходимо, чтобы буржуазия и пролетариат сообща стремились к созданию внеклассовой «гуманной демократии», которая будет нравственной, ибо преодолевает классовую ограниченность обоих, не преодолевая и не ликвидируя, однако, сами классы. Итак, внеклассовая «гуманная демократия», утверждают ее идеологи, при сохранении классов буржуазного общества на основе нравственных принципов преодолевает как классическую буржуазную демократию, так и пролетарскую демократию в СССР.

Таковы главные постулаты попытки трансформации реальной классовой и политической демократии в спекулятивную антропократию.

Глава IV

К КРИТИКЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕОЛОГИИ МАСАРИКИЗМА

1. Идеологические аспекты «гуманной демократии»

Как уже было сказано выше, в современной истории наших народов и чехословацкого государства проблемы демократии, и прежде всего их правильное классовое понимание, имеют особое значение. Проблемы демократии, особенно в последние десятилетия, стали неделимой составной частью исторических событий в Чехословакии, а поэтому они не могли не отразиться в политической практике буржуазии и рабочего класса и в теоретическо-политических концепциях их представителей. Рост национального сознания, направленный на достижение государственной и национальной самостоятельности, равно как и классовое самосознание пролетариата и экономическо-политические амбиции буржуазии, имели непосредственное отношение к теории и практике демократии в нашей политической истории и борьбе.

Если демократия сохранилась в сознании чехословацкого народа вопреки всем историческим драмам как высокая политическая ценность, то это свидетельствует о здоровом политическом развитии нашего общества. Наиболее существенным в этом развитии является возникновение самостоятельного чехословацкого государства, возникновение Коммунистической партии Чехословакии, приобретение подлинной государственной и национальной свободы в результате освобождения страны

героической Советской Армией и осуществление национально-демократической революции, победа рабочего класса и поражение чехословацкой реакции в феврале 1948 г. и, наконец, победа над контрреволюционным заговором в 1968—1969 гг.

С 1918 г. в идеологической и политической борьбе между пролетариатом и буржуазией в Чехословакии прослеживаются две основные противоположные концепции демократии, основанные на классовом антагонизме интересов, — марксистско-ленинская концепция, сформировавшаяся в борьбе против реформизма и в связи с возникновением КПЧ, и буржуазная концепция «гуманной демократии».

Концепция «гуманной демократии» в Чехословакии была весьма широко теоретически и политически развита после первой мировой войны прежде всего Т. Г. Масариком, а также Э. Бенешем. Ее считали составной частью официальной государственной (то есть буржуазной) идеологии; исторические факты показывают, что начиная с тридцатых годов она стала составной частью провозглашенной программы прежде всего чехословацкой национально-социалистической партии, а также и других партий. С лозунгами «гуманной демократии» были связаны буржуазия и чехословацкая национально-социалистическая партия и после 1945 г. Наконец, «гуманная демократия» стала политическим связующим звеном подавляющего большинства антикоммунистических политических сил в Чехословакии. Это определило в наиболее общей форме и ее политическую роль в классовой борьбе между чехословацким рабочим классом и буржуазией.

Из этого вытекает, что «гуманная демократия» образует важную политическую составную часть буржуазной идеологии. Т. Г. Масарик и Э. Бенеш как главные ее представители и вместе с тем президенты Чехословацкой республики, решающим образом повлияли на идеологические и политические взгляды буржуазного общества в стране, а тем самым — при помощи государственных политических и культурных институтов и идеологии реформистских партий — и на взгляды трудящихся и части рабочего класса.

Об этом, в частности, свидетельствует развитие упомянутых выше программных деклараций чехословацкой

национально-социалистической партии после первой мировой войны. В своих программных тезисах эта партия, например, в 1918 г. провозгласила, что «чешское общество должно быть с помощью государственной власти и экономическо-политической борьбы преобразовано из капиталистического в социалистическое (!)»; «эксплуатация человека человеком должна быть устранена»; «политическое равенство дополнено равенством социальным»; а поэтому «широкий класс эксплуатируемых, угнетенных, бесправных и слабых, организованный в одну политическую партию, составляет большинство народа и может поэтому, не нарушив демократического принципа большинства, стремиться взять в свои руки политическую власть в чешском государстве»[1]. В этой программной декларации можно найти ряд и других подобного рода заявлений. Сама по себе эта программа с точки зрения исторических связей является чрезвычайным событием в жизни данной партии, которая, не имея никаких традиций в прошлом, не была в состоянии обеспечить поворот в общественном развитии к подлинно революционной и демократической политике в будущем.

С 1920 г. деятели чехословацкой национально-социалистической партии воспринимали цитированные программные декларации скорее как неприятную реликвию, чем как перспективу на будущее.

Концепция «гуманной демократии», таким образом, стала на долгое время серьезным препятствием для восприятия некоторыми слоями чехословацкого народа идеологии марксизма-ленинизма, прежде всего в вопросах понимания классовой сущности государства и его форм.

Вопрос о классовом понимании демократии или антропократии занимает важное место в классовой борьбе, которая проходила и проходит в Чехословакии между социалистической и буржуазной идеологиями. В определенные периоды ее значению уделяется больше внимания, чем в другие, и она меняет свое содержание в политической борьбе за власть внутри страны и в международном масштабе. Это снова подтверждает, что аб-

---

[1] «Program Československé strany socialistické, přijaty na valném sjezdu. Praha, 1918.

страктные категории политики имеют реальный смысл лишь в той мере, в какой их содержание образует именно единство логического и исторического.

Антропократия как своеобразная демократия является нераздельной составной частью буржуазной идеологии масарикизма. Как уже говорилось выше, философии теократии — власти бога — Т. Г. Масарик противопоставляет свою философию демократии, которая является для него светским выражением политических целей исторически не детерминированного человека (человека sub specie aeternitatis), интересы которого определены человеческой психологией, исходящей из нравственных постулатов.

Подчеркивание Масариком антропократического, а не народного характера понимания демократии связано прежде всего с его ложным представлением о народе как анонимной массе, хотя он и допускает, что народ и масса имеют значение для демократии. Ложное представление Масарика о характере демократии отражается и в его взгляде, «что общество было всегда организовано государственным образом»[1]; однако этот взгляд противоречит его спекулятивным размышлениям о гуманной программе, которой для него является «чистая человечность в нравственном и общественном плане, сообщество как организованное целое»[2].

Путаница во взглядах Масарика на отношение *человек — народ — демократия — государство* проявляется четче всего там, где он анализирует политическую практику, выходя тем самым за рамки своих спекулятивных размышлений о гуманной программе.

В такие моменты Масарик не только называл народ «толпой»[3], которая не хочет, чтобы ею командовали, но даже заявлял, что, по его мнению, решение важных и определяющих политических моментов в истории принадлежит не народу и нациям, а прежде всего вождям.

Т. Г. Масарик произносил свои строгие суждения не только о народе, но и об избираемых представителях народа — о парламенте. Он ограничивает применение определенных форм суверенитета народа как проявления

---

[1] T. G. Masaryk. Světová revoluce, s. 566.
[2] T. G. Masaryk. Demokratismus v palitice, s. 15.
[3] T. G. Masaryk. Cesta demokracie. I, s. 179.

демократии (то под видом критики народа как анонимной массы или толпы, то как бы размышляя над проблематичностью работы парламента) и объявляет чистый «умеренный индивидуализм» ячейкой демократии. В этой связи он отрицает подчинение индивидуума таким «мифическим и мистическим» коллективам, какими для него являются нация, народ, пролетариат (который, мол, нелегко научно точно определить). Однако каждого индивидуума он рассматривает как подчиненного только такой реальности, какой является власть государства, выраженная в законе.

Так как Масарик — буржуазный идеолог и политик — отождествляет власть государства, выраженную в законе, с самой государственной властью в Чехословакии после 1918 г. (властью чехословацкой буржуазии), он придает своей антропократии однозначно классовый характер; в этом мы еще будем иметь возможность убедиться. Этот факт надо подчеркнуть прежде всего во избежание необоснованной абсолютизации ограниченных ценностей теории демократии Масарика, к чему стремятся те, кто хочет отпрепарировать его взгляды таким образом, чтобы не бросался в глаза их классовый характер.

Буржуазная классовость теории демократии Масарика проявляется и в его понимании государственной власти как диктатуры, которой он дает в основном объективистскую оценку.

Скрывать или не учитывать в политике классовую сущность государства как диктатуры господствующего класса — значит отступать от конкретного исторического подхода; это возможно в области спекуляции, но не в реальной жизни.

Антропократический и националистический принципы понимания демократии, выраженные в форме спекулятивного неклассового гуманизма, были с политической точки зрения классово-исторически обусловлены. Это и определило эклектичность мировоззрения Т. Г. Масарика, о котором итальянский философ А. Лабриола в своей рецензии на книгу «Социальный вопрос» высказался попросту, что «взгляды Масарика напоминали винегрет».

В настоящее время мы видим гораздо яснее, чем в разгар откровенной борьбы марксизма-ленинизма с ма-

сарикизмом, что главным политическим смыслом антропократии Масарика было «теоретическое» обоснование буржуазного государства и буржуазной демократии в Чехословакии.

При этом нельзя недооценивать тот факт, что ее неотъемлемой составной частью была и откровенная антикоммунистическая борьба, сопровождаемая всесторонним полицейским и судебным произволом, преследованием революционного рабочего движения, и особенно Коммунистической партии Чехословакии. В период 1918—1938 гг. имели место (по официальным данным) по крайней мере 84 расстрела и штыковых атак, примененных жандармами, полицией и войсками, при этом было убито 119 человек и примерно 400 человек ранено (здесь не приводится еще и другая, гораздо более крупная цифра «нормальных» массовых мероприятий, при которых были использованы «только» дубинки и сабли). Характерно, что, кроме 1919 г., самое большое число жертв приходится на долю кризисных 1931—1932 гг.

Марксистско-ленинская критика «гуманной демократии» Масарика поэтому была и остается вполне закономерной. Однако нельзя ложно выдавать марксистско-ленинскую критику этой антропократии за проявление недооценки гуманизма в революционной теории и практике рабочего класса и коммунистической партии. Наоборот, смысл этой критики всегда заключался и заключается в том, чтобы разоблачить как классовую ограниченность (часто и фиктивность) буржуазного гуманизма, так и показать необоснованность и фактическую нереальность существования внеклассового гуманизма в классовой общественно-экономической формации.

Возникновение марксизма-ленинизма и практика социалистического строительства после победы Великой Октябрьской социалистической революции доказали безжизненность спекулятивного гуманизма. Осуществление величайших человеческих идеалов в настоящее время неразрывно связано с победой рабочего класса в социалистической революции. Поэтому и отрицание спекулятивного гуманизма вовсе не означает отрицания и недооценки революционного гуманизма рабочего класса, который конкретно выражен преж-

де всего в ликвидации эксплуатации человека человеком.

Нельзя так же недооценивать реальные отношения гуманизма к демократии, особенно буржуазной и социалистической. Вместе с тем нельзя эти отношения апологетически вульгаризировать.

Марксистско-ленинский классовый подход к критике буржуазной вульгаризации идеалов человечности и гуманизма не отрицает наличия и таких идеалов, которые отвечают интересам каждого отдельного человека, кем бы он ни был — пролетарием или капиталистом. Однако не в этом Масарик видит суть политической проблемы «гуманной демократии», а следовательно, и сущность марксистской политики. Марксистская критика идейно-теоретических источников «гуманной демократии» исходит из того, что, кроме определенной части всеобщих идеалов человечности (которые имеют свое значение и соответствуют интересам каждого человека, невзирая на его классово-политическую, расовую и религиозную принадлежность, и влияют в той или иной мере на теорию и практику демократии), *существенной и определяющей является часть идеалов человечности и гуманности, связанная с революционным рабочим движением. Эта специфическая часть идеалов человечности в решающей мере определена социально-политически. Она опирается на объективный факт «социальной проблемы»* классового «властно-политического конфликта». Речь идет об идеалах революционного гуманизма, к которым не могут одинаково относиться сознательный буржуа и сознательный пролетарий. Поэтому идеалы человечности и гуманности в целом могут быть лишь одним из исходных пунктов для понимания демократии, связанной с классовостью и политичностью, составляющими суть каждой реальной демократии. Поэтому даже социалистическая демократия не может быть неклассовой и аполитичной, так как ее реальной социальной основой является господствующий рабочий класс в союзе с трудовым крестьянством и социалистической интеллигенцией, а ее содержание образуют программные идеи и принципы.

2. «Гуманная демократия» последователей Масарика

Мы уже говорили о том, что чехословацкая национально-социалистическая партия не сразу приступила к созданию программы «гуманной демократии». «Гуманная демократия» стала одним из центральных устоев ее новой программы лишь с 1931 г. Факты показывают, что решающую роль в процессе формирования и принятия новой программы этой партии сыграл Э. Бенеш, который стал в 1923 г. ее членом и некоторое время спустя заместителем председателя этой партии.

Чехословацкая национально-социалистическая партия в марте 1947 г. провозгласила себя партией Бенеша. Несмотря на это провозглашение, нельзя, однако, на основе приведенных фактов однозначно заключать, что политические позиции Э. Бенеша и чехословацкой национально-социалистической партии были полностью тождественны. Это касается и взаимоотношений Т. Г. Масарика с этой партией.

В историческом экскурсе своих «Затруднений демократии» Э. Бенеш упрекает античную и либеральную демократии за их общие принципы, то есть классовость и политичность, и связанные с этим классовое разделение общества, классовую борьбу и ненависть. Этим социальным явлениям, согласно Бенешу, не соответствуют требования нравственности и человечности как основные черты современной демократии. Классовую ненависть он считает недемократическим элементом, не соответствующим нравственности, признавая вместе с тем существование классов и классовой борьбы.

С точки зрения марксистского понимания нельзя раздумывать над тем, является ли существование классов и классовой борьбы нравственным или безнравственным, демократическим или недемократическим, потому что речь идет об объективной действительности капиталистического общества. Даже Э. Бенеш (а вместе с ним и чехословацкая национально-социалистическая партия) *не отрицал теорию классовой борьбы вообще, а только определенные теории классовой борьбы — среди них прежде всего марксистско-ленинскую теорию классовой борьбы.* Другими словами, их трактовка основывается на очевидном буржуазном реформизме с чет-

кой антикоммунистической направленностью, которые они в своих программных заявлениях, как в тридцатые годы, так и после 1945 г., выдают за «демократизацию социалистической теории».

Казалось бы ясно, о какого рода антикоммунистических теориях и концепциях идет речь. *Однако даже в настоящее время есть еще люди, которые выдают сущность этих взглядов за культивирование социалистического демократизма в Чехословакии* и говорят чуть ли не о творческом научном развитии марксизма-ленинизма (не признавая своего эпигонства). Согласно Э. Бенешу, его точка зрения и точка зрения марксистов классово и политически диаметрально противоположны, поскольку речь идет о точке зрения рабочего класса и точке зрения буржуазии.

Итак, то, что уже давно было ясно таким образованным, политически опытным и убежденным противникам марксизма-ленинизма, какими, несомненно, были Т. Г. Масарик и Э. Бенеш, некоторые «сторонники» марксизма-ленинизма стремятся в настоящее время затемнить аргументами, которые нам могут напомнить ряд старых выпадов против марксизма. Припомним, например, слова Петра Зенкла: «Наша партия решительно отрицает марксизм не по каким-нибудь доктринерским соображениям, а по убеждению, что в философском и идейном отношении марксизм является отжившим направлением, что, хотя он выполнил свою миссию и осуществил свою великую задачу в прошлом, сегодня ему сказать нечего»[1].

Э. Бенеш и чехословацкая национально-социалистическая партия создают из тезиса об идейном обогащении и расширении демократии целое философское мировоззрение, философскую и социальную систему, жизненную концепцию, с помощью которой должна быть преодолена классовость и политичность марксистско-ленинского понимания демократии.

Основным понятием в концепции Бенеша, претендующей на расширение демократии, является понятие человечности, так как «понятие человечности выражает... полностью содержание всей философии демократии»[2].

---

[1] Petr Zenkl. Základy čs. strany národně socialistické, s. 4.
[2] Edvard Beneš. Nesnáze demokracie, s. 7.

Реальная эксплуатация пролетариата буржуазией в этом понимании человечности рассматривается прежде всего как проблема духовная и нравственная, так как «экономика и социальная политика являются для нас прежде всего этическими и нравственными проблемами»[1]. Петр Зенкл в 1947 г. заявил, что «эксплуатация человеческого труда — старый нравственный недуг»[2].

Сочетание человечности и нравственности становится содержанием понятия «братства», так как якобы «в понятии братства» имеется двоякое равенство: социальное и нравственное, равенство человека как человека. Сочетание этих двух понятий якобы точно выражает понятие человечности — гуманности; следовательно, понятие человечности в этом смысле полностью выражает содержание всей философии демократии, так как из нее «логически вытекает одинаковая свобода для всех».

Понятие «человечности» и его нравственная конкретизация и сочетание обоих понятий в приведенной концепции демократии должны прежде всего скрыть действительное социальное и классовое неравенство капиталистического общества и сущность эксплуатации пролетариата буржуазией, прикрываемую фразами о плохих людях и плохой нравственности.

Концепция «гуманной демократии» убедительно показывает специфическое формирование общих интересов буржуазии, не опирающейся на прямой политический террор. Исторический опыт Чехословакии показал, что таким образом «гуманно» понятая теория буржуазной демократии не является ни путем к социализму, ни путем классового примирения. Эта теория не могла стать — и, естественно, не стала — источником, а тем более основой социалистической демократии. Нет также никаких оснований к тому, чтобы отождествлять вышеприведенное толкование буржуазного государства и буржуазной демократии с более сильнодействующими или более жесткими формами буржуазного государства, с ограниченными и идейно слабыми буржуазно-демократическими воззрениями, а тем более с практикой и теориями, отрицающими буржуазную демократию,

---

[1] «Program a zásady Čs. strany národně socialistické», s. 160, 191.
[2] Peter Zenkl. Základy Cs. strany národně socialistické, s. 4.

например с фашистскими взглядами и практикой. Но нельзя в то же время не видеть классового родства любых форм буржуазной диктатуры.

После второй мировой войны трудности, испытываемые буржуазной демократией в Чехословакии, усугублялись не только политическим крахом чехословацкой буржуазии, но и отказом от лицемерных фраз, которыми она раньше манипулировала. «Свобода народов всегда добывалась потом и кровью», — писал Э. Бенеш больше чем за десять лет до начала второй мировой войны. Вспоминая свой опыт, относящийся к годам первой мировой войны, он делал такой вывод: «Наши союзники не могли бы покинуть нас тогда, если мы бы до этого не покинули сами себя»[1]. Это были лишь слова — действительность оказалась совсем иной: мюнхенская капитуляция без борьбы. Однако эта действительность для чехословацкой буржуазии не была доводом для капитуляции перед рабочим классом после революции 1945 г. Беспощадную классовую борьбу она вела и после революции, используя все имеющиеся в наличии средства.

1945 г. изменил обстановку с точки зрения развития идеологических принципов «гуманной демократии». Эта идеология уже больше не могла приобрести по социально-политическим, классовым причинам сторонников для борьбы против угрозы фашизма, а была вынуждена пойти на конфронтацию с марксизмом-ленинизмом как в области теории, так и в области практики при осуществлении позитивных демократических мер, а не только спекулятивных прокламаций. Время требовало ясной программы и решительных действий. Буржуазия этот факт полностью осознавала. Э. Бенеш понимал, что речь идет о том, «в самом ли деле в социальном и экономическом отношении выиграет коммунизм или новая, усовершенствованная демократия»[2].

Снова, как и прежде, «демократия» вводилась в политическую игру.

Средства к усовершенствованию демократии Бенеш и чехословацкая национально-социалистическая партия усматривали прежде всего во взаимной идеологической «терпимости» и политическом «уравнивании» буржуазии

[1] Edvard Beneš. Světova válka a naše revoluce, s. 71.
[2] Edvard Beneš. Demokracie dnes a zítra, s. 71.

и рабочего класса, капитализма и коммунизма. Их истинной целью было отдалить и сделать невозможным перерастание народной и демократической революции в революцию социалистическую. Этот факт они прикрывали лживым лозунгом, что «все классы взаимно переплетаются, соединяются и интегрируются»[1] и что революция противоречит духу «гуманной демократии», которая ставит социальную революцию на уровень «наиболее нецивилизованного, наиболее варварского нравственного разложения». П. Зенкл даже охарактеризовал ее как «насильственное освобождение стихийных сил»[2].

Бестолковые и спорадические попытки, направленные в настоящее время на возрождение идеологической «терпимости» и политического «уравнивания» марксистско-ленинской теории государства и социалистической демократии с «гуманной демократией», являются поэтому *анахронизмом с историко-теоретической точки зрения и реакционной провокацией с политической точки зрения.* Надо прямо признать, что приведенное понимание «гуманной демократии» было (а в чехословацкой истории остается) связано с буржуазной политической властью, с буржуазным государством и откровенно антисоциалистическими и антикоммунистическими направлениями; однако мы тем самым не хотим его с точки зрения сравнения и оценки буржуазно-демократических теорий оценивать необъективно. Но КПЧ, хоть она и боролась против теоретически и политически развитой и экономически мощной буржуазии (во главе которой стояли такие вожди, какими были Т. Г. Масарик и Э. Бенеш), сумела одержать победу. Это само по себе свидетельствует о политической зрелости и способности партии, о политическо-нравственном авторитете коммунизма и чехословацких коммунистов у чешского и словацкого народов, как и о превосходстве марксизма-ленинизма над политическо-идейными взглядами чехословацкой буржуазии.

Поэтому мы, коммунисты, не имеем ни малейшего повода приуменьшать значение и ценности своих — в

---

[1] «Návrh programu Čs. strany národně socialistické». Praha, 1947, s. 22.

[2] «Programová řeč Petra Zenkla z 2. března 1947».

настоящее время уже побежденных — противников, идет ли речь о чехословацкой буржуазии как классе или ее политических представителях. Но нам незачем и лебезить перед ними. Тем более нам нельзя молча игнорировать или даже равнодушно сносить умаление значения Коммунистической партии Чехословакии в современной истории народов и государства.

3. Сомнительная интерпретация некоторых трудов Т. Г. Масарика

Т. Г. Масарик — философ и социолог, политик и первый президент Чехословацкой буржуазной республики— был выдающейся личностью в истории Чехословакии как благодаря своей научно-педагогической, так и политической деятельности.

Важнейшими из его трудов, которые всегда привлекали внимание чехословацкой общественности и вызывали страстную полемику, являются: «Социальный вопрос», «Чешский вопрос», «Гуманные идеалы», «Проблема малой нации», «Демократизм в политике», «Россия и Европа», «Всемирная революция» и сборник его политических докладов, выступлений и записанных бесед, изданных в двух томах под общим названием «Путь демократии».

Следует также отметить практическую политическую деятельность Масарика во время существования Австро-Венгрии, в период первой мировой войны и во время его пребывания на посту президента в 1918—1935 гг.

Фактом остается то, что Т. Г. Масарик был представителем буржуазно-реформистского политического направления и идеалистической концепции развития истории, последовательным противником марксизма-ленинизма.

Как буржуазный политик Масарик отличается как своей буржуазно-реформистской программой, так и своим целеустремленным антикоммунизмом.

По нашему мнению, именно буржуазно-политическая и философско-идеалистическая основа его взглядов являются главной причиной того, что он не усвоил и не понял революционности марксизма-ленинизма и не принял историческую роль рабочего класса в масштабе Чехословакии и всего мира; как раз поэтому он стал

противником Великой Октябрьской социалистической революции, социалистического общественного строя, советской политической системы в России, а затем в Советском Союзе, Коммунистического Интернационала, Коммунистической партии Чехословакии и ее политики. Тем самым он оказался, особенно в XX веке, вне рядов главного прогрессивного движения мира — вне рядов международного рабочего и коммунистического движения.

Т. Г. Масарик в своем «Чешском вопросе», который Зденек Неедлы назвал его наиболее позитивным программным трудом, совершенно откровенно выразил не только свое философское кредо — свое мировоззрение, которое он отстаивал, но и принципы подхода к важнейшим вопросам: «В общечеловеческих вопросах и вопросах, касающихся общего мировоззрения, нет и, конечно, не может быть компромиссов. Я не привык об этих вещах много говорить и приносить свою веру в жертву нашему либерализму и клерикализму, а поэтому только просто повторяю, что я решительный противник материалистического мировоззрения»[1].

Будучи первым президентом Чехословацкой республики, он не менее решительно и однозначно выразил свои политические принципы: «Ленин объявляет свою коммунистическую программу истинным марксизмом. Однако Ленин ошибается... Я не говорю пока об обоснованности большевизма. Я только отмечаю, что это не коммунизм да и не социализм; это в своей массе невежественные бедняки, которые не имеют понятия об управлении государством, это абсолютизм неграмотных. Тем самым большевизм падает и падет... Кто над этим хотя бы немножко задумается, поймет, что большевизм, и большевизм русский в особенности, нечто совершенно иное, нежели та окончательная стадия социального развития, которую Маркс считал коммунизмом, предназначенным преодолеть капитализм... У нас, в Чехословакии, мы, основатели республики, убили зародыш большевизма, уверенно вступив на путь социальных реформ»[2].

Своему философскому и политическому убеждению Масарик остался верен до конца своей жизни. Из того,

---

[1] T. G. Masaryk. Česká otázka, s. 235.
[2] T. G. Masaryk. Cesta demokracie, I, s. 30, 363, 463.

что было приведено выше, можно сделать единственный исторически объективный и справедливый вывод: Т. Г. Масарик как философ и политик был решительным противником марксизма-ленинизма и политики коммунистических партий.

Это, однако, не сводит на нет историческое значение его личности в истории наших народов и государства. Как личность Масарик превосходит остальных политических представителей чехословацкой буржуазии благодаря своей политической и государственной деятельности и глубине идейно-теоретического подхода. Из представителей чехословацкой буржуазии только Э. Бенеша можно поставить рядом с Т. Г. Масариком.

Коммунисты и Коммунистическая партия Чехословакии как представители чешской и словацкой наций, как политические представители чехословацкого народа в период социалистического строительства в нашей стране не относятся нигилистически ни к событиям, ни к личностям нашей национальной и государственной истории. Однако политически и идеологически от всех представителей чехословацкой буржуазии, в том числе и от Т. Г. Масарика, их отделяет в теории и практике факт победоносной борьбы за социалистическую революцию и построение социализма и принятие интернационального революционного учения международного коммунистического движения. С этой точки зрения Коммунистическая партия Чехословакии вела с Т. Г. Масариком и масарикизмом принципиально непримиримую политическую и идеологическую классовую борьбу. Свое отношение к наследию Масарика наша партия выразила революционным и историческим преодолением всего, что составляет буржуазный элемент и сущность теоретической и практической деятельности Масарика, последовательным преодолением социалистической действительностью буржуазного периода чехословацкой истории. Парадоксом истории является тот факт, что плагиаторство и идейное бессилие тех, кто в 1968 г. снова объявил себя сторонником Т. Г. Масарика лишь для того, чтобы иметь возможность вести у нас безудержную антикоммунистическую и антисоветскую пропаганду, выдавалось последователями Масарика за возрождение марксизма-ленинизма и социализма. Исторический опыт со всей определенностью показал полную не-

состоятельность и политическую бесплодность попыток «обручить» марксизм-ленинизм с масарикизмом. Эти двурушники зашли в своем идейно-теоретическом волюнтаризме и политической беспринципности так далеко, что с фарисейством и лицемерием причисляли Масарика в политическом и философском плане едва ли не к сторонникам марксизма, в то время как объективно его место — в лагере противников коммунизма.

Напомним здесь о размышлениях Масарика над судьбой политических преемников Ф. Палацкого и К. Г. Боровского, когда он со вздохом говорит, что оба эти «учителя — я в этом уверен — не были бы довольны дальнейшим развитием своих духовных детей»[1]. Я не уверен в том, принял ли бы Т. Г. Масарик в «свои духовные дети» тех, кто выступает один раз конъюнктурно как его политический сторонник и последователь, а в другой раз его, так же конъюнктурно, отвергает. Поэтому парадоксально, что принципиальная критическая оценка Т. Г. Масарика со стороны коммунистов защищает его имя от тех «духовных детей», которые Масариком и масарикизмом спекулировали всегда, вновь подтвердив это в 1968 г.

Поэтому мы думаем, что, несмотря на принципиальную противоположность политических и философских платформ Масарика и Коммунистической партии Чехословакии (в прошлом и теперь), изучение, и прежде всего знание, трудов Масарика может послужить поводом для критической оценки, а вместе с тем и стимулом для обдумывания и разработки тех вопросов политики обеих наших наций, которые требуют актуального и перспективного концепционного решения. Исходным пунктом для нас, разумеется, будет не масарикизм, а марксизм-ленинизм.

* * *

В труде Масарика «Чешский вопрос» выдвинут целый ряд проблем в области политической теории и практики, которые могли быть решены только лишь в ходе революционной борьбы трудящихся масс во главе с КПЧ на основе марксизма-ленинизма. Сейчас можно

---

[1] T. G. Masaryk. Česká otázka, s. 123.

сказать, что некоторые вопросы решены окончательно, в том числе и такие, которые Масарик не решался выдвинуть, или такие, к решению которых он подходил в основном ложно и несправедливо (как, например, вопрос о Словакии, словацкой нации и о ее положении в чехословацком государстве).

Одним из важнейших политических вопросов деятельности Масарика, сохраняющим в политике свое значение, можно считать его отношение к чешской национальной политической программе. Масарик исходит из того факта, что политика — это вопрос власти. Он отводит самой политике и политической независимости народа значительное место, не переоценивая, но и не абсолютизируя их. Масарик пишет: «От политики ожидают избавления от всех бед. Такое ожидание может не оправдаться — так уже было и еще будет».

«Государственная и политическая жизнь, — говорит он еще более откровенно в другом месте, — не имеет для народа такого значения, которое ей у нас часто приписывают. Говоря точнее, политическая независимость нас не спасет, мы были независимыми и свою независимость утратили; формально независимые народы фактически не являются таковыми... Наше возрождение будет завершено только тогда, когда мы добьемся своего управления в определенной форме политической независимости, потому что мы не являемся и не будем полностью самостоятельны, пока не станем сами себе господами и правителями. Однако достижение этой цели становится все труднее и не будет легче, даже если бы мы добились полной политической независимости, потому что речь идет об использовании политической самостоятельности для нашей самобытности и духовной самостоятельности, которые, однако, даже политическая независимость не может гарантировать. Государственная и политическая жизнь — это лишь более скромная часть жизни духовной»[1]. Поэтому было бы вполне понятно — и не слишком сложно — считать Масарика сторонником «австриячества». Однако нас удивляет, с какой строгостью и идейной прямолинейностью реагировал Масарик на столь политически серьезный упрек. «Если я должен говорить о политике в политическом

---

[1] T. G. Masaryk. Česka otázka, s. 132—133.

плане, тогда на столь ребяческий упрек я не буду отвечать, так как что касается отношения чешских земель к австрийской системе государства, — писал он, — то я считаю идею Австрийского государства Палацкого, несмотря на разные конституционные перемены, до сих пор верным руководством»[1]. Общеизвестно, что Т. Г. Масарик отрекся от своего «австриячества» практически только в связи с политическими задачами, которые были вызваны началом первой мировой войны.

Для марксиста вопрос государственной и национальной независимости выражен прежде всего программным требованием признания права наций на самоопределение. Было бы, однако, абсурдным оценивать приведенную политическую точку зрения спекулятивно. Масарику и любому искушенному политику чужды спекуляции именно потому, что они оценивают «политику в политическом плане». Это значит, что вовсе не с точки зрения абстрактных деклараций и спекуляций, но с точки зрения конкретной политической действительности, классовых и национальных интересов. Что касается Т. Г. Масарика, для него, как для чешского буржуазного политика, были определяющими экономические и политические интересы господствующего класса — чешской буржуазии, чешского буржуазного общества. Именно этому он подчиняет свое конкретное политическое решение и в таком важном вопросе, каким является вопрос о политической государственной независимости чешской нации.

Свой прагматический подход к этому важному вопросу он не изменил, даже будучи президентом, в то время, когда существование чехословацкого независимого государства стало действительностью. Поэтому, желая серьезно изучать творчество Т. Г. Масарика и конкретно его «Чешский вопрос», мы должны видеть, что с точки зрения программной, концепционной и стратегическо-политической изложенная выше позиция представляет отличительную черту политического мышления Масарика. Ее значение тем больше, что Т. Г. Масарик без колебаний принимал на основе своего историческо-политического опыта значительные практические полити-

---

[1] T. G. Masaryk. Ceská otázka, s. 174.

ческие решения. Ссылаясь на Я. Коллара, П. Й. Шафаржика, Ф. Палацкого и К. Боровского, он без колебаний заявляет, что прочный залог счастливого действительного и надежного национального и государственного будущего заключается не в том, что мы однажды добились независимости, а в том, чтобы мы в своей политике считались с объективной действительностью. Для него речь идет о том, чтобы мы сумели нашу национальную и государственную идею подчинить или согласовать с прогрессивным мировым развитием.

Только в этом и заключается предпосылка нашей успешной, и прежде всего достойной, политики, так как наше национальное и государственное величие должно быть основано не на великодержавных амбициях, а на стремлении возглавить практическую политическую реализацию в мире наиболее прогрессивных мыслей или по крайней мере быть на их уровне. Этот принцип Масарик подтверждает и охотно цитируемыми им словами Ф. Палацкого: «...При всей любви к своему народу я гораздо больше ценю хорошее общечеловеческое и научное, чем хорошее национальное»[1].

Так политически сформулированная программа чешской национальной и государственной политики причиняла как Ф. Палацкому, так и самому Масарику немало трудностей теоретического и практического характера. Дело было не только в том, чтобы подчеркнуть, что данный исторический момент с точки зрения всей эпохи исторического развития является этапом всемирного прогрессивного революционного движения, и определить его идейно-политическое и культурное выражение, важна также и конкретная форма осуществления этого всемирного движения и учения в национальных и государственных рамках. Т. Г. Масарик последовательно переносит теоретический постулат в практику. Это проявляется и в его отношении к гуситскому движению, которое он считает нашей национальной гордостью, уважаемой всем цивилизованным миром. Однако несмотря на это, Масарик критикует наш народ, говоря, что «гуситским движением он допустил ошибку, не поняв, что новая жизнь требует и нового учения; пусть учение подчинено жизни, но оно должно быть, как и жизнь, опре-

---

[1] T. G. Masaryk. Česká otázka, s. 20.

деленным, последовательным... Где отсутствует последовательность и определенность, там мысль становится легковесной, общество распадается на партии и фракции и, наконец, наступает и нравственный упадок, ибо нет нравственности без твердого убеждения»[1].

И в настоящее время нельзя оставить без внимания рассмотрение требования Масарика, ибо и для нашей национальной и государственной независимости, самостоятельности и безопасности сегодня и в будущем крайне важно определить главное всемирное революционное течение и главные социально-политические силы, являющиеся носителями мирового прогресса. Однако наша постановка вопроса прямо противоположна масарикизму. Если наша политика должна быть политикой, а не политиканством, ставящим под угрозу судьбы нашей государственности и будущее наших народов, нельзя игнорировать факт, что мир разделен на мировую социалистическую систему и мировую систему империализма, которые являются определяющими силами современного развития. Мы должны ясно и бескомпромиссно сознавать свое место, значение нашей позиции, а также задачи и обязанности, вытекающие из нее. Отсутствие четкости в этих вопросах исключает возможность серьезной политической программы и честности в политике — подрывает сами основы существования нашего государства. 1968 г. это более чем наглядно доказал. Мы уверены в том, что силами всемирного прогресса в настоящее время являются — и в исторической перспективе и впредь будут — силы социализма и коммунизма, представленные международным рабочим классом, всемирным коммунистическим движением и мировой социалистической системой, опорой которой является Советский Союз. Именно здесь наше место, здесь основа нашего национального и государственного будущего. Иного пути у нас нет!

Следующий факт, гарантирующий успех нашей государственной политики в мировом масштабе, а тем самым заинтересованность мира в нашем существовании как независимого государства, Т. Г. Масарик усматривает в строгом и серьезном научном анализе нашего конкретного положения среди других государств Европы и

[1] T. G. Masaryk. Česká otázka, s. 224.

всего мира. Масарик говорит: «При всем оптимизме мы не будем скрывать трудностей, обусловленных нашим положением в Европе и истории. Мне кажется, что многие из нас эти трудности учитывают более полно только теперь, когда у нас есть свое государство; на самом деле здесь ничего нового нет, и мы должны быть к ним готовы. Я их всегда полностью сознавал, хотя и решил работать и бороться за наше освобождение и самостоятельность. Наше будущее, как и судьбы всех наций, решают естественные и исторические реальности, а не фантастические планы и желания безрассудных политиков; поэтому задача образованных политиков и государственных деятелей — ясно сознавать наше положение, постоянно и бдительно следить за нашим развитием и развитием наших соседей и в соответствии с этим поступать.

Можно сказать, что среди народов Европы мы не являемся наименьшими (по численности населения мы стоим на 9-м месте, за нами остаются еще 23 меньших чем наше государства), но в любом случае наше положение в центре Европы и наша небольшая численность вынуждают нас проводить бдительную и осторожную, но вовсе не хитрую политику — времена политической хитрости уже миновали, не принеся реальной пользы»[1].

С требованиями, вытекающими из позиции Масарика, связана проблема внешнеполитической ориентации — нераздельная составная часть нашей национальной политической программы, важная для нас уже с самого начала чешского национального возрождения. Т. Г. Масарик в своем «Чешском вопросе» проследил славянскую, русофильскую ориентацию нашей политики с самого начала нашего национального возрождения. Так же убедительно уже в свое время, в конце XIX века, он опроверг полностью нелепый, но с политической точки зрения провокационный взгляд, что чешский народ и государство могут быть посредниками между Западом и Востоком в политических, экономических и культурных вопросах.

В своем «Чешском вопросе» Масарик доказывает шаг за шагом, что спекулятивные предположения об утрате

[1] T. G. Masaryk. Světová revoluce, s. 511.

собственного славянского характера чешским народом ложны и необоснованны. Он однозначно подчеркивает чешское русофильство и из него выводит ряд важных требований (прежде всего знание России и русского народа), одновременно не разделяя или даже не поддерживая фантастические, почти мифические иллюзии об «официальной России» и о степени ее экономическо-политического и культурного развития. Однако он умеет искренне и убежденно отстаивать сущность чешского русофильства; по его мнению, оно представляет собой не только сознательный политический акт самосохранения нашего народа и возможной самостоятельности чехословацкого государства, но и имеет глубокие народные, национальные и культурные традиции. Это свое убеждение Масарик отстаивает и в полемике с польским писателем Мицкевичем, против упрощенного взгляда которого выдвигает следующие аргументы: «Поляки оценивают наше русофильство неправильно, если в нем видят лишь преклонение перед физической властью, как в этом упрекал Мицкевич Коллара. Чешский человек узнает и чувствует в русской литературе, в русском мышлении и жизни себе родственную духовную мощь; ее он признает, с ней сопереживает, ею согревается и крепнет»[1]. При этом он, однако, не умаляет другие влияния на чешский народ — особенно немецкое, а в последнее время и французское.

Однако Масарик из всех этих фактов ни в коем случае не делает вывод о том, что чешский народ должен стать каким-то мостом или посредником между Западом и Востоком в культурной или политической областях. Наоборот, он требует, чтобы чешский народ оставался самим собой и в своей борьбе за национальную и социальную свободу не понимал ложно окружающий мир. В подкупающей манере он провозглашает свою национальную гордость как труд ради своего народа и т. д.; у К. Г. Боровского он отмечает его широкий кругозор, доскональное знание европейских проблем и одновременно преданность родине. Он считает, что выдающиеся личности, в том числе и К. Г. Боровский, применяют свои знания и способности для своего народа.

И тем не менее по прошествии нескольких десяти-

---

[1] T. G. M a s a r y k. Česká otázka, s. 59—60.

летий современные «псевдореформаторы», претендующие на мировую известность, обращаются к капиталистическому Западу с призывом поддержать идеи так называемого чешского социализма, ставя свою страну на грань катастрофы; они не останавливаются и перед тем, чтобы сослаться на Масарика, заявляя, что осуществляют идею наведения моста на Запад, к западной цивилизации.

Познакомимся с точкой зрения Масарика на данную проблему, выраженной более чем полстолетия назад в его «Чешском вопросе». В «Чешском вопросе» Масарик писал: «Знание русской литературы, например, в настоящее время в Германии во многом является более полным и совершенным, чем у нас. Немцы, французы и англичане изучают русский и славянский мир гораздо более усиленно и всесторонне, чем мы. Это факт. Я не могу здесь не упомянуть о теории, которая у нас все более и более проповедуется, как если бы она была непогрешимой истиной: говорят, что, мол, мы, чехи, призваны стать посредниками между Западом и Востоком. Этот взгляд на самом деле лишен содержания»[1]. А в другом месте Масарик отмечает, что чехи не являются посредниками между Востоком и Западом.

Обосновывая свои утверждения, он, не колеблясь, приводит следующие аргументы: «У русских всегда, например, были более близкие и прямые связи с немцами и французами; и именно таким образом эти народы все, что брали у русских, брали прямо, включая литературу»[2]. Так говорил Т. Г. Масарик в условиях XIX века, когда общий уровень России и ее положение в мире нельзя было и сравнивать с сегодняшним положением Советского Союза как одной из наиболее сильных и великих держав мира, и в период, когда проблему коммуникации нельзя было даже сравнить с современной техникой, которая в настоящее время достигает невиданной ранее скорости передачи информации.

Само понимание роли нашей страны как «моста или посредника» между Востоком и Западом, между двумя мировыми общественно-экономическими системами, яв-

---

[1] T. G. Masaryk. Česká otázka, s. 141—142.
[2] Там же, с. 142.

ляется абсурдным, опасным и в программном плане демобилизующим.

Масарик не обходит своим вниманием и другую теорию — о так называемом «европейском равновесии», основу которой составляет утверждение, что у славянских народов есть, мол, только одна славянская великая держава, в то время как «романские и германские народности имеют по две (Франция, Италия — Германия, Англия)»[1]. Касаясь работы д-ра К. Маттуша, рассматривающей этот вопрос, и его понимания пути к достижению политического равновесия в Европе и в регионе славянских государств, Т. Г. Масарик отмечает: д-р К. Маттуш полагает, что наряду с Россией могла бы возникнуть другая федерация славянских народов как ее противовес. Теория К. Маттуша, которая в прошлом не находила никакого практического отклика, оживает в настоящее время в модернизированном виде.

За прошедшие десятилетия принципиально изменились политические отношения в мире, и прежде всего в Европе. Уже давно не имеет силы положение о том, что в мировом или европейском масштабах можно достичь равновесия путем разделения сфер влияния между пятью или шестью державами. После Великой Октябрьской социалистической революции и особенно после образования мировой социалистической системы национальные и государственные проблемы определяются другими интересами и принципами, чем это было прежде. С точки зрения социально-политической мировое и европейское равновесие (точнее говоря, соотношение сил в мире) определяют три основных фактора: мировая социалистическая система и международное рабочее движение, мировая система империализма и национально-освободительное движение, в результате которого образуются независимые государства, проводящие антиимпериалистическую политику.

Такая агрессивная организация, как НАТО, с одной стороны, и оборонительное содружество государств — членов Варшавского договора — с другой, равно как и процесс экономической интеграции капиталистических и социалистических стран, давно устранили в международных отношениях те проблемы и цели, которые выража-

---

[1] T. G. M a s a r y k. Česká otázka, s. 175.

ло, с точки зрения д-ра К. Маттуша, отношение пяти или шести государств Европы в семидесятых годах прошлого столетия. Попытки врагов социализма объединить как славянские, так и неславянские страны на антисоветской основе в виде некоего санитарного кордона в Европе выходят за рамки так называемого вопроса о славянстве и выражают антисоветскую политическую линию, направленную на ослабление влияния всей мировой системы социализма, и прежде всего Советского Союза.

Сегодня, с позиций семидесятых годов, особенно наглядно проявляется несостоятельность точки зрения, изложенной в «Чешском вопросе», относительно способности обеспечить путем искусственных политических группировок в Европе — всякого рода «малых и больших Антант» — независимость и самостоятельность чехословацкого государства. Мюнхенская трагедия это полностью подтвердила. В чистом виде «чешский вопрос» без более широких политических взаимосвязей можно уже со времени первой мировой войны понимать как проблему, вытекающую скорее из факта, что мы находимся между сферой интересов немецкого империализма и Советским Союзом с его социалистической политикой, чем из того, что мы расположены между Востоком и Западом. Чего не понял после 1917 г. Т. Г. Масарик, то понял после 1945 г. весь наш народ; это точно выразил и сын Масарика — Ян Масарик*, который о главных принципах нашей внешней политики сказал в 1947 г., что ее жизненная необходимость заключается в защите государства и народов от возможной западногерманской империалистической агрессии.

Ян Масарик понимал, что эту защиту нам гарантирует прежде всего наш договор о союзе с СССР, с которым нас связывают и глубокие чувства, и совместно пролитая кровь. «Советский Союз далек от того, — говорит Ян Масарик, — чтобы превращать нас в сателлита. Советский Союз дальновиден и поэтому знает, что наши постоянные и искренние симпатии к нему, которые разделяет весь народ, гораздо ценнее, долговечнее и сильнее, чем конъюнктурная и временная привязанность.

---

* Министр иностранных дел Чехословакии в 1945—1948 гг. — *Прим. перев.*

Чехи и словаки любят Россию издавна, теперь даже больше прежнего»[1].

Возникает законный вопрос: сознают ли по крайней мере сегодня всю ответственность те, кто своим авантюризмом, рискуя судьбами нашего государства и наших народов, привел нас к событиям 21 августа 1968 г.? На этот вопрос надо дать ответ. В Советском Союзе и других социалистических странах не было и малейшего намека на античехословацкую кампанию; но историческим фактом остается, что антикоммунизм в Чехословакии при пособничестве тогдашнего партийного руководства, правительства и средств массовой информации разжег антисоветизм и вел злобную кампанию против ряда социалистических стран.

Раскрывая подход Т. Г. Масарика в «Чешском вопросе» к русофильству и к отношению чехов к проблемам Востока и Запада, нельзя умолчать о том, что Т. Г. Масарик отрицательно относился к Советской России, к Советскому Союзу. Почему? Потому, что после Великой Октябрьской социалистической революции, совершенной под руководством ленинской партии большевиков, Россия встала на путь построения социализма и коммунизма. По словам академика Зденека Неедлы, Великая Октябрьская социалистическая революция — это рубеж всемирной истории, который проходит и через жизнь и деятельность Т. Г. Масарика. Т. Г. Масарик верил и надеялся, что Россия вернется в лоно буржуазного общества, был убежден в реставрации капитализма в России. «Я верю, что Россия опомнится и консолидируется и будет вновь играть великую политическую роль, еще более великую, чем при царизме; Россия нужна не только нам и остальным славянам, но и всему миру. Мы были русофилами до и во время войны, русофилами мы и останемся, только будем русофилами лучшими — мыслящими и практичными»[2], — говорит Т. Г. Масарик в своей «Мировой революции».

Т. Г. Масарик не отвергал им признаваемую Россию, но резко нападал на существующую Россию — на Советский Союз. Так как политику не решают иллюзии и желания (это он хорошо сознавал), он искал для нового

---

[1] Jan Masaryk. Ani opona, ani most..., s. 54.
[2] T. G. Masaryk. Světová revoluce, s. 523.

чехословацкого государства другой опоры — пока существующая Россия не изменится в соответствии с его представлениями. Опору чехословацкого государства он находит прежде всего во Франции, обосновывая этот свой поворот, с одной стороны, очернением и клеветой на Советский Союз, с другой — своими новыми политическими взглядами. «За свою политическую самостоятельность мы благодарны прежде всего Франции, Англии, Америке, Италии — Западу», — пишет он, приходя к заключению, что «следовало бы понять, что наша страна — естественная база для всевозможных акций союзников в средней и восточной Европе»[1].

О принципах этой деятельности союзников Масарик говорит сам достаточно ясно: «Мне ближе всего — и я их принимаю — принципы американской демократии. В данный момент я могу заявить, что эти принципы были, есть и всегда будут руководящими принципами моей политики и моей жизни»[2]. Говоря о «гуманной демократии» как о продукте чисто чешского мышления, нельзя забывать о том, что Т. Г. Масарик был буржуазным политиком и своих буржуазных воззрений не стыдился. Если псевдоисторик Отто Урбан мог на страницах тогдашнего «Чехословацкого исторического журнала» (№ 4 за 1969 г.) опускаться до таких банальных утверждений, что, мол, Т. Г. Масарик по всему своему естеству был «абсолютным демократом», не должно вызывать удивления то, с какой политической ненавистью он подходит к проблеме партийности в общественных науках. Отто Урбан старательно поясняет, что прилагательное «абсолютный» (Масарик — «абсолютный демократ») призвано в данном случае подчеркнуть значение соответствующего существительного, а также прежде всего «предотвратить присоединение другого прилагательного». И в духе подобных благоглупостей следуют рассуждения о том, каким был Т. Г. Масарик-*демократ!*

Столь же однозначно Т. Г. Масарик говорит, исходя из политического соотношения сил, возникшего после первой мировой войны, о концепции внешней политики: «Мой общий план будущей концепции нашей внеш-

---

[1] T. G. Masaryk. Světová revoluce, s. 512.
[2] T. G. Masaryk. Cesta demokracie, I, s. 65.

ней политики ставил цель — завоевать симпатии Франции. У нас должен быть один друг, который за нас всегда заступится, и этим другом будут французы. Это определено нашим давним франкофильством; свое великодушие и дальновидность Франция доказала во время войны тем, что она взяла на себя руководство в вопросе о нашей независимости»[1].

Хотя о влиянии Франции Т. Г. Масарик упоминает уже в своем «Чешском вопросе», важное политическое значение он придает пониманию франкофильства в чехословацкой политике только после первой мировой войны. С политической точки зрения это обусловлено прежде всего тем, что сопротивление за пределами границ Т. Г. Масарик связывал с западными союзниками и что его стремление к союзу с Россией было ограничено периодом буржуазно-демократической революции. Наконец, также тем, что видные представители господствующего буржуазного класса, прежде всего Э. Бенеш и М. Р. Штефаник, были настроены в духе франкофильства гораздо больше, чем народ в целом. Бесспорно, что их политика как политика господствующего класса оказала большое влияние на весь народ. Причиной ориентации Масарика на Францию было также то, что, отвергнув революционную политику Советского Союза, внешняя политика нового независимого государства (небольшого по своей площади и населению) должна была опираться на поддержку одного из столпов Версальского мира.

Насильственное возвращение к этим принципам внешней политики Масарика — после таких исторических событий, какими были Мюнхен и успешное развертывание национально-демократической и социалистической революции в Чехословакии, — может быть только случайным явлением, вытекающим из стремления к регрессивному процессу реставрации капитализма. Другой логики и другого политического значения события 1968—1969 гг. иметь не могли.

---

[1] См.: T. G. Masaryk. Cesta demokracie, I, s. 153.

* * *

Книга Масарика «Чешский вопрос» содержит также и другие серьезные поводы для размышления о современной политике. И крайне интересно само понимание Масариком политической программы, четко сформулированное в общих чертах в тезисе: наша программа — гуманность. В ходе событий 1968—1969 гг., как известно, проявилось стремление спекулировать на этом тезисе.

В предисловии к переизданному в этот период труду Т. Г. Масарика имеется, например, следующее рассуждение относительно исторических судеб чешского народа: «Ныне — после 1968 г., после высшего подъема его творческих усилий, ведущих к соединению классических и испытанных идей и традиций свободы, демократии и гуманности с лучшими современными идеями социализма, с принципами которого он в духе исторических традиций безоговорочно согласился, после своей весны, стремящейся к установлению социализма, гуманного и демократического, и после драматического усложнения этого пути 21 августа 1968 г. — ему опять приходится бороться с трудностями и, собственно говоря, дальше отстаивать свою политическую самобытность перед лицом всего мира»[1].

О сомнительной ценности этого претенциозного рассуждения лучше всего свидетельствует тот факт, что меньше чем за год эти «столпы общенародного подъема» скатились в болото эмиграции, морально-политического маразма и политического экстремизма. Точно так же пораженческое понимание «драматического усложнения» и «трудностей» послеавгустовского развития исчезло как кошмарный сон, и на Международном совещании коммунистических и рабочих партий в Москве (1969 г.), как и на международных переговорах (прежде всего с СССР и социалистическими странами), наша политическая самобытность в мировом контексте снова прочно закрепилась в рамках мировой социалистической системы.

Жизнь преподала нам достаточный урок, как строго умеет она взыскивать за историческую легкомыслен-

[1] T. G. Masaryk. Česká otázka, s. 244.

ность, и поэтому мы не можем приступать к изучению «Чешского вопроса» Масарика так, как нам это близоруко и тенденциозно предлагает упомянутое редакционное пояснение. Мы решительно отвергаем его апологетические интерпретации мыслей и высказываний Т. Г. Масарика.

4. Масарикизм и рецидивы антикоммунизма в Чехословакии

Ошибки и деформации в политике партийного руководства после января 1968 г. разлагали партию не только идейно и политически и, таким образом, разоружали ее в идеологической борьбе, но они также создавали возможность для паразитирования на этих деформациях рецидивов антикоммунизма в общественных организациях и политических партиях Национального фронта.

Не была исключением в этом смысле и чехословацкая социалистическая партия. Даже беглый взгляд на развитие программных вопросов этой партии (бывшей национально-социалистической партии) нам показывает, что нельзя недооценивать ее антикоммунистических элементов. Свой антикоммунизм она всегда мотивировала прежде всего тем, что, мол, исходит из взглядов Масарика и Бенеша. Чехословацкий антикоммунизм формировался не только на базе чехословацкой национально-социалистической партии, но и на базе других политических партий, хотя национально-социалистическая партия была одной из главных.

Конечно, прежде всего от членов и руководства чехословацкой социалистической партии зависело принятие решения о том, какие из ее традиций являются жизнеспособными и сегодня и в соответствии с общепринятыми принципами политики Национального фронта могут — хотя бы и в определенной модификации — помочь социалистическому строительству нашей родины и какие необходимо оценить и отвергнуть как антикоммунистические.

Но уроков прошлого забывать нельзя. И анализ некоторых программных документов антисоциалистической и антикоммунистической деятельности необходим

для того, чтобы не произошло повторение событий 1968—1969 гг.

Среди множества идейно-политических заявлений чехословацкой социалистической партии после января 1968 г. на первом месте находится «Набросок идейных принципов чехословацкой социалистической партии» от апреля 1968 г. В этом документе, как и в других заявлениях, на первый план выступают вопросы отношения чехословацкой социалистической партии к бывшей чехословацкой национально-социалистической партии (и ее идейно-политической программе) и ее отношения к руководящей роли коммунистической партии в социалистическом строительстве и к коммунистической партии вообще.

«Набросок идейных принципов чехословацкой социалистической партии» от апреля 1968 г. определенным образом отражал специфику политического климата того времени. В нем содержится, например, заявление, что «антикоммунизм в любой форме партия принципиально отвергает как проявление разлагающего, примитивного, нетерпимого и нелогичного отношения к нашему современному политическому развитию». Содержится также декларативное подчеркивание значения чехословацко-советской дружбы и того, что «наше современное внутреннее развитие проходит в условиях, когда гарантией нашей безопасности является Советский Союз как мировая держава»[1].

Мы не хотим проводить строго логический и политический анализ этих заявлений, хотя формулировка о гарантии нашей безопасности прямо побуждает сделать это. Но не привести дословно оба цитируемых места было бы, наверное, несправедливо и необоснованно по отношению к авторам «Наброска идейных принципов чехословацкой социалистической партии».

Однако вместе с тем надо констатировать, что провозглашенный отказ от антикоммунизма и антисоветизма контрастирует с фактическим антикоммунизмом, который в этом документе формулируется хотя и деликатно, но вполне ясно.

---

[1] «Nástin ideových zásad Cs. strany socialistické». — «Svobodné slovo», 14.4.1968.

Повторяя идеи К. Каплана, одного из вдохновителей чехословацкой контрреволюции, высказанные в статье, опубликованной в «Новой мысли», руководство чехословацкой социалистической партии заявило о том, что «осуществление советской модели», мол, противоречит интересам развития социализма в Чехословакии и поэтому оно однозначно придерживается принципа специфического чехословацкого пути к социализму. В определенном отношении «Набросок идейных принципов чехословацкой социалистической партии» политически и идейно идет дальше, чем «специфический путь к социализму». В противоречии с объективно данной действительностью мира, разделенного на классы, он отвергает интернациональное революционное учение марксизма-ленинизма и существующие системы социалистического общества в ЧССР и в СССР (критика советской модели социализма), но одновременно прокламирует «цивилизованное понимание социализма... Осуществление действительно гуманистического, демократического, социалистического общества создает и самые благоприятные условия для идейной интеграции цивилизованного мира»[1]. Речь идет о пропаганде реакционного взгляда на возможность мирного сосуществования буржуазной и социалистической идеологии.

Иначе, чем антисоветским выпадом, нельзя назвать и тезис, выраженный в работе «Набросок идейных принципов чехословацкой социалистической партии», в частности в главе, названной «Политическая модель социалистического гражданского общества». Мы читаем: «Нельзя игнорировать тот факт, что любая политическая система, основанная на существовании одной политической партии, неизбежно — раньше или позже — ведет к дегенерации не только себя как системы, но и этой единственной политической партии»[2].

Такие спекулятивные высказывания без какой-либо аргументации могут рассматриваться как весьма серьезные политические амбиции, подобные тем, которые были вполне явно выражены в заявлении нескольких бывших членов чехословацкой национально-социалистической партии, опубликованном 2 июля 1968 г. и содер-

---

[1] «Nástin ideových zásad Cs. strany socialistické». — Svobodné slovo», 14.4.1968.

[2] Там же.

жавшем открытые нападки на диктатуру пролетариата, которая объявляется политической системой, лишенной демократии и свободы.

Точно так же не могут не вызывать антикоммунистические реминисценции заявления, содержащиеся в экономической части «Набросков идейных принципов чехословацкой социалистической партии». Здесь мы встречаемся с такими требованиями, как «последовательное отделение политики от управления экономикой», или применение разных форм социалистической собственности в таком виде, что «она должна вести к плюрализму в производстве и создании предпосылок для здоровой, желательной конкуренции»[1] и т. д.

Однако «Набросок идейных принципов чехословацкой социалистической партии» является только началом и исходным пунктом развития в антикоммунистическом направлении; оно усиливалось позже по мере разложения социалистической государственной власти, фактического упадка руководящей роли Коммунистической партии Чехословакии и роста антисоциалистических и контрреволюционных тенденций в доавгустовский период. Поэтому нельзя не вспомнить также взгляды, содержащиеся и в других заявлениях ЦК чехословацкой социалистической партии и ее центральной печати.

В заявлении нескольких бывших членов чехословацкой социалистической партии, опубликованном 2 июля в газете «Свободное слово» под названием «Верны идеалам гуманной демократии», говорится: «Мы сознаем, что и наша партия — или же ее руководство — в сложном процессе политической жизни прошлого допускала ошибки, которые деформировали ее деятельность. Однако основные идеологические принципы нашего понимания социализма не были ни опровергнуты, ни подорваны. Со времени возникновения партии в 1897 г. мы всегда были — и сегодня являемся — сторонниками социализма национального и гуманного». Авторы вместе с тем заявляют о своей верности цели «...создания социалистического строя, справедливого ко всем слоям

---

[1] «Nástin ideových zásad Čs. strany socialistické». — Svobodné slovo», 14.4.1968.

нашего социалистического общества — к гуманной демократии и социализму Масарика»[1].

Чем вызвано это заявление нескольких бывших членов чехословацкой национально-социалистической партии? Бесспорно, прежде всего постановлением ЦК чехословацкой социалистической партии от 7 июня 1968 г. Социалистическая партия, говорится в постановлении, приветствует принятие проекта концепции Национального фронта, «ядро которого, в отличие от прежнего, должно быть непременно политическим; при этом должна быть дана гарантия того, что в будущем КПЧ уже не будет прямо сливаться с государственной властью». «ЦК, — продолжает постановление, — считает необходимым предоставить полную сатисфакцию всем членам чехословацкой социалистической партии, которые в результате деформаций в работе Национального фронта не смели участвовать в партийной работе, и призывает их вернуться к активной партийной и общественной деятельности»[2]. В этом постановлении говорится: «Мы придерживаемся в полном соответствии с бывшей национально-социалистической партией взгляда, что невозможно ни в общем плане, ни с учетом нашей национальной истории защищать право одной политической партии на универсальное, единственно законное и правильное изложение социализма». И дальше: «Что касается организационно-правовой стороны, то, бесспорно, наша нынешняя партия, принимая во внимание основную концепцию своего политического направления, является правовым преемником национально-социалистической партии. Новая регистрация ее членов в 1948 г. была, однако, необходима из-за тогдашнего разложения организационной структуры»[3]. Приведенные высказывания отражают многие существенно важные моменты послеянварского развития. Остается, впрочем, неясным, от каких политических ошибок бывшей национально-социалистической партии руководство социалистической партии сочло необходимым отмежеваться как от деформаций прошлого периода? Ведь то же руководство публи-

[1] «Prohlášeni bývalých členů Čs. strany národně socialistické». — «Svobodné slovo», 2.7.1968.

[2] «Usneseni ÚV Čs. strany socialistické ze dne 7.6.1968». — «Svobodné slovo», 9.6.1968.

[3] Там же.

кует в центральной печати заявление о том, что основные идеологические принципы чехословацкого национального социализма не были ни опровергнуты, ни подорваны, забывая, скажем, о предательской роли ведущих представителей социалистической партии в феврале 1948 г. Больше того, свою партию оно провозглашает правовым преемником чехословацкой национально-социалистической партии и объявляет политическую реабилитацию идеологии масарикизма как свою политическую перспективу.

Тенденция преемственности политических аспектов обеих партий проявляется в полной мере.

Газета «Свободное слово» (июль 1968 г.) пишет: «Со времени возникновения партии в 1897 г. мы всегда были — и сегодня являемся — сторонниками социализма национального и гуманного». Национально-социалистическая партия всегда, мол, стремилась подойти в нашем обществе «к гуманной демократии и социализму Масарика»[1].

Еще откровеннее в свое время говорил П. Зенкл: «Мы, чехословацкие национальные социалисты, прежде всего глубоко признательны доктору Э. Бенешу за то, что он сделал как заместитель председателя партии для идейного углубления и научного обоснования нашей программы в 1931 г. Историческим фактом является то, что прежде всего благодаря ему программа партии была тогда поставлена на прочный фундамент гуманной демократии Масарика. На этой идейной основе стоит наша партия и сегодня»[2].

Фразеологию «гуманной демократии», имеющей однозначную антикоммунистическую направленность, программно закрепил XII съезд чехословацкой национально-социалистической партии в 1931 г. С этого времени партия — главным образом в целях повышения эффективности борьбы с коммунистической идеологией — заявляет о своей безоговорочной принадлежности к масарикизму как своей партийной идеологии. С той поры прошло уже много лет. Но она в практической политике уже с 1920 г. руководствовалась гораздо худ-

---

[1] «Prohlášení bývalých členů Cs. strany národně socialistické. — «Svobodné slovo», 2.7.1968.

[2] Petr Zenkl. Programové prohlášení na XIV sjezdu Cs. strany národně socialistické v roce 1947.

шими принципами, чем те, которые она в 1931 г. приняла в качестве своей программы. Историческим фактом является также то, что программа национально-социалитической партии, опирающаяся на антикоммунистическую «гуманную демократию», родилась в упорной многолетней борьбе за окончательный политический облик этой партии в домюнхенской буржуазной республике. Идеология «гуманной демократии» заменила, собственно, программу, принятую на VIII съезде этой партии в 1918 г., которую, как мы могли убедиться, вообще нельзя характеризовать как «гуманно демократическую» в духе Масарика и Бенеша.

Еще более демагогичным выглядит следующее заявление программы: «Политическая борьба чехословацких социалистов внутри нации основывается на классовом противоречии между классом эксплуатируемым и эксплуатирующим. Несмотря на разные сословия, возникшие на основе экономического разделения труда (сословие земледельческое, промышленное, ремесленников, торговое, разнорабочих, служащих и т. п.), чешское общество разделяется на два главных класса: класс тех, кто обладает экономическим господством, неизбежно проявляющимся в преимуществах политических и культурных, обеспеченным действующим порядком, и класс тех, кто по отношению к первому классу оказался в положении подчиненного. Основой этих классов является частная собственность на средства производства, с одной стороны, и отделение от этих средств производства — с другой. Ничего не меняет в этом факте существование тех, кто, не имея капитала, принадлежит к первому классу по своим доходам или социальному назначению, или существование тех, кто доходами от собственного труда экономически принадлежит ко второму классу, а социальными предрассудками тяготеет к классу первому».

Факты свидетельствуют о том, что в сравнении с другими программными заявлениями этой партии речь идет об «относительно прогрессивной» программе. Она содержит, в рамках своей национально-политической и государственно-конституционной цели, определенную форму провозглашения права нации на самостоятельное государство на широкой демократической основе. В этой программе демократическая форма государственной

власти трактуется в двояком смысле: во-первых, как средство борьбы за политическое господство одного класса, представленного одной политической партией, и, во-вторых, как соблюдение мажоритарного принципа при подчеркивании классового характера как политической свободы, так и социального равенства.

Эта программа прокламирует также требование ликвидации эксплуатации человека человеком и взгляд, согласно которому в капиталистическом обществе не существует политической и личной свободы, потому что она экономически не обеспечена. Но она вместе с тем содержит ряд реформистских требований и положений, в том числе и публичное заявление о том, что отмежевывается в целом от однозначно социалистических целей.

Надо, однако, сказать, что программа испытывает влияние революционной волны, прокатившейся по стране. Она исходит из факта, что общественный строй, в рамках которого самостоятельное чехословацкое государство может возникнуть, является строем капиталистическим, и поэтому предъявляет требование, чтобы партия посредством экономической и политической борьбы стремилась к его преобразованию в строй социалистический. Она добивается также правильной оценки классовой сущности буржуазной демократии и приближается таким образом — хотя неумышленно и нечаянно — к классовому пониманию демократии вообще.

Этим можно объяснить то, что в программе находит свое выражение также идея, что *революционный класс имеет право добиваться государственной политической власти и что такая государственная власть будет властью демократической,* властью большинства народа, то есть класса эксплуатируемых, угнетенных, бесправных и слабых. Конечно, со строго научной точки зрения речь идет скорее о выражении того классового союза, который мы определяем как народ во главе с революционной партией, чем об определении классов в марксистско-ленинском понимании.

Ненаучная расплывчатость и неоднозначность, проявляющиеся прежде всего в том, что недооценивается значение взятия политической власти и создания орудия для преобразования капитализма в социализм, равно как и требование осуществить революционное преобра-

зование путем реформ, а также стремление обойти положение о неизбежности и закономерности социалистической революции, характеризуют эту программу не как революционную, а как реформистскую. Упор на искажающий содержание программы реформизм и здесь заглушает ее прогрессивность и снижает ценность ее классовых принципов.

Если учесть, что в то время в Чехословакии не существовала зрелая марксистско-ленинская партия и что сама чехословацкая социалистическая партия была политическим конгломератом с антимарксистской политической традицией, не так трудно понять действительно недолговечное существование этой программы, ибо все, что было сделано в политической практике со времени ее принятия, ей, в общем, противоречило или ее обходило. Усиливающаяся антисоветская и вместе с тем антикоммунистическая позиция чехословацкой буржуазии была причиной того, что программа чехословацкой социалистической партии никогда не была реализована и стала лишь историческим документом, явившимся отражением революционного периода в реформистском лагере. Правда и то, что чехословацкой социалистической партии легче было забыть эту программу, чем разработать новую, которая теоретически и практически обосновала бы после 1920 г. широко применяемый на практике буржуазный реформизм. Программа, принятая VIII съездом чехословацкой социалистической партии, была поэтому исключительным событием в жизни этой партии, не имела традиций в ее прошлом и не стала также переломным моментом перехода к будущей действительно революционной и демократической политике.

Цитируемая программа 1918 г. не является для чехословацкой социалистической партии незначительной, и это прежде всего потому, что новая партийная программа, которую чехословацкая национально-социалистическая партия после своего переименования в принципе приняла на своем XII съезде и окончательное содержание которой разработала немного позже, политически и идейно существенно отличается от первой.

В программных установках чехословацкой социалистической партии 1931—1933 гг. читаем: «...человечность наряду с идеей бога — наивысшая ценность, которую мир имеет и может иметь». — «Коммунизм, согласно

принципам марксизма, является и стремится быть аморальным. Поэтому реакция справа и слева так близки друг другу». — «Поэтому также принцип диктатуры пролетариата — этот принцип априори противоположен идеям демократии, которая требует прежде всего свободного подчинения государственному авторитету без насильственного принуждения, — есть принцип, который в русском коммунизме не является только временным, проводится не только потому, что опасность контрреволюции грозила бы уничтожить коммунизм. Этот принцип присущ всей доктрине: из нее он исходит и составляет ее существенную часть. И в этом коммунизм является антидемократическим».

«Практический социализм вывел из этого в противовес довоенным теориям полезность участия рабочих масс во власти и управлении как новую науку, как новый элемент теории послевоенного социализма. Практически это означает не классовую борьбу, а сотрудничество классов... Довоенный социализм оставляет, таким образом, свою научную материалистическую концепцию и принимает, в сущности, идеалистическую философию демократии, философию человечности. Борьба между коммунистической теорией и социалистической послевоенной идеологией заключается, в сущности, также в этом далеко идущем изменении».

Без особых комментариев можно привести также еще несколько положений программы.

«Однако самым важным для нас является то, что научная теория о создании бесклассового общества просто сомнительна и с научной точки зрения потерпела полный крах».

«Из-за политической практики, которую мы ежедневно наблюдаем в политике коммунистической партии, мы принципиально и последовательно против наших коммунистов...»

«Собственник — то есть в большинстве случаев акционер — не должен предъявлять других требований к предприятию, кроме начисления процентов на вложенный капитал»[1].

---

[1] «Program a zásady Čs. strany národně socialistické», Praha, 1933.

Эта программа возникла — как уже было сказано — на основе внутрипартийной борьбы в этой партии (которая велась, в частности, также против ультрареакционного программного проекта инженера Шварца) как концепция борьбы против марксизма-ленинизма, политики Коммунистической партии Чехословакии и Коминтерна. Это однозначно, открыто антикоммунистическая программа, содержащая вместе с тем ряд ложных буржуазно-реформистских фраз и ложных иллюзий. Ее основой стали некоторые идеи Масарика и политические взгляды, сформулированные Э. Бенешем. К этому надо добавить, что со времени вступления Бенеша в эту партию, в которой он занимал должность заместителя председателя, «группировка Града» чехословацкой буржуазии определяла идейно-политическое направление этой партии и посредством ее создавала массовый тыл буржуазного реформизма в Чехословакии.

Политическая концепция Бенеша, принятая за основу новой программы чехословацкой национально-социалистической партии, исходила из масариковской характеристики коммунизма и марксизма-ленинизма, как он ее довольно полно выразил в своем послании Национальному собранию в 1919 г., будучи уже президентом республики: «Я не хочу в этой связи уклониться от проблемы так называемого большевизма и специально большевизма русского... Я пережил большевистскую революцию в России; ...Ленин объявляет свою коммунистическую программу подлинным марксизмом. Но Ленин ошибается. Маркс прошел несколько стадий своего социалистического развития; надо непременно различать марксизм двух родов. Существует марксизм революционного 1948 г., коммунистической программы и первого тома «Капитала», но в своей второй стадии Маркс уже отказался от революционности своей молодости и принял эволюционную точку зрения, и, наконец, Энгельс незадолго до своей смерти от этой революционности вполне и определенно отказался. Следовательно, Ленин и его сторонники ссылаются на марксизм, от которого Маркс и Энгельс сами позже отказались... Одним словом, я не вижу в русском большевизме подлинного марксизма, а если это марксизм, то он скорее является опровержением марксизма, чем его подтверждением, как вообще эта война и ее результаты, как мне кажется, являются

не верификацией марксизма, а его опровержением... У нас большевизм иногда осуждается как неславянский и нерусский. Я, наоборот, думаю, что Ленин — русский, типичный русский, хотя и испорчен немецким социализмом. У нас большевизм был бы неорганическим... Я считаю большевистский коммунизм в принципе невозможным... Большевизм Ленина — это следствие романовского царизма. Я полагаю, что большевизм не удержится»[1].

Эту идейно-политическую точку зрения серьезно воспринял Э. Бенеш в своей лекции «Затруднения демократии», прочитанной в 1924 г. Эта лекция, изданная небольшой брошюрой, стала, как было уже сказано, общим исходным пунктом идейно-политической части национально-социалистической программы тридцатых годов.

Политическую точку зрения Масарика Э. Бенеш, принятый программный документ чехословацкой национально-социалистической партии и ее идеологи стараются обосновать прежде всего тем, что провозглашают в данной обстановке неизбежность борьбы против «двух опасных крайностей — фашизма и коммунизма». Ибо, по их мнению, оба они угрожают демократическим основам политического государственного строя. Э. Бенеш это подкрепляет тем, что выдвигает требование преодоления так называемой ограниченности всей «старой демократии», в том числе и демократии периода либерализма.

Из приведенных фактов Э. Бенеш и вместе с ним программа чехословацкой национально-социалистической партии делают еще один важный вывод: они объявляют материалистическую научную социалистическую теорию преодоленной, ибо она, дескать, касается периода до первой мировой войны, и рекомендуют заменить ее после первой мировой войны концепцией «гуманной демократии».

К самым существенным чертам этого программного заявления принадлежит однозначное отрицание международного значения ленинизма как общепринятой теории

---

[1] «Poselství presidenta republiky T. G. Masaryka přednesené v Národním shromáždění dne 28. října 1919». — В: «Boj směr vývoje československého statu II, červenec 1919 — květen 1921, Praha, 1969.

мирового революционного движения; стремление принизить ленинизм и значение Великой Октябрьской социалистической революции до уровня только национального русского явления; связанное с этим отрицание интернационального характера политики международного коммунистического движения; так же как прямо пренебрежительное отношение к социалистическому строительству в Советском Союзе и борьба против пролетарского интернационализма политики КПЧ.

Об этих фактах в полной мере свидетельствуют не только брошюра Бенеша «Затруднения демократии», которая является основой принятой национально-социалистической партией программы, но прежде всего программа и принципы чехословацкой национально-социалистической партии, изданные в 1933 г. Внимательно изучив программное заявление чехословацкой национально-социалистической партии, сделанное в 1947 г., мы можем подтвердить, что в соответствии с тогдашним заявлением П. Зенкла и этот документ имеет явно антикоммунистическую направленность и, в сущности, ту же идейно-теоретическую платформу. В документе мы читаем: «Мы считаем нежелательным, чтобы какие-либо различия политические, различия интересов или классовые препятствовали общему сознанию единства нации. Все политические, классовые различия и различия интересов должны быть уравновешены сознанием национальной принадлежности и интересов целого... Наш социализм, значит, не является классовым, имеет своей целью благо всех... Все классы взаимно переплетаются, соединяются, интегрируются».

«Диктатуру пролетариата самым решительным образом мы отвергаем как из-за ее недемократичности, так и из-за того, что она противоречит идее гуманности и нашей общенациональной ориентации... Поэтому в духе гуманных идеалов Масарика мы называем свой социализм гуманным».

«Поэтому мы сознательно и преднамеренно хотим строить политическую и экономическую организацию общества по принципу плюрализма. Это практически ведет к смешанной экономической организации, в которой рядом развиваются и влияют друг на друга предприятия национализированные, частнокапиталистические и кооперативные...»

«...наличие плюралистической экономической и политической системы, обеспечивающей действенный контроль и соревнование, — основное условие демократического социалистического общества»[1].

Антикоммунистическая направленность в этом документе, однако, в решающей мере связана со стремлением затормозить проходящую народную и демократическую революцию и главным образом сделать все, чтобы она не переросла в революцию социалистическую. Этой своей ближайшей политической целью документ значительно отличается от довоенной программы чехословацкой национально-социалистической партии. Если непосредственной целью национально-социалистической программы до второй мировой войны было способствовать укреплению политического господства чехословацкой буржуазии, сохранению капиталистического строя и воспрепятствовать развитию пролетарского революционного движения, то с 1945 г. эта партия вынуждена была реагировать на изменение власти внутри страны, в Европе и во всем мире. В Чехословакии революционный процесс стал действительностью; поэтому она хотела этот процесс как можно сильнее затормозить, если нельзя было его ликвидировать, — этим мотивировалось то, что при сохранении антикоммунистической платформы она изменила подход к ее осуществлению.

* * *

Программные заявления чехословацкой национально-социалистической партии 1931 и 1947 гг., как уже отмечалось, не оставляют сомнений в явной антикоммунистической сущности этих документов. Неудивительно, что вместе с поражением реакции в феврале 1948 г. были наголову разбиты идейно-политическая концепция и политическая практика чехословацкой национально-социалистической партии; это было закономерно, ибо они стали знаменем всех антикоммунистических контрреволюционных и путчистских сил.

Ничем иным не могла быть ссылка на эти программы и в 1968 г. Возникает поэтому вполне правомерный вопрос о цели политической реабилитации этих программ-

[1] «Návrh programu Čs. strany národně socialistické pro XIV valný sjezd». Praha, 1947.

ных заявлений, которая изложена в цитируемых положениях из «Свободного слова» в 1968 г. Какую идеологию хотели реабилитировать и какие из реабилитируемых политических принципов приведенных программ не были в своем контексте данью антикоммунизму?

Надо понять, что как национализм, так и гуманизм с антикоммунистической и контрреволюционной основой (о чем свидетельствуют программные документы этой партии 1931 и 1947 гг. и ее тогдашняя политическая практика), всегда будут неприемлемыми исходными моментами для формирования программы построения социалистического общества. Они будут оставаться неприемлемыми и впредь, как бы их ни приукрашивали любыми псевдодемократическими эпитетами.

Более чем очевидно, что политическая программа и политическая борьба, проводимая в конкретно-исторических условиях развития Чехословакии под флагом «гуманной демократии» в концепции Масарика, внутренне связаны с антикоммунизмом буржуазно-реформистского типа. Т. Г. Масарик сам был последовательным противником Великой Октябрьской социалистической революции, политики Коммунистического Интернационала, так же как и политики Коммунистической партии Чехословакии и марксизма-ленинизма.

Но тем более недостойно эклектически и оппортунистически связывать масарикизм с построением социалистического и коммунистического общества, которое опирается на научную теорию марксизма-ленинизма и руководящую роль коммунистической партии. Напрасны были попытки ревизовать марксизм-ленинизм посредством масарикизма в 1968 г. И тот факт, что они мотивировались заботой о правильной оценке позитивных сторон деятельности Т. Г. Масарика и его заслуг перед чехословацким государством, ничего не меняет. Снова надо подчеркнуть, что для правильной оценки личности Т. Г. Масарика не следует считать его носителем реформистской миссии, стремящихся к «возрождению» усилий, направленных на построение социализма. Масарикизм не помог врагам социалистической Чехословакии возродить капиталистический строй, наиболее значительным представителем которого был Масарик как президент Чехословацкой республики.

Глава V

БОРЬБА ПРОТИВ ПРАВОГО ОППОРТУНИЗМА В ЧЕХОСЛОВАКИИ

В наброске плана статьи «Три источника и три составных части марксизма» В. И. Ленин подчеркивал, что теория классовой борьбы является краеугольным камнем политики марксизма[1]. Маркс доказал, писал Ф. Энгельс в статье «Карл Маркс», что «вся предшествующая история человечества есть история борьбы классов, что во всей разнообразной и сложной политической борьбе речь шла всегда именно об общественном и политическом господстве тех или иных классов общества, о сохранении господства со стороны старых классов, о достижении господства со стороны поднимающихся новых»[2].

Каждому классу, прошедшему через горнило истории, требовалось величайшее напряжение сил для реализации своих политических целей. Тем большую политическую активность понадобилось проявить рабочему классу, единственному в истории классу, цели которого совпадали с объективными закономерностями общественного развития. Историческая миссия рабочего класса

---

[1] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, с. 443.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 19, с. 111.

выводила его политику далеко за рамки сугубо собственных классовых интересов: освобождая себя, рабочий класс освобождает все человечество от многовековой системы гнета и эксплуатации, расчищая дорогу для подлинной истории, для безграничного прогресса.

Ни у одного класса в истории не было столько врагов, сколько имеется у рабочего класса. Все силы и традиции старого общества ополчились против него. Наряду с прямыми угрозами и репрессиями действует система подкупов, особенно активно в современную эпоху, когда в руках монополистической буржуазии сосредоточились несметные богатства. Подкуп части рабочего класса сносными заработками и подачками порождает мелкобуржуазные иллюзии, оппортунистические тенденции, поддержку рабочими политики либеральной буржуазии.

Чехословацкий рабочий класс не был исключением из этой общей закономерности. В условиях Чехословацкой буржуазной республики борьба шла за влияние на рабочий класс, против оппортунистического приспособления к политике чешского монополистического капитала. В ходе обострения классовой борьбы, особенно под воздействием исторических уроков гитлеровской оккупации, освобождения страны социалистическим Советским Союзом, февральской победы 1948 г. и построения социализма, корни оппортунистических настроений в Чехословакии были подорваны. Но не окончательно. Как рецидивы, они дали ростки во время бурных событий 1968—1969 гг.

1. Борьба против правых и антисоциалистических сил

Правые и реакционные силы в Чехословакии под руководством зарубежных центров империалистической пропаганды и идеологической диверсии развязали борьбу против марксизма-ленинизма и против политики коммунистической партии под спекулятивными лозунгами мнимой борьбы против консерватизма и догматизма. Они использовали шаткость и нерешительность, которые проявились при осуществлении обоснованных и чрезвычайно важных ключевых политических задач, выдвинутых январским пленумом ЦК КПЧ в 1968 г.,

для того, чтобы вразрез с этими постановлениями и вместе с тем в противоречии с интересами партии, народа и социализма навязать КПЧ и широкой общественности взгляды, чуждые марксизму-ленинизму. Носители этих взглядов выдавали себя за «прогрессивную» часть народа и партии и вместе с тем, используя недопустимые и недемократические средства, называли своих противников в партии, государственных, общественных и хозяйственных органах «консерваторами и догматиками», преследуя цель устранения их из политической жизни.

Коммунистическую партию эти силы рассматривали как главную опасность для реализации своих реакционных и правых целей, а поэтому стремились парализовать ее способность к активным действиям как авангарда — ведущей политической силы чехословацкого народа. Под прикрытием борьбы против «консерваторов» они сосредоточили огонь критики против партии и ее политики, которая проводилась на протяжении истекших двадцати лет. Поэтому не удивительно, что их «святой восторг и возмущение» не позволили им найти время и возможность для борьбы против буржуазной, империалистической, антикоммунистической и антисоветской идеологии, тем более что на деле они с ней были прочно связаны. Нельзя удивляться и тому, что они нередко беззастенчиво изображали похвалы и признания, которые перепадали им от империалистических мастеров идеологических диверсий и их политических господ, как подтверждение и оценку своей «антиконсервативной» линии.

Отрицание классового характера социалистической идеологии, ее непримиримости с идеологией буржуазной, представленное как «антиконсерватизм», правые элементы выдавали за «возрождение» социалистических идей. Однако в действительности речь шла о попытке оживить цельную концепцию необуржуазной и неореформистской идеологии в условиях страны, в которой победил социализм. В известном смысле это был эксперимент всемирного значения, попытка обеспечить своего рода международный примат, который имел гипотетическую надежду на успех лишь постольку, поскольку «общественное мнение», формируемое реакционными правыми силами, оказывало влияние на политику партии и государства. Это стало возможным в

результате того, что руководство КПЧ и государства не решалось использовать все меры, в том числе и правительственные, для того, чтобы политически-организационно сокрушить формирующиеся реакционные правые силы. Ниже мы уделим внимание антипартийным аспектам послеянварского политического развития.

Послеянварское политическое развитие

Что является самым важным и существенным в послеянварской (1968 г.) политической ситуации?

Документы неопровержимо свидетельствуют о том, что январский пленум ЦК КПЧ, состоявшийся в 1968 г., полностью подтвердил программную политическую линию, выработанную XIII съездом КПЧ, и все свои мероприятия обосновывал стремлением способствовать последовательно, энергично и быстро выполнению решений этого съезда. Изменения в руководстве были тогда мотивированы прежде всего этими причинами: без задержки и проволочек выполнить решения XIII съезда КПЧ.

Критические выступления на пленумах ЦК КПЧ в 1967 г. и на январском пленуме ЦК КПЧ в 1968 г. само собой подразумевали необходимость разрешить такие важные вопросы, как эффективность чехословацкой экономики, ее макроструктурные изменения; углубление, расширение и прежде всего гарантирование практического осуществления внутрипартийной и социалистической демократии как основы качественного совершенствования всей политической системы ЧССР и ее функционирования, укрепление руководящей роли партии; политическое и государственно-правовое решение словацкого вопроса; окончательное решение проблем, связанных с преодолением деформаций и нарушений социалистической законности в так называемый период культа личности.

В связи с новыми задачами социалистического строительства и интернациональным долгом партии на новом этапе развития мирового коммунистического движения, освещенными в документах Международных совещаний коммунистических и рабочих партий в 1957 и 1960 гг., крайне остро были поставлены вопросы коммунистиче-

ского воспитания членов партии и всего народа, прежде всего молодого поколения. К сожалению, этой задаче, правильное решение которой оказало бы сильное влияние на идейное единство партии и ее способность к активным действиям, практически не было уделено должного внимания. Этим объясняются многие негативные факты развития нашей партии перед 1968 г., а не только в послеянварский период.

Коммунистическая партия Чехословакии не была свободна от некоторых ошибок и до января 1968 г., в области теории и политической практики она могла бы достигнуть гораздо больших успехов. Надо было с марксистской точки зрения более глубоко исследовать вопросы и политические задачи в области внутрипартийной, внутриполитической и международной политики. Эти задачи отражали объективные закономерности современного общественного развития, в частности требования, связанные с *новым этапом* развития современного международного коммунистического движения в свете Международных совещаний коммунистических и рабочих партий в 1957 и 1960 гг.

Формирование мировой социалистической системы и вытекающая из этого ее перспективная интеграция, анализ нового соотношения сил в мире, перспектив борьбы двух мировых систем и в этих рамках дальнейшего развития коммунистического движения, серьезная политическая оценка путей и форм развития революционного процесса в мире и изменений классовой и социальной структуры, анализ возрастающего влияния научно-технической революции — все это, вместе взятое, и составляло задачу, которую наша партия призвана была решать, но не сумела вовремя и в нужном масштабе это сделать, а в некоторых областях и понять ее с точки зрения теоретической и политической. Таким образом, партия утратила реальные перспективы, которые нельзя было подменить декларациями. Хотя были познаны далеко не все объективные закономерности, определяющие международную и внутреннюю политику коммунистических партий, что, бесспорно, затрудняет политическую ориентацию тактического и стратегического характера каждой из коммунистических партий, однако уже многие из имевшихся испытанных объективных данных научного познания партия недооценила и не ис-

пользовала. Многое из исторически нового, прогрессивного осталось поэтому для членов партии и всех наших граждан необъясненным. Идеологическая работа, пропаганда и агитация теряли свою принципиальность, уверенность, убедительность и революционную партийность.

Документы совещаний коммунистических партий 1957 и 1960 гг. не отразились в целом в достаточной мере на деятельности нашей партии и не составили основу программно-перспективного и партийно-принципиального наступательного развития. Они наряду с возникающими противоречиями в международном коммунистическом движении явились причиной многих трудностей, решение которых превышало силы и способности отдельных деятелей партии, партийных органов и коллективов и значительной части идеологических работников, не получивших необходимой партийной закалки.

Понять, обосновать и сформулировать истинные исходные положения политики международного коммунистического движения и мирового революционного процесса и убедить в них партию и весь народ, разработать свои собственные цели национальной, государственной и внутрипартийной политики — это все были трудные и серьезные задачи; не видеть этого было бы ошибкой и упрощением. Решение этих задач требовало не только простого продолжения предыдущей политики. Их сложность и трудность усиливались тем, что партия искала выход из положения в условиях мировой империалистической реакции и подрывной деятельности антисоциалистических элементов внутри страны.

Империалистическая реакция и антисоциалистические силы ухватились за эту возможность и использовали ситуацию для того, чтобы попытаться подорвать политические и социальные устои социализма в ЧССР, международный авторитет Советского Союза, надежной опоры мировой социалистической системы, и таким образом нанести удар по позициям социализма, чтобы заставить все международное революционное движение отступить на оборонительные рубежи на как можно более длительное время, а в удобный момент парализовать его и частично ликвидировать. Тем самым антисоциалистические силы хотели обеспечить себе благоприятные условия на международной арене для времен-

ного укрепления своих классовых и политических позиций в капиталистическом мире и за счет более быстрого развития научно-технической революции (для чего в то время в развитых капиталистических странах объективно имелись более выгодные условия) попытаться хотя бы в наиболее развитых государствах в известной мере удовлетворить материальные потребности значительной части населения при сохранении капиталистического общественного строя.

На этой основе, используя временное превосходство в общем объеме производства, правящие круги империалистической буржуазии сделали попытку сформулировать свою программу «государства всеобщего благоденствия», вариантом которого стала резко антисоциалистическая космополитическая теория «единого индустриального общества». Это была попытка замаскировать эксплуататорскую и враждебную нациям и народам сущность капиталистического строя.

Насколько успешно удается коммунистической партии выполнить сложную творческую задачу, связанную с новым этапом международного революционного коммунистического движения, и завоевать своей политикой симпатии рабочего класса, всех трудящихся (в странах, где коммунистические партии являются правящими) и также всего народа, настолько она идет в ногу с революционным развитием, являющимся основным содержанием общественного прогресса.

Эту задачу у нас в полной мере выполнить не удалось, несмотря на то, что наша страна занимала в коммунистическом движении и в мировой социалистической системе видное место. Мы не использовали всесторонне и действенно все возможности социализма, что затормозило социалистическое развитие в нашей стране и обусловило уменьшение нашего национального вклада в борьбу против мирового империализма и в поддержку международного революционного движения.

Поэтому в борьбе с существующими консервативными взглядами и их носителями мы ни в коем случае не можем занимать примиренческую позицию, быть некритичными и беспринципными, ибо эти взгляды являются препятствием к пониманию современных революционных задач в международном масштабе, в рамках

мировой социалистической системы, в наших государственных и национальных рамках. Надо беспощадно критиковать консервативные взгляды и бороться против их носителей, которые отстали от требований современного революционного движения в тактике и методах борьбы с современной империалистической реакцией. Не случайно речь идет о недостатках, существовавших до января 1968 г., так как они органически связаны с враждебным партии политическим климатом, господством публицистической критики, нравственным террором и скандализированием при возрастающем бессилии партии — другими словами, с практикой, которую называют послеянварским политическим развитием.

Политический маразм, идеологическая неясность, неустойчивость и практическое бессилие были главными характерными чертами так называемого «антиконсервативного и антидогматического» движения, так как послеянварское руководство не соблюдало и не собиралось соблюдать партийные решения (например, постановление Майского пленума ЦК КПЧ в 1968 г.). Оно преследовало другие классовые и политические цели.

Буржуазный реформизм — основное идеологическое оружие антипартийной борьбы

Как уже было сказано, в политике КПЧ перед январем 1968 г. имели место факты, которые с точки зрения интересов членов партии, партии как целого, чехословацкого народа, обоих наших народов, дальнейшего развития социализма в ЧССР, в мировой социалистической системе и во всем международном коммунистическом движении заслуживают беспощадной, непреклонной и последовательной критики, — конечно, критики с принципиальных позиций марксизма-ленинизма и с учетом требований современного этапа мировой социалистической революции. Отрицательные последствия допущенных ошибок уже давно сказывались на поведении и практической деятельности членов партии и большей части всех наших граждан. Вместе с тем предпринимались частичные, односторонне-групповые, некомплексные, а потому недейственные попытки решения или хотя бы улучшения положения.

Но в ущерб делу принципиальное решение так и не было достигнуто. В партии — и тем более вне ее — силы не настолько еще созрели, чтобы они были способны на действительно коммунистической платформе полностью решить современные задачи или хотя бы наметить направление их решения. Это прискорбно, может быть трагично, но это — факт.

Если считать доянварский период в определенной мере периодом скрытого политического кризиса партии, то период послеянварского развития был периодом смертельной опасности для самого существования КПЧ как партии марксистско-ленинского типа. Точно так же этот период был периодом смертельной опасности для политической власти социалистического государства, ядром которого у нас является и еще долго останется рабочий класс и его союзники, заинтересованные в дальнейшем социалистическом развитии общества.

Остается фактом, что, собственно, послеянварское политическое развитие определялось не официальными решениями партии, а политическими целями крайне правых антисоциалистических и антисоветских сил. Их представители стали формироваться организационно-политически по нескольким направлениям: во-первых, в средствах массовой информации; во-вторых, в новых общественно-политических организациях антикоммунистического и антисоветского толка, какими были КАН, К-231 и восстанавливающаяся социал-демократическая партия, так же как «теневые» реакционные органы социалистической партии и народной партии; в-третьих, завоеванием позиций в партийном и государственном аппарате и подготовкой превращения КПЧ из революционной партии в партию реформистскую. Одновременно развертывалось преднамеренное разложение органов государственной власти — прокуратуры, суда, органов безопасности и армии.

Следовательно, «антиконсервативное и антидогматическое» развитие в ЧССР в 1968 г., в сущности, опиралось не на марксистско-ленинскую действительно революционную линию, документы международного коммунистического движения и мировую социалистическую систему, а имело буржуазно-реформистские, реакционные цели.

Так называемый позитивный вклад «антиконсервативного» курса политики КПЧ после января 1968 г. был связан с идеологией масарикизма. Своими корнями этот курс уходил в буржуазную республику, в политическую систему послевоенного периода до 1948 г., просто в период, предшествовавший историческому этапу диктатуры пролетариата и последующему социально-политическому развитию в Чехословакии, другими словами, в период до победы социалистической революции в Чехословакии.

Послевоенные 1945—1947 гг., по мнению «возрожденцев», были идеальным периодом так называемой чехословацкой модели социализма, которому, однако, положили конец вмешательство Информбюро и окончательное принятие советской модели социализма, пригодной якобы только для стран экономически и политически слаборазвитых или отсталых.

Суть этих взглядов, образующих так называемое позитивное ядро «антиконсервативного» курса КПЧ, не была ни нова, ни оригинальна. Однако ее авторы побили все мировые рекорды плагиата и в своей программной идеологической платформе обращались к более глубокому прошлому, чем программное заявление, например, чехословацкой социалистической партии, принятое ее VIII съездом в конце первой мировой войны. Точно так же есть все основания утверждать, что требования «гуманной демократии», «демократического социализма» и «политического плюрализма» задолго до наших «бойцов» обосновала в своей программе чехословацкая национально-социалистическая партия в 1931 и 1947 гг., которая в обоих случаях выдавала себя за партию Масарика и Бенеша. Идеологические взгляды Масарика и Бенеша национальные социалисты положили в основу своей программы, которая прямо противопоставлялась программе социалистического строительства в Советском Союзе и теоретическо-политической деятельности Коммунистической партии Чехословакии.

Приведем факты.

Возьмем некоторые пункты из программы, принятой VIII съездом чехословацкой социалистической партии, сравним их с некоторыми взглядами, провозглашенными правыми оппортунистическими и антисоциалистическими силами в 1968 г.

Из программы чехословацкой социалистической партии, принятой в 1918 г.

«Этот широкий класс эксплуатируемых, угнетенных, бесправных и слабых, организованный в одной политической партии, образует большинство народа и может поэтому, не нарушая демократический принцип большинства, стремиться к взятию государственной власти в чешском государстве... Партия чехословацких социалистов с горячей симпатией относится к международной солидарности угнетенных классов, не обращая внимания на национальную принадлежность, и оставляет за собой право на членство в Социалистическом интернационале».

«Политическая борьба чехословацких социалистов внутри своего народа основана на классовом противоречии между классом эксплуатирующих и эксплуатируемых.

Основой обоих является частная собственность на средства производства... Суть дела не меняется от того, что существуют те, кто, не имея капитала, принадлежит из-за

Из чехословацкой печати в 1968 г.

«Нельзя придерживаться концепции одной правящей партии, какую бы она ни провозглашала прогрессивную программу действия... Вряд ли может обеспечить демократию партия, которая обязана проводить не национальную, а интернациональную политику».

«Литерарни листы», № 11, 1968.

«Что, собственно, принесла рабочим диктатура рабочего класса?.. Мне кажется, что в действительности рабочие сегодня имеют гораздо меньше возможностей участвовать в руководстве своими заводами, чем в то время, когда они имели на выборах возможность свободно избирать в парламент действительно своих представителей...

своих высоких доходов или социального положения к первому классу, или те, кто в результате доходов от личного труда экономически принадлежит ко второму классу, но своими социальными устремлениями тяготеет к первому классу... Следовательно, при капиталистическом строе нет настоящей свободы и равноправия, так как нет экономических гарантий ни для народов, ни для индивидуумов».

Право на труд (при социализме. — *Я. О.*) мне кажется скромным результатом, хотя я не хочу его недооценивать».

«Литерарни листы», № 12, 1968.

Таковы некоторые положения из программы чехословацкой социалистической партии, принятой в 1918 г. Эта партия никогда не называла себя ни марксистской, ни коммунистической. Хорошо, если бы те правые оппортунистические представители и идеологи, которые выдавали себя в партии за антиконсервативную часть КПЧ, имели хотя бы столько же революционного духа, сколько его было у упомянутых немарксистов почти шестьдесят лет назад. Тогдашние чешские социалисты, принимая свою программу, определенно не предполагали, что через шесть десятилетий найдутся идеологи социализма, которые, выдавая себя чуть ли не за образец, достойный подражания, в международном коммунистическом движении, не поймут из революционной азбуки антикапиталистической борьбы даже того немногого, что поняли более полвека назад их предшественники, скромно именовавшие свои взгляды чешским социализмом.

А теперь воспроизведем несколько цитат из программных документов чехословацкой национально-социалистической партии от 1931 и 1947 гг., сопоставив их с некоторыми взглядами, провозглашенными в 1968 г.

Из программных заявлений чехословацкой национально-социалистической партии от 1931 и 1947 гг.

«Поэтому сознательно и преднамеренно она хочет строить политическую и экономическую организацию общества на плюралистическом принципе. Это практически ведет к смешанной экономической организации, в которой развиваются рядом и взаимодействуют предприятия национализированные, частнособственнические и кооперативные, причем и национализированные предприятия должны иметь различные формы в зависимости от конкретных задач и целей, которым они должны служить... Требует плюралистической системы, экономической и политической, гарантирующей действенный контроль и соревнование, представляющие собой основные условия демократического социалистического общества».

«Важнейшим для нас, однако, является то, что научная теория о создании бесклассового общества оказалась совершенно

Из чехословацкой печати в 1968 г.

«Если, однако, мы хотим говорить о плюралистическом социализме, мы не можем ограничиться только плюралистической экономикой этой формы социализма.

Надо хотя бы указать на однородность экономики и политической системы в плюралистическом социализме... Наряду с кооперативными предприятиями будут существовать предприятия частные и предприятия, оборудование которых государство будет сдавать в аренду частным лицам... Элементы борьбы за власть, которые будет содержать в себе плюралистическая политическая система социализма, будут, вероятно, менее важны, чем это принято в буржуазной демократии...»

«Литерарни листы», № 14, 1968.

«Конечно, можно попытаться создать бесклассовое более справедливое общество, в котором человек мог бы реализовать

ошибочной и что с научной точки зрения она потерпела полное крушение».

«...в политической практике, которую мы ежедневно наблюдаем в политике коммунистической партии. мы принципиально и последовательно стоим против наших коммунистов... диктатуру пролетариата решительно отвергаем как из-за ее недемократичности, так и потому, что она находится в противоречии с идеей гуманности и нашим всенародным направлением... Поэтому в смысле гуманных идеалов Масарика мы называем свой социализм гуманным».

«Как раз индивидуум является главной целью нашего стремления».

себя более полно, чем в существовавших до сих пор типах общества, но почему уже не задать вопрос, можно ли это сделать по проекту более чем столетней давности...»

«Литерарни листы», № 9, 1968.

«Критерием социализма здесь является индивидуум, а вовсе не господство общественного целого над обществом».

«Литерарни листы», № 11, 1968.

Действительную идейно-теоретическую и политическую близость значительной части правооппортунистических антимарксистских и антисоциалистических взглядов, пропагандировавшихся у нас часто в 1968 г., со взглядами национально-социалистических идеологов выявит каждый, кто изучит программные документы этой партии от 1931 и 1947 гг. в целом.

Еще можно было понять, почему реакционные и буржуазно-реформистские силы выступали с этими теориями и их разновидностями против КПЧ и после 1945 г. (в буржуазной республике именно они составляли основу государственной идеологии господствующей буржуазии), но совершенно непонятно, каким образом эти теории нагло выдавались правыми антисоциалистическими силами в 1968 г. за возрождение марксизма-ленинизма.

Все это свидетельствует об идеологическом и политическом разложении и о том, что влияние и авторитет партии в это время были минимальными. Мы стали свидетелями исторического парадокса: свергнутая и побежденная буржуазия в Чехословакии снова стремилась к власти, используя то же идеологическое оружие, с помощью которого за 20 лет до этого она не сумела (когда коммунистическая партия была крепка и едина) воспрепятствовать победе социализма.

Этим как раз объясняется, почему сторонники «антиконсервативного» курса не способны были провести объективный анализ исторического факта завершения социалистической революции в Чехословакии и ее перехода к диктатуре пролетариата и что в своих рассуждениях весь период диктатуры пролетариата в нашей современной истории они просто обходят молчанием или же выдают его за период «деформации» и «темноты».

Перед представителями «антиконсервативной и антидогматической» линии закономерно встают вопросы: признают ли они историческую неизбежность диктатуры пролетариата в Чехословакии как завершение политического развития и победы социалистической революции; признают ли историческое существование этапа диктатуры пролетариата в Чехословакии, первоочередной государственной задачей которой была политическая ликвидация господствующей буржуазии как класса и утверждение рабочего класса как господствующего класса; признают ли, что упомянутое чехословацкое развитие было неразделеной частью развития мировой социалистической революции, проходящей в беспощадной классовой борьбе с международным империализмом; признают ли, что как раз этот этап чехословацкого развития, по сравнению с буржуазным государственным строем, является исторически высшим типом государственности и демократического устройства государства и несоизмеримо бо́льших гражданских свобод?

Если на эти вопросы дается положительный ответ, то отпадают всякие разглагольствования о «консерватизме» в политике КПЧ, о «догматизме» и т. д.

Если же эти вопросы игнорируются, пусть тогда они называют себя настоящим именем и ведут борьбу под собственным флагом, а не под фальшивой вывеской

«прогрессивного направления внутри коммунистического движения».

Не уменьшается вина проводников «антиконсервативного и антидогматического» курса от того, что они осуждали явления антигуманности и незаконности, которые в определенное время и в определенной мере имели место в нашем развитии, представляя собой экстремистские, заслуживающие осуждения, чуждые социализму эксцессы.

Для честного коммуниста эти деформации были с точки зрения человечности чрезвычайно трагичной и печальной действительностью; инициатором их осуждения, отрицания и вполне обоснованной критики была сама коммунистическая партия. Не меньшего осуждения заслуживают эти факты и с политической точки зрения, так как они бросают тень на те праздничные дни, которыми всегда были, есть и будут для каждого коммуниста периоды революции, то есть до тех пор, пока на свете будет существовать хотя бы одно капиталистическое государство.

Факты беззакония позволяют врагам революции и коммунизма ханжески смешивать деформации с обоснованным революционным насилием и на этой основе выдавать то и другое — деформации и революционное насилие — за акты, направленные против человечности и гуманизма. Такие «аргументы» они используют в своих теориях для осуждения революционных методов и революции вообще.

Исправить и искупить эти ошибки и деформации, если этого еще до сих пор не произошло, — это дело коммунистической честности. Надо сделать все, что в человеческих силах, для уменьшения причиненного горя, и вместе с тем принять такие решительные меры, чтобы в будущем общество в целом и каждый гражданин имели гарантию, что заслуживающие осуждения факты не будут и не могут повторяться. *Эти меры должны стать неразделькой частью реабилитации невинно пострадавших и политической реабилитации законного революционного насилия.*

Надо также подвергнуть критической оценке и вопросы экономического развития, проблематику применения и гарантирования прав граждан, прав членов партии и партийных органов, так же как злоупотребления этими

правами по отношению к интересам общества, государства, партии и граждан. Надо отличать действительно критическое отношение к ошибкам прошлого от критиканства, которое только на руку врагу.

Критика «критиков коммунизма»

Современная политическая обстановка показывает, что принципиального решения наших партийных проблем и чехословацкого вопроса вообще можно достигнуть лишь на основе последовательной критики так называемой «критики коммунизма», которая имела место в послеянварском (1968 г.) развитии страны.

Как указывалось выше, мы исходим из факта, что причиной скрытого политического кризиса в ЧССР были перед январем 1968 г. не решенные до конца вопросы, связанные с последствиями так называемого периода культа личности, и прежде всего неспособность партийного руководства выдвинуть действительно революционную, реальную коммунистическую программу, вполне соответствующую новому этапу социалистического строительства в нашей стране и международному коммунистическому движению. Возникает вопрос, почему подход к решению такой сложной проблемы мог стать предметом антисоциалистических спекуляций международных империалистических кругов, связанных с внутренней реакцией и политическими правыми силами, которые в конце концов стремились к контрреволюционному перевороту в социально-политическом развитии Чехословакии.

Это случилось прежде всего потому, что КПЧ была идейно-политически разложена и ее способность к действиям была сильно подорвана.

После смены руководства в январе 1968 г. у партийной и беспартийной общественности создалось мнимое впечатление, будто автоматически возникли все условия для быстрого и успешного решения всех проблем дальнейшего развития ЧССР, причем потенциальная опасность со стороны антисоциалистических сил внутри страны и за границей была недооценена. Это мнимое впечатление, однако, представляло собой огромную, роковую политическую ошибку.

Но результаты январского (1968 г.) пленума ЦК КПЧ на самом деле давали только один из возможных теоретических подходов к решению насущных вопросов социалистического строительства, и то только *при наличии определенных политических предпосылок.*

Неизбежной предпосылкой практического использования *теоретической возможности,* вытекающей из результатов январского пленума ЦК КПЧ, было идейное сплочение и укрепление партии, обеспечение ее максимальной политической способности к действию, углубление и усиление партийного руководства всем обществом и дальнейшее укрепление руководящей роли КПЧ. Партийное руководство эту предпосылку не обеспечило и, кроме того, не препятствовало стихийному развитию в противоположном направлении, при котором эффективность применения принципа руководящей роли партии неудержимо сводилась к нулю.

В послеянварский период с каждым днем не только падало влияние партии на политическую жизнь страны, но и снижалось партийное самосознание во внутрипартийной жизни. Вразрез с всеобщим ожиданием членов партии и преобладающего большинства граждан на повестке дня не встали вопросы, связанные с реализацией принятых решений, а увеличился размах воздействия правых и антисоциалистических сил. Не видеть их устремлений было, мягко говоря, большой близорукостью.

В атмосфере антипартийного морального террора, скандализирования и общественных кампаний, прикрываемых лозунгом развития широкой «демократизации», партийные органы были отстранены от решения ключевых вопросов политики, прежде всего вопросов кадровых. Центральный Комитет партии не собирался в течение четверти года, тогда как общественная стихия то выдвигала, то устраняла партийные и государственные кадры в соответствии с интересами тех, кто из центров вне партии начинает управлять политической ситуацией. Так выглядел период, который с точки зрения дальнейшего развития был решающим.

В ходе развернувшейся борьбы, которая происходила большей частью в средствах массовой информации и в печати, и в результате проникновения правых сил в партийное и государственное руководство на всех уров-

ных постепенно парализуется или даже ликвидируется фактическое политическое руководство обществом и государством со стороны коммунистической партии.

Идеологическая слабость партии используется для развязывания все усиливающейся борьбы между так называемыми «консервативными» и «прогрессивными» силами. Это раскалывает партию и парализует ее влияние на общество. Но самым важным и политически самым весомым является то, что под видом борьбы «консервативных» и «прогрессивных» сил внутри партии и партийных органов возникает *активное правое оппортунистическое ядро,* стремящееся к постепенному превращению партии ленинского типа в партию реформистскую.

Существование активного правооппортунистического ядра, захватившего важные политические позиции в ходе учреждения новых органов партийного руководства на всех ступенях, представляло для партии и судеб социалистического строя в ЧССР смертельную опасность. Все антисоциалистические, антисоветские и антипартийные силы в стране, стоявшие до сих пор вне партии, *получили теперь в лице правых сил главную опору внутри партии.*

Объединение активных антисоциалистических сил с правооппортунистической частью партии создало основу политической неустойчивости и шаткости социалистического строя в Чехословакии и выявило потенциальную возможность постепенного осуществления контрреволюционного переворота. Пока правые силы внутри партии не будут в политическом и идеологическом отношении разбиты, до тех пор будет существовать реальная возможность повторения послеянварского развития в его экстремистски-правых проявлениях, угрожающих самому социалистическому характеру нашей страны, ее принадлежности к мировой социалистической системе и нашей национальной и государственной независимости. Точнее это можно выразить таким образом: пока внутри партии шла борьба за новый состав партийного руководства, ведущая к усилению правых, была постепенно парализована руководящая роль партии в обществе и государстве. Более того, практическая реализация такой «демократизации» расчистила путь к дискуссии о ликвидации так называемой монополии на политиче-

ское руководство государством со стороны коммунистической партии. Это мотивировалось стремлением открыть все возможности для «политического плюрализма» и для свободной борьбы самых различных сил за политическую власть с целью лишить коммунистическую партию ее ключевого положения в политической системе социализма и тем самым создать реальные политические предпосылки для постепенной ликвидации всей политической системы социализма.

Политическая деятельность правых и антисоциалистических сил, осуществлявших подготовку контрреволюционного переворота в Чехословакии, была, кроме того, направлена на то, чтобы парализовать деятельность государственного аппарата, прежде всего органов безопасности, армии, прокуратуры и суда. «Событиями на Страгове»* незаконно и преднамеренно злоупотребили для того, чтобы дискредитировать органы безопасности. Свою подрывную роль в деле дискредитации органов безопасности сыграла и предательская деятельность бывшего министра внутренних дел Павла. Его политика открывала для контрреволюции все двери и окна.

Армия находилась в состоянии морально-политического разложения, а ее роль как орудия власти была представлена в невыгодном свете в ходе лицемерной кампании, основанной на мнимом злоупотреблении армии в январе и аферой генерала Шейны**. Эти изощренные кампании, в которых речь шла вовсе не о «злоупотреблениях» или «кражах», а о дискредитации армии как орудия социалистического государства, проводились так ловко и цинично, что не только достигли своей политической цели, но и привели к невинным жертвам. На первом месте здесь надо упомянуть о трагической смерти заместителя министра национальной обороны генерал-полковника Владимира Янко.

Прокуратура и суды были лишены возможности действовать из-за нападок правых сил и реакции, обвиняв-

* «События на Страгове»—инспирированная подрывными элементами демонстрация студентов осенью 1967 года на Страгове (район Праги) в связи с перебоями в подаче электроэнергии в студенческих общежитиях. — *Прим. перев.*

** Генерал Я. Шейна, уличенный как взяточник и казнокрад, бежал за границу. В настоящее время активно сотрудничает с американской разведкой, ведет подрывную античехословацкую и антисоветскую деятельность. — *Прим. перев.*

ших их в нарушении законов в период культа личности Сталина. Требования о завершении реабилитации невинно пострадавших лиц оставались без внимания.

Всем этим кампаниям были присущи антикоммунистические шаблоны, стремление любой ценой, самыми недостойными средствами вызвать сенсацию, возбудить возмущение и ненависть, дискредитировать партию. Упомянем, к примеру, кампанию по поводу самоубийства Яна Масарика, имевшую явно антисоветскую направленность.

Таким образом, само ядро органов государственной власти — государственной безопасности, армии, суда и прокуратуры — было политически настолько дезорганизовано, что была существенно подорвана его способность действенно выполнять свою функцию — охранять политический и общественный социалистический строй, вести действенную борьбу против организованных внутренних антисоциалистических сил, в случае необходимости твердо выступать против внешних врагов социализма.

Не меньшее значение антисоциалистические силы и правые в партии в своей политической деятельности придавали тому, чтобы не допустить втягивания рабочего класса в целом в подготовлявшуюся борьбу за власть, чтобы в данное время он был хотя бы политически нейтрализован. Вопреки демагогическим заявлениям Программы действий* вопрос о руководящей роли рабочего класса и его исторической миссии был практически поставлен под сомнение либо даже прямо отвергнут, и не только модными в то время публицистами, но и представителями правых в партийном руководстве.

Массовые митинги и собрания в ту пору проводились повсеместно, однако не проявлялось интереса к политическим выступлениям рабочего класса. Правые и реакция пытались настроить в антипартийном духе собрания студентов и различные съезды представителей ин-

---

* Программа действий—принятый в апреле 1968 г. Центральным Комитетом КПЧ документ оппортунистического и ревизионистского характера, содержащий немарксистские позиции по программным вопросам в теоретической, политической и организационной областях. — *Прим. перев.*

теллигенции, участники которых специально подбирались. Стихийному стремлению рабочих к выступлению препятствовали. И все же даже в такой обстановке в конце концов удалось созвать, хотя бы в ангарах пражского аэродрома, собрание представителей Народной милиции. Средства массовой информации и печать попытались замолчать это собрание, а когда это не удалось, стали сеять подозрения, разжигать ненависть и вражду к бойцам Народной милиции. Несмотря на все это, рабочий класс оказал самое упорное сопротивление всем правооппортунистическим и антисоциалистическим силам. Он остался верным пролетарскому интернационализму. Блестящим примером тому навсегда останется заявление девяноста девяти рабочих завода «Авто-Прага».

Правые в партии и антисоциалистические силы враждебно критикуют политическую позицию рабочего класса. Однако поддержку рабочих для своих целей им завоевать не удается. Поэтому они выступают, с одной стороны, против рабочего класса, а с другой — стремятся по крайней мере к его умиротворению. Об этом наглядно свидетельствует заявление Павла Когоута в «Литерарних листах» от 16 мая 1968 г., где он пишет: «Внеочередной съезд необходим для того, чтобы коммунистическую партию или очистить или расколоть». Свое требование П. Когоут обосновывает следующими словами: «Тайным голосованием меня не избрали делегатом Пражской городской конференции (речь идет о работе районной конференции Прага I. — *Я. О.*). На самой городской конференции каждый «ангажированный и прогрессивист» потерял по меньшей мере одну пятую голосов.

На областных конференциях поднялась волна враждебности против всех, кто последовательно проводит новый курс. Представителями этой волны были большей частью делегаты рабочих организаций»[1]. Откровенное признание одного из активных участников и вдохновителей антисоциалистического движения в Чехословакии: все, мол, шло хорошо, да только рабочие помешали...

---

[1] P a v e l K o h o u t. Občané a co ted? — «Literární listy», 1968, № 12, s. 1.

Иржи Ледерер высказывал те же взгляды еще более определенно: «Официально говорится о двух внутренних течениях — прогрессивном и консервативном... Сформирование таких фракций уже наметило бы возможность (далеко не бесспорную) раскола и, следовательно, образования двух политических партий. Видимо, прогрессивная фракция преобразовалась бы в партию демократического социализма, а консервативная, вероятнее всего, в партию большевистского типа»[1].

Трудно ожидать, чтобы наши противники могли точнее выразить желание расколоть марксистско-ленинскую партию большевистского типа и дать более высокую оценку ее социально-классовой основе — рабочему классу, чем это сделано в приведенных цитатах. Они открыто заявляли о том, что им до партии большевистского типа нет дела. Как ни странно, взгляды, враждебные партии марксистско-ленинского типа и ее рабочему ядру, провокационно и цинично выдавались за возрождение Коммунистической партии Чехословакии.

Если правым и антисоциалистическим силам не удалось получить массовую поддержку народа, и прежде всего рабочего класса, с помощью лозунгов и политической практики, применяемой в рамках так называемой «декумуляции и демократизации», то они, не колеблясь, решили использовать для достижения своих политических реакционных целей самое «надежное» средство — лозунг национализма, проводимого под прикрытием требований суверенитета, независимости и, наконец, нейтралитета.

Руководство КПЧ заняло беспринципную позицию по отношению к усиливающимся проявлениям национализма, шовинизма и антисоветизма вообще, особенно к их разжиганию всеми доступными средствами в связи с учениями Объединенных вооруженных сил стран — участниц Варшавского договора на территории ЧССР. В этой обстановке партийное руководство совершило серьезную и даже роковую ошибку: под нажимом правых, реакции и дезориентированных сил оно отвергло приглашение участвовать в Варшавском совещании коммунистических партий, а позже — и письмо пяти пар-

---

[1] Jiří Lederer. Opozice — illuze a realita. — «Literarní listy», 1968, № 9, s. 3.

тий, принятое на этом совещании. *Это означало победу национализма над марксистско-ленинскими принципами политики партии. Политически неправильная и вредная позиция партийного руководства дезориентировала партию и народ, обезоружила их перед лицом национализма, перешедшего в наступление.*

С этого момента партия утратила влияние на развитие событий, оно становилось стихийным, путь контрреволюции был расчищен. И в это время в ЧССР существовали силы, способные сокрушить контрреволюцию, однако не было уже такого партийного руководства, которое решилось бы встать во главе партийных и народных сил и поднять их на защиту социалистического строя. Создалась ситуация, когда сохранить социалистический строй в Чехословакии уже было невозможно без помощи других социалистических стран. В таких условиях необходимо было принять решение: оказать эту помощь или раньше, чем контрреволюция захватит власть, или после победы контрреволюции. Учитывая опыт Венгрии, государства — участники Варшавского договора решили выполнить свой интернациональный долг вовремя, чтобы не допустить самого худшего.

Их помощь осложнила международное положение заинтересованных социалистических стран и положение коммунистов в ЧССР, но она спасла социалистический строй и сохранила жизнь тысячам людей в Чехословакии. *Политический и нравственный парадокс состоит в том, что в мире и в международном коммунистическом движении были лучше поняты меры, принятые в отношении контрреволюции в Венгрии, у которой была возможность пролить кровь, чем меры, принятые в отношении наступающей контрреволюции в Чехословакии, которой не была дана возможность осуществить ее кровавые планы.* Что же расчистило дорогу для контрреволюции, почему внутренние силы оказались неспособными вести действенную борьбу против нее? Причинами этого явилось идейно-политическое разложение партии, утрата ею активности и дееспособности, паралзация органов власти социалистического государства, подрыв социалистического сознания и веры в себя рабочего класса с помощью национализма и тем самым разрушение главной социально-классовой опоры социализма *и прежде всего политическая беспринципность*

руководства КПЧ. Единственной надеждой социализма в ЧССР осталась поэтому интернациональная помощь со стороны мировой социалистической системы.

Главной проблемой политического кризиса в Чехословакии явилась неспособность партийного руководства справиться с внутриполитическими кризисными явлениями на партийной платформе и преодолеть тем самым временную внутриполитическую неустойчивость социалистического общества и государства в Чехословакии.

Можно было ожидать, что партийное руководство осознает внутригосударственный кризис, обратится к братской помощи социалистических стран, прежде всего Советского Союза. Но политика партийного руководства в области межгосударственных и межпартийных связей, начиная с совещания в Дрездене и кончая совещанием в Черне-над-Тисой и в Братиславе, своей классовой и политической беспринципностью, приведшей к вульгарному национализму, способствовала тому, что внутригосударственная нестабильность была фактически усугублена международной неустойчивостью ЧССР.

В обстановке внутриполитической и международно-политической неустойчивости ЧССР, усиленной ее географическим положением, вполне естественно было поставлено под угрозу само существование социалистического строя, политической власти рабочего класса и коммунистической партии в целом. Интернациональная помощь пяти социалистических стран в августе 1968 г. стала исходным пунктом для достижения внутриполитической и международной политической стабилизации и нормализации социалистического строя и для восстановления марксистско-ленинской политики в нашей стране.

Мы, современники, спустя десятилетие после поучительных событий, снова должны проанализировать их в свете исторического опыта международного коммунистического движения. И снова мы должны повторить слова В. И. Ленина о том, что революция только тогда чего-либо стоит, если она умеет защитить себя. Братская интернациональная помощь социалистических стран помогла защитить дело революции в Чехословакии, предотвратить разгул контрреволюции.

Само собой разумеется, что мы сегодня не ждем от своих политических противников ни слов признания, ни достаточной объективности, чтобы понять и публично признать эти факты. Но придет время, когда заблуждающиеся в рядах некоторых коммунистических и рабочих партий тоже поймут, что объективная логика истории сильнее предвзятых схем.

2. Сущность оппортунизма и его формы

Для понимания смысла чехословацких событий 1968—1969 гг., равно как и некоторых явлений в современном международном коммунистическом и рабочем движении, важное значение имеют следующие слова В. И. Ленина в его знаменитой работе «Марксизм и ревизионизм»: «То, что теперь мы переживаем зачастую только идейно... это придется еще непременно пережить рабочему классу в несравненно более крупных размерах, когда пролетарская революция обострит все спорные вопросы, сконцентрирует все разногласия на пунктах, имеющих самое непосредственное значение для определения поведения масс, заставит в пылу борьбы отделять врагов от друзей, выбрасывать плохих союзников для нанесения решительных ударов врагу»[1].

Декабрьский (1970 г.) Пленум ЦК КПЧ завершил один из самых серьезных этапов борьбы марксистско-ленинских революционных сил за очищение Коммунистической партии Чехословакии от оппортунистов, карьеристов и мелкобуржуазных попутчиков, связанный с обменом партийных билетов. Как заявил первый секретарь ЦК КПЧ товарищ Г. Гусак в своем докладе «Главные задачи Коммунистической партии Чехословакии после обмена партийных билетов», самым значительным результатом этого мероприятия является очищение партии, «разгром центров и гнезд правого оппортунизма и ревизионизма внутри партии». Это была победа марксистско-ленинских сил в нашей партии над оппортунизмом. *Правые потерпели политическое поражение.*

ЦК КПЧ выдвинул задачу *закончить и завершить* борьбу с оппортунизмом и ревизионизмом, прежде все-

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, с. 25—26.

го в идейной области. Как сказал товарищ Гусак, «полное поражение правых сил требует от нас систематической борьбы против всех форм оппортунизма, против ревизионистских теорий, против мелкобуржуазной и буржуазной идеологии. Политическое поражение правых оппортунистов мы должны завершить их полным идеологическим разгромом. Однако для этого необходимо не только разоблачить деятельность отдельных представителей правых сил, но и показать корни оппортунизма, его историческую, философскую и общественно-экономическую основу, теоретические источники ревизионизма»[1].

Кризис, который в последние годы пережила наша партия, особенно в 1968—1969 гг., был самым глубоким кризисом в истории нашей партии и, можно сказать, в истории коммунистических и рабочих партий социалистических стран. В 1968 г. Коммунистическая партия Чехословакии перестала играть роль руководящей силы социалистического общества, перестала быть партией рабочего класса, партией марксистско-ленинской, партией революционной. Оппортунисты, захватившие руководство в коммунистической партии, в течение нескольких месяцев привели не только партию, но и все общество на край гибели и открыли путь контрреволюции. Это было явное предательство, предательство революции и социализма. Оппортунисты стали политическими врагами рабочего класса, агентами классового врага.

Поэтому главной задачей, стоявшей в то время перед партией, было вывести КПЧ и все общество из глубокого кризиса. Выполнить эту задачу можно было только в упорной борьбе марксистско-ленинских интернационалистических сил в нашей партии с оппортунизмом и антисоциалистическими силами в обществе. В этой борьбе марксистско-ленинские силы одержали победу.

Для окончательного сокрушения оппортунистических и антисоциалистических сил нужно было не только завершить их разгром в области идеологии, но прежде всего *сделать невозможным воспроизводство социальных,*

---

[1] Г. Гусак. Избранные статьи и речи. М., Политиздат, 1973, с. 339—340.

политических, экономических и идеологических факторов, на которые они опирались.

Борьба с оппортунизмом по своему существу является борьбой против мещанства внутри партии и всего общества. Эта борьба должна быть постоянной и поэтому, как говорится в резолюции ЦК КПЧ «К актуальным вопросам единства партии», предполагает «долговременный план политической и идеологической деятельности партии, которая целеустремленно сосредоточивается:

— на преодолении правооппортунистических позиций, ревизионистских теорий, идеологии мещанства и на систематическом разоблачении основ платформы правых;

— на мерах, которые будут эффективно ликвидировать попытки правых завоевать позиции в органах власти и в области идеологии и которые организационно будут им препятствовать оказывать влияние на общественное мнение;

— на преодолении недостатков, возникающих в ходе строительства социализма в работе партии, государственных, хозяйственных и общественных органов и организаций;

— на неустанной заботе о чистоте партийных рядов, чтобы в партию не проникали чуждые ей элементы и чтобы усиливался характер партии как партии рабочего класса».

Исходя из одного из основных ленинских принципов строительства революционной партии рабочего класса, ЦК КПЧ вполне обоснованно подчеркнул, что партия должна неустанно очищаться от оппортунистов, карьеристов и попутчиков, просто от всех мелкобуржуазных и омещанившихся элементов. Если коммунистическая партия, особенно находясь у власти, не применяет этот принцип, возникает опасность, что через некоторое время оппортунистический сорняк засорит всю партию. Такая партия потом неизбежно вырождается в партию социал-демократическую, мелкобуржуазную. Этот факт подтверждается вековым опытом международного рабочего и коммунистического движения и нашим новейшим опытом.

Для того чтобы осознать опасность и вредность оппортунизма для международного рабочего и коммуни-

стического движения, надо выявить его сущность, его социально-политические и идейные корни.

По своей сущности оппортунизм возникает не из ошибок и недостатков в политике партии, а является вполне определенной политической программой и тактикой, которые навязываются политической партии рабочего класса и всему международному рабочему и коммунистическому движению.

Оппортунизм является политическим понятием, выражающим *политику приспособления и подчинения революционных классовых интересов пролетариата интересам буржуазии и мелкой буржуазии.* Оппортунизм — это проявление буржуазной и мелкобуржуазной идеологии, которая проникла в рабочее движение и его партии или даже полностью ими овладела.

Иначе говоря, это *политика предательства классовых интересов пролетариата, интересов революции.* Поэтому В. И. Ленин считал оппортунизм преступлением перед революционным рабочим движением, а оппортунистов называл агентами буржуазии в рабочем движении.

Теоретической основой политики оппортунизма является так называемая *теория стихийности.* Согласно этой теории, социализм одерживает победу стихийно, без классовой борьбы пролетариата и его революции, без руководящей, воспитывающей и организаторской работы социалистического государства и без руководящей роли коммунистической партии; он возникает якобы в результате постепенной, автоматической трансформации капитализма в социализм вследствие развития производительных сил как таковых. Классовая борьба и социальная революция пролетариата поэтому объявляются не только излишними, поскольку классовые противоречия между пролетариатом и буржуазией, дескать, смягчаются и исчезают вследствие постепенного перерастания капитализма в социализм, но даже, как, например, утверждали русские экономисты, являются насилием над историей. Партия пролетариата, мол, не имеет права вмешиваться в этот процесс «перерастания», она может выражать только непосредственные интересы и требования рабочего класса и народных масс. Подобное понимание политики В. И. Ленин назвал хвостизмом. Такая партия не является вождем пролетариата, не ру-

ководит им, а плетется «в хвосте» стихийного рабочего движения.

Согласно фразеологии оппортунистов, партия должна в этом смысле «служить народу», и эта «служба» понимается как самый высший, самый святой принцип политики. Один из лидеров оппортунистов и антисоциалистических и контрреволюционных элементов в нашей стране Ф. Кригель выразил этот принцип на ноябрьском пленуме ЦК КПЧ (14—17 ноября 1968 г.) следующими словами: «Мы должны развивать политику в тесной связи с желаниями и настроениями нашей общественности». Все дело в том, чьи именно желания выражает партия, кто именно формирует настроения масс, под чьим воздействием складывается общественное мнение. Коварная тактика правых как раз и состояла в том, чтобы путем манипулирования общественным мнением внедрить в сознание масс реакционные взгляды, а затем, ссылаясь на «настроения общественности», действовать в духе отказа от социалистических завоеваний.

Партия, которая поддается оппортунистической теории стихийности, *неизбежно превращается из партии социальной революции в партию социальных реформ* и перестает выполнять свою историческую миссию.

В области теории оппортунизм проявляется как *ревизионизм*, так как он ревизует основные принципы марксизма-ленинизма, прежде всего учение о классовой борьбе и ее неизбежном перерастании в социальную революцию и диктатуру пролетариата.

Следствием оппортунистической политики является *практицизм, уступка стихийности*, в конечном счете — *и подчинение буржуазной идеологии.*

В. И. Ленин в книге «Что делать?» писал: «Толкуют о стихийности. Но *стихийное* развитие рабочего движения идет именно к подчинению его буржуазной идеологии...»[1].

В настоящее время теория стихийности, теория автоматической трансформации капитализма в социализм принимает вид так называемой *теории конвергенции.* Ее сущность остается прежней, но она исходит из существования двух мировых систем — социалистической и капиталистической, — которые якобы в дальнейшем, на ос-

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, с. 40.

нове развития производительных сил, будут постоянно сближаться, вплоть до слияния в каком-то синтезе капиталистического и социалистического общества. Это слияние, дескать, происходит так, что капитализм «социализируется», тогда как социализм, наоборот, «обуржуазивается». Многие сторонники этой теории заявляют даже, что капитализм больше не перерастает в социализм, так как он практически им уже является, но, наоборот, существующий социализм перерастает в современный «народный» капитализм.

В политической практике оппортунизм в конечном счете проявляется как *реформизм*; революционная практика подменяется практикой реформистской, борьба за социальную революцию пролетариата, свержение капиталистического строя и построение коммунизма заменяется борьбой за социальные реформы, за мелкие исправления и улучшения.

Сущность политики оппортунизма выразил пресловутый «отец» оппортунизма Э. Бернштейн лозунгом: «Конечная цель — ничто, движение — все». В. И. Ленин написал, что это крылатое высказывание Бернштейна выражает сущность оппортунизма лучше, чем многие длинные рассуждения. «От случая к случаю определять свое поведение, приспособляться к событиям дня, к поворотам политических мелочей, забывать коренные интересы пролетариата и основные черты всего капиталистического строя, всей капиталистической эволюции, жертвовать этими коренными интересами ради действительных или предполагаемых выгод минуты, — такова ревизионистская политика»[1].

Из сказанного следует, что оппортунизм в рабочем движении не является случайным явлением. Он возникает и развивается в связи с возникновением и развитием рабочего движения. Так как революционное рабочее движение является по своему существу интернациональным явлением, то оппортунизм — международное явление. В силу этого «мелкобуржуазное мировоззрение снова и снова прорывается в рядах широких рабочих партий»[2].

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, с. 24.
[2] Там же, с. 25.

Оппортунизм, таким образом, является *социальным явлением*; он произрастает прежде всего из классовой структуры капиталистического общества и, в конце концов, из общественных отношений в период диктатуры пролетариата. Носителями оппортунизма являются буржуазные и мелкобуржуазные классы, слои или их остатки, которые подвергаются пролетаризации и после взятия пролетариатом политической власти становятся «трудящимися»; некоторые из них проникают в руководящие органы рабочих партий и вносят в ряды рабочего класса и его партии буржуазные и мелкобуржуазные взгляды, представления, идеи. *Это не только «их собственные взгляды», а политически-идеологическая концепция международной буржуазии, империалистических кругов, которые становятся главной основой идеологических диверсий и эрозии внутри социалистического общества.* В. И. Ленин неоднократно указывал на то, что рабочий класс в процессе социалистической революции ежедневно имеет дело с многомиллионными массами, в которых живут остатки идеологии мелких собственников. Он предостерегал от опасности, которая может возникнуть в случае, если рабочий класс, и особенно его партия, утратят влияние на эти массы. По словам В. И. Ленина, социалистическая революция должна эти массы активизировать, иначе волна мещанства может захлестнуть революцию, рабочий класс и коммунистическую партию.

Не меньшее значение имеет и обратный процесс — процесс обуржуазивания части рабочего класса и ее вождей. К. Маркс и Ф. Энгельс прямо говорили о возникновении так называемой рабочей аристократии, образующейся из части рабочего класса и ее продажных вождей — носителей оппортунизма в рабочем движении. Против этого обуржуазившегося социального слоя внутри рабочего класса и его организаций они вели беспощадную, бескомпромиссную, неустанную борьбу. Так поступал и В. И. Ленин.

Угроза обуржуазивания части рабочего класса и ее вождей не исчезает и после перехода политической власти в руки пролетариата. Об этом ясно говорит опыт.

Классики марксизма-ленинизма поэтому неустанно подчеркивали, что, если рабочее движение стремится

стать действительно революционным, оно должно вести во всех странах неустанную и беспощадную борьбу прежде всего против своего «собственного» оппортунизма, который является для рабочего движения и его политической партии постоянной опасностью, так как постоянно вырастает из мещанства и грозит захватить рабочий класс и его партию.

В. И. Ленин делал упор на систематическую и беспощадную борьбу с оппортунизмом, на необходимость выявления его сущности, чтобы все члены партии, и прежде всего рабочие, полностью осознали его пагубность. Оппортунистов В. И. Ленин считал политическими врагами рабочего класса, его партии и вел против них бескомпромиссную борьбу. На заявления меньшевиков и эсеров о том, что революция зашла слишком далеко, В. И. Ленин ответил: «Позвольте поставить вас за это к стенке. Либо вы потрудитесь от высказывания ваших взглядов воздержаться, либо если вы желаете свои политические взгляды высказывать при настоящем положении... то, извините, мы с вами будем обращаться как с худшими и вреднейшими элементами белогвардейщины»[1].

В «Детской болезни «левизны» в коммунизме» В. И. Ленин писал: «Преодолевая неслыханные трудности, большевики оттеснили меньшевиков, роль которых, как буржуазных агентов в рабочем движении, превосходно была понята всей буржуазией после 1905 года и которых поэтому на тысячи ладов поддерживала против большевиков вся буржуазия»[2].

Одну из причин победы большевизма в 1917—1920 гг. В. И. Ленин усматривал в беспощадном разоблачении гнусности, мерзости и подлости оппортунизма каутскианства.

Что касается некоторых весьма существенных вопросов пролетарской революции, опыт показал, что *все страны неизбежно проделывают то же, что проделала Россия.*

Поэтому надо *тщательно изучать не только историю революции, но и историю контрреволюции.* Только так можно понять сущность и вредность оппортунизма, об-

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 45, с. 90.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 11.

наружить его формы и проявления так, как учил В. И. Ленин.

Когда В. И. Ленин подчеркивал необходимость борьбы против оппортунизма, он все время указывал на то, что никогда нельзя забывать о характерных чертах всякого оппортунизма, которыми являются неопределенность, расплывчатость и невыразительность. «Оппортунизм, по самой своей природе, уклоняется всегда от определенной и бесповоротной постановки вопроса, отыскивает равнодействующую, вьется ужом между исключающими одна другую точками зрения, стараясь «быть согласным» и с той и с другой, сводя свои разногласия к поправочкам, к сомнениям, к благим и невинным пожеланиям и проч. и проч.»[1].

Если исследовать историю нашего оппортунизма в контексте международного рабочего движения, то оказывается, что он по своему существу, по своим целям и методам не отличается от международного оппортунизма.

Наши оппортунисты, как и оппортунизм вообще, выступая против КПЧ и социализма, сосредоточили свои усилия на критике и ревизии основных принципов марксизма-ленинизма. Например, в области политики они открыто выступали против основ марксизма-ленинизма — теории классовой борьбы, социальной революции и диктатуры пролетариата, которая неизбежна для всего периода перехода от капитализма к коммунизму.

Начиная с 1956 г., после XX съезда КПСС, в связи с нарастанием волны международного ревизионизма наши оппортунисты под видом борьбы с догматизмом и «сталинизмом» все более открыто выступали против классовой борьбы и диктатуры пролетариата.

Решающим переломным моментом в эволюции и наступлении ревизионистских теорий и тенденций в Чехословакии стал 1960 г. В области теории и политической практики с победой социализма появились иллюзии об отмирании классовой борьбы, об автоматическом усилении морально-политического единства народа, об отсутствии антисоциалистических классовых сил, и прежде всего невозможности реставрации капитализма. В обстановке начинающегося усиления либералистских тен-

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 8, с. 393.

денций партийное руководство выдвигает программу общенационального примирения на внеклассовой основе. Из идеологии исчезает понятие классового подхода, провозглашаются спекулятивные «общечеловеческие» идеалы демократии, гуманизма и свободы. Идеологическая диверсия империализма недооценивается. Классовая точка зрения в политике и в общественных науках осуждается как проявление догматизма и консерватизма.

Такое «провозглашение» социализма объективно укрепило мелкобуржуазные, оппортунистические силы и тенденции в нашем обществе, в партии и особенно в общественном сознании. Именно здесь следует искать главные корни идейно-политического разоружения партии.

В связи с нарастанием экономических трудностей, возникновением дискуссий и проблем в международном коммунистическом движении оппортунистические взгляды и тенденции проникают во все области идеологического фронта. Начинает распространяться всеобщее негативистское и нигилистическое отношение к социализму и его ценностям. Усиливающиеся кризисные явления *связываются с сущностью социализма.* Вместе с тем усиливается некритичное и неклассовое отношение к капитализму. Постепенно нарастают требования терпимого отношения к взглядам и идеологии, чуждым марксизму-ленинизму. Начинают восприниматься теории об индустриальном и постиндустриальном обществе и вытекающие из них различные концепции конвергенции. Распространяются взгляды, ставящие под сомнение роль партии и историческую миссию рабочего класса. В наиболее полной и угрожающей форме эти взгляды были сформулированы в материалах для так называемого Высочанского съезда, который резко противопоставил «демократический социализм» научному социализму.

Все это расчистило путь для дальнейшего усиления оппортунистических и антисоциалистических сил, дав им возможность развернуть наступление на КПЧ и социализм. На передний план в жизни нашего общества начинает выдвигаться мещанин с его мировоззрением.

Для чего нужна диктатура пролетариата и против кого, если провозглашается, что классовая борьба от-

мерла, если декларируется спекулятивно понятое «морально-политическое единство народа» и заявляется, что «все — за социализм»? Ведь именно диктатура пролетариата была, дескать, главной причиной «деформаций» социализма в пятидесятые годы. Диктатуру пролетариата надо поэтому заменить гуманной демократией, общечеловеческой антропократией. Почему после победы социализма и особенно в период развития научно-технической революции руководящая роль должна принадлежать рабочему классу? Ведь ведущей силой этого общества должен стать носитель научно-технической революции — интеллигенция, и то не вся, а только ее «элита» и т. д.

Следствием ревизии основных принципов марксизма-ленинизма, девальвации и компрометации основных черт социализма, принятия современных буржуазных и мелкобуржуазных теорий являлось полное разложение и распад идейно-политического фронта, генеральное наступление против партии и социализма. Это наступление вылилось в контрреволюцию, в попытку реставрации капитализма в Чехословакии. В партийном руководстве в то время возобладали правые силы.

Пример Чехословакии снова наглядно показал всю пагубность и преступность оппортунизма. Как сказал товарищ Г. Гусак: «Ревизионизм ведет, в конце концов, объективно говоря, к измене рабочему классу, интересам социализма и коммунизма»[1]. Любой оппортунизм, какими бы фразами он ни маскировался, если он овладевает партией и рабочим классом, ведет к измене, а в странах, где у власти находится рабочий класс, приводит к контрреволюции, к реставрации капитализма.

Согласно Марксу, переходный период между капитализмом и социализмом является периодом пролетарской революции и диктатуры пролетариата как главного орудия этой революции.

Игнорирование этого основного научного положения марксизма, как показал опыт 1956 г. в Польше и Венгрии, равно как и 1968—1969 гг. в Чехословакии, ставит социализм под угрозу и приводит ко все более опасным попыткам реставрации капитализма со стороны контр-

---

[1] Gustáv Husák. Hlavní úkoly strany po výměně legitimací, «Rudé právo», 15 prosince 1970.

революционных сил, связанных с международным империализмом.

Примечательно, что в странах, в которых власть находится в руках рабочего класса, контрреволюция может надеяться на успех только тогда, когда она объявляет о своей принадлежности к «социализму» и действует под «социалистическими лозунгами». Поэтому и чехословацкие оппортунисты и антикоммунисты выдавали себя за «друзей народа», «прогрессивистов» и «борцов» за «лучший», «недеформированный», «более гуманный», «более демократический», «более свободный» социализм. Эта старая программа идейно-теоретической и политической эрозии, подхваченная еще в 1966 г. проф. Скиллингом в его статье «Коммунизм и чехословацкие традиции», в которой он, в частности, говорил, что «чешский социализм, начиная с 1914 г., все более тяготел к национализму, а... в стратегии и тактике к ревизионизму». Хотя тактика и методы правых и контрреволюционных сил в нашей стране были более изощренными, цели этих сил остались неизменными: взять власть и открыть путь для реставрации капитализма, то есть, как пишет проф. Скиллинг, для *«социализма», неприемлемого для коммунистов.*

В открытой борьбе за захват политической власти оппортунистические силы в партии и антисоциалистические силы в обществе потерпели поражение. Но революционные силы внутри КПЧ и рабочего класса, не имея принципиального марксистско-ленинского руководства, были слишком слабы для того, чтобы разгромить политический блок правых и антисоциалистических сил. В 1956 г. помощь Советского Союза, оказанная революционным силам в Венгрии, помешала венгерской контрреволюции довести дело до реставрации капитализма. Точно так же помощь Советского Союза и других социалистических стран в 1968 г. ликвидировала угрозу реставрации капитализма в Чехословакии. *Именно это и показывает опасность современного оппортунизма.* Борьбу против него нельзя прекращать ни в международном масштабе, ни тем более в Чехословакии.

Одной из самых больших ошибок послеянварского партийного руководства была его политическая и идейная беспечность. Оно крайне легкомысленно относилось к урокам, вытекающим из попытки осуществить контр-

революцию в Польше в 1956 г. и из открытой контрреволюции в Венгрии, утверждая, что «до этого все же у нас никогда не может дойти». Таким образом, партийное руководство вместо повышения политической бдительности и усиления идеологической борьбы с антимарксистскими теориями, взглядами и политическими противниками социализма все больше расчищало путь оппортунистическим и антисоциалистическим силам в области политики и идеологии. Все это содействовало образованию единого фронта оппортунистических и контрреволюционных сил против партии и социализма. Есть ли гарантия, что повторение столь же серьезных ошибок исключено? Этот вопрос заставляют ставить появляющиеся утверждения, что 1968 год, конечно, не может больше повториться в Чехословакии. Кроме того, принципиально неверно объясняется временное пребывание советских войск на территории Чехословакии. Это весьма опасные, если не преднамеренно враждебные взгляды, которые в случае своего распространения в нашей партии могут повлечь за собой необозримые последствия, так как борьба с оппортунизмом и антисоциалистическими силами в Чехословакии далеко не окончена. А что касается обусловленного договором временного пребывания советских войск на нашей территории, то оно ни в какой мере не решает и не может решить исход идеологической и политической борьбы с правым оппортунизмом и антисоциалистическими концепциями.

В борьбе за политическую власть оппортунизм потерпел поражение, *но окончательно побежден не был*[1]. Он еще силен. Его сила заключается в наших ошибках и в непоследовательности при проведении чистки в партии, в государственных и общественных органах и институтах. Правильно подчеркивалось в резолюции ЦК КПЧ «Об актуальных вопросах единства партии», что «правые, не смирившиеся со своим поражением, и в дальнейшем будут представлять собой главную политическую опасность. Их цели не изменились. Они служат антикоммунистическим стратегическим устремлениям империализма, направленным на разложение партии и

[1] Это можно сказать также об антисоциалистических и контрреволюционных силах в нашем обществе.

социализма изнутри. Однако они изменили свою тактику»[1].

Оппортунистические идеи, взгляды, представления, оппортунистическое понимание жизни, оппортунистический образ мышления, которые по своей классовой сущности являются буржуазными, были и до сих пор являются у определенной части членов партии и партработников, и особенно у значительной части наших граждан, настолько сильными и закоренелыми, что для их преодоления недостаточно года или двух, но необходима систематическая упорная и неумолимая длительная борьба. Если кто-либо полагает, что борьба с оппортунизмом у нас подходит к концу, то он сам, по существу, является или оппортунистом, или же невеждой, для которого любой опыт недостаточен.

Нельзя забывать о том, что наше общество, в том числе определенная часть рабочего класса, было и до сих пор пропитано мелкобуржуазностью. А ведь именно мелкая буржуазия образует ту *социальную базу*, ту социальную питательную почву, из которой ежедневно вырастают оппортунистические тенденции, взгляды, идеи и оппортунистический, по существу, мелкобуржуазный образ жизни, постоянно проникающий в наше общество и непрестанно угрожающий коммунистической партии.

В *чешской и словацкой* мелкой буржуазии, независимо от того, происходила ли она из среды побежденной буржуазии, кооперированной мелкой буржуазии или в определенных случаях из рядов рабочего класса, представители которой носили — или даже еще носят — партийный билет, *заключается сила нашего оппортунизма.* Этот мелкий буржуа до сих пор имеет большое влияние в жизни нашего общества. Вследствие исторических особенностей развития капитализма в Чехословакии мелкобуржуазный элемент пустил необычайно глубокие корни в политической, экономической, социальной и идеологической структуре нашего общества. Буржуазная идеология, культ индивидуализма, мелкобуржуазный вкус и образ жизни до сих пор отравляют самые разнообразные сферы деятельности социалисти-

[1] K aktuálním otázkám jednoty strany, «Zivot strany», 1970, č. 26, s. 5.

ческого общества. Львиная доля в каждом недостатке и каждой неудаче социализма, начиная с ошибок прошлых лет вплоть до контрреволюции 1968 г., принадлежит мелкому буржуа. Особенно в 1968—1969 гг. мелкая буржуазия росла, как грибы после дождя, и усилилась настолько, что грозила заполонить все общество. Мелкобуржуазный паразитизм и цинизм приобрели угрожающие размеры. В эти годы у нас вдруг появились тысячи современных «нэпманов», которые разбогатели и накопили тысячные и миллионные состояния посредством спекуляции, расхищения государственного имущества или частнопредпринимательской деятельности, осуществляемой под прикрытием различных кооперативов и примкнувших к ним предприятий[1]. *Фактически у нас начала возникать новая буржуазия.* Требования восстановления мелкого и среднего частного производства, которые нашли свое выражение в программных документах так называемого Высочанского съезда и «Набросках идейных принципов Чехословацкой социалистической партии», выработанных в 1968 г., были первым шагом к полной реставрации капитализма.

Если характеризовать развитие событий в Чехословакии в 1968 г. в целом, можно сказать, что мы были свидетелями того, от чего В. И. Ленин предостерегал социалистическую революцию еще в 1917 году. *Агрессивная волна постепенно захлестывала всю страну, рабочий класс и коммунистическую партию.*

Борьба с мелкой буржуазией необычайно трудна. В. И. Ленин неустанно повторял, что в тысячу раз легче победить крупную централизованную буржуазию, чем мелкую буржуазию и мелкого буржуа, которые своей ежедневной, будничной, часто невидимой и неуловимой подрывной деятельностью способствуют *реставрации буржуазии.* Поэтому ЦК КПЧ подчеркнул, что «в качестве принципиальной общей задачи всех государственных органов на первый план выступает борьба против разлагающих тенденций, стихийности и анархии, кото-

---

[1] В этой связи возникает вопрос, каким способом общество «выведет на чистую воду» этих спекулянтов — современных «нэпманов». Решительно нельзя мириться с этим положением и молча обходить этот факт.

рые были и являются живительной почвой оппортунизма»[1].

Борьба с мелкой буржуазией должна продолжаться до тех пор, пока не удастся выкорчевать социальные корни, из которых она постоянно вырастает. Это та задача, решение которой будет продолжаться до построения коммунистического общества, до преодоления всех классовых и социальных различий. Поэтому любое примиренчество и любое малейшее ослабление борьбы против оппортунизма — буржуазного и мелкобуржуазного направления внутри рабочего движения и его партии — должно в наших условиях неизбежно привести к новому наступлению мелкой буржуазии и оппортунизма в обществе и в коммунистической партии.

Самой серьезной ошибкой, которую наша партия могла бы допустить, является игнорирование буржуазной и мелкобуржуазной сущности оппортунизма и сведение борьбы против оппортунизма только к борьбе против определенной части бывших членов партии. *Борьба против оппортунизма является по своему существу продолжением борьбы против буржуазии, а в наших условиях прежде всего против мелкобуржуазности.* Эта борьба должна быть более глубокой, более принципиальной, более твердой и более последовательной, чем она была до сих пор. Речь идет не о *кампании,* а о *постоянной* борьбе, которая является *частью классовой борьбы мирового пролетариата против мировой буржуазии и ее союзников.*

Борьба с буржуазией должна быть самой последовательной и самой решительной внутри партии. Партия является острейшим оружием рабочего класса в борьбе против буржуазии за завершение пролетарской революции. Поэтому буржуазия направляет главный удар всегда против революционной партии пролетариата. Разложение партии изнутри с помощью оппортунистов всегда было самым действенным средством для того, чтобы ослабить деятельность партии и превратить ее в реформистскую. Поэтому оппортунизм является самым главным и наиболее коварным врагом революционной партии пролетариата и вместе с тем — самым значительным союзником буржуазии.

---

[1] Г. Гусак. Избранные статьи и речи. с. 332—333.

Оппортунист — это буржуа внутри политической партии пролетариата. Этот буржуа стремится проникнуть в нее именно в то время, когда партия становится правящей партией. Карьеристы и мелкобуржуазные попутчики присоединяются к победившему классу и партии в своих интересах, преследуя эгоистические цели. Поэтому В. И. Ленин постоянно предостерегал от чрезмерного расширения партии, находящейся у власти. В труде «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» он, например, писал: «Мы боимся чрезмерного расширения партии, ибо к правительственной партии неминуемо стремятся примазаться карьеристы и проходимцы, которые заслуживают только того, чтобы их расстреливать. Последний раз мы широко открыли двери партии — только для рабочих и крестьян — в те дни (зима 1919 г.)... когда Советской республике угрожала отчаянная, смертельная опасность и когда авантюристы, карьеристы, проходимцы и вообще нестойкие люди никоим образом не могли рассчитывать на выгодную карьеру (а скорее могли ожидать виселицы и пыток) от присоединения к коммунистам»[1].

И дальше: «Нетрудно быть революционером тогда, когда революция уже вспыхнула и разгорелась, когда примыкают к революции все и всякие, из простого увлечения, из моды, даже иногда из интересов личной карьеры. «Освобождение» от таких горе-революционеров стоит пролетариату потом, после его победы, трудов самых тяжких, му́ки, можно сказать, мученской»[2].

Эти слова В. И. Ленина актуальны именно для нас, для нашей партии, которая после февраля 1948 года количественно выросла почти на один миллион членов без соответствующего классово-политического отбора и идейно-воспитательной работы. Здесь и надо искать корни недавнего партийного кризиса.

Однако и классово зрелые и честные члены партии не избавлены от воздействия мелкобуржуазных влияний и тенденций, особенно тогда, когда в партии создается атмосфера всеобщего удовлетворения достигнутыми результатами, возникает головокружение от успехов, исключаются критика и самокритика руководителей пар-

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 30.
[2] Там же, с. 82.

тии и коммунистов на всех ответственных постах, и прежде всего тогда, когда партия перестает заботиться о систематическом воспитании, правильной расстановке и необходимой замене партийных работников. Такие не подлежащие критике партийные работники постепенно становятся «непогрешимыми», «незаменимыми», «несмещаемыми». Отсюда уже один только шаг до болота оппортунизма, субъективизма и, наконец, до измены революции.

Поэтому если партия хочет сохранить свою революционную способность к действию, она *постоянно* должна очищаться от оппортунистических, мелкобуржуазных и карьеристских элементов.

В. И. Ленин в статье «О чистке партии» писал: «Как частную задачу чистки партии, я бы указал еще на чистку ее от бывших меньшевиков. По-моему, из меньшевиков, вступивших в партию позже начала 1918 года, надо бы оставить в партии, примерно, не более одной сотой доли, да и то проверив каждого оставляемого трижды и четырежды. Почему? Потому что меньшевики, как течение, доказали... два своих свойства: первое — искусно приспособляться, «примазываться» к господствующему среди рабочих течению; второе — еще искуснее служить верой и правдой белогвардейщине, служить ей на деле, отрекаясь от нее на словах»[1].

Актуально звучат слова Ленина в этой же статье: «Эту особенность меньшевиков надо знать и надо ее учесть. А учесть ее — это значит очистить партию примерно до девяноста девяти сотых всего числа меньшевиков, примкнувших к РКП после 1918 года, т. е. тогда, когда победа большевиков стала становиться сначала вероятной, потом несомненной. Очистить партию надо от мазуриков, от обюрократившихся, от нечестных, от нетвердых коммунистов и от меньшевиков, перекрасивших «фасад», но оставшихся в душе меньшевиками»[2].

Во втором условии приема в Коммунистический Интернационал В. И. Ленин указал, что «каждая организация, желающая принадлежать к Коминтерну, обязана планомерно и систематически *удалять* со сколько-нибудь

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, с. 123
[2] Там же, с. 124.

ответственных постов в рабочем движении... реформистов и сторонников «центра» и ставить вместо них надежных коммунистов — не смущаясь тем, что иногда придется вначале заменять «опытных» деятелей рядовыми рабочими»[1].

Этот принцип до сих пор не потерял своего значения и не может потерять его и в будущем. Для нашей партии он очень актуален. Надо смело ставить на посты классово сознательных рабочих и на всех ступенях партийного и государственного аппарата заменять ими тех деятелей, у которых слова расходятся с делами.

Поэтому напомним слова тов. Г. Гусака: «Всюду, где имеется противоречие между словами и делами, между провозглашенными целями и методами действия, там грозит опасность единству партии, а также ее политике и авторитету среди масс»[2].

Идейная чистота коммунистических и рабочих партий всегда находилась в центре заботы В. И. Ленина. В седьмом условии приема в Коммунистический Интернационал он указывал: «Партии, желающие принадлежать к Коммунистическому Интернационалу, обязаны признать необходимость полного и абсолютного разрыва с реформизмом и с политикой «центра» и пропагандировать этот разрыв в самых широких кругах членов партии. Без этого невозможна последовательная коммунистическая политика»[3].

В. И. Ленин постоянно обращал внимание на то, что, если коммунистические партии не будут заботиться о политической чистоте своих рядов, могут изменить свой политический характер и переродиться в партии мелкобуржуазные. И это предостережение вполне применимо к нашей партии. После февраля 1948 г. в КПЧ проникло такое большое количество мелкобуржуазных попутчиков и карьеристов и им подобных элементов, что классовому составу партии был нанесен большой ущерб. По своему социальному составу партия постепенно переставала быть партией рабочего класса. С этим наследством мы не справились до сих пор.

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 206.

[2] Gustáv Husák. Hlavní úkoly strany po výměně legitimací, «Rudé právo», 15 prosince 1970.

[3] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 207.

Для того чтобы вполне осознать силу мелкобуржуазных элементов в нашей партии, достаточно привести некоторые цифры. Например, после февраля 1948 г. сразу же, без какой-либо политической подготовки и часто без убеждений, в партию вступили примерно 900 000 человек. В большинстве случаев эти люди не принимали участия в политической борьбе коммунистической партии против буржуазии. Среди них большой процент составляли карьеристы и им подобные.

В настоящее время старые члены партии, закаленные в классовых боях против буржуазии во время первой республики, составляют примерно 1% всех членов партии; члены партии, вступившие в КПЧ в 1945—1947 гг., составляют примерно $^1/_3$ всех членов; $^2/_3$ — это те, кто вступил в партию после 1948 г. При этом особенно с 1960 г. систематически уменьшается доля рабочих в партии.

После обмена партийных билетов доля экономически активных рабочих составляет 26,4%. Это значит, что социальный состав партии лишь незначительно улучшился. Поэтому ЦК КПЧ правильно считает одной из своих основных программных задач последовательное руководство ростом членского состава, укрепление классового характера партии. «Партия — авангард рабочего класса, — сказал товарищ Г. Гусак. — Поэтому она должна целеустремленно крепить свой пролетарский характер. Это значит, что необходимо уделять внимание укреплению рабочего ядра партии, конкретно заботиться о действенном марксистско-ленинском воспитании, равно как и о том, чтобы талант и опыт испытанных рабочих кадров нашли себе полное применение на деле»[1].

Только в этой связи мы можем полностью оценить ленинский принцип построения революционной партии пролетариата, предполагающий необходимость ее постоянного очищения от оппортунистических элементов. Этот принцип В. И. Ленин включил в 14-й пункт условий приема в Коммунистический Интернационал: «Коммунистические партии тех стран, где коммунисты ведут свою работу легально, должны производить периодические чистки (перерегистрация) личного состава партий-

---

[1] Г. Гусак. Избранные статьи и речи. М., Политиздат, 1973, с. 323.

ных организаций, дабы систематически очищать партию от неизбежно примазывающихся к ней мелкобуржуазных элементов»[1].

Если партия допускает изменение своего социального базиса и рабочего состава, то начинает изменяться ее характер и политика; партия перестает быть партией революционной, марксистской, и она практически ликвидируется как партия нового типа.

В ходе событий 1968—1969 гг. решающее слово в нашей партии приобрели как раз мелкобуржуазные элементы. Приведем несколько примеров: Шабата — сын кулака, Лим — сын зажиточного пражского адвоката, К. Винтер — сын промышленника из города Теплице и т. д. Что общего имели эти люди с революцией, с рабочим классом и с политикой коммунистической партии, они наглядно показали только тогда, когда *проникли на ответственные посты*. Именно они стали видными проводниками оппортунистической политики. Является ли этот урок для каждого из нас достаточно серьезным, в этом нас может убедить лишь принципиальная работа с кадрами, последовательное и самоотверженное проведение линии партии, беспощадная борьба против расхождения между словами и делами не только в партии в целом, но и у каждого партийного работника, каждого ее члена.

Чтобы наша партия была действительно коммунистической партией, партией революционной, партией настоящих коммунистов и революционеров, надо устранить из нее все, что к ней не принадлежит — всех оппортунистов, карьеристов, попутчиков, словом, *мелкобуржуазные элементы вообще и их политические методы и практику*. Именно эту цель преследовал обмен партийных билетов. *Основным ядром, золотым фондом нашей партии являются те, кто в самое трудное время не обманули доверия*; те, кто в 1968—1969 гг. составляли интернациональное ядро КПЧ.

Борьба против оппортунизма в нашей партии и против буржуазии во всем обществе, представляющих собой главную опасность, является постоянной и долговременной задачей. Снова и снова следует повторять, что самой большой ошибкой было бы, если бы в партии

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 209.

одержало верх мнение, что борьба с оппортунизмом уже закончена. В таком случае в течение нескольких лет дело дошло бы до нового выступления оппортунистических сил против партии. В нынешней фазе борьбы с оппортунизмом самой большой опасностью для партии является примиренчество с ним, предположение, что оппортунизм уже окончательно побежден.

В. И. Ленин о «центризме»

Оппортунизм часто — имея в виду соотношение сил — выступает в «приемлемой», «умеренной», но вместе с тем гораздо более изощренной форме как «центр», борющийся с «крайностями справа и слева». Этот политический «центр» в истории международного рабочего и коммунистического движения известен под именем центризма. В. И. Ленин называл политический центризм «болотом» или «каутскианством» (как известно, во время первой мировой войны видным представителем центризма был Карл Каутский, бывший «ортодоксальный марксист», а после Великой Октябрьской социалистической революции — ренегат пролетарской революции).

По своему существу *центризм* является оппортунизмом, но оппортунизмом будто бы «стыдливым», «умеренным». Его характерные черты — *примиренчество,* терпимость к врагу, стремление примирять непримиримое и тем самым осложнять обстановку, воевать против революционной линии и содействовать правым в борьбе против революционных сил.

Социальной базой центризма является также мелкий буржуа, а его политическим представителем — «рабочий-аристократ» и филистер, который боится «крайностей», по виду воюет против «крайностей» и «всякого экстремизма», вечно между ними лавирует, причем постоянно прикрывается революционными фразами. На практике, однако, эта борьба против «крайностей» направлена против классовой революционной политики, которая демагогически называется «левой крайностью». В то же время борьба против правых сил и политики правых ведется самое большее на словах.

Характерная черта каждого центриста — левая фраза и правая политика на практике.

Политическая практика центристов — это оппортунистический *компромисс,* компромисс всегда и всюду, компромисс, который вызван не объективными условиями в рамках стратегии и тактики революционной борьбы, а является *основным контрреволюционным принципом.* Философским выражением центризма является эклектическая философия «золотой середины», которой, как известно, в политической борьбе между капитализмом и социализмом не существует.

По словам В. И. Ленина, это политическое направление «отличается именно несамостоятельностью, мелкостью, отсутствием своей линии, боязнью того, что скажут люди, вечным колебанием между обеими определенными сторонами, боязнью открытого изложения своего *credo,*— одним словом, „болотностью“»[1]. В. И. Ленин прямо говорит о психологии неустойчивости и непоследовательности, присущей политическому центризму.

Неопределенность, расплывчатость, несамостоятельность, беспринципность, трусливость, боязнь дисциплины, вечное колебание — вот психология и политическое лицо центриста. Ни рыба, ни мясо. Словом, болото, тормозящее революцию, помогающее контрреволюционным силам.

И в наших условиях примиренчество могло бы вести — и также вело — к центризму. Доказательством этого были и являются тенденции защитить и постепенно провести лозунг борьбы «на два фронта», маскируемой, конечно, так называемой принципиальной и последовательной борьбой против «всех крайностей». Сюда относится и известная теория о так называемом «глобальном введении в заблуждение», а также утверждение о том, что политические конфликты, по существу, возникают из-за недоразумения.

В вопросах межгосударственных в этом смысле типичными являются взгляды О. Черника и других, которые утверждали — а некоторые и до сих пор утверждают, — что вступление объединенных войск в августе 1968 г. было по существу не интернациональной помощью, не необходимостью, обусловленной защитой социалистического строя в Чехословакии, а результатом трагического недоразумения и ошибки. К этому они

---

[1] В. И. Ленин Полн. собр. соч., т. 8, с. 204.

снисходительно добавляют, что, несмотря на это «трагическое недоразумение и ошибку», мы должны и впредь проводить позитивную и союзническую политику совместно с братскими социалистическими странами.

В области внутрипартийной и внутриполитической аналогичные взгляды формулировал Й. Смрковский. В апреле 1969 г., когда он не мог открыто пропагандировать правые взгляды, он выступил с призывом борьбы на два фронта, особо предостерегая от «опасности» левых сил. О политическом смысле этого заявления свидетельствуют следующие его слова: «...*Я вижу бо́льшую опасность для желанного покоя со стороны крыла, которое называется левым, со стороны догматиков и сектантов*, чем со стороны так называемых правых, где мы имеем возможность немедленно парализовать любое вражеское действие или попытку к нему».

Фарисейство этого представителя правых, прикрывающегося кристалльно ясной центристской точкой зрения, способно даже растрогать некоторых чувствительных мещан. Политическая важность этого заявления, однако, значительна. *Оно было сигналом для правых, чтобы во имя своих целей, с учетом обстановки и соотношения сил в партии начать борьбу под флагом политического центризма; эта была открытая борьба против «обеих крайностей» и тем самым стремление сделать невозможной какую-либо активную деятельность партии.*

Президиум ЦК КПЧ в то время принял правильные меры. И в апреле 1969 г. ЦК КПЧ сделал вывод: партию должно возглавить новое руководство, ведомое товарищем Г. Гусаком.

Большую опасность представляло собой примиренчество и в начале обмена партийных билетов в 1970 г. Примиренчество с правыми оппортунистами, с либералистскими тенденциями и беспринципностью ставило под угрозу цель обмена партийных билетов. Позиция районных и краевых комитетов партии и постановление президиума ЦК КПЧ от 14 апреля 1970 г. нанесли сокрушительный удар попытке утвердить примиренчество в качестве политической платформы центризма.

Президиум ЦК КПЧ, разрабатывая программу дальнейшей деятельности по обмену партийных билетов, оценил проделанную положительную работу и, в частно-

сти, отметил, что правые в своей деятельности всячески стремятся затруднить обмен партийных билетов, прибегая к самым различным уловкам, чтобы использовать обмен в своих интересах и сохранить свои позиции. Эти усилия правых не привели к желаемым для них результатам, но и сегодня о них надо помнить, ибо и сейчас после лишения правых и антисоциалистических сил их главных политических позиций власти имеется тенденция заставить партию воевать на два фронта. В этой связи некоторые начали говорить о так называемом «праве на ошибку», потому что «ошибаться свойственно человеку».

Люди, конечно, не являются непогрешимыми, они допускают и политические ошибки. Не только отдельные лица, но и целые группы, политические партии и, наконец, все движение могут допускать заблуждения и ошибки, которые имеют или могут иметь негативные политические последствия. В определенном смысле слова некоторые ошибки оказываются потенциальным сопутствующим явлением политического движения революционных масс в ходе социалистической революции и социалистического строительства. С этим надо считаться. Однако понятие «ошибка» ни в коем случае не сводится к так называемой «погрешности» тех лиц в движении, которые преследуют свои личные карьеристские цели или целеустремленно разрабатывают антимарксистские концепции и в соответствии с ними осуществляют практическую политику. Поэтому будет правильно напомнить установку партии по этому вопросу, выраженную тов. Г. Гусаком: «Мы можем быть терпеливыми и чуткими в отношении отдельных заблуждающихся лиц, однако мы не можем мириться с оппортунистическими, ревизионистскими взглядами и группировками внутри партии, деятельностью антисоциалистических сил в обществе, так как это могло бы снова привести к новым проблемам и новому кризису»[1].

Если политический деятель или политическое руководство все-таки допускают ошибки, они не оправдываются тем, что «у них были благие и честные намерения». Само понятие «политической честности» имеет полити-

---

[1] Г. Гусак. Избранные статьи и речи. М., Политиздат, 1973, с. 306.

ческую ценность, если точно определен критерий политической честности. Уже сам факт, что политика является специфической областью человеческих отношений, предопределяет атрибуты политической честности, вытекающие из этой специфичности. На содержании «политической честности», бесспорно, отражается и тот факт, что политическая точка зрения является точкой зрения целого, в нашем случае — точкой зрения революционного рабочего класса и миллионных масс.

Сущность принципиального отношения всей политической партии и всего движения к своим ошибкам убедительно выразил В. И. Ленин в работе «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» следующими словами: «Отношение политической партии к ее ошибкам есть один из важнейших и вернейших критериев серьезности и исполнения ею *на деле* ее обязанностей к своему *классу* и к трудящимся *массам*. Открыто признать ошибку, вскрыть ее причины, проанализировать обстановку, ее породившую, обсудить внимательно средства исправить ошибку — вот это признак серьезной партии, вот это исполнение ею своих обязанностей, вот это — воспитание и обучение *класса*, а затем и *массы*»[1].

Только такой подход является подходом партийным.

Придерживаться его означает:

— открыто признать ошибку;

— вскрыть ее причины и генезис;

— исправить ошибку посредством правильной политики и правильных форм ее реализации.

Примером реализации этих принципов являются, в частности, «Уроки кризисного развития в Компартии Чехословакии и обществе в период после XIII съезда КПЧ», документ, принятый пленумом ЦК КПЧ в декабре 1970 г.

Только при марксистско-ленинском понимании отношения политической ошибки лиц и партии, так же как при марксистско-ленинском понимании политической деятельности, выявляется различие ответственности ведущих профессиональных политиков и рядовых членов партии — рабочих и трудящихся. Только это является

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, с. 40—41.

методом чуткого и дифференцированного подхода к людям и к их ошибкам.

Это проливает истинный свет на «аргументацию», оправдывающую борьбу против так называемых крайностей, которая, на первый взгляд, выглядит весьма разумной и продуманной. Но практика оказывается иной. Правые оппортунисты, маскируясь центризмом, всегда весьма отважно и бескомпромиссно воевали не против политических правых оппортунистов, а против марксистско-ленинских сил. Под видом борьбы против «левизны», являющейся немарксистским выражением политики коммунистической партии, как это уже давно доказал В. И. Ленин, они вели и ведут в действительности борьбу против принципов политики коммунистической партии, которая была, есть и всегда останется партией политически левой.

Центризм не только не способен действенно бороться против правых сил, но, наоборот, он объективно ведет борьбу против левых. Иначе и быть не может, так как по своему существу он является оппортунистическим.

О центризме и центристах В. И. Ленин писал: «Рабочий класс не может осуществить своей всемирно-революционной цели, не ведя беспощадной войны с ренегатством, бесхарактерностью, прислужничеством оппортунизму и беспримерным теоретическим опошлением марксизма. Каутскианство не случайность, а социальный продукт противоречий II Интернационала, соединения верности марксизму на словах и подчинения оппортунизму на деле»[1]. Поэтому и наша партия должна вести принципиальную борьбу не только против оппортунизма вообще, но и против всех его форм, следовательно, и против примиренчества с оппортунизмом, которые неизбежно ведут к центризму и беспринципности. Извлекая горькие уроки из опыта прошлого, мы не пойдем ни на какие принципиальные компромиссы, политические уступки противнику.

В. И. Ленин справедливо подчеркивал, что *борьба против оппортунизма и центризма, как одной из его самых изощренных форм, образует единый фронт борьбы.*

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, с. 238.

* * *

Оппортунизм проявляется в различных формах, выступает под различными личинами, имеет различные фазы развития. Логика политической борьбы вместе с тем является логикой развития оппортунизма. Различные его виды, формы и фазы развития меняются в зависимости от степени его влияния и силы, в зависимости от уровня рабочего движения, развития и интенсивности классовой борьбы. Если он еще слишком слаб или побежден, он обычно проявляется незаметно, «стыдливо», умеренно, выступает как политический «центр», выступает только против «экстремизма» и «крайностей», причем стремится постепенно завоевать как можно больше важных политических позиций и как можно более широкое влияние. По мере того как он завоевывает политические позиции и влияние, растет и его агрессивность и напористость. Он постепенно сбрасывает маску «умеренности» и «разумности» и все больше раскрывает свои настоящие политические цели.

Чехословацкий оппортунизм также в основном прошел и проходит все фазы и формы такого развития. В августе и после августа 1968 г. он показал свое настоящее лицо, и его буржуазная сущность проявилась вполне отчетливо. Он перерос в *ликвидаторство и антикоммунизм.* Он стал составной частью контрреволюции.

Может быть, многим эта характеристика чехословацкого оппортунизма будет казаться слишком преувеличенной и строгой. Если мы объясним сущность худших его форм и проявлений, то увидим, что это не так.

Что такое ликвидаторство?

Ликвидаторство — это оппортунизм, который пришел к своему логическому концу — к *ликвидации революционной партии пролетариата.*

В 1968 г. наши оппортунисты этого рубежа практически достигли, если мы примем во внимание работу нелегального Высочанского съезда. В течение ряда лет, особенно с конца пятидесятых годов, они наносили нашей партии губительные удары. Сначала разложение и ослабление партии, позже ее ликвидация и замена

какой-то «народной партией демократического социализма» или обновленной социал-демократической партией, — таким было развитие нашего ликвидаторства.

В. И. Ленин писал о ликвидаторстве: «Ликвидаторство *связано,* конечно, идейной связью с *ренегатством, отречением от программы и тактики, с оппортунизмом...* Но ликвидаторство не есть *только* оппортунизм. Оппортунисты ведут партию на неверный, буржуазный путь, на путь либеральной рабочей политики, но они *не отрекаются* от самой партии, не ликвидируют ее. Ликвидаторство есть *такой* оппортунизм, который доходит до *отречения* от партии»[1].

Там же Ленин подчеркивал, что буржуазия всячески распространяет и поддерживает все идеи, направленные на ликвидацию партии рабочего класса. Он писал: «Ликвидаторство есть не только ликвидация (т. е. распущение, разрушение) старой партии рабочего класса, оно есть также разрушение *классовой самостоятельности* пролетариата, развращение его сознания *буржуазными* идеями»[2].

Наши оппортунисты пришли не только к ликвидаторству — к ликвидации революционной партии пролетариата, партии коммунистической, но они пришли к худшему, уродливейшему и самому крайнему виду оппортунизма — антикоммунизму, между которым и открытым предательством революции и социализма — контрреволюцией, уже не существует ни одной ступени.

Они также перешли на сторону реакции, на сторону контрреволюции. Вспомним августовские дни 1968 г. и последующий период. Под социалистическими лозунгами они раздували худший вид шовинизма, направленный против других социалистических стран и народов, и националистическую истерию. Более того, под прикрытием социалистических лозунгов начали свирепствовать фашистские шайки, которые устроили охоту на «коллаборационистов» и «предателей» — на коммунистов-интернационалистов, которые остались верны марксизму-ленинизму. Чехословацкий оппортунизм соединился с

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, с. 69.
[2] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, с. 74.

внутренней и внешней контрреволюцией. Самая действенная и самая агрессивная часть наших правых сил перешла на позиции *антикоммунизма.* В августовские дни 1968 г. разграничение между оппортунизмом и антикоммунизмом исчезло. Предательство было завершено.

Так завершилось развитие оппортунизма в Чехословакии.

Логика политической борьбы неумолима. Мы подчеркиваем это обстоятельство для того, чтобы из него извлечь уроки. Мы должны извлекать уроки и надеемся, что мы это уже делаем.

Чехословацкий опыт борьбы против оппортунизма снова подтвердил один из основных принципов марксизма-ленинизма, согласно которому борьба с оппортунизмом должна быть непрерывной, бескомпромиссной и неумолимой, потому что борьба против оппортунизма как социального явления есть борьба против буржуазии и ее влияния на массы. Как подчеркивал тов. Г. Гусак на Пленуме ЦК КПЧ в декабре 1970 г., «в этой борьбе мы должны быть последовательны и принципиальны. В политике вообще и в подходе к отдельным лицам»[1].

---

[1] Gustáv Husák. Hlavní úkoly strany po výměně legitimací, «Rude právo», 15 prosince 1970.

ГЛАВА VI

ОТ ПОЛИТИЧЕСКОГО КРИЗИСА К СТРОИТЕЛЬСТВУ РАЗВИТОГО СОЦИАЛИЗМА

---

1. Марксизм-ленинизм и его интернациональный характер

Международное совещание коммунистических и рабочих партий в июне 1969 г., обсудив вопросы диалектики национальных и интернациональных интересов, констатировало: «В природе социализма нет таких противоречий, какие присущи природе капитализма. Когда между социалистическими странами возникают те или иные расхождения, порождаемые различиями в уровне их экономического развития, в их социальной структуре, международном положении... то подобные расхождения могут и должны успешно разрешаться на основе пролетарского интернационализма... Они не должны нарушать единого фронта социалистических государств против империализма»[1]. Совещание в принятом документе «Задачи борьбы против империализма на современном этапе и единство действий коммунистических и рабочих партий, всех антиимпериалистических сил» подчеркнуло: «Каждая коммунистическая партия ответственна за свою деятельность перед своим рабочим классом и народом и в то же время — перед международным рабочим классом. Национальная и интернациональная ответственность каждой коммунистической и рабочей пар-

---

[1] «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Москва. 1969 г.», Прага, 1969, с. 24.

тии нераздельны. Марксисты-ленинцы являются одновременно и патриотами, и интернационалистами»[1]. Это марксистско-ленинское понимание нераздельности национального и интернационального является предметом бешеных нападок со стороны наших идейных и политических противников. Наглядно убедиться в том мы могли и у нас в Чехословакии.

Чехословацкая контрреволюция и представители правых в партии в 1968—1969 гг. выступили с утверждением, что в истории КПЧ якобы были периоды, когда она становилась чуждой народным массам в силу того, что принимала интернациональную программу международного коммунистического движения. Так, например, в материалах, опубликованных некоторыми чехословацкими эмигрантами на Западе, встречаются утверждения, что в истории КПЧ выявились три значительных периода, когда предпринимались попытки самостоятельного программного характера, но, мол, под давлением извне все они оказались тщетными. Первая попытка, которую относят к началу 20-х годов, якобы была прервана принятием Программы Коммунистического Интернационала (1928). Далее указываются попытки чешских и словацких «марксистских мыслителей» в 30-х годах. И наконец, рекламируются усилия, связанные с проектом «чехословацкого пути к социализму» в 1945—1948 гг., который был прерван, как утверждают наши противники, в результате деятельности Информбюро коммунистических и рабочих партий. Чехословацкие ревизионисты и оппортунисты оценивают процесс большевизации КПЧ в двадцатых и тридцатых годах как «коминтерновскую реформацию». Равным образом они отвергают интернациональный анализ ситуации после второй мировой войны, проведенный международным коммунистическим движением.

Чехословацкие ревизионисты и правые оппортунисты открыто отреклись от этапа большевизации и от интернационалистских позиций в области теории и политической практики.

Из ленинского научного понятия коммунистической общественной формации следует, что общие закономерности перехода от капитализма к социализму, общие

---

[1] Там же, с. 41.

закономерности социалистической революции по своей сущности одинаковы для всех стран, вступивших на путь социализма, и что без их учета невозможна окончательная победа социализма. Руководство трудящимися массами со стороны рабочего класса, ядром которого является марксистско-ленинская партия, в проведении пролетарской революции; установление диктатуры пролетариата в той или иной форме; союз рабочего класса с основной массой крестьянства и другими слоями трудящихся; ликвидация капиталистической собственности и установление общественной собственности на основные средства производства; постепенное социалистическое преобразование сельского хозяйства; планомерное развитие народного хозяйства, направленное на повышение жизненного уровня трудящихся; осуществление социалистической революции в области идеологии и культуры и создание многочисленной интеллигенции, преданной рабочему классу, трудовому народу, делу социализма; строительство новой культуры; ликвидация национального гнета и установление равноправия и братской дружбы между народами; защита завоеваний социализма от покушений внешних и внутренних врагов; солидарность рабочего класса данной страны с рабочим классом других стран — пролетарского интернационализма, — таковы общие закономерности перехода от капитализма к социализму, подтвержденные всем опытом борьбы международного коммунистического движения[1].

Познание общих законов развития социально-экономической формации делает возможным научное изучение всех общественных явлений. Именно обобщение процесса возникновения диктатуры пролетариата в международном масштабе, возникновения новых социалистических государств и формирования мировой социалистической системы позволило установить общие закономерности развития функции первой фазы коммунистической социально-экономической формации — социализма.

Потому-то марксистско-ленинское понятие коммунистической общественной формации и является объектом нападок со стороны буржуазии, правых оппортунистов,

---

[1] См.: Документы совещаний представителей коммунистических и рабочих партий. М., 1957, с. 14.

ревизионистов и прочих ренегатов; они пытаются подменить его такими понятиями, как, например, «цивилизация» и «технократическое общество», чтобы исключить из общественной жизни понятия классов и классовой борьбы. В противовес марксистско-ленинскому учению об общих закономерностях построения социализма, действительных для всех стран, идущих по пути социализма, они выдвигают различные «национальные модели социализма», отрекаясь от принципов пролетарского интернационализма.

Игнорирование основных положений марксизма-ленинизма негативно отражается не только на теории, но и на практической политике, что может привести к печальным последствиям. Как показали события 1968—1969 гг. в Чехословакии, все это ведет к контрреволюции и попыткам реставрации капитализма. Это позволяет сформировать армию контрреволюции, которую составили антисоциалистические силы в Чехословакии, привлекшие на свою сторону колеблющиеся мелкобуржуазные слои, а иногда и группы несознательных рабочих. Эти силы, используя всестороннюю поддержку мирового империализма, вступили в контрреволюционный союз с правооппортунистическим крылом внутри коммунистической партии. Политический блок антисоциалистических сил и правого оппортунизма стал основой развернувшейся в Чехословакии в 1968—1969 гг. активной контрреволюционной деятельности.

Утверждения о том, что контрреволюцию якобы породили «ошибки» Коммунистической партии Чехословакии, не соответствуют действительности и уводят от выяснения подлинных причин этого явления. Причинами контрреволюции в той или иной стране являются внутренние и внешние факторы. Неотъемлемой частью стратегии и тактики контрреволюционных сил является использование субъективных ошибок и объективных трудностей в ходе социалистической революции и в процессе построения социализма. Главный, определяющий фактор подготовки и осуществления контрреволюции лежит в сфере борьбы капитализма с социализмом в мировом масштабе, он непосредственно связан со стратегической целью мирового империализма, состоящей в ликвидации социалистического строя, диктатуры пролетариата, в реставрации капитализма. Совершенно ясно, что не

«ошибки» В. И. Ленина и ВКП(б) явились причинами империалистической интервенции против Советской России и гражданской войны, что ультиматум Антанты Венгерской Советской республике не был следствием «ошибок» компартии Венгрии и Белы Куна, что не «ошибками» КПЧ и тов. Готвальда была вызвана экономическая блокада Чехословакии и политический шантаж в отношении ее со стороны империалистов после февраля 1948 г. Если мы хотим выявить причины контрреволюции, мы должны изучать и научно анализировать не только историю революции, но и историю контрреволюции. Именно с этой точки зрения необходимо анализировать чехословацкие события 1968 г.

В странах, где политическая власть находится в руках рабочего класса, возглавляемого коммунистической партией, контрреволюция может рассчитывать на успех только в том случае, если она сумеет реальному социализму противопоставить «свой социализм». Своей цели контрреволюция в состоянии добиться, как правило, лишь с помощью ревизионистских сил внутри правящей коммунистической партии. Именно таким образом действовали в Чехословакии представители правооппортунистического крыла в руководстве КПЧ в 1968—1969 гг. во главе с А. Дубчеком, Й. Смрковским, Ф. Криглем, Ч. Цисаржем и другими.

В действительности речь шла не о «новом социализме», а о попытке мирового империализма реализовать в Чехословакии известную программу идейно-теоретической и политической эрозии социализма.

О подлинном существе «новой модели социализма», якобы отвечающей специфическим условиям Чехословакии, дают представление материалы, опубликованные современной чехословацкой эмиграцией. В этой публикации излагаются так называемые «6 пунктов демократического социализма». Январский (1968 г.) Пленум ЦК КПЧ, говорится в этих материалах, создал в политической области предпосылки для перехода от революционной диктатуры пролетариата к демократическому режиму правовых гарантий. Тем самым, мол, были созданы зачаточные формы политического плюрализма.

Если смыслом деятельности коммунистической партии, пишут наши противники, было стремление создать «новую модель социализма», то партия должна была

предложить всем социальным группам новую модель общественного строя и разумного пути постепенного перехода к нему. Речь идет о такой модели, которую приемлет средняя и мелкая буржуазия и которая противостоит «традиционной модели социализма», то есть реальному социализму. Представители чехословацкой эмиграции, далее, утверждают, что классовая борьба должна перестать быть аспектом социального развития Чехословакии и что ее надо заменить все более открытой и широкой конфронтацией различных политических подходов. Таким образом, социальная дифференциация потеряет, по их мнению, классовый характер, а государственная собственность на средства производства уступит место расчлененной общественной собственности, начиная с крупных государственных предприятий и кончая предприятиями частных предпринимателей.

Ведущая роль рабочего класса заменяется, как писал в статье «Оппозиция — иллюзии и реальность» в газете «Литерарни листы» один из вдохновителей антисоциалистических сил в Чехословакии И. Ледерер, ролью «духовной элиты». Контрреволюционные журналисты, типа Ледерера навешивали ярлык «консерватор» всем верным марксизму-ленинизму коммунистам. В связи с вышеприведенными высказываниями утверждения правых элементов, что в Чехословакии, мол, никто открыто не требовал возвращения фабрик капиталистам и что здесь якобы не было никаких антисоциалистических контрреволюционных сил, являются пустой демагогией. Почему? Да потому, что социалистическая революция начинается не с экспроприации капиталистов, а с ликвидации буржуазного государства, прежде всего с завоевания политической власти пролетариатом, а эта власть делает возможной экспроприацию капиталистов. Поэтому и обратный процесс — процесс ликвидации социализма и реставрации капитализма — должен был бы, вероятно, начаться с ослабления руководящей роли партии, ослабления социалистического государства и постепенной ликвидации его функций. Политическое наступление антисоциалистических сил, усиление их влияния на политику при помощи правых оппортунистов внутри КПЧ должно было привести к постепенному взятию ими политической власти под прикрытием требований плюралистической политической системы «чистой демокра-

тии», возвращения к «национальным формам социализма». «Новая модель национального социализма» фактически вела к ослаблению руководящей роли компартии со всеми вытекающими отсюда последствиями, к возвращению к политическому положению, существовавшему до февраля 1948 г. Общей основой этих стремлений были антисоветизм и национализм, которые привели «теоретиков» чехословацкой контрреволюции к идейному сближению с маоизмом.

Именно этим и можно объяснить следующее заявление одного из послеавгустовских эмигрантов, Л. Веселого: «Несмотря на то или именно потому, что я отрицаю право признавать опыт Советского Союза теорией и практикой социализма, я считаю себя социалистом...»[1] Утверждения, что «тот, кто согласен с советским социализмом», не является социалистом и коммунистом, только доказывают, что антисоветизм стал платформой для тех, кто выступает против марксизма-ленинизма, кто отстаивает национализм, кто порывает связь с международным коммунистическим и рабочим движением.

Врагам социализма хорошо известно, что осуществить замыслы контрреволюции невозможно, если существует прочное единство мирового социалистического содружества и если идейной и политической основой этого единства является марксизм-ленинизм с его принципом пролетарского интернационализма. Поэтому контрреволюция ведет ожесточенные атаки против одной из основ марксизма-ленинизма — против принципа пролетарского интернационализма. Не случайно в Чехословакии принципу пролетарского интернационализма противопоставлялись националистические представления, связанные со специфической «чехословацкой моделью» социализма. При этом марксистско-ленинская диалектика национального и интернационального отвергалась, а «национальные интересы» резко противопоставлялись пролетарскому интернационализму. Подчеркивая «глубокие различия» между вымышленными «европейским и чехословацким марксизмом» и так называемым «азиатским ленинизмом», чехословацкие ревизионисты и замаскированные контрреволюционеры утверждали, что, мол построение социализма в СССР было ошибоч-

[1] «Christ und Welt», 3, 4. 1970.

ным, что марксизм-ленинизм якобы чужд чехам и словакам и был им искусственно навязан, что надо отойти от проверенного практикой пути Советского Союза к социализму. Такого рода фальсификации не оригинальны и не новы.

Как известно, традиции «чешского национального социализма», отвергающие принципы пролетарского интернационализма, зародились в начале 90-х годов прошлого века. В «Социальном вопросе», «Чешском вопросе» и других книгах Т. Г. Масарика содержится утверждение, что «демократий столько, сколько народов и государств». Эти взгляды восприняла основанная в 1897 г. национально-социалистическая партия, которая поставила перед собой цель создать «чешский тип социального движения», в котором интернационализму противопоставлялся национализм как отрицание «немецко-еврейского марксизма».

Масарик выступал открытым противником марксизма-ленинизма, особенно воинственно боролся против него после образования Чехословацкой республики в 1918 г. Таким образом, «чешский социализм» вовсе не был попыткой применить марксизм-ленинизм к чешским условиям, а претензией на создание новой теории социализма вообще. «Чешский социализм», вначале противопоставленный «немецко-еврейскому марксизму», а позже «азиатско-русскому ленинизму», завершается в 1968 г. контрреволюционной «чехословацкой моделью социализма».

Стремления противопоставить национальные интересы интернациональным были отвергнуты еще в начале 20-х годов известным чехословацким ученым и общественным деятелем З. Неедлы. Подчеркнув, что выразителем коренных интересов чехословацкого народа является рабочий класс, З. Неедлы писал: «Я считаю патриотическим принципом, национальной задачей содействовать укреплению и окончательной победе этого нового класса, потому что таким образом найдет себе применение самая здоровая и самая сильная часть народа... Меня никак не запутают те люди, которые пустыми лозунгами о народе и патриотизме хотели бы сегодня разрушить то, что в нашем народе здоровее всего: классовое сознание рабочего класса в целом. Именно оно для меня представляет главное сокровище,

сохранение, умножение и укрепление которого я считаю сейчас самой важной задачей — не только моральной, социальной, культурной, но и национальной»[1].

Как актуально и поучительно звучат эти слова сегодня! И не только для Чехословакии. Именно попытка осуществления «специфически чехословацкой модели» социализма доказывает, что процесс превращения рабочего класса какой-либо страны в самостоятельную силу и вместе с тем неотъемлемую часть международного коммунистического и рабочего движения идейно и теоретически возможен только при условии преодоления «национального социализма и коммунизма».

Как известно, контрреволюция в 1968—1969 гг., направлявшая острие своих ударов против диалектического единства национальных и интернациональных интересов рабочего класса в эпоху социализма, поставила чехословацкое социалистическое общество на грань катастрофы. В этой ситуации единственно реальным выходом, обеспечивавшим сохранение завоеваний социализма в Чехословакии, была вооруженная помощь пяти государств — членов Варшавского договора во главе с СССР. Эта помощь помогла предотвратить гражданскую войну и кровопролитие в Чехословакии, отстоять завоевания социализма.

«Вступление союзнических войск пяти социалистических стран в Чехословакию, — подчеркивал Г. Гусак на XIV съезде КПЧ, — было актом интернациональной солидарности, отвечавшим как общим интересам чехословацких трудящихся, так и интересам международного рабочего класса, социалистического содружества и классовым интересам международного коммунистического движения. Этот интернациональный акт спас жизнь тысячам людей, обеспечил внутренние и внешние условия для мирного и спокойного труда, укрепил западные границы социалистического лагеря и разрушил надежды империалистических кругов на пересмотр результатов второй мировой войны»[2].

---

[1] Var, 1923, S. 225.

[2] Г. Гусак. Избранные статьи и речи. М., Политиздат, 1973, с. 439—440.

2. Преодоление последствий кризиса и политика консолидации

После кризиса 1968—1969 гг., охватившего чехословацкое общество (и прежде всего область политики) и вылившегося в попытку контрреволюционного переворота и реставрации в Чехословакии капитализма, интенсивной работой удалось достичь целей консолидации, предусмотренных директивами Майского пленума ЦК КПЧ в 1969 г.

Содержание и политический смысл консолидации ясно выражены в этих директивах. В настоящее время уже можно сказать, что в историческом и прежде всего в политическом аспектах процесс консолидации был процессом борьбы за разработку и проведение в жизнь марксистско-ленинской линии партии. В зародышевой форме вопрос о консолидации ставился на Ноябрьском (1968 г.) пленуме ЦК КПЧ. По-настоящему же курс на консолидацию был сформирован на Апрельском и особенно Майском пленумах ЦК КПЧ в 1969 г. Состоявшийся в 1971 г. XIV съезд КПЧ и победоносные выборы в представительные органы власти всех ступеней ознаменовали завершение процесса консолидации.

Предпосылки и реальные возможности для практической разработки и конкретного осуществления процесса консолидации были обусловлены интернациональной помощью братских социалистических стран в августе 1968 г., политическим наступлением интернациональных и марксистско-ленинских сил в партии — от первичных организаций до Центрального Комитета — против политики и представителей правого оппортунизма и их блока с антисоциалистическими силами, созданием нового Президиума Центрального Комитета КПЧ во главе с Г. Гусаком. Интернациональная помощь братских социалистических стран в августе 1968 г. помешала правым элементам в партии довести до конца свое предательство и прервала наступление контрреволюционных антисоциалистических сил против самих основ социалистического строя в ЧССР. Тем самым эта помощь предотвратила угрозу кровопролития, волну белого террора и гражданскую войну. Вместе с тем эта помощь открыла возможность реализации важнейшего в политическом отношении исторического периода —

консолидации политической власти рабочего класса и социалистического строя в ЧССР.

Цель политической линии консолидации состояла в том, чтобы нанести политическое поражение правым в партии, антисоциалистическим силам и их воинственному контрреволюционному авангарду в обществе, покончить с кризисной ситуацией и в полном объеме восстановить политическую власть рабочего класса — диктатуру пролетариата и руководящую роль Коммунистической партии Чехословакии.

Главная политическая цель консолидации с конкретно определенным содержанием была сформулирована на Майском пленуме ЦК КПЧ 1969 г. в пяти пунктах:

1. Восстановить единство КПЧ на принципиальных основах марксистско-ленинского учения, на ленинских принципах построения и жизни партии; повысить дееспособность и революционную боеспособность всей партии.

2. Восстановить руководящую роль партии в обществе, особенно в общественных организациях и звеньях Национального фронта, в государственных органах, в области экономики и культуры.

3. Безотлагательно приступить к осуществлению действенных мероприятий по решению серьезных экономических проблем в чехословацком государстве.

4. Укрепить функции социалистического государства во всех его звеньях как органа власти рабочего класса и трудового народа.

5. Принципиально, в духе прочной дружбы строить наши взаимоотношения с братскими коммунистическими партиями Советского Союза и других социалистических стран, на которых зиждутся основные принципы внешней политики нашего государства.

Короче говоря, речь шла о четырех атрибутах политики каждой марксистско-ленинской партии, являющейся правящей партией:

— о партии самой, то есть прежде всего о ее единстве и ее руководящей роли в социалистическом обществе;

— о социалистическом государстве, то есть прежде всего о классовой сущности его функций как организации политического господства рабочего класса в союзе

с остальными трудящимися, в данном случае о диктатуре пролетариата;

— об экономическом базисе социалистического государства, то есть об общественной собственности на средства производства и осуществлении социалистических принципов управления народным хозяйством;

— об интернациональной позиции в международном коммунистическом и рабочем движении и о такой внешней политике государства, которая полностью отвечала бы интересам ЧССР в рамках мировой социалистической системы и способствовала бы дальнейшему развитию и укреплению союза с СССР и другими социалистическими странами, — союза, являющегося для нашей родины реальной и испытанной основой государственного суверенитета, независимости и национальной свободы.

Важнейшими партийными документами данного периода являются решение ЦК КПЧ от января 1970 г. об обмене партийных билетов, «Уроки кризисного развития в Компартии Чехословакии и обществе после XIII съезда КПЧ», резолюция «Об актуальных вопросах единства партии», постановление Президиума ЦК КПЧ от 6 ноября 1970 г. о кадровой и персональной работе. Своей перспективной и программной направленностью три последних решения вышли за рамки периода консолидации; поэтому все они были одобрены XIV съездом КПЧ в качестве обязательных директив для деятельности всей партии. Своим содержанием они предопределили политическую линию партии в период подготовки XIV съезда КПЧ и тем самым в политическом отношении увязали работу съезда с периодом консолидации.

С внутриполитической точки зрения важнейшим событием жизни Чехословакии после XIV съезда партии явились выборы в представительные органы всех ступеней.

В международно-политическом отношении решающее значение имело подписание Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи с Советским Союзом в мае 1970 г. Важнейшим событием явилось также Международное совещание коммунистических и рабочих партий, состоявшееся в 1969 г. в Москве; на этом совещании Г. Гусак от имени КПЧ занял принципиальную позицию

по всем основным вопросам современного международного коммунистического и рабочего движения.

Подводя итог, можно сказать, что в самом широком смысле слова политическим содержанием консолидации по существу явились разгром правооппортунистических и антисоциалистических сил и на этой основе ликвидация и преодоление кризиса в Коммунистической партии Чехословакии и в обществе в целом. XIV съезд КПЧ и победоносные выборы в органы власти стали кульминационным пунктом периода консолидации в ее конкретно-историческом понимании; они положили начало новому этапу всестороннего развития социалистического общества в ЧССР, укрепления идейного единства и повышения боеспособности коммунистической партии на основе верности марксизму-ленинизму и неуклонного осуществления выводов международных совещаний братских коммунистических и рабочих партий.

Из всего сказанного следует, что сущностью и содержанием политики консолидации были главным образом ликвидация и преодоление явных проявлений и последствий кризисного развития и контрреволюционной ситуации.

Однако партия не могла ставить и не ставила своей целью, поскольку такая цель была бы в данном периоде нереальной, преодоление всех важнейших причин кризисного развития и контрреволюционных устремлений, возникших в предыдущие годы и имеющих более глубокий характер. Их преодоление требует длительной, систематической политической и в особенности идеологической и программной работы всей партии. Поэтому политическую программу консолидации можно охарактеризовать как ограниченную во времени, конкретно-историческую задачу партии. Конкретно-историческое предназначение этой программы является не менее значимым как для объективной оценки достигнутых успехов, так и для понимания ее исторической роли, определения во времени и по содержанию. Исходя из конкретно-исторического предназначения, можно определить политическую программу консолидации не как завершение, окончание, но как значительный этап борьбы партии против правого оппортунизма и антисоциалистических сил в обществе, за решение основных актуальных и перспективных задач социалистического раз-

вития в Чехословакии. В этом плане программные документы XIV и XV съездов КПЧ, разработка их основных положений в последующих решениях ЦК КПЧ являются логическим продолжением политики консолидации во всех областях.

Борьба против правого оппортунизма и антисоциалистических сил в партийных документах с полным основанием охарактеризована как борьба против главной опасности для партии и социалистического развития. Поэтому из факта достижения главных целей политической консолидации делать вывод об ослаблении, охлаждении, о принижении значения и тем более окончании борьбы с правым оппортунизмом, ревизионизмом, буржуазным реформизмом и антисоциалистическими силами могут только те, кто злостно искажает решения партии или же позабыл азбуку марксизма-ленинизма. Именно наши политические противники и враги стремятся, таким образом, идейно-политически и теоретически разоружить партию, и вместе с тем сохранить в неприкосновенности не разбитые до конца антипартийные элементы до наступления подходящего с их точки зрения момента, и продлить теоретические и политические шатания тех, кто до сих пор еще не проникся убеждением в правильности марксистско-ленинских позиций.

В свою очередь медвежью услугу партии в ее нынешней борьбе с правым оппортунизмом, ревизионизмом, буржуазной идеологией и антисоциалистическими силами оказывают те, кто считает констатацию, что этап политики консолидации завершен, равнозначной демобилизации партии в идейно-теоретическом и политическом отношениях; сторонники таких взглядов требуют продолжения этапа консолидации, убежденные в том, что делают это в интересах партии. Тем самым допускается грубая политическая ошибка, так как субъективистски отождествляются два качественно различных этапа развития — этап до XIV съезда КПЧ и всеобщих выборов и этап реализации решения XIV съезда КПЧ. Возможно, это объясняется лишь тем, что они либо не поняли происшедшие политические изменения и качественные различия между 1968—1969 гг. и 1972-м и последующими годами, либо тем, что в этих новых условиях они оказались не в состоянии вести и впредь

принципиальную, решительную борьбу с правым оппортунизмом, ревизионизмом, буржуазной идеологией за претворение в жизнь политической линии партии, одобренной XIV съездом КПЧ.

В докладе на Февральском пленуме ЦК КПЧ (1972) Генеральный секретарь ЦК КПЧ Г. Гусак от имени партии как раз по данному вопросу заявил следующее: «За истекшие два-три года партия приобрела новый большой опыт политической борьбы, мобилизации масс на решение общественных задач. Партийные органы и организации научились направлять силы актива и первичных организаций на главные звенья, планомерно использовать их энергию в нужном направлении, настойчиво идти вперед, осуществлять контроль. Они научились нацеливать широкие массы трудящихся на большие общественные задачи, доходчиво разъяснять необходимость их решения и привлекать к выполнению данных задач. Весь опыт должен быть теперь применен на практике. Конечно, речь идет о задачах иного характера, задачах, непосредственно затрагивающих повседневные интересы трудящихся. Но принцип здесь тот же: если партия сосредоточит свои силы, выдвинет перед трудящимися конкретные и ясные задачи и сумеет повести их на выполнение этих задач, то успех обеспечен»[1].

Неотделимой составной частью работы по реализации решений XIV съезда КПЧ поэтому должна быть борьба за выполнение задачи — преодолеть причины пережитого общественно-политического кризиса и предотвратить всякую возможность их рецидива в любом новом виде.

Период консолидации хронологически четко ограничен Апрельским пленумом ЦК КПЧ 1969 г., приходом к руководству нового Президиума ЦК КПЧ во главе с Г. Гусаком, с одной стороны, XIV съездом КПЧ и выборами в представительные органы государственной власти — с другой.

Несмотря на столь четкое хронологическое определение периода консолидации, только метафизики могут абсолютизировать его границы, проявляя политическую наивность и недопонимание всей сложности такого общественно-политического явления в истории КПЧ, ка-

---

[1] Г. Гусак. Избранные статьи и речи. М., 1973, с. 685—686.

ким действительно была консолидация. Прежде всего теоретически давно уже доказано и признано, что в истории политических движений не существует так называемых исторически чистых явлений. Хорошо известно, что в каждом более или менее значительном общественно-политическом явлении, как правило, переплетаются проблемы различных этапов развития, исторические категории, стратегические и тактические цели. Поэтому какое-либо их упрощение всегда ведет к трудностям, ошибкам, а нередко и к поражениям. Однако, несмотря на эту сложность, именно марксисты-ленинцы должны подходить к сложным политическим явлениям не эклектически, но диалектически, а это в политике означает выяснение классовой расстановки сил, политических позиций и стратегических целей партий, представляющих решающие классовые интересы.

Именно поэтому ЦК КПЧ были установлены определяющие факторы консолидации, хотя консолидация по своему содержанию не была монолитным историческим общественно-политическим явлением. Все, что связано с консолидацией, невозможно втиснуть в хронологические рамки, ограниченные даже столь значительными событиями, каковыми действительно были Апрельский (1969 г.) пленум ЦК КПЧ, XIV съезд КПЧ и всеобщие выборы 1971 г. Некоторые проблемы консолидации были разрешены уже до апреля 1969 г., а некоторые из них в той или иной мере имели место в определенных областях и после XIV съезда КПЧ. С точки зрения политического развития это вполне естественно и понятно. В докладе секретаря ЦК КПЧ В. Биляка на Октябрьском (1972 г.) пленуме ЦК КПЧ подчеркивалось, что этот идеологический пленум знаменует собой начало решительного наступления всей партии «с целью полного разрешения как оставшихся, так и новых вопросов в области социалистического сознания и всей надстройки нашего общества». Это, в частности, объясняется тем, что консолидация не всюду проходила равномерно.

Наоборот, консолидация как сложное общественно-политическое явление характеризовалась неравномерностью развития, и при этом в весьма важных сферах деятельности партии и социалистического государства. Примерно год спустя после выборов нового Президиума

ЦК КПЧ во главе с Г. Гусаком представители КПЧ в мае 1970 г. констатировали, что мы полностью нормализовали наши отношения с Советским Союзом, с КПСС и остальными братскими марксистско-ленинскими партиями социалистических стран. Это подтвердили и представители братских партий. Самым убедительным свидетельством тому явилось подписание в мае 1970 г. нового договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи с СССР. Преодоление международной политической нестабильности социалистической Чехословакии было значительным успехом политики консолидации. Значение этого достижения было огромным и многосторонним. Вновь был убедительно продемонстрирован характер и смысл помощи, оказанной пятью социалистическими странами в августе 1968 г. Это помогло многим дезориентированным в ЧССР и за рубежом правильно понять смысл августовской акции; это способствовало новому наступлению против правых в партии и антисоциалистических элементов в обществе. Все это оказало благотворное влияние на процесс консолидации и содействовало его объективному ускорению.

Если этой победы добились в течение одного года, то примерно спустя два года после выборов нового Президиума ЦК КПЧ, следовательно в мае 1971 г., на XIV съезде КПЧ было достигнуто восстановление марксистско-ленинского единства партии и избрано ее новое руководство — новый ЦК КПЧ во главе с Генеральным секретарем Г. Гусаком. Правые оппортунисты потерпели политическое поражение, оказались разбитыми как организованная сила, были исключены из партии и морально-политически разоблачены перед всем международным коммунистическим движением как агенты буржуазии, мирового империализма, как политический союзник антисоциалистических и контрреволюционных сил в ЧССР.

В ноябре 1971 г., то есть через полгода после XIV съезда КПЧ, состоялись выборы в органы государственной власти. Конституционным путем были ликвидированы остатки позиций антипартийных сил в органах государственной власти. Завершился процесс консолидации и по государственной линии — от местных национальных комитетов до правительственных органов и Федерального собрания ЧССР.

Отметим также, что VIII съезд профсоюзов состоялся в мае 1972 г., съезды журналистов и писателей — примерно в то же время, а первый общечехословацкий съезд Социалистического союза молодежи — еще позже. Если принять во внимание эти факты, то не остается сомнений в правильности мнения о неравномерном развертывании процесса консолидации. Этим обусловливается то обстоятельство, что некоторые задачи, типичные для прежнего периода, оказываются актуальными и для периода нового.

Теория марксизма-ленинизма, опираясь на общественно-историческую практику, еще и еще раз подтверждает ту истину, что старые задачи прошлых этапов нельзя решать на новом этапе развития прежними методами. Наоборот, требуется новый подход в соответствии с конкретными объективными и субъективными факторами. Это относится, в частности, и к некоторым нерешенным вопросам, типичным для периода консолидации. Если недопустимы сомнения относительно необходимости их окончательного решения, то вместе с тем нельзя игнорировать изменения политических факторов и того обстоятельства, что их решение зависит от реализации стратегических целей, определенных на XIV съезде КПЧ. Поэтому старые задачи необходимо решать в новой обстановке новыми методами. Для подтверждения этого можно привести в качестве примера решения октябрьского (1972 г.) Пленума ЦК КПЧ по вопросам идеологической работы.

Имеются, конечно, такие проблемы, которые мы хотели решить и решали в процессе консолидации, но которые, однако, не удалось полностью разрешить. Имеются, конечно, и проблемы, вытекающие из решений XIV съезда КПЧ, которые мы ставим на повестку дня и которые аналогичны задачам периода консолидации.

XIV съезд КПЧ с полным основанием подтвердил ряд документов, типичных для периода консолидации, как свои программные документы, сохраняющие силу и на будущее. Достаточно напомнить об «Уроках кризисного развития в Компартии Чехословакии и обществе после XIII съезда КПЧ», резолюции об актуальных вопросах единства партии и постановлении Президиума ЦК КПЧ о кадровой и персональной работе. Однако если кто-нибудь сегодня и в будущем попытался бы реа-

лизовать их таким же образом, как и в период консолидации, то утратил бы чувство политической реальности и мог бы считаться скорее приверженцем религиозной секты, чем участником революционного коммунистического движения.

Вместе с тем было бы политически наивным отказываться от доведения до конца борьбы за решение задач и проблем периода консолидации только потому, что партия с полным основанием заявила: период консолидации окончен. Если бы мы отказались по-новому сформулировать актуальные задачи борьбы со взглядами правых оппортунистов и их носителями лишь потому, что период консолидации завершен, то это оказалось бы проявлением политической слепоты, головокружения от успехов и недооценки противников, что в революционном коммунистическом движении недопустимо. Наши противники этого от нас никогда не дождутся.

Член Президиума и секретарь ЦК КПЧ В. Биляк на торжественном открытии вновь восстановленного Ленинского зала в Пражском музее В. И. Ленина 18 января 1972 г. от имени партии заявил: «Наш опыт вновь подтвердил один из основных принципов марксизма-ленинизма, что борьбу с оппортунизмом следует вести непрерывно, бескомпромиссно и неумолимо». Было бы непростительной ошибкой, если бы мы теперь предались самоуспокоению, ослабили работу, снизили требовательность, не видя того, сколько проблем предстоит решить во всех областях нашей жизни. Ничто не могло бы нанести такого вреда, как безразличное отношение к недостаткам и игнорирование опыта недавнего прошлого.

Период после консолидации, связанный с реализацией решений XIV и XV съездов КПЧ, свидетельствует о наличии качественно новой ситуации. Благодаря мобилизующей и организующей роли КПЧ в Чехословакии обеспечено динамичное развитие экономики и на этом основании удовлетворение растущих материальных и культурных потребностей населения; достигнуто укрепление социальной стабильности и дальнейшее развитие социалистического образа жизни; достигнуто упрочение классового характера нашей партии, ее идейного единства и повышения боеспособности, причем не только

в борьбе за претворение в жизнь ее политической линии и задач социалистического строительства, но и в борьбе против враждебной идеологии и чуждых воззрений.

Задачи консолидации общества решены успешно, но и сейчас мы помним уроки прошлого, помогающие нам предотвращать возможные деформации политики партии.

Например, исходя из факта политического поражения правых оппортунистических сил в партии и контрреволюционных антисоциалистических сил в нашем обществе, нельзя делать вульгарного вывода об ослаблении классовой борьбы в политической и идеологической областях (усматривая при этом классовую борьбу только в экономической области) и тем самым фактически отрицать суть марксистско-ленинского понимания классовой борьбы вообще.

Подобные декларации прямо противоречат сформулированной на XIV и XV съездах КПЧ политике партии.

Мы всегда должны помнить о том, что борьба между двумя противоположными системами, между социализмом и империализмом, между силами прогресса и реакции, мира и агрессии неустанно обостряется и углубляется. Эта основополагающая истина будет иметь силу до тех пор, пока будет существовать капитализм. Ареной этой борьбы, как указывается в документах Международных совещаний представителей коммунистических и рабочих партий, является весь мир, все сферы общественной жизни, экономика, политика, идеология и культура.

Мы отдаем себе отчет и в том, что в наше время успешное осуществление социалистического строительства невозможно без борьбы с враждебными партии буржуазными, реформистскими, ревизионистскими, правооппортунистическими воззрениями и теориями.

Цель этой борьбы состоит в укреплении авторитета партии как революционного и испытанного в боях авангарда рабочего класса, как руководящей силы нашего общества, как вдохновителя и организатора социалистического строительства, добросовестного труда и честного образа жизни всего трудового народа.

3. Политика партии в области развития науки

Чем дальше уходят в прошлое чехословацкие события 1968—1969 гг., тем больше выявляется значение исторической победы над контрреволюцией, разгрома правооппортунистического крыла в партии и связанных с ним антисоциалистических сил. На социалистической платформе был преодолен кризис и восстановлена политическая власть рабочего класса, то есть диктатура пролетариата и руководящая роль Коммунистической партии Чехословакии. Цели первого значительного этапа борьбы партии против правого оппортунизма и антисоциалистических сил были достигнуты. Социалистический строй укрепился, и сейчас мы являемся свидетелями новых успехов в построении социализма.

Важными вехами на пути дальнейшего развития и укрепления социалистических завоеваний в Чехословакии были XIV и XV съезды КПЧ. Они ознаменовали собой новый этап — этап борьбы за построение развитого социалистического общества в Чехословакии. В этот период партия «выполняла свой долг перед рабочим классом и всеми трудящимися обоих наших народов, перед международным коммунистическим движением и мировой социалистической системой»[1].

На XV съезде КПЧ в числе источников, придающих Коммунистической партии Чехословакии силу и уверенность, был назван исторический опыт братской Коммунистической партии Советского Союза, подчеркнуто значение XXV съезда КПСС. Этот съезд «наглядно показал гуманизм и демократичность советского общества, пламенный патриотизм советских людей и их верность принципам пролетарского интернационализма»[2].

Удовлетворение основных общественных потребностей, решение выдвинутых партией на первый план экономических задач составляют содержание политики, разработанной XIV и XV съездами КПЧ.

Гуманизация политики, ее постоянное приближение

---

[1] Г. Гусак. Партия, государство, народ. Ответы на вопросы редакции журнала «Проблемы мира и социализма». — В: «Избранные статьи и речи». М., 1973, с. 806.

[2] «XV съезд Коммунистической партии Чехословакии». М., 1977, с. 25.

к нуждам широких народных масс выражается в том, что решение основных экономических проблем, а также других практических задач органически связывается с сущностью и содержанием социалистического общества, его основным законом — всесторонним удовлетворением растущих потребностей трудящихся.

Важным фактором в решении всех этих проблем и задач является наука.

Развитие социалистического общества непосредственно связано с развитием науки. В социалистическом обществе постепенно реализуется задача органического соединения завоеваний научно-технической революции с преимуществами социализма. Политика партии в области науки определяется всей ее политической стратегией при осуществлении исторических задач рабочего класса. Партия исходит из принципа интернационального характера развития науки и из углубляющейся интеграции общественных и естественных наук в странах мирового социалистического содружества.

В классово разделенном мире на первый план выступает идеологическая функция науки, не имеющая ничего общего с представлениями об исключительности науки, о ее якобы самостоятельности и независимости по отношению к обществу и классам. Усиление идеологической функции науки возможно только на основе марксизма-ленинизма, оно немыслимо без борьбы с ревизионизмом, буржуазными и мелкобуржуазными концепциями в общественных и естественных науках.

На XV съезде КПЧ было подчеркнуто значение ориентации общественных наук на неотложные проблемы развития социалистического общества, на эффективную связь с общественной практикой, с потребностями партии и государства. Науке чужд какой-либо застой. Развитие общественной жизни побуждает общественные науки постоянно обобщать исторический опыт, революционную практику и разрабатывать новые теоретические положения, обусловленные задачами построения социализма и коммунизма.

Идеологические функции науки, как это отмечалось на XV съезде КПЧ, обусловлены идеологией рабочего класса. Эта идеология — идеология самой революционной силы, которой принадлежит будущее, она «проникнута оптимизмом, верой в человека, в его неисчерпае-

мые творческие силы, в его достоинство. Это — идеология, которая побуждает человека на большие свершения, поднимает на борьбу за революционное преобразование мира, за коммунизм. Человечество не знает более прогрессивной идеологии»[1].

Развитие естественных наук происходит в социалистическом обществе не спонтанно, а в связи с практикой, производством, потребностями социалистического общества. Поэтому необходимо рационально организовывать и направлять развитие естественных наук в соответствии с этими потребностями, обеспечивать единое и комплексное управление наукой. Ставятся задачи рационального использования развитой чехословацкой научной базы, сосредоточения научных сил на главных направлениях и на решении кардинальных проблем, приближения науки к производству и практике и создания условий для того, чтобы созидательный труд научной интеллигенции наилучшим образом способствовал дальнейшему развитию социализма.

На XV съезде КПЧ отмечалось, что «эффективность научного познания, применение его результатов на практике во все возрастающей степени зависит от взаимодействия общественных, естественных и технических наук, от комплексного теоретического подхода, от сотрудничества и взаимного обогащения сферы фундаментальных и прикладных научных исследований»[2].

Развитие науки, ее гуманизация, приближение научных исследований к потребностям практики неразрывно связаны с коренными проблемами экономической, политической и идеологической стратегии. «Мы, коммунисты, — говорил Л. И. Брежнев на XXV съезде КПСС, — исходим из того, что только в условиях социализма научно-техническая революция обретает верное, отвечающее интересам человека и общества направление. В свою очередь только на основе ускоренного развития науки и техники могут быть решены конечные задачи революции социальной — построено коммунистическое общество»[3].

---

[1] «XV съезд Коммунистической партии Чехословакии». М., 1977. с. 76.

[2] Там же, с. 74.

[3] «Материалы XXV съезда КПСС». М., 1976, с. 47.

Коммунистическая партия Чехословакии в своей политике в отношении науки исходит из органической, непосредственной связи науки с социализмом, с революционным движением, из необходимости использовать достижения научно-технической революции в интересах построения социализма.

Вульгарные разносчики лживых теорий «культурной критики науки» утверждают, что общество, основанное на применении самой современной техники (или, как они говорят, «современное индустриальное общество»), отвергает культурные, нравственные и эстетические ценности человечества, принижает личность человека и сводит ее роль к роли простого придатка техники, механизмов. А представители столь же вульгарных буржуазных теорий «социального пессимизма» заявляют, что мир вообще нельзя улучшить, что техника враждебна человеку, и в качестве средства спасения пропагандируют «самоуглубление» человека, погружение в некое «индивидуальное я». Марксизм-ленинизм отвергает подобного рода теории. Развитие и применение науки и техники в условиях социализма обеспечивает дальнейший рост жизненного уровня социалистического общества в целом и всех тех, кто своим трудом способствует его расцвету, ведет не только к ликвидации противоречий, но и существенных различий между физическим и умственным трудом, между городом и деревней, создает все возможности для того, чтобы богатства человеческой культуры были поставлены на службу социалистическому обществу.

Все враждебные и чуждые марксизму-ленинизму теории и концепции науки отрицают органическую, неразрывную связь науки, научного познания с революционной, изменяющей мир практикой международного коммунистического движения. Они отрицают историческую миссию рабочего класса в современной истории человечества и руководящую роль коммунистических партий. Они отрицают также наличие общих для всех стран закономерностей возникновения и развития коммунистической общественной формации. Поэтому вопросы об осуществлении рабочим классом исторической миссии построения социализма и коммунизма, о реальном социализме, об интернациональной сущности закономерностей возникновения и развития коммунистической об-

щественной формации имеют фундаментальное и принципиальное значение для общественных наук, для теории марксизма-ленинизма. Как известно, в противовес реальному социализму правые оппортунисты и ревизионисты выдвигают националистически ограниченные и шовинистически ориентированные «национальные модели социализма».

Генеральный секретарь ЦК КПЧ Г. Гусак, рассматривая эти вопросы в своей статье «Партия, государство и народ», пишет: «Враги социализма и правые оппортунисты поднимали и поднимают большой шум вокруг «национальных моделей» социализма в отдельных социалистических странах.

Понятие, или термин, «модель» применяется главным образом для обозначения комплексного, внутренне организованного целого с собственными законами развития, с собственной целью — «проектом». Применяя это понятие, хотят доказать, что социализм как единый общественно-экономический строй не существует, что есть лишь различно устроенные и по-разному функционирующие системы, отличающиеся многими существенными аспектами, «моделями» и имеющие лишь одно общее — то, что все они называются социалистическими.

Это идеологическое мошенничество направлено на то, чтобы отрицать существующий реальный социализм, выдавать его за «государственно-капиталистический», «государственно-бюрократический» и т. д. и выдвигать против него другие «модели социализма», приверженцами которых часто объявляют себя мелкобуржуазные и буржуазные партии»[1].

Таким образом, вопрос о *реальном социализме* является объектом острой идеологической борьбы. Буржуазные идеологи сознательно извращают этот вопрос, изображая дело так, что будто бы все споры о социализме — это споры о дефинициях, то есть они относятся к сфере сознания и не затрагивают реальную действительность. Лишь будущее, мол, покажет, какое из определений социализма является наилучшим. То, что именуют социализмом в СССР и восточноевропейских странах, мол, вовсе не является социализмом.

Такую интерпретацию социализма отстаивают и

---

[1] Г. Гусак. Избранные статьи и речи. М., 1977, с. 817.

идеологи правой социал-демократии и ревизионисты всех мастей, то есть те, кто, по образному выражению члена Политбюро, секретаря ЦК КПСС М. А. Суслова, «строит» социализм не на деле, а на бумаге[1]. В такой сооруженный в умозрительной форме «социализм» вкладывается смысл, угодный и выгодный буржуазии, которой служат правосоциалистические лидеры, а также ревизионисты всех мастей, различные ренегаты и перебежчики.

Конец всякого рода идеологическим спекуляциям кладет понятие «реальный социализм». Множеству так называемых «социализмов» («демократическому», «с человеческим лицом», «африканскому», «азиатскому» и т. д.) противостоит реальный социализм, то есть научный социализм, обоснованный марксистско-ленинским учением о неизбежной гибели капиталистической общественной формации и победе коммунистической общественной формации.

Научный социализм выступает и как теория, и как общественно-историческая практика. С победой Великой Октябрьской социалистической революции идеи научного социализма обрели реальность, они превратились, говоря словами К. Маркса, в материальную силу. Сейчас, после построения развитого социалистического общества в СССР, после образования мирового социалистического содружества, есть все основания говорить о реальном социализме как всемирно-историческом явлении.

На упоминавшейся уже выше международной научно-теоретической конференции на тему «Великий Октябрь и современная эпоха» в докладе кандидата в члены Политбюро, секретаря ЦК КПСС Б. Н. Пономарева раскрывается содержание реального социализма.

Реальный социализм — это определенная государственно-политическая реальность. Это государство нового типа, где власть принадлежит трудящимся во главе с рабочим классом и его революционным авангардом — коммунистической партией. Именно такое государство возникло в СССР после победы Великой Октябрьской

---

[1] См.: «Великий Октябрь и современная эпоха». Международная научно-теоретическая конференция. Вступительное слово М. А. Суслова. — «Коммунист», № 17, 1977, с. 21.

социалистической революции. Ныне на международной арене действует уже система социалистических государств, они стали важнейшим фактором современной международной жизни.

Реальный социализм — это, далее, определенная экономическая реальность. Это качественно новый способ производства, в основе которого лежит общественная собственность на средства производства, устраняющая эксплуатацию человека человеком. В международном плане социалистическая экономика становится все более весомой частью мирового хозяйства.

Реальный социализм — это и новый тип социальных отношений. Это общество, социальной основой которого является союз рабочего класса, крестьянства и интеллигенции. В противоположность капитализму с присущими ему антагонизмом классов и национальными противоречиями социалистическое общество характеризуется утверждением принципов социального равенства и справедливости, интернационализма, постепенным сближением всех классов и общественных слоев, всех наций и народностей, все большей социальной однородностью.

Реальный социализм — это и новая культурная и нравственная реальность. Это качественно новые отношения между людьми, проникнутые духом товарищества и гуманизма. Это новая, социалистическая культура, вбирающая в себя высшие достижения человеческой цивилизации. Это новые нравственные ценности, на основе которых формируется новый человек с его зрелым чувством гражданственности, высокими идейными и моральными качествами. Это социалистический образ жизни, способствующий всестороннему и гармоничному развитию личности.

Реальный социализм — результат активного, живого творчества самих народных масс под руководством марксистско-ленинских партий. Трудовая и общественно-политическая деятельность многомиллионных масс обогащает, углубляет, конкретизирует теоретически сформулированные идеи социализма. Реальный социализм возник в ожесточенной классовой борьбе внутри каждой страны, вставшей на путь социализма, и на мировой арене. Он складывается, преодолевая сопротивление мировой империалистической системы, а также внутренние трудности, возникающие в ходе экономиче-

ского, социального, культурного строительства. В нем высочайшие достижения человеческой мысли и практика миллионов слились воедино.

Таков научный подход к реальному социализму.

Борьбу против правого оппортунизма, ревизионизма и разных буржуазных и мелкобуржуазных теорий и концепций необходимо вести на основе творческого развития и обогащения теории марксизма-ленинизма, которая непосредственно связана с решением новых задач социалистического строительства, с обобщением практики и опыта миллионов трудящихся социалистических стран и братских коммунистических партий. Научное решение актуальных проблем построения социализма является не только развитием самой теории марксизма-ленинизма и ряда других научных дисциплин, но и одной из действенных форм идеологической борьбы против буржуазной и мелкобуржуазной идеологии.

Успешно реализовать эту задачу могут только хорошо подготовленные, вооруженные марксистско-ленинским учением силы в нашей науке. Поэтому работа с кадрами в области науки приобретает первостепенное значение. Именно новые, значительные задачи построения социализма и необходимость научного подхода к их решению предъявляют высокие требования к кадрам, к научным работникам. Поэтому основным вопросом дальнейшего успешного развития чехословацкой науки является подготовка марксистско-ленинских сил в области науки и их активное участие как в созидательном труде, так и борьбе против правооппортунистических, буржуазных и мелкобуржуазных теорий и концепций, а также против левой псевдореволюционности. Решения XIV и XV съездов КПЧ определили главные направления политики партии в области науки:

— сформирование марксистско-ленинских сил, воспитание в духе марксизма-ленинизма новых поколений ученых, способных творчески развивать теорию;

— разработка и решение проблем построения развитого социалистического общества;

— ведение постоянной, целенаправленной, принципиальной борьбы с вражеской идеологией, и прежде всего с правым оппортунизмом.

В связи с этим перед партийными и государственными органами управления, перед наукой встает задача

рационального использования всей исследовательской базы Чехословакии и ее интеграционного включения в общие усилия стран СЭВ.

Реализация поставленных XIV и XV съездами КПЧ задач в области науки неразрывно связана с решением фундаментальных задач построения развитого социалистического общества. В Чехословакии находит широкое применение опыт Коммунистической партии Советского Союза, а также опыт коммунистических и рабочих партий социалистических стран, которые осуществляют партийное управление всем обществом в эпоху социализма на основе научного познания объективных закономерностей общественного развития. Научное познание объективных закономерностей общественного развития дает возможность коммунистическим и рабочим партиям социалистических стран осуществлять такую политику, которая способствует дальнейшему развитию социалистического общества и ведет к удовлетворению растущих материальных и культурных потребностей трудящихся масс. Целям этой политики служит и чехословацкая наука.

Именно в этом и состоит гуманизм политики партии в области развития науки.

4. Политика партии в отношении интеллигенции

Коммунистическая партия Чехословакии с момента своего основания была массовой партией. Уже в первое десятилетие своего существования она приняла в свои ряды не только наиболее сознательную часть рабочего класса, но и некоторых самых выдающихся представителей интеллигенции, среди которых были и известные деятели чешской и словацкой культуры, науки и искусства.

Интеллигенция широко примкнула к партии в период национально-освободительной, антифашистской борьбы в 1939—1945 гг. и в период перерастания национально-демократической революции в социалистическую революцию в 1945—1948 гг. Победа социалистической революции, установление власти рабочего класса и развернувшееся социалистическое строительство коренным образом изменили положение интеллигенции в Чехословакии. Перед партией появились новые задачи по отно-

шению к интеллигенции. Самой главной задачей являлось и является воспитание и подготовка преданной делу партии и социализма, вооруженной марксистско-ленинской теорией, высококвалифицированной и трудолюбивой интеллигенции. Эта постоянная для партии и господствующего рабочего класса задача со всей неотложностью встает перед нами именно сейчас, после периода политического и общественного кризиса, после предпринятой политическим блоком правых оппортунистических сил в партии и антисоциалистических сил в обществе контрреволюционной попытки реставрации капитализма, после периода политической консолидации и во время претворения в жизнь решений XIV и XV съездов КПЧ. Успехи политики коммунистических партий при построении социализма и коммунизма зависят в значительной мере и от правильной политики по отношению к интеллигенции.

Как известно, генеральную линию партии по отношению к интеллигенции в период построения социализма выдвинул на IX съезде КПЧ в 1949 г. еще Клемент Готвальд. Съезд обязал партию:

1) привлекать на свою сторону старую интеллигенцию и перевоспитывать на принципах социализма;

2) подготавливать новую, собственную социалистическую интеллигенцию;

3) воспитывать интеллигенцию таким образом, чтобы она была социалистической не только по принадлежности к социалистическому государству, но также по своему марксистско-ленинскому социалистическому сознанию, служению делу строительства социализма.

Эту правильную стратегическую линию партия, в сущности, осуществила. Это подтверждают, в частности, и следующие факты:

1) если в буржуазной Чехословацкой республике только 7% выпускников вузов происходило из рабочих и крестьянских семей, сейчас свыше 30% работников с высшим образованием происходит из рабочих семей. В 1970 г. из рабочих или крестьянских семей происходило более 50% студентов вузов и более 55% учащихся средних школ;

2) более 50% всех педагогических работников школ и воспитательных учреждений происходит из рабочих семей;

3) в годы построения социализма 400 000 представителей рабочего класса перешло в ряды специалистов и работников управления, органов государственной власти и хозяйственных органов;

4) в буржуазной Чехословацкой республике ни в промышленных концернах, ни в государственной сфере не существовало основного исследовательского центра. В 1952 г. во время основания Чехословацкой Академии наук существовало 7 научно-исследовательских учреждений. В 1972 г. только Чехословацкая Академия наук — кроме высшей школы и ведомств — имела 136 институтов и рабочих мест с более чем 14 000 работниками, и вся исследовательская база ЧССР насчитывала несколько сот исследовательских учреждений и лабораторий со 145 000 работников. Как было подчеркнуто на октябрьском (1972 г.) пленуме ЦК КПЧ по вопросам идеологической работы, на каждую тысячу трудящихся в народном хозяйстве приходилось свыше 20 ученых и исследователей;

5) самую квалифицированную часть передовых ученых, педагогов, художников, писателей, политических и хозяйственных работников составляет приблизительно 30 000 человек, значительная часть которых является членами партии.

В противовес попыткам элитаристского подхода к этим достижениям необходимо подчеркнуть факт, свидетельствующий о руководящей роли рабочего класса в нашем обществе. Интеллигенция с высшим образованием составляет у нас значительную группу в 335 тысяч человек, то есть 3,3% экономически активных жителей в возрасте старше 15 лет. Вместе с тем наша страна располагает потенциалом в 3 200 000 высококвалифицированных рабочих, имеющих полное девятилетнее всеобщее образование и, кроме того, трехлетнее обучение в училищах или специальных школах, не включая сюда рабочих, сдавших экзамены на аттестат зрелости или имеющих специальное образование.

Что можно сказать о новых качественных сдвигах в жизни чехословацкого общества в связи с формированием новой народной интеллигенции?

О них можно судить по новым открытиям в естественных и технических науках, а также в общественных науках, по овладению новыми отраслями наук, которые

раньше в Чехословакии никогда не развивались, по внедрению новых процессов производства в машиностроении, сельском хозяйстве, в химической промышленности, в строительстве, на транспорте и в пищевой промышленности.

Наука, возникнув из потребностей самой жизни, оказала в свою очередь воздействие на практику социалистического строительства: на протяжении последних 30 лет происходит неуклонный рост национального дохода, и сейчас Чехословакия находится на первом месте среди социалистических стран по производству на душу населения многих важных товаров. Во всех этих успехах отражаются преимущества социалистического строя, как и самоотверженный и успешный труд рабочего класса и кооперативного крестьянства. Свой значительный вклад внесла и социалистическая интеллигенция.

Только благодаря политической и идеологической работе партии удалось изменить идеологическую ориентацию значительной части интеллигенции, которая, несмотря на все ее пережитки и недостатки, разошлась с буржуазией и мелкобуржуазной идеологией и приняла марксистско-ленинскую идеологию и научное мировоззрение. Существенная часть интеллигенции восприняла основные марксистско-ленинские критерии оценки собственной работы, перешла или переходит на позиции интернационализма, сознавая историческую роль мировой социалистической системы, международного рабочего движения и решающее значение СССР в мире и в мировом социалистическом содружестве.

Это, бесспорно, положительные результаты.

Но приведенные факты, однако, не могут изменить того обстоятельства, что силы контрреволюции и реставрации капитализма в 1968 г. получили поддержку отнюдь не каких-то незначительных групп интеллигенции.

Антисоциалистическое развитие внутри самой интеллигенции стало возможным в результате подавления деятельности партии как руководящей силы нашего общества и социалистического государства — как диктатуры пролетариата.

Партии не удалось преодолеть буржуазную и мелкобуржуазную идеологию и психологию, и значение последствий этого не было понято тогдашним руководст-

вом КПЧ. Оно недооценило того факта, что именно определенные группы интеллигенции в обстановке упорной классовой борьбы, идущей между системой социализма и системой капитализма в международном масштабе, могут стать в первую очередь носителями, пропагандистами или даже политической силой в реализации буржуазных и мелкобуржуазных идей капиталистического мира и тем самым опасным орудием контрреволюции и реставрации капитализма. Руководство, стоявшее во главе КПЧ в 50—60-х годах, недооценило опыт международного коммунистического движения, который свидетельствует, что идеологическая борьба в мировом масштабе, будучи одной из существенных сторон классовой борьбы, имеет острый политический характер. Кто не осознал этого факта даже после попытки контрреволюционного переворота в Чехословакии, тот не может понять, что и оппортунизм и контрреволюция являются не продуктом ошибок правящих марксистско-ленинских партий, а порождаются прежде всего мировым империализмом, есть результат его стремления ликвидировать социалистический общественный строй; ошибки и недостатки господствующих марксистско-ленинских партий лишь создают возможности для победы сил, враждебных социализму.

Ошибки и недостатки КПЧ, и особенно ее руководства, способствовали активизации антисоциалистически ориентированных групп интеллигенции. Выдвинутый ими «теоретический» тезис о том, что, мол, с 1956 г. «кончается власть идеологии и начинается эпоха чистой науки», стал выражением политической программы отрицания гегемонии рабочего класса и его политической власти — диктатуры пролетариата.

Тогдашнее руководство партии недооценило значение опыта международного революционного движения, и особенно вывода о том, что построение социализма является сознательной планомерной деятельностью миллионов трудящихся во главе с рабочим классом под руководством коммунистической партии, что оно не может протекать стихийно, автоматически, тем более после того, как были уже построены основы социализма.

В «Уроках кризисного развития в Компартии Чехословакии и обществе после XIII съезда КПЧ» говорится, что «Чехословакия являлась уже с февраля 1948 г.

объектом широко задуманной политической и идеологической диверсии со стороны империализма, которая, однако, не давала ощутимого результата в условиях, когда партия прочно владела положением. После того как правооппортунистические и антисоциалистические силы повели открытую атаку на главные принципы партии и социализма, а их разлагающая деятельность перестала встречать активное сопротивление, империализм, действовавший извне, также мог перейти в решительное наступление. В этом, в частности, заключалась сущность острой классовой борьбы, которая отнюдь не определялась только историческими особенностями нашего общества, но являлась прежде всего выражением постоянного интереса и интенсивных усилий мировой реакции, направленных на то, чтобы завладеть Чехословакией»[1].

Ставка реакции делалась на то, чтобы привлечь на свою сторону чехословацкую интеллигенцию путем подкупа и заигрываний с ней. Именно тогда, накануне событий 1968—1969 гг., активно муссировалась проблема «элиты» и связанная с этим антисоциалистическая программа.

«Интеллигенция является совестью народа», — провозглашали некоторые чехословацкие писатели, а социолог М. Йодл утверждал, что рабочий класс должен «быть представлен в области политики только элитой», потому, что «дело свободы погибло бы в случае, если бы его доверили обычным людям».

Знания и способности человека «являются биопсихологическими, унаследованными свойствами», утверждали с ученым видом чехословацкие социологи. Поэтому управление на заводах должно быть сосредоточено исключительно в руках технократов, а не в руках представителей рабочего класса. Бывший преподаватель ВПШ при ЦК КПЧ М. Крал в своей статье «Наука и цивилизация» провозглашал, что научно-техническая революция оставляет рабочим и другим трудящимся только «рутинные функции», тогда как носителями «социальных новшеств могут быть только ученые».

Сторонники теории «элиты» шли дальше. Принципу

---

[1] «Уроки кризисного развития в Компартии Чехословакии и обществе после XIII съезда КПЧ». М., 1973, с. 20.

руководящей роли партии, принципу диктатуры пролетариата как власти рабочего класса, кооперативного крестьянства и трудовой интеллигенции, социалистической собственности в ее государственной и кооперативной формах они противопоставили требование политического и экономического плюрализма. Провозглашалось, в частности, создание партии «демократического социализма» в противовес партии большевистского типа. Было выдвинуто требование, чтобы наряду с социалистической собственностью было допущено частное предпринимательство не только там, где оно «более эффективно», но и там, где оно более выгодно.

В идеологической области одновременно с типично буржуазными утверждениями о том, что, мол, марксизм-ленинизм устарел и изжил себя, поддерживались буквально все враждебные направления вплоть до современного католицизма и религиозной идеологии вообще.

Об этом необходимо напомнить не только потому, что некоторые пережитки прошлого до сих пор оживают в сознании отдельных лиц или групп интеллигенции, но главным образом потому, что сейчас партия стоит перед задачей их идейно-теоретического преодоления. Политический разгром враждебных течений нельзя отождествлять с идеологическим разгромом.

Надо иметь в виду, что воинствующие группы представителей правых в Чехословакии после своего политического разгрома вовсе не отказались от своих целей. 28 мая 1969 г., спустя полтора месяца после апрельского (1969 г.) пленума ЦК КПЧ, под председательством К. Бартошка состоялось собрание актива «интеллектуалов», на котором один из идеологов правых в Чехословакии, Вл. Блажек, в конце своего выступления на тему «Чехи и социализм» сказал: «В нынешней довольно неясной обстановке, в которой одни впадают в полный скепсис, а другие обращаются к астрологам, я хотел бы отметить, что, как мне кажется, нам и в будущем остается только тот единственный путь, на который мы уже вступили. Допустим или предположим, что восстановится примерно то положение, которое было непосредственно перед январем (1968 г.). Если бы это случилось, кризис проявился бы очень быстро. И, разумеется, с тем, что тут будет учтен опыт истекших полутора лет. Я думаю, что мы уже сейчас должны во-

зобновить начатую ранее работу над созданием единого теоретического и практического, культурного и политического центра, который лучше определит наши возможности, чтобы мы нашу социалистическую действительность преобразовали так, как это соответствует традициям, потребностям и также возможностям нашей страны. И я думаю, что для выполнения этой задачи мы должны все время возвращаться к недалекому прошлому, и цель моего выступления — способствовать такому размышлению, которое является размышлением о прошлом, но все-таки устремлено в будущее».

Выступивший затем другой «идеолог» Я. Шабата сказал: «Я принимаю тезис о необходимости единого центра...»; затем он добавил: «Я буду говорить от имени множества центров, потому что еще пройдет много времени, прежде чем будет создан единый критический центр. Значит, задача критических центров состоит в том, чтобы сформулировать оппонентуру как можно позитивнее, конструктивнее, целесообразнее». Смысл этих высказываний таков: оппонентура может быть какой угодно, лишь бы был антипартийный центр.

Факты убедительно показывают, что, рассчитывая на помощь международного империализма, антисоциалистические силы в Чехословакии и объективно — сознательно или бессознательно — правые оппортунисты, рекрутировавшиеся главным образом из представителей интеллигенции, уже в мае 1969 г. снова провозгласили, что и на будущее они избирают тот же путь, на который они вступили в 1968—1969 гг. Это — путь, ведущий к прямой или замаскированной, немедленной или поэтапной ликвидации социалистического строя, свержение которого составляет стратегическую цель мирового империализма со времен Великой Октябрьской социалистической революции.

Следует сказать также, что представители чехословацкой контрреволюционной эмиграции откровенно заявляли о том, что их деятельность — это не ошибка, колебание или мутное представление о политических целях, а вполне определенное политическое устремление. «Шик, Пеликан, Свитак, Лебл и им подобные, — говорилось на Октябрьском (1972 г.) пленуме ЦК КПЧ, посвященном главным задачам идеологической работы после XIV съезда партии, — сейчас уже открыто и да-

же с некоторой хвастливостью признают, что они подготовляли разложение нашего социалистического общества. Их контрреволюционная платформа возникла не сразу. Они постепенно, шаг за шагом, разлагали не только всю область нашей идеологии, но и общество в целом. Теоретические конструкции чехословацких правых оппортунистов вовсе не были оригинальными. Чем больше они воспринимали буржуазную идеологию, чем больше копировали троцкизм, правый социал-демократизм, взгляды ревизионистов и ренегатов типа Э. Фишера и Р. Гароди, тем больше усилий они должны были прилагать, чтобы обмануть общественность, тем больше должны были они маскировать свои действительные намерения лозунгами о социализме со всякого рода прилагательными. Это лицемерие прикрывало ползучую контрреволюцию, которую они хотели легализовать в августе 1968 г. на сборище в Высочанах»[1].

Какие же выводы следует сделать из приведенных фактов?

Уроки кризисного развития в Чехословакии приводят нас, во-первых, к выводу о том, что в период построения социализма, когда от каждого представителя интеллигенции требуется высокая степень личной ответственности и идейной зрелости, партия не может допустить стихийного формирования политического сознания работников умственного труда только потому, что это образованные люди. Образование само по себе не является гарантией революционной сознательности и тем более революционной политической активности. Поэтому вся концепция подготовки и политического руководства интеллигенцией должна органически соединять высокий уровень профессиональной подготовки с марксистско-ленинским убеждением, с формированием способности ориентироваться с революционных позиций рабочего класса во всех вопросах общественной жизни.

Во-вторых, партия, раздираемая оппортунизмом и ревизионизмом, не сумела в тот период успешно решить проблемы общественного развития, не смогла преодолеть неправильные тенденции, которые усилились внутри некоторых групп интеллигенции и в отношении к ней;

---

[1] «Zpráva předsednictva ÚV KSČ», přednesená S. V. Bilakem 28.10.1972. Praha, 1972, s. 11.

партия часто относилась либерально к тем работникам, которые под прикрытием борьбы «за улучшение реального социализма» отрицали марксистско-ленинскую концепцию научного социализма, отвергали научную категорию «социально-экономической формации», поддерживали фикцию спекулятивной «модели социализма». В таких условиях коммунистическое ядро интеллигенции не укрепляло себя более глубоким знанием, творческим применением и разработкой марксизма-ленинизма в ходе борьбы против буржуазной идеологии, но постепенно утрачивало партийную принципиальность в науке, культуре, искусстве и политике.

Наш горький и дорого оплаченный опыт снова подтвердил общепризнанные в международном коммунистическом движении ленинские принципы подхода к интеллигенции, сочетающие право интеллигенции на творческие поиски научной истины или художественное отражение действительности с требованием строгого соблюдения принципа партийности в каждом творческом научном или художественном произведении.

Под давлением правого крыла в партии и антисоциалистических сил в обществе бывшее руководство партии и государства в период, предшествовавший кризису 1968—1969 гг., не поняло вовремя ориентации современного антикоммунизма на интеллигенцию в нашей стране, не раскрыло основных форм и методов его влияния и не обеспечило творческого развития марксизма-ленинизма и борьбы против буржуазной идеологии, поэтому не сумело воспрепятствовать реакционному развитию части интеллигенции. Интеллигенция сама по себе, без политического руководства марксистско-ленинской партии, не способна противостоять таким тенденциям.

Выход из кризиса партия видела и видит в последовательном применении ленинских принципов своей политики вообще и в отношении к интеллигенции особенно. Историческая заслуга нового руководства партии во главе с Генеральным секретарем ЦК КПЧ Г. Гусаком состоит в том, что с апреля 1969 г. партия делала все для объяснения и применения именно этих принципов как в период консолидации, так и на новом этапе после XIV съезда КПЧ — в период реализации решений, ведущих к построению всесторонне развитого социалисти-

ческого общества в Чехословакии. Мы имеем в виду прежде всего следующие принципы:

1) Социализм и коммунизм стали наукой, и к ним надо подходить как к науке.

С точки зрения практической политики это требует обеспечения внутреннего единства науки, научного познания и революционной политической практики. Нет таких препятствий на пути социалистического и коммунистического строительства, которые могли бы устоять перед союзом научного познания и революционной практики.

2) Без массового воспитания научно подготовленной интеллигенции нельзя построить социализм и тем более совершить переход к коммунизму.

В области практической политики необходимо, чтобы социалистическая интеллигенция верно служила господствующему рабочему классу, чтобы он был способен осуществить свою историческую миссию; далее, это требует всесторонней подготовки рабочего класса как класса господствующего, а не только как квалифицированной рабочей силы; и, наконец, это требует такого развития производственных сил, которое объективно сделает возможным преодоление существенных различий между физическим и умственным трудом.

3) Партия и социалистическое государство в стратегических и политических целях — укрепления власти рабочего класса и всестороннего развития коммунистической общественно-экономической формации — должны постепенно создавать оптимальные условия для жизни и труда интеллигенции.

Партия вовсе не намерена подлаживаться к группам и отдельным лицам из рядов интеллигенции, выделять из ее среды какую-то элиту. Она решительно ведет борьбу против антиреволюционного интеллектуального радикализма или же авантюризма маоистского толка. Она призывает всех работников умственного труда, которые сохранили честь и разум, — если они в прошлом даже и допустили ошибки, — своим творческим трудом на благо развития социализма доказать, что они сделали выводы из прошлого, что они хотели бы исправить свои ошибки. Партия требует, чтобы они сознательно служили господствующему рабочему классу, который во главе с Коммунистической партией Чехословакии

борется за процветание нашей социалистической родины.

Коммунистическая партия Чехословакии, проводя свою агитационную, политико-воспитательную работу среди интеллигенции, проявляя по отношению к ней всемерную заботу, добивается от нее активной поддержки и осуществления политики партии.

* * *

Содержанием деятельности Коммунистической партии Чехословакии на современном этапе является строительство развитого социалистического общества. Обобщая достижения реального социализма как в Чехословакии, так и в других социалистических странах, опираясь на опыт Советского Союза, построившего развитой социализм, XV съезд КПЧ определил пути решения этой задачи.

«Партия и народ, — говорил Генеральный секретарь ЦК КПЧ Г. Гусак на XV съезде КПЧ, — могут гордиться проделанной работой, в результате которой в нашей стране был установлен справедливый, демократический, прогрессивный, высокогуманный общественный строй, — строй, о котором мечтали и за который боролись поколения революционеров — борцов за счастливую жизнь нашего народа»[1].

Социализм — это общество реального гуманизма. Главной его ценностью является человек труда, строитель новых общественных отношений, носитель коммунистических идеалов. Все для блага человека, во имя человека — таков девиз социалистического общества, утверждающегося в странах, вставших на путь социализма. Поэтому политические решения и практические действия, направленные на укрепление социалистического общественного строя, несут на себе глубокую печать гуманизма, заботы о человеке, о его нуждах, правах и свободах.

Отстаивая позитивное содержание ленинского учения о политике и гуманизме, чехословацкие коммунисты

---

[1] «XV съезд Коммунистической партии Чехословакии». М., Политиздат, 1977, с. 22.

зарекомендовали себя лучшими наследниками гуманистических традиций, сложившихся на протяжении многовековой истории наших народов.

То, за что боролись поколения людей в прошлом, не пропало даром. Гуманизм гуситов, возвышенные чувства просветителей, пламенные речи первых марксистов-пропагандистов — все эти высшие проявления человеческих мыслей и чувств слились в единый поток, в программных установках и целях Коммунистической партии Чехословакии нашли четкую классовую и научную формулировку: все для народа, все для человека!

В свете научного понимания сущности реального социализма как этапа в развитии коммунистической формации, в свете практических результатов, достигнутых освободившимися от капитализма народами в строительстве новой жизни, выявляется вся примитивность лживых по своей сути концепций «социального гуманизма», масариковских рассуждений о человеке и демагогических обещаний «социализма с человеческим лицом», которые щедро раздавали «герои» событий 1968—1969 годов, а также недавних заявлений авторов пресловутой «Хартии-77».

Ложные идеи опасны тем, что, будучи разоблаченными, они могут возрождаться в новом виде, в новом обличье. Ведущаяся сейчас антикоммунистическая кампания в защиту «прав человека» содержит в себе многие элементы социальной демагогии, в том числе и милой сердцу открытых и затаившихся врагов социалистической Чехословакии масариковской, так называемой «гуманной демократии».

«Мы должны, — учил В. И. Ленин, — неустанно бороться против всякой буржуазной идеологии, в какие бы модные и блестящие мундиры она ни рядилась»[1]. Сегодня этот призыв звучит актуально.

Разработанная антикоммунистическими центрами империализма идеологическая диверсия под ходовым названием «еврокоммунизм» рассчитана на подрыв единства международного коммунистического движения, на противопоставление коммунистических и рабочих партий Западной Европы компартиям социалистических стран. В программных заявлениях идеологов «еврокоммунизма» улавливаются знакомые нам по борьбе с чехословацкими антисоциалистическими силами в 1968—

1969 годах мотивы — речь идет об особой «модели» социализма, отличной от социализма Советского Союза, об отказе от ведущей роли рабочего класса в борьбе за завоевание политической власти, об отрыве «марксизма» от «ленинизма» и о мирном идеологическом сосуществовании.

Однако, как бы ни искажали наши идейно-политические противники завоевания реального социализма, им не удается опровергнуть тот факт, что только социализм освобождает людей труда от гнета и эксплуатации, обеспечивает мир и подлинные права человека. На борьбу против изжившего свой век эксплуататорского строя поднимаются новые и новые народы. В интернациональном единстве всех прогрессивных сил во главе с коммунистическими и рабочими партиями достигается самая высокая гуманная цель в истории — победа коммунистического общества.

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, с. 269.

Послесловие

КТО И КАК ПОНИМАЕТ «ГУМАННУЮ ДЕМОКРАТИЮ»?

Современная эпоха характеризуется невиданным обострением идеологических битв, отражающих глубокие и коренные сдвиги в соотношении мировых сил в пользу социализма. Главное направление социального прогресса человечества — это развитие стран социализма, рост их мощи, усиление благотворного влияния проводимой ими международной политики.

Враги мира и прогресса стараются изменить соотношение сил, реализовать основную цель своей политической стратегии — подорвать позиции мирового социализма, ослабить влияние международного коммунистического движения. Для осуществления этой цели широко используются методы грубой клеветы, дезинформации, фальсификации действительности. В ходу сейчас также и утонченные приемы обмана масс, подделка под их настроения, манипулирование лозунгами «свободы», «демократии», «прав человека». Такие приемы не новы. В. И. Ленин в свое время приводил слова Ф. Энгельса о том, что, например, лозунг «чистой демократии» становится якорем спасения отживающего свой век общественного строя. «Вся реакция целиком, — говорил В. И. Ленин, — не только буржуазная, но и феодальная, группируется вокруг «чистой демократии»»[1].

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 44, с. 52.

В книге чехословацкого автора Яромира Обзины «Ленинское понятие политики и критика «гуманной демократии»» на широком историческом материале раскрывается органическая связь между политическими целями буржуазии и ее обманными лозунгами «гуманизма» и «чистой демократии».

В теоретическом плане автором исследуются стержневые линии классовой борьбы — политические и идеологические процессы, выражающие в конечном счете закономерности развития материальных основ общественной жизни. Политика есть концентрированное выражение экономики — эти ленинские мысли четко прослеживаются в книге. Рассматривая сущность политики как социального явления, автор исследует механизм ее формирования и реализации на практике, в ходе классовой борьбы.

В. И. Ленин подчеркивал, что теория классовой борьбы является краеугольным камнем политики марксизма[1]. Эта идея, то есть понимание того, что в политике выражаются коренные классовые интересы и что через политическую деятельность они претворяются в жизнь, красной нитью проходит через книгу Я. Обзины.

В противоположность марксистско-ленинскому пониманию политики как выражения классовых интересов буржуазные идеологи и «теоретики» выдвигают на первый план спекулятивно-гуманистическое ее толкование. Политика, с их точки зрения, зависит от субъективных побуждений тех или иных деятелей. Классовый подход к политике подменяется другими критериями, в основу которых кладутся мнимое человеколюбие, абстрактные «свободы», фальсифицированные «права человека». Подход к политике определяется, по такому толкованию, тем, кто ее разрабатывает и направляет. Игнорируется роль народных масс и их воздействие на политику. Последняя сводится к деяниям отдельных личностей. В стороне оставляется классовое содержание политики.

В книге Я. Обзины подвергаются критическому анализу такого рода фальсификации. Особое внимание уделяет автор рассмотрению того, как под прикрытием «гуманизма» и «демократии» стремилась реализовать свои классовые политические цели чехословацкая бур-

---

[1] См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 23, с. 443.

жуазия, возведя в ранг «великих гуманистов» своих идеологов и политических деятелей — Т. Г. Масарика и Э. Бенеша. Такой исторический экскурс обоснован, ибо, как это убедительно показывает автор, идеи Масарика и Бенеша целиком и полностью были взяты на вооружение антисоциалистическими силами Чехословакии в ходе событий 1968—1969 годов.

Советским читателям известны имена как Масарика, так и Бенеша. Главы книги Я. Обзины раскрывают образ Масарика как распространителя еще в конце XIX века позитивистской, идеалистической, враждебной марксизму философии, представлявшей собой эклектическую смесь различного рода утопических упований на «совершенное» государственное устройство.

Революционный подъем, приведший в 1918 г. к развалу Австро-Венгрии, вынес на поверхность политической жизни Чехословакии группировку Масарика. Он стал первым президентом буржуазной Чехословацкой республики. Масарику создавали «ореол» демократа, поборника ««свободы» человека», его прав и достоинств, «бескорыстного гуманиста»; но, как заметил выдающийся чехословацкий ученый, академик Зденек Неедлы, Масарик воспринял гуманизм не как принцип революционный, а как принцип контрреволюционный.

«Гуманизм», «демократия», приписываемые буржуазной пропагандой Масарику, и действительная социальная политика Масарика — это вещи несопоставимые. Классовая политика, направленная на утверждение господства чешского капитала, на обеспечение условий наибольшего благоприятствования международному капиталу, — все это исключало гуманизм по отношению к собственному народу, являвшемуся объектом эксплуатации. Там, где дело касалось классовых прибылей, отпадала показная демократия и «забота» о народе.

От гуманизма Масарика ничего не остается при рассмотрении его национальной политики. Как известно, во время Австро-Венгерской империи народы, населявшие чешские и словацкие земли, угнетались господствовавшими в этой империи правящими кругами. Однако, когда Чехословакия обрела государственную самостоятельность, господствующей нацией стала чешская нация, а ее буржуазия рассматривала в качестве объекта эксплуатации не только свой собственный народ, но также

словацкий, равно как и национальные меньшинства, населявшие эту страну. Эту национальную политику возглавлял и освящал Масарик как президент этой страны. Он вообще не признавал самобытности словацкой нации, отвергал ее права на самостоятельность.

Особую враждебность проявил Масарик по отношению к Советской власти, Коммунистической партии и ее вождю — В. И. Ленину. Масарик поддерживал и инспирировал контрреволюционные заговоры против Советской власти, равно как и подготовку покушения на жизнь В. И. Ленина.

Я. Обзина подробно освещает, как идеи Масарика распространялись одной из ведущих партий буржуазной Чехословакии — национально-социалистической партией. Программные цели этой партии разрабатывались с участием последователя Масарика Э. Бенеша, сменившего Масарика на посту президента (Бенеш был им до 1948 года, включая также и пребывание в эмиграции в Лондоне во время оккупации Чехословакии гитлеровцами с 1939 по 1945 год). В книге подробно рассматривается социально-политическая платформа партии бенешевцев, ее антигуманистический характер. Лидеры этой партии, вдохновляемые Бенешем, были наиболее активными организаторами контрреволюционного путча в феврале 1948 года. И вместе с другими идейно-политическими течениями чехословацкой контрреволюции они потерпели тогда поражение. Февральская победа расчистила путь для социалистического развития Чехословакии, обеспечила новый подъем политической активности масс, объединила все прогрессивные силы страны в рамках Национального фронта во главе с коммунистической партией для решения задач строительства социализма.

Победа Февраля — это реальное воплощение гуманизма на деле. Четкая линия коммунистической партии, последовательное ее воплощение в жизнь, реальные достижения социализма — все это явилось подтверждением того, что в социалистическом гуманизме гармонически сочетаются как классовые интересы, так и общенародные интересы в целом.

В своем анализе гуманистического аспекта развития социализма автор не обходит отдельных сложных моментов и трудностей в реализации этого принципа. На

основе исторического опыта становления социализма в Чехословакии он показывает, что гуманизм воплощается в жизни в конкретных условиях острой борьбы против сил и традиций старого общества.

Много внимания уделяется в книге выяснению вопроса о том, почему антисоциалистическим силам в ходе событий 1968—1969 годов удалось развернуть борьбу против реального социализма, против подлинной демократии и гуманизации всех общественных отношений под знаменем... «гуманизма», под фальшивым лозунгом «социализма с человеческим лицом».

Программа «социализма с человеческим лицом», использованная чехословацкой контрреволюцией, разрабатывалась в сложной обстановке, когда партии предстояло преодолеть последствия нарушений законности, отступления от ленинских норм партийной и общественной жизни. Спекуляция на трудностях, раздувание отдельных недостатков, дискредитация политики в целом — все это использовалось антисоциалистическими силами для того, чтобы показать, что якобы завоеванный социализм есть отступление от демократии и гуманизма. В борьбе против социалистических завоеваний были использованы лозунги Масарика о «чистой нравственной и общественной человечности» как основе гуманного строя. На деле эта «чистая человечность» прикрывала грязные расчеты на реставрацию капиталистических общественных отношений в стране, ликвидацию коммунистической партии — боевого, испытанного авангарда трудящихся, на интеграцию Чехословакии в капиталистическую систему Запада, на укрепление позиций НАТО.

Оказанная Советским Союзом и братскими социалистическими странами помощь чехословацкому народу была «необходимым и единственно правильным решением»[1]. Гуманный аспект интернациональной помощи проявился не только в том, что была непосредственно предотвращена угроза жизни и благополучию многих тысяч людей со стороны действий контрреволюционных сил, но и в том, что она способствовала консолидации общественной жизни в Чехословакии, гарантиро-

---

[1] «Уроки кризисного развития в Компартии и обществе после XIII съезда КПЧ». М., 1971, с. 37.

вала незыблемость социалистических завоеваний, способствовала стабилизации положения в Центральной Европе, ликвидации напряженных ситуаций, способных вызвать военные конфликты.

В книге Я. Обзины наглядно и убедительно показано, как политика и гуманизм слились воедино в ходе преодоления последствий кризиса в Чехословакии, в ходе успешного социалистического развития после XIV и XV съездов КПЧ. В этот период, как подчеркивал Г. Гусак, успешно реализовалась «программа укрепления социалистического строя, власти трудящихся во главе с рабочим классом, программа упрочения руководящей роли коммунистической партии, ее марксистско-ленинского единства и сплоченности с народом. Это была программа укрепления социалистических основ нашего общества, производственных и общественных отношений, развития и модернизации материально-технической базы, повышения эффективности всего народного хозяйства как главных источников роста материального и культурного уровня жизни народа и укрепления его уверенности в завтрашнем дне. Это была программа дальнейшего развития социалистической демократии, роста образованности, развития науки, культуры и формирования человека социалистического общества»[1].

В реализации гуманистических принципов отношений между людьми, в расширении демократии социализм не просто воспользовался историческим опытом прошлого. Идеи гуманизма, не нашедшие выхода в политическую практику капиталистического общества, впервые нашли свое широкое приложение в условиях социализма, который соединяет теорию и практику гуманизма, делает его составным элементом партийных программ и политики коммунистических и рабочих партий в целом.

Марксистско-ленинский социалистический гуманизм становится качественно новой, высшей ступенью в развитии идей гуманизма. Он реализуется на основе научности, конкретно-исторического подхода к явлениям общественной жизни, выходит из сферы абстрактных умозаключений и превращается в реальную практику,

---

[1] «XV съезд Коммунистической партии Чехословакии». М., Политиздат, 1977, с. 12.

в жизнь, в смысл человеческого существования, вооружает борцов за коммунизм неиссякаемым оптимизмом.

Социалистический гуманизм неразрывно связывает личность с коллективом, обществом, ибо только через общественные отношения и общество в целом может быть осуществлено свободное, всестороннее развитие индивида.

Политика и гуманизм, как это показано в книге Я. Обзины, являются объектом острой идеологической борьбы. В настоящее время все пропагандистские силы империализма объединились для того, чтобы придать этой борьбе односторонний характер, сконцентрировав внимание на так называемых «правах человека». Выдвигая во главу угла проблему «прав человека», антикоммунистические и антисоветские центры совершили маневр с целью отвлечь мировую общественность от грубого нарушения прав человека в условиях капиталистического общества. В опубликованном Коммунистической партией США «Положении в области прав человека в США» говорится о том, что «кампания «в защиту прав человека» — всего лишь одна уловка, направленная против социалистических стран, еще одна хитрость империалистической политики, проводимой Соединенными Штатами вот уже почти 60 лет с целью дискредитации социализма, и прежде всего Советского Союза. Эта кампания — новый снаряд в арсенале идеологического оружия Вашингтона»[1].

Только наивный человек, говорится далее в этом документе, может поверить в то, что это чистая случайность или действие одного президента. В этом отношении Картер вовсе не оригинален. В книге «Новое индустриальное общество» американский общественный и политический деятель Джон Гэлбрейт писал: «В сфере международных отношений... высокопоставленные деятели (США) все больше старались поучать другие правительства, чем свое собственное». Особенно, пишет далее Гэлбрейт, в этом отношении усердствовал Джон Фостер Даллес, который «редко упускал возможность обратить внимание русских на достоинство свободы, не-

---

[1] «Положение в области прав человека в США». Публикация Коммунистической партии США. М., Политиздат, 1978, с. 16—17.

обходимость соблюдения законности и на святость свободы слова»[1].

В книге Я. Обзины упоминается еще одна отвлекающая акция под кодовым названием «Хартия-77», организованная группкой чехословацких отщепенцев под эгидой антикоммунистических центров на Западе. Эта акция, которая по идее должна была возродить в сознании чехословацких людей призывы антисоциалистических сил 1968—1969 годов, позорно провалилась. Отпор этой акции еще раз продемонстрировал сплоченность чехословацких людей вокруг коммунистической партии и ее политики.

Идеологические диверсии, связанные с кампанией «прав человека», были подготовлены и развернуты непосредственно в связи с 60-летием Великой Октябрьской социалистической революции и принятием новой Конституции СССР. Но как это бывает в ходе идеологической борьбы, эти враждебные кампании не только не принизили, но, наоборот, усилили значимость тех исторических событий, которые переживала в это время не только наша страна, но и все прогрессивное человечество. «Величайшим завоеванием Октября, — говорил Л. И. Брежнев, — стало утверждение принципов социального равенства и справедливости. Мы с полным правом говорим: ни одно общество, когда-либо существовавшее на земле, не сделало и не могло сделать для народных масс, для трудящихся столько, сколько сделал социализм!»[2]

В Конституции СССР записано, что советские граждане обладают всей полнотой социально-экономических, политических и личных прав и свобод, провозглашенных в Конституции СССР и гарантируемых советскими законами. Прежде всего, подчеркивается в Конституции, граждане СССР имеют право на труд, то есть на получение гарантированной работы с оплатой труда в соответствии с его количеством и качеством и не ниже установленного государством минимального размера. Характерно, что указание на минимальный размер зар-

---

[1] Д. Гэлбрейт. Новое индустриальное общество. М., «Прогресс», 1969, с. 392.

[2] Л. И. Брежнев. Великий Октябрь и прогресс человечества. М., Политиздат, 1977, с. 8.

платы сделано в период всенародного обсуждения Конституции и включено в окончательный текст после ее принятия. Да и не только это добавление, но и многие другие поправки к отдельным статьям Конституции СССР, родившиеся в ходе ее обсуждения, свидетельствуют о высокой политической активности советских людей, о подлинном демократизме и гуманизме социалистического общественного строя. Это блестящий результат победы социализма — новый человек, который не отделяет себя от государства, а, наоборот, считает интересы государства, интересы всего общества своим кровным делом. Как не вспомнить слова Л. И. Брежнева: «Весь советский народ стал подлинным творцом Основного Закона своего государства»[1].

В Конституции гарантируются права советских людей на отдых, на охрану здоровья, на право материального обеспечения по старости, в случае болезни, полной или частичной утраты трудоспособности, а также потери кормильца.

Новым в советской Конституции является право на жилище. Это — социальное право, которое является объектом острой классовой борьбы в условиях капиталистического мира. В советской Конституции записано, что это право обеспечивается развитием и охраной государственного и общественного жилищного фонда, содействием кооперативному и индивидуальному жилищному строительству, справедливым распределением жилой площади под общественным контролем.

Мы знаем, что в капиталистических странах миллионы людей живут в трущобах, лишенных всяких бытовых и санитарных удобств. Причем это имеет место в крупнейших капиталистических странах, в США, Англии, Франции и других, накопивших за счет эксплуатации трудящихся несметные богатства. Принятие в Конституции статьи о жилищном праве имеет поэтому не только гуманное значение, но также и большое политическое значение на современном этапе идеологической борьбы.

Важное значение имеют конституционные права на образование, на пользование достижениями культуры,

---

[1] Л. И. Брежнев. О Конституции СССР. М., Политиздат, 1977, с. 33.

на свободу научного, технического и художественного творчества. Гарантируются законом и гражданские права советских людей, а именно право на управление государственными, общественными делами, право вносить в государственные органы и общественные организации предложения об улучшении их деятельности, критиковать недостатки в работе. Гражданам СССР гарантируется свобода слова, печати, собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций. Законом гарантируется также и свобода совести, то есть право исповедовать любую религию или же вести атеистическую пропаганду.

Советская Конституция гарантирует личные свободы граждан, возлагает на закон охрану неприкосновенности личности, неприкосновенности жилья, тайну переписки, прав и свобод граждан. При этом все эти права, которые охраняются законом, представляют собой действительное завоевание социалистического общества.

В ходе обсуждения Конституции СССР буржуазная пресса высказывала свое недовольство тем, что наряду с перечнем прав советская Конституция зафиксировала также и обязанности граждан. Сама по себе постановка вопроса об обязанностях, зафиксированных в социалистической Конституции, выдает с головой буржуазных идеологов и пропагандистов. В буржуазном обществе гражданам предъявляются требования выполнять определенные обязанности, но их выполнение подкрепляется главным образом действием карательных органов, насилием. Что же касается обязанностей в социалистическом обществе, то весь дух Конституции и все ее толкования направлены на то, чтобы выполнение обязанностей было свободным, основанным на высокой сознательности всех членов общества. Эта коренная принципиальная разница между обязанностями в условиях капитализма и в условиях социализма побуждает наших врагов направлять острие своей критики против этого важного положения советской Конституции.

Подчеркивание необходимости соблюдать обязанности имеет важное и принципиальное значение. И в условиях социалистического общества еще имеют место отдельные несознательные элементы, которые своими взглядами и своими действиями противопоставляют себя всему обществу. Этих элементов не так уж много.

В докладе на торжественном собрании в Москве, посвященном 100-летию со дня рождения Ф. Э. Дзержинского, член Политбюро ЦК КПСС, председатель Комитета государственной безопасности Совета Министров СССР тов. Ю. В. Андропов говорил: «Советские законы предоставляют самые широкие политические свободы каждому гражданину, ибо это отвечает демократическому характеру социалистического общества. Вместе с тем они ограждают наш советский строй от попыток отдельных людей использовать эти свободы во вред обществу, во вред правам других граждан. Это и демократично, и справедливо, ибо то, что служит упрочению нового общества, отвечает и коренным интересам каждого честного советского человека»[1].

Идейно-политические противники присваивают буржуазному обществу монопольное право на владение такими ценностями, как «свобода», «демократия». Но что дают простому человеку буржуазного общества эти спекулятивные, фальсифицированные понятия? Только при социализме человек является обладателем всех без исключения ценностей — как материальных, так и духовных. Еще Маркс писал: «Чем иным являются богатства, как не абсолютным выявлением творческих дарований человека, без каких-либо других предпосылок, кроме предшествовавшего исторического развития, делающего самоцелью эту целостность развития, т. е. развития всех человеческих сил как таковых, безотносительно к какому бы то ни было *заранее установленному масштабу*. Человек здесь не воспроизводит себя в какой-либо одной только определенности, а производит себя во всей своей целостности, он не стремится оставаться чем-то окончательно установившимся, а находится в абсолютном движении становления»[2].

Другое понимание соотношения между человеком и совокупностью всех общественных ценностей ведет к индивидуализму и субъективизму, ограничивает свободу человека и в конечном итоге является антигуманным. Это особенно относится к понятию «свобода», вокруг которого развертывается острая идеологическая борьба.

---

[1] Ю. В. Андропов. Коммунистическая убежденность — великая сила строителей нового мира. М., Политиздат, 1977, с. 17.
[2] К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 46, ч. I, с. 476.

«Свобода, — писал В. И. Ленин, — нечего говорить, для всякой революции, социалистической ли или демократической, это есть лозунг, который очень и очень существен. А наша программа заявляет: «свобода, если она противоречит освобождению труда от гнета капитала, есть обман»»[1].

В книге Я. Обзины выражена четкая ориентация в вопросах политики и гуманизма. Книга помогает определить тот водораздел, который отграничивает подлинно научное познание процессов общественного развития от их буржуазных фальсификаций, она проникнута безграничной уверенностью во всепобеждающую силу магистрального направления социализма — общества подлинной свободы, реального гуманизма.

Г. Карпов,
А. Серцова

---

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 38, с. 346.

СОДЕРЖАНИЕ

ЯРОМИР ОБЗИНА

Ленинское понятие политики и критика «гуманной демократии»

ИБ № 3439

Редактор | *О. И. Попов* |

Художественный редактор *А. Д. Суима*

Технические редакторы *В. Д. Крылова, В. А. Юрченко*

Корректор *Г. Н. Иванова*

Сдано в набор 10.01.1978 г. Подписано в печать 24.08.1978 г. Формат бумаги 84×108[1]/[32]. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Условн. печ. л. 19,32. Уч.-изд. л. 19,86. Тираж 8000 экз. Заказ № 7. Цена 90 коп. Изд. № 25771.

Издательство «Прогресс» Государственного комитета по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, 119021, Зубовский бульвар, 17.

Московская типография № 11 Союзполиграфпрома при Государственном комитете по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, 113105, Нагатинская ул., д. 1

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА

КРИТИКА БУРЖУАЗНОЙ ИДЕОЛОГИИ И РЕВИЗИОНИЗМА